

26.89(2)вс

Б 79

большое Городище

ЛИТЕРАТУРНО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

2014 ● №1 (34)

Одна букашка душит другую, червяк точит червяка, весело чирикающая птичка одинаково весело ест и букашку, и червяка, делаясь в свою очередь добычей кошки или ястреба. В этом концерте пожирания друг друга творится тайна жизни...

Д.Н. Мамин-Сибиряк.
«В худых душах...»

«Лукич» *издается с июня 1998 г.*
Приостановлен в декабре 2003 г.
Всего увидело свет 27 частей.
В 2008 и 2009 гг. вышло четыре номера
стенгазеты «Лук & Чок».
«Лукич вернулся» в 2010 г.
с порядковым номером 32.
Часть 33 датирована апрелем 2011 г.
Нумерация издания общая.

Слово редактора

Нормативный документ фиксирует два значения слова «городище». Во-первых, это этаким разросшийся город. Громадный-громадный. Настолько громадный, что его хочется обозначить как большое городище. Во-вторых, так мы называем место, сохранившее следы древнего укрепленного поселения. У топонима, артикулирующего район нынешнего ипподрома, появляется метафорический двойник. Перед ним вовсе не стоит задача объединить краеведов, литераторов, людей искусства, библиофилов города в одном месте. Культурный ландшафт провинции, растянувшийся во времени и пространстве, гораздо шире. И сильно тяготеет к раздробленности, тянущейся к различным столичным или периферийным центрам.

Во все времена люди писали друг другу письма, обмениваясь новостями, в т.ч. и личного характера (т.е., как говорят в народе, сплетничали). В XIX в., когда в Сибири практически отсутствовала периодика, эти послания, по меткому выражению путешественника и этнографа Г.Н. Потанина, заменяли им журнал.

Сегодня ситуация несколько иная. Виртуальность коммуникации, создающая иллюзию общения, привела к обезличиванию человека, способствовала появлению массы существ, функции которых определяют чаще всего управленческие структуры.

Вспомните о рекламе возможности записаться на прием к врачу чуть ли не на каждом перекрестке. А в итоге вы узнаете, что на ближайшие 45 дней повезло другим пациентам. Но если вам все-таки улыбнется удача, к тому же в этом году, то у лекаря хватит отведенного ему времени ровно настолько, чтобы заполнить документы страховой компании, которая оплатит его труд. Конституционная гарантия на охрану твоего здоровья вроде бы выполнена, но из технологической цепочки выпал человек, остро нуждающийся в медицинской помощи.

Или. Если вы своевременно заплатите налог, это вовсе не значит, что отныне можете спать спокойно. Из Ивановых, Петровых, Сидо-

ровых мы все давно превратились в безликую массу ИННщиков, которых в инспекции узнают лишь по номеру. Борьба с коррупцией сузила число ее участников, но привела к потере человека... А компьютерным программам привит особый вкус к двенадцатизначным существам, явно соответствующий квалификации тех, кто озадачивал машину на решение задач, вытекающих из Налогового кодекса. В конечном итоге это может грозить нам превращением почти в кафкианское животное, именуемое сегодня в быту «сутягой», пытающегося доказать всем на свете, что имеет право на сон...

Этот ряд можно продолжать до бесконечности.

Эпоха автоответчика. Непонятно с кем говоришь, курсируя в лабиринте личных кабинетов, забывая от них пароли и теряя при этом себя... «А в ответ... тишина...» Как и предвидел классик бардовской песни: твой голос в безмолвии. Бюрократ научился не отбрасывать даже тень, потому что последняя давно уплыла в богему, на подмостки театра в пьесе Е. Шварца...

Для меня «Большое городище» — это психотерапевтическая форма ухода от того напряженного ритма жизни, в которой все отвечающие по должности за ее социальную организацию, никак не находят на это времени. Даже на работе...

Несмотря на брендовость «Лукича», издатель решил изменить название. Вспоминаю отчет одного из университетских доцентов, который пытался указать издание со своей публикацией. Краткая форма никак не устраивала автора. Название журнала соотносилось с именем человека, как многим казалось, неблагоприятного в социальном отношении. И это, очевидно, могло скомпрометировать преподавателя вуза. Поэтому в соответствующей графе доцент отсылал к «Литературной учебе, краеведению...» и т.д.

Но был и другой случай. Издательство «СофтДизайн», финансировавшее жизнь «Лукича», присуждало ежегодно премию им. Н.М. Чукмалдина. Было решено вручить по тысяче долларов лауреатам на церемонии открытия «Словцовских чтений». Авторессы, присутствовавшие в зале, не решились выйти на сцену за заветными конвертами... Частный бизнес в издательской сфере, увы, не сильно приветствуется до сих пор... Но тогда для меня поступок двух женщин был сильнейшим ударом. Этаким предательством... Тайком от коллег по кафедре (бывший в то время ее руководитель всячески притеснял авторов «Лукича») премию в кассе издательства они все-таки получили, но чтобы публично признаться в своем сотрудничестве с бизнесом, за спиной которого не обозначена доля государства

или лучших его представителей (наверное, здесь должна пойти речь о бюрократах, но не будем затрагивать щекотливую тему), для этого, оказывается, нужна особая смелость... Ибо выход на сцену лауреатов мог выглядеть и как поддержка последних дебютировавшему журналу.

Но не только рассказанные истории были в пользу переименования журнала. Посоветовавшись с несколькими авторами номера, который ты держишь в руках, читатель, издатель прислушался к их мнению.

Более того, в моей журналистской биографии «Большое городище» уже было. Но подготовленный к печати номер вернулся к читателю «Лукичом» (см.: 2010. № 32). И когда на мое сообщение о выходе в свет «БГ» я слышу, что журнал-то давно уже умер, не теряюсь. Просто мои собеседники никогда не знали, что случилось с ильфо-петровским Остапом Бендером после первого тома книги...

А потом, не бросать же такое роскошное название — «Большое городище», которое было придумано моей старой подругой, почти сокурницей, краеведом Ольгой Трофимовой (не путать с театральным художником) четыре года назад. Я был тогда уверен, что кораблю с таким именем «плыть и плыть, сквозь годы мчась». Под его знаменем собралось тогда более десяти имен... Но посудина неожиданно дала течь.

Иногда мне кажется, что то был сознательный разгон основной массы краеведов. Никто из горожан от этого ничего не терял. Разве что сами краеведы. Но с их уходом в издания других регионов оголился простор для родиноведов, более тесно работавших с властными структурами, имевшими и дававшими под это дело деньги. Смерть «Большого Г.» (не путать с «Большим городищем») ликвидировала конкуренцию среди энтузиастов на почве изучения родного края.

Самостоятельность краеведов никому не была нужна... Откуда такой параноический страх у провластного окружения?

А может, мои подозрения из той же области?

Не знаю. Но номер нового журнала наконец выходит. Практически с теми же авторами, что и «Лукич». Как и прежде, небольшим тиражом. Этакий клубный журнал.

Читатель! Напиши себе письмо...

A handwritten signature in black ink, consisting of stylized, cursive letters, followed by a horizontal line.

*Памяти краеведа
Николая Леонидовича Конькова
посвящается*

большое Городище №1 (34)

*Редактор-
издатель*

Ю. Мандрика

*Адрес редакции
(для переписки):*

625003, г. Тюмень,
ул. Республики, д. 10/2.
Тел. +7(922) 48-369-48
E-mail: lukitsch_mandr@mail.ru

Подписано в печать 14.08.2014.

Формат 60x84/16.

Гарнитура «PeterburgC».

Офсетная печать.

Бумага офсетная №1.

Усл.-печ. 16,33+0,93 ил.

Уч.-изд. 13,01+ 0,88 ил.

Тираж 50.

Отпечатано на полиграфкомбинате
«Зауралье»
640022, г. Курган, ул. Карла Маркса,
д. 106. Тел.: 8-352-2-65-55-09.

Николай Леонидович Коньков

Николай Леонидович (13 мая 1941 г. — 18 ноября 2012 г.) родился в д. Петряево Вологодской области. В 1963 г. закончил историко-филологический факультет Вологодского государственного педагогического института. После его окончания работал в школе. В это время начал активно заниматься краеведением, принимал участие в археологической и этнографической экспедициях.

С 1968 по 1974 г. Н.Л. Коньков — старший научный сотрудник Архангельского областного краеведческого музея, с 1975 по 1980 г. — редактор Северо-Западного книжного издательства (г. Архангельск).

Н.Л. Коньков окончил аспирантуру при одной из кафедр исторического факультета МГУ. Его научным руководителем был специалист по истории российского крестьянства XVIII в. профессор М.Т. Белявский.

Диссертация «Черносошное крестьянство Беломорского Севера в XVIII в. (по материалам Холмогорского уезда)» была рассмотрена в апреле 1980 г. Николаю Леонидовичу была присвоена учёная степень кандидата исторических наук.

В течение 30 лет, с 1980 по 2010 г., Николай Леонидович преподавал на историческом факультете Тобольского государственного педагогического института им. Д.И. Менделеева (ныне социально-педагогическая академия).

Автор нескольких книг и множества краеведческих статей. Им найдены и опубликованы впервые 14 ранних автографов М.В. Ломоносова. Подготовленные Н.Л. Коньковым данные 2-й ревизской сказки по Куростровской волости разрушили версию о «бегстве» М.В. Ломоносова.

В круг научных интересов покойного входила Северная война, описанная в книге Ю. Германа «Россия молодая», проблемы метрологии Европейского Севера и Сибири и, конечно, краеведение.

Николай Коньков

У истоков сибирского документального кино

Иосиф Савельевич (Иосель Шевелевич) Шустер

22 июня 1879 г. Главное управление Западной Сибири предписало тобольскому губернатору организовать обязательное фотографирование ссыльных: «...Вашему превосходительству известно, что с некоторого времени принято за правило снимать фотографические карточки с тех ссыльных, которые высылаются в Западную Сибирь под надзор полиции. Мера эта признана необходимою в тех видах, чтобы в случае побега облегчить розыски и поимку сих лиц. Имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство неупустительно исполнять настоящее правило в отношении всех поднадзорных этой категории, назначаемых в Тобольскую губернию. Фотографические карточки с них, по дюжине с каждого лица, следует снимать по прибытии их в Тюмень до отправления в места назначения»¹.

В числе первых фотографов был Иосиф Савельевич (Иосель Шевелевич) Шустер, впоследствии создатель документального кино в Тобольском крае.

Родился Иосиф Савельевич в городе Тобольске. По данным Первой всеобщей переписи, — в 1868 г. (эта дата подтверждается документом «Сведения о евреях, проживающих в городе Тюмени к 1-му ноября 1909 года»). Возраст Иоселя Шевелева Шустера в нем указывался — 41 год². Его отец Шевель Молосович, отставной рядовой, названный в документе «николаевским солдатом», умер в 1876 г.³ Вдова осталась с тремя сыновьями и дочерью Леей. Дети испытывали нужду, образование получили домашнее. Симон (родился в 1870 г.) «...в 1891 году принят в военную службу». Тяготы солдатской службы испытал и Иосель Шевелевич Шустер, он был рядовым Тобольского резервного батальона⁴.

¹ ГБУТО ГА в Тобольске (далее — ГАТоб.). Ф. 152. Оп. 1. Д. 147. Л. 181.

² ГАТоб. Ф. 417. Оп. 2. Д. 24. Л. 32; Ф. 152. Оп. 36. Д. 312. Л. 42 об.

³ Там же. Ф. 331. Оп. 9. Д. 93. Л. 4.

⁴ Там же. Ф. 152. Оп. 35. Д. 579. Л. 14.

Трудно сказать, кто был его учителем фотографическому искусству. Возможно, жена была дочерью тобольского мещанина Пейсаха Левина — Асна: «...в Тобольске со- держит парикмахерское заведение и фо-

тографию некто А. Шустер, жена рядового Тобольского баталиона, под фирмою Шустер, но обряд венчания не был оформлен и потому нельзя именоваться такой фирмой А. Шустер, она Левина...»⁵.

С 1895 г. Иосель Шевелев (Иосиф Савельевич) Шустер был принят в качестве фотографа тюремного ведомства. «С половины 1895 г. Шустер снимает фотографические карточки с арестантов по требованиям начальства, каковых карточек в течение последних четырех лет было снято более 200 штук».

В 1897 г. им было снято фотографических карточек с 73 арестантов. С 1895 по 1903 г. он изготовил бесплатно 58 фотографических карточек (из них 13 кабинетных и 45 визитных), а всего с 1900 по 1903 г. с арестантов Тобольского исправительного отделения — около 150 экземпляров⁶. За фотографирование И.С. Шустером арестантов тюремного отделения между 20 ноября 1895 и 1 января 1898 г. оплата не производилась. И.С. Шустер признавал: «Я уже три года безвозмездно снимаю карточки арестантов»⁷.

В мае 1899 г. И.С. Шустеру была пожалована серебряная нагрудная медаль на Станиславской ленте за благотворительную и общепользную деятельность по тюремному ведомству, а в 1903 г. — серебряная нагрудная медаль на Аннинской ленте⁸.

В документе «Сведения о евреях, проживающих в городе Тюмени к 1-му ноября 1909 года» о Иоселе Шевелеве Шустере засвидетельствованы время и основание [причины] поселения: «...с 1897 г.

⁵ ГАТоб. Ф. 152. Оп. 35. Д. 579. Л. 2–2 об.

⁶ Там же. Ф. 331. Оп. 9. Д. 93. Л. 5, 16, 24–25.

⁷ Там же. Л. 1, 6.

⁸ Там же. Л. 26, 28.

как сын николаевского солдата (отбывш. службу по рекрут. уст.). По бессрочной паспортной книжке, выданной из тюменской полиции 21.V. 1908 г. № 347. Поселился в доме П.П. Воробейчиковой по Царской улице»⁹. В 1913 г. ему было дано разрешение на открытие в доме П.П. Воробейчиковой электротeatра «Гигант»¹⁰:

АКТЪ

1911 года декабря 10 дня. Пристав I части г. Тюмени с инженером Ф.К. Кюнцелем, городским архитектором К.П. Чакиным и членом городской управы Д.Т. Горбуновым осматривали синаматограф, принадлежащий Иосифу Савельевичу Шустеру, находящийся в верхнем этаже дома Павлы Петровны Воробейчиковой на Царской улице, причем по осмотру нашли: зрительный зал занимает площадь 9–3,62 саж., рассчитан на 230 мест, из него три выхода в коридор, ширина коего 0,99 саж., а дверей — 0,70 саж., из коридора два выхода: первый главный на Царскую улицу, ширина лестницы этого выхода и двери 0,81 саж., и второй запасный — ширина лестницы 0,70 саж. и двери 0,63 саж., лестницы: у первого бетонная, а у второго деревянная; аппаратная будка от зрительного зала отделяется бетонной стеной, толщина которой 5 верш., от коридора — деревянной заштукатуренной переборкой, пол в будке бетонный, дверь обита железом, но не имеет автоматического прибора; печей в синаматографе три, устроены надлежаще.

На основании изложенного и предъявленной копии с акта г. тобольского губернского инженера от 27 сентября 1911 года за № 156, из которой усматривается, что помещение это уже осматривалось и найдено вполне пригодным для указанной цели, при условии мелочных переделок, находим, что препятствий к открытию помещения для сеансов не встречается. Подлинное подписали: пристав Полочанский, городской архитектор К. Чакин, инженер путей сообщения Ф. Кюнцель, член городской управы Д. Горбунов¹¹.

Настоящий успех И.С. Шустеру принесла документальная лента о проводах Григория Распутина из Тюмени (несомненно, в силу

⁹ ГАТоб. Ф. 152. Оп. 36. Д. 312. Л. 42 об.–43. Состав семьи Шустера к 1-му ноября 1909 г.: жена Анастасия, 36 лет; дети: Борис — 11 лет, Петр — 9, Вера — 16, Сара — 12 лет, Пенсах — 6, Пая — 14, Тамара — 8 лет.

¹⁰ Там же. Ф. 353. Оп. 1. Д. 863. Л. 12–12 об.

¹¹ Там же. Л. 17.

интереса общественности к личности покровского «старца»). Это вполне естественно — кино начиналось не как искусство, а как выгодное вложение денег. Весной 1914 г. сорокалетний «старец» Григорий Ефимович Распутин отдыхал на родине в селе Покровском Тюменского

уезда. Здесь у него был дом, где жили жена, сын и дочь.

«В Покровском у Распутина, — информировал корреспондент “Сибирской торговой газеты” (далее — СибТГ), — небольшой двухэтажный дом. Внизу живут домашние. Две комнаты верхнего этажа занимает он сам. В первой комнате стоит кровать, огороженная ширмой. Другая — приемная, обставленная простой венской мебелью. Много цветов. Обстановка самая скромная.

Супруга Распутина — небольшого роста старушка, Прасковья Федоровна, с добрыми чертами лица, приветливо встречает посетителей, охотно отвечает на вопросы.

Старшая дочь Распутина учится в Петербурге, в гимназии Стеблин-Каминской. Младшая, слабая здоровьем, — дома. Сын Дмитрий, 17-ти лет, занимается хозяйством вместе с дедом»¹².

В селе Покровском Г.Е. Распутин провел около двух месяцев, изредка посещал Тобольск, где останавливался у епархиального наблюдателя господина Рогановича и встречался с епископом Варнавою, «который весьма к нему расположен»¹³. В начале мая он из

¹² СибТГ. 1914. 4 мая, № 98. С. 5.

Г.Е. Распутин выехал на родину в марте 1914 г. В Перми был торжественно встречен епископом Палладием, который распорядился открыть парадные комнаты (СибТГ. 1914. 4 апр., № 77).

С.Ю. Витте о Распутине: «...он обладает крепкой волей и природным умом. Во время балканской войны Распутин сказал решающее слово. С ним поэтому нужно считаться как с фактом, который существует. Все перемены в Совете министров произошли под влиянием Распутина, который выступил против алкоголизма» (там же. 11 мая, №102. С. 5).

¹³ В «Воспоминаниях последнего протопресвитера Русской Армии и Флота» (Нью-Йорк. 1954. Т. 1. С. 369–370) Г.И. Шавельского о тобольском

Тюмени поездом отправился в Петербург, там, согласно корреспонденции «СибТГ», пробудет несколько дней и выедет в Ялту, где уже для него снята дача. В газете сообщалось сенсационное известие о том, что во время пребывания в Тобольске Г.Е. Распутин был «рукоположен во священники Варнавой и намерен принять монашество». Однако домашние, близкие к Распутину люди опровергали это сообщение¹⁴.

Это историческое событие из жизни покровского «старца» было увековечено на кинематографической ленте. «СибТГ» сообщала о нем так: «Старец Григорий Распутин 3 мая приехал в Тюмень, где пробыл до отхода утреннего поезда, с которым выбыл в Петербург; в числе провожавших было несколько дам. Отъезд Распутина снят на кинематографическую ленту, для чего около трех часов ночи г. Шустер с помощником и аппаратами выезжал за Тюменку в д. Стряпчева, где останавливался г. Распутин. Съемка приготовления к отъезду “старца”, прощания и самого отбытия продолжалась более часа. Лента эта, как

мы слышали, уже продана г. Шустером одной большой кинематографической фирме, и если Россия не увидит “старца” в кинематографе, то его увидит за граница. Снят на кинематограф Григорий Распутин с его согласия»¹⁵.

К концу мая фильм, по-видимому,

епископе Варнаве имеются следующие сведения: «По рождению — крестьянин или мещанин Олонецкой губернии. Нигде не учился и до последних дней оставался полуграмотным (в списке российских архиереев за 1915 г. значится: еп. Варнава “обучался в Петрозаводском городском училище”. Если он там и обучался, то курса этого училища он уже не закончил, ибо грамотность его ни в коем случае не превышала грамотности слабо закончившего курс начальной школы. В делах канцелярии протопресвитера хранилось одно его письмо на мое имя».

¹⁴ СибТГ. 1914. 26 апр., № 91. С. 3; 29 апр., № 93. С. 5.

¹⁵ Там же. 8 мая, № 100. С. 3.

был готов, и автор получил разрешение Распутина на его демонстрацию. «Мы уже сообщали, — говорилось в другой корреспонденции “СибТГ”, — что наш старец Григорий Распутин при отъезде из Тюмени был снят г. Шустером на кинематографическую ленту; в настоящее время г. Шустер получил от г. Распутина телеграмму из Ялты, в которой он разрешает эту ленту демонстрировать»¹⁶.

Таким образом, можно с полным основанием утверждать, что в мае 1914 г. в Тюмени был создан один из первых, если не первый в крае документальный фильм. Его создателем стал Иосиф Савельевич Шустер, известный в городе фотограф и владелец кинематографического зала, где демонстрировались исключительно французские и итальянские мелодрамы и комедии.

Увлечение Шустера кинематографом началось задолго до 1914 г. Его «живые фотографии» отражали повседневную жизнь горожан¹⁷. Для И.С. Шустера «изготовление снимков для синематографа» было увлечением. Он стремился запечатлеть наиболее значительные происшествия городской жизни. Например, в 1910 г. тюменский фотограф демонстрировал в театре «Модерн» городские виды ипподрома во время бегов и скачек лошадей, а также детские гулянья в Спасском сквере. Снимки можно считать довольно удачными, особенно снимок галереи с публикой и пуск скаковых лошадей, но бег и скачки вышли немного размытыми. В 1912 г. И.С. Шустер произвел несколько снимков показательного полета знаменитого тогда авиатора А.В. Васильева¹⁸.

¹⁶ СибТГ. 24 мая, № 111. С. 3.

¹⁷ Там же. 1910. 14 июля, № 151. С. 2. — В 1916 г. Шустер переехал в Тобольск, где купил дом и намеревался открыть синематограф (СибТГ. 1916. 21 мая, № 107. С. 2).

¹⁸ Там же. 1910. 6 июня, № 121. С. 3; 16 июня, № 128. С. 3; 18 июня, № 130. С. 2; 14 июля, № 151. С. 2; 1912. 21 июня, № 136. С. 3.

21 мая 1913 г. фотограф обратился к губернатору с прошением, в котором говорилось следующее:

«Для издания в свет составленного мною альбома “Виды Тобольской губернии” необходимо дополнение его еще некоторыми снимками местностей Ялуторовского,

Ишимского и Тарского уездов и их городов. Докладывая об этом, почтительно прошу Ваше превосходительство о разрешении мне за самое короткое время произвести фотографические снимки желательных видов с местностей помянутых уездов». Спустя некоторое время, как гласит источник, было дано согласие «тобольского губернатора за надлежащей подписью и приложением казенной печати фотографу, тобольскому мещанину еврею Иосифу Шустеру вследствие ходатайства его на право производства им в текущем году фотографических работ в г. Ялуторовске, Ишиме и Таре и в уездах этих городов»¹⁹.

И.С. Шустер продолжал заниматься фотографией и в советский период. Как указывает известный тюменский исследователь В.Е. Копылов, в 30-х гг. он работал фотографом газеты «Красное знамя», с коллективом которой он снялся последний раз в 1941 г.²⁰

На снимках: работы И.С. Шустера.

¹⁹ ГАТоб. Ф. 152. Оп. 27. Д. 154. Л. 1–1 об.

²⁰ Копылов В.Е. Былое светописи: у истоков фотографии в Тобольской губернии. Тюмень, 2004. С. 148.

Александр Львович Жилин

Непременный член Тобольской губернской строительной комиссии А.Л. Жилин родился в 1819 г. в селе Успенском Тюменского округа, в котором его отец служил с 19 сентября 1817 г. на Успенском винокуренном заводе.

В 1833 г. он поступил в Тобольскую губернскую гимназию, где обучался «...всем предметам в одной положенным и выпущен из одной с полным в окончании курса наук аттестатом».

22 октября 1836 г. А.Л. Жилин был определен учителем арифметики и геометрии в Ялуторовское уездное училище¹, где трудился до конца 1843 г. Долговязый, «широко шагающий», по оценке современника, учитель арифметики заслужил любовь учеников и уважение горожан, от которых получил прозвище «журавль»². Он был утвержден в чине губернского секретаря, а осенью 1840 г. за выслугу лет председателствующим Сенатом произведен в коллежские секретари³.

В Ялуторовске А.Л. Жилин увлекся верховой ездой, по свидетельству художника М.С. Знаменского, в полтора суток преодолевал до 160 км⁴. Краевед и местный общественный деятель К.М. Голодников считал А.Л. Жилина отличным стрелком и музыкантом, превосходно игравшим на скрипке и виолончели⁵. Известно, что он хорошо рисовал и копировал разные чертежи и планы. В 1843 г. де-

¹ ГАТоб. Ф. 353. Оп. 1. Д. 83. Л. 145 об.

² Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска. Тюмень, 1997. С. 266–267.

³ ГАТоб. Ф. 353. Оп. 1. Д. 83. Л. 145 об.–146 об.

⁴ См.: Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска. Тюмень, 1997. С. 113–115. — В повести «Исчезнувшие люди: рассказ старожилы» М.С. Знаменский вывел А.Л. Жилина под фамилией Лялин.

⁵ См.: Тобольские губернские ведомости, неоф. ч. (далее — ТобГВ). 1889. 22 апр., № 16. С. 18–19.

кабрист И.И. Пущин писал И.Д. Якушкину: «Не очень понимаю, зачем ему наши тюремные рисунки, но готов их привезти, чтобы Александр Львович снял копии с чего захочет».

А.Л. Жилин завел знакомства с отбывающими ссылку в Ялуторовске декабристами. В частности, находился в дружеских отношениях с государственным преступником И.Д. Якушкиным. Вероятно, это обстоятельство позволило К.М. Голодникову высказывать версию, что своими познаниями в математике А.Л. Жилин обязан не гимназистским учителям, а И.Д. Якушкину, «с которым он [А.Л. Жилин] занимался этим предметом во время своего пребывания в Ялуторовске⁶. М.С. Знаменский вспоминал, что однажды А.Л. Жилин по просьбе И.Д. Якушкина доставил отбывающему ссылку в Тобольске М.Ф. Фонвизину письмо с описанием обыска у декабристов ялуторовским городничим Степаном Власовым⁷.

Позже городничий Власов обвинялся в разных служебных преступлениях. «Тобольский губернский суд решительным определением, состоявшимся 1848 года мая 28 дня, по делу о бывшем в городе Ялуторовске городничем Власове и смотрителе острога Чегринском, обвиняемых в бездействии и упущениях по службе и в слабом отправлении своих обязанностей по охранению и безопасности в остроге и отвращению буйства и беспорядков между арестантами, заключил за бездействие и упущения дел по должности ялуторовского городничего, бывшие поводом к побегу из тамошнего острога арестантов и других чрез последствий ...подлежал бы отрешению от должности, но как он впоследствии умер, то суждение о нем ...оставить»⁸.

20 октября 1843 г. по предписанию генерал-губернатора Западной Сибири А.Л. Жилин был уволен от должности учителя и спустя полтора месяца (2 декабря) определен к исполнению должности асессора Тобольской губернской строительной комиссии⁹, где служил 32 года до своей отставки в октябре 1875 г.

Под его руководством строительная комиссия занималась «а) надзором за работами по исправлению через арестантов древних

⁶ См.: ТобГВ. 1889. 22 апр., № 16. С. 18.

⁷ Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска. Тюмень, 1997. С. 265–266.

⁸ ГАТоб. Ф. 152. Оп. 31. Д. 652. Л. 22–22 об.

⁹ Там же. Ф. 353. Оп. 1. Д. 83. Л. 146 об.–147 об.

каменных стен Прямого взвоза, через который имелось прямое сообщение жителей нагорной части города с подгорною, и б) устройством сада, назначенного по высочайше утвержденному на город Тобольск плану близ памятника, воздвигнутого покорителю Сибири Ермаку¹⁰.

Создание этого сада К.М. Голодников считал важнейшей заслугой А.Л. Жилина. «Нынешний так называемый Ермаковский сад, составляющий единственное место для отдохновения городских обывателей от их служебных и хозяйственных обязанностей, — писал он, — всецело обязан прекрасным устройством своим неутомимой деятельности Александра Львовича»¹¹.

Под его руководством памятник Ермаку был обнесен каменной оградой с чугунной решеткой, и на площади «против лицевой стороны Дома Благородного собрания ...была сделана попытка развести сад с симметрической распланировкой и посадкой деревьев значительной величины»¹².

С именем А.Л. Жилина связано появление в Тобольске спиртовых фонарей. Он, как сказано в формулярном списке, «по особому поручению начальника губернии, последовавшему к исполнению высочайшего повеления о введении городского уличного освещения спиртом, составил сметы по введению этого освещения в г. Тобольске, распорядился всеми относящимися к сему работами и изготовлением, приучил прислугу к употреблению снарядов и через благоразумное применение указанных правительством в сем случае правил сократил расходы»¹³.

В Тобольске он дослужился до звания статского советника и выполнял самые различные обязанности. 10 марта 1855 г. «по всеподданнейшему докладу президента общества попечительного о тюрьмах комитета генерал-адъютанта графа Орлова высочайше утвержден директором Тобольского тюремного комитета»¹⁴, а «с от-

¹⁰ ГАТоб. Ф. 353. Оп. 1. Д. 83. Л. 151 об.—152 об.

¹¹ См.: ТобГВ. 1889. 22 апр., № 16. С. 18–19. Также см.: Голодников К.М. Лесонасаждения в г. Тобольске // СибТГ. 1898. 4 июля, № 144. С. 2–3.

¹² ГАТоб. Ф. 353. Оп. 1. Д. 123. Л. 6 об.—7, 13–13 об.; Д. 73. Л. 81–81 об. Дом Благородного собрания во второй половине XIX в. признавался одним «из памятников пребывания в городе Тобольске ныне благополучно царствующего государя и императора» — в этом доме здешнее общество удостоилось принимать цесаревича Александра Николаевича в 1837 г.

¹³ Там же. Д. 83. Л. 152 об.—153 об.

¹⁴ Там же. Л. 147 об.—148 об.

крытием женского отделения при Тобольском губернском попечительном о тюрьмах комитете отправлял должность секретаря этого комитета с 7 июля 1856 по 27 апреля 1857 г. и содействовал ко введению порядка в делопроизводстве и отчетности по семейному комитету»¹⁵.

Весной 1856 г. Тобольск пострадал от наводнения. А.Л. Жилин был назначен членом комитета «для пособия пострадавшим от наводнения жителям. При исполнении этой обязанности занимался поверкою показания жителей об убытках, понесенных ими от наводнения, распределением действительно нуждающихся в пособии и отчасти надзором за работами, которые комитет признавал за необходимое произвести в поврежденных наводнением домах».

В 1857 г. А.Л. Жилин занимался благоустройством губернского центра, о чем свидетельствуют записи в формулярном списке. Под его руководством Тобольской строительной комиссией были отремонтированы Никольский взвоз и Абрамовский мост, устроены полы в архиве Приказа о ссыльных и исправлены печи в Доме Благородного собрания, а также устранены повреждения в главной гауптвахте и штабе 24-й пехотной дивизии¹⁶.

В последующие годы строительная комиссия продолжала заниматься благоустройством города. По отзывам современников, А.А. Жилин проявил себя «чрезвычайно энергичным и дельным чиновником». Поэтому вполне заслуженно поощрялся местной администрацией и верховной властью.

За время службы А.Л. Жилин был награжден: Знаком отличия беспорочной службы (22 августа 1858 г.); орденом св. Станислава 3-й степени (5 февраля 1859 г.); орденом св. Анны 3-й степени (3 января 1862 г.); орденом св. Станислава 2-й степени (14 января 1866 г.); орденом св. Анны 2-й степени (31 января 1869 г.); орденом св. Анны с императорской короною (3 марта 1872 г.); орденом св. Владимира 4-й степени (1 января 1875 г.); а также имел бронзовую медаль на Владимирской ленте в память войны 1853–1856 гг.¹⁷

Помимо того, он удостоился монаршей благодарности, денежно-го вознаграждения и даже земельного владения: «в награду долго-

¹⁵ ГАТоб. Ф. 353. Оп. 1. Д. 83. Л. 149 об.

¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 77. Л. 59 об.–64 об.; Д. 83. Л. 147 об.–149 об.

¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 83. Л. 146 об., 157 об.–158 об., 161 об. Также см.: ТобГВ. 1859. 21 февр., № 8. С. 49.

временной отличнoусерднoй службы согласно установлению Сибирского комитета 28 декабря 1863 года всемилолюбивейше пожалован в вечное и потомственное владение пустопорожним участком казенной земли № 10, находящейся Омского округа в Юдинской волости, в количестве 1025 десятин»¹⁸.

А.Л. Жилин и вне служебной сферы «был личностью весьма выдающейся и внес определенный вклад в местную культуру»¹⁹.

По имеющимся данным, он открыл в Тобольске первую частную (платную) библиотеку, что «большой частью она наполнена произведениями литературными... Кроме книг библиотека предлагает нам более 20 лучших русских журналов и газет. За чтение взималась годовая плата 9 руб. (с журналами 11 руб.), за полгода 5 руб., за 1 месяц 1 руб. 15 коп. серебром»²⁰.

А.Л. Жилин принимал активное участие в любительских концертах и спектаклях. В фондах ГУТО ГАТО в г. Тобольске сохранилась афиша, сообщавшая, что 15 июля 1857 г. обществом любителей в пользу Благородного собрания давалась комедия «Сперва скончались, потом повенчались» в 2-х действиях и концерт, в котором был занят А.Л. Жилин²¹.

Бывал он на концертах, устраивавшихся на квартирах ссыльных декабристов. Один из таких концертов с его участием запечатлен на акварели Знаменского «Музыкальный вечер у Муравьевых». Он был создателем любительского оркестра, получившего в 1890-х гг. название Дековского²². Наконец, А.Л. Жилин получил известность как художник: «Иконы, портреты и картины его кисти, — вспоминал К.М. Голодников, — рассеяны едва ли не по всем городам Тобольской губернии».

По свидетельству настоятеля Богоявленской церкви А.Н. Грамматина, «вполне художественная» икона Богородицы для иконостаса

¹⁸ ГАТоб. Ф. 353. Оп. 1. Д. 83. Л. 156 об.

¹⁹ ТобГВ. 1858. № 51. С. 735; ТобГВ. 1889. 22 апр., № 16. С. 18.

²⁰ Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска. Тюмень, 1997. С. 265–266.

²¹ ГАТоб. Ф. 353. Оп. 1. Д. 73. Л. 8. В перечне «особ, изъявивших желание пожертвовать в пользу Дома Благородного собрания сверх цены, назначенной для благородного концерта и спектакля» 15 июля 1857 г., в том порядке, как шла самая подписка, значатся: П.П. Ершов — 5 руб., Н.Н. Пиленков — 50 руб., А.С. Пиленков — 100 руб., А.М. Помаскина — 10 руб., А.Н. Лещов — 6 руб. и т.д. (там же. Л. 63–63 об., 65).

²² См.: Сиб. листок. 1894. № 6.

тюремной Александро-Невской церкви написана и принесена в дар «ассессором Тобольской строительной комиссии Жилиным»²³.

Известно, что в 1872 г. Тобольский комитет Православного миссионерского общества обратился к художнику Д.П. Шелудкову и неперемому члену строительной комиссии А.Л. Жилину с просьбой написать образы св. Кирилла и Мефодия Солунских — просветителей славян. Нет сомнений, что этот факт свидетельствует о высоком профессиональном уровне чиновника строительной комиссии как художника²⁴.

В Тобольске, надо полагать, упрочились его связи с декабристами. Так, переписка В.И. Штейнгейля с И.И. Пуциным за 1855 г. свидетельствует о добросердечных отношениях А.Л. Жилина с государственными преступниками и их безграничном доверии к нему. В письме от 10 апреля В.И. Штейнгейль вспоминал о А.Л. Жилине, которого, признавался он, «люблю и уважаю». В другом письме (от 19 мая) есть такие строки: «Благодарю Вас, достопочтеннейший друг Иван Иванович, за листочки от 13-го и за приложения, которые спешу возвратить — с Александром Львовичем». Наконец, в третьем письме (от 11 июня) В.И. Штейнгейль сообщал И.И. Пуцину: «Жилину передал Ваш привет. Принял с приметным удовольствием»²⁵.

17 октября 1875 г. А.Л. Жилин ушел в отставку «с правом носить мундир должности присвоенной»²⁶.

10 мая 1886 г. в возрасте 47 лет «вследствие простуды живота» умерла жена Александра Матвеевна, в браке с которой он имел дочь Александру (родилась 30 марта 1864 г.)²⁷.

После этого печального события на какое-то время А.Л. Жилин уехал из Тобольска, побывал в Костроме, где «светский советник

²³ ТобГВ. 1889. 22 апр., № 16. С. 19; Грамматин А.Н. Историческое описание церквей г. Тобольска // Тобольские епархиальные ведомости (далее — ТобЕВ). 1903. 16 июня, № 12. С. 283.

²⁴ ТобГВ. 1872. 1 июля, № 72. С. 159–160. Имеются данные, что А.Л. Жилин снимал копии с акварелей декабриста Н.А. Бестужева (Артюхов К.В. Прапрабабушкин альбом // Коркина слобода: краевед. альманах. Вып. 7. Ишим, 2005. С. 50.).

²⁵ Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Т. 1: Записки и письма. Иркутск, 1985. С. 330, 335, 339.

²⁶ ГАТоб. Ф. 152. Оп. 34. Д. 21. Л. 7 об.–8, 24–27 об.

²⁷ Там же. Л. 7. Отец А.Л. Жилина, отставной титулярный советник, умер 27 апреля 1852 в возрасте 84 лет и похоронен на общем городском кладбище (там же. Ф. 156. Оп. 15. Д. 455. Л. 66 об.–67.).

Александр Львович Жилин 3 числа сентября сего 1886 года вступил во второй раз в брак с мещанскою девицею Татьяною Евграфовою Поповой, 41 год. Бракосочетание совершено в городе Костроме в Христо-Рождественской церкви»²⁸.

После возвращения в Тобольск А.Л. Жилин часто хворал и 15 апреля «в 8 часов пополудни 1889 года, имея 69 лет от роду, умер, а 19 числа того же месяца отпет в тобольской Михайло-Архангельской церкви с записью в 3-й части метрической книги сей церкви под № 9. Погребение совершал настоятель означенной церкви протоиерей Евгений Рециков»²⁹.

Аттестат

По указу Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского дан сей аттестат из Тобольской губернской строительной комиссии бывшему неперменным членом ее статскому советнику Александру Львовичу Жилину в том, что он, как видно из формулярного о службе его списка, имеет от роду 56 лет, вероисповедания православного, имеет ордена св. Владимира 4-й степени, св. Анны 2-й и 3-й степени, первый с императорской короною, св. Станислава 2-й и 3-й степени, первый с императорской короною, бронзовую медаль в память войны 1853–1856 гг. и знак отличия беспорочной службы за XX лет.

Из обер-офицерских детей, женат на Александре Матвеевне, имеет дочь Александру, родившуюся 30 марта 1864 г. Жена и дочь вероисповедания православного. Имения родового и благоприобретенного у него и жены нет. В походах, под судом, следствием, в штрафах и в отставке не был.

По окончании полного курса наук в Тобольской губернской гимназии с аттестатом определен учителем арифметики и геометрии в Ялуторовское уездное училище тысяча восемьсот тридцать шестого года октября двадцать второго дня. За выслугу лет на основании 391 ст. Уст. О службе гражданской господином министром народного просвещения утвержден в чине губернского секретаря, как это видно из отношения его к господину генерал-губернатору Западной Сибири от 30 ноября 1840 г. за № 12455, со старшинством с 1836 г. октября 22 дня. За выслугу лет Правительствующим Сенатом произведен в коллежские секретари со старшинством с 1840 г. сентября 22 дня. По предписанию генерал-губернатора Западной Сибири от должности учителя уволен 1843 г. октября 20 дня.

²⁸ ГАТоб. Ф. 152. Оп. 34. Д. 21. Л. 27.

²⁹ Там же. Л. 27 об.

Определен к исправлению должности ассессора Тобольской строительной комиссии 1843 г. декабря 2 дня. Указом Правительствующего Сената от 31 августа 1845 г., как значится в приказе главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями от 13 сентября 1845 г. за № 187, произведен в титулярные советники, со старшинством с 1844 г. октября 22 дня.

По всеподданнейшему докладу президента Общества попечительного о тюрьмах комитета генерал-адъютанта графа Орлова высочайше утвержден директором Тобольского тюремного комитета 1855 г. марта 10 дня. В предписании г. генерал-губернатора Западной Сибири за № 1943 за отлочноусердную службу объявлено монаршее благоволение 1855 г. декабря 8 дня.

Во время бывших в городе Тобольске наводнений назначен начальником губерний весною 1856 г. членом в комитет для пособия пострадавшим от наводнения жителям. При исполнении этой обязанности занимался проверкою показаний жителей об убытках, понесенных ими от наводнения, распределением действительно нуждающихся в пособии и отчасти надзором за работами, которые комитет признавал за необходимое произвести в поврежденных наводнением домах.

С открытием женского отделения при Тобольском губернском попечительном о тюрьмах комитете исполнял должность секретаря этого комитета с 7 июля 1856 г. по 27 апреля 1857 г. и содействовал ко введению порядка в делопроизводстве и отчетности по сему комитету.

По предписанию гражданского губернатора от 17 августа 1856 г. за № 44 заведовал в течение месяца суммами и хозяйственной частью Тобольской Мариинской женской школы.

В 1856 г. в городе Тюмени: а) обревизовал книги и счета по городской больнице для изыскания причин несоставления экономического капитала и представил начальству свои об этом предположения и б) производил между тем исследование по доносу одного из местных священников о распространении скопческой секты. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству 20 декабря 1856 г. за № 259 произведен за выслугу лет в коллежские ассессоры со старшинством с 1854 г. октября 22 дня.

Распоряжением гражданского губернатора 12 мая 1857 г. назначен председателем в Комитет по устройству города Тобольска. В этом звании сделал подробное обозрение всех прежде бывших действий комитета, составил отчет по всем его работам за 1854, 1855 и 1856 годы и при дальнейшем отправлении этой обязанности в особенности занимался: а) надзором за работами по исправлению чрез арстантов древних каменных стен Прямского взвоза, чрез который име-

лось прямое сообщение жителям нагорной части с подгорною и б) устройством сада, назначенного по высочайше утвержденному на город Тобольск плану близ памятника, воздвигнутому покорителю Сибири Ермаку. По особому поручению начальника губернии, последовавшему к исполнению высочайшего повеления о введении в городе уличного освещения в Тобольске, распорядился всеми относящимися к сему работами и заготовлением, приучил прислугу к употреблению снарядов и чрез благоразумное применение указанных правительством в сем случае правил сократил расходы.

Из высочайше разрешенных по положению Сибирского комитета 18 декабря 1857 г. 3000 рублей на денежные награды чиновникам гражданского управления Западной Сибири получил по назначению господина генерал-губернатора 120 рублей, с объявлением за усердную и полезную службу особенной признательности главного начальства Западной Сибири 1858 г. февраля 13 дня. В воздаяние двадцатилетней беспорочной службы всемилостивейше пожалован знаком отличия беспорочной службы на Владимирской ленте, при грамоте от 31 октября 1858 г. за № 2294, 1858 г. августа 22 дня. Вследствие ходатайства г. генерал-губернатора Западной Сибири и по положению Сибирского комитета всемилостивейше пожалован, как уведолил исправляющий должность тобольского гражданского губернатора, за № 650, за отличнoусердную службу орденом св. Станислава 3-й степени 1859 г. февраля 5 дня. За выслугу лет указом Правительствующего Сената от 3 марта 1860 г. за № 48 произведен в надворные советники со старшинством с 1858 г. октября 22 дня.

По преобразовании Тобольской губернской строительной комиссии по штату, высочайше утвержденному 20 октября 1859 г., предложением г. генерал-губернатора Западной Сибири от 15 января 1860 г. за № 97 определен исправляющим должность неперменного члена сей комиссии 1860 г. января 15 дня. За отличнoусердную службу всемилостивейше награжден орденом св. Анны 3-й степени 1862 г. января 3 дня. Приказом г. генерал-губернатора Западной Сибири от 8 мая за № 30 утвержден в настоящей должности 1863 г. марта 8 дня. В награду долговременной отличной службы, согласно удостоверению Сибирского комитета, в 28 день декабря 1863 г. всемилостивейше пожалован в вечное и потомственное владение пустопорожным участком казенной земли № 10, находящимся Омского округа в Юдинской волости в количестве 1025 десятин.

Указом Правительствующего Сената от 6 мая 1864 г. за № 59 за выслугу лет произведен в коллежские советники со старшинством с 1862 г. октября 22 дня. Согласно положению комитета министров 14 января 1866 г. за отличнoусердную службу всемилостивейше награжден

ден орденом св. Станислава 2-й степени с короною. Указом Правительствующего Сената от 9 апреля 1868 г. за № 79 за выслугу лет произведен в статские советники со старшинством с 1866 г. октября 22 дня. По положению комитета министров 31 января 1869 г. за личноусердную службу всемилостивейше пожалован орденом св. Анны 2-й степени...

По положению комитета министров 3 марта 1872 г. за личноусердную службу всемилостивейше пожалован орденом св. Анны 2-й степени с императорскою короною 1872 г. марта 3 дня. По всеподданнейшему докладу министра внутренних дел за личноусердную службу всемилостивейше пожалован орденом св. Владимира 4-й степени 1875 г. января 1 дня.

Ныне г. Жилин согласно прошению его приказом господина генерал-губернатора Западной Сибири от 17 октября 1875 г. за № 65 уволен в отставку с правом носить мундир должности присвоенной. В чем Тобольская губернская строительная комиссия и свидетельствует подлежащим подписом с приложением печати октября двадцать пятого дня 1875 г.

Подписал: председатель тобольский губернатор, дейст. стат. советник Юрий Пелино и скрепил: управляющий должность правителя дел надворный советник Алексей Рудаков.

Наталья Моторина

**«Призрачно все...»,
или Размышления о жизни и судьбе потомка
шведских эмигрантов**

Вступление

Матвей Матвеевич Геденштром возник в моей жизни внезапно. Я изучала в РГИА дело 1808 г. о злоупотреблениях на таможне¹. Среди его фигурантов меня интересовал лишь Петр Андреевич Словцов. Хотелось выяснить степень его вины, соответствовала ли она наказанию. После приговора по этому делу Словцов был сослан в Иркутск и более в столицу уже не вернулся. Но как мало в этом деле было о Словцове: всего два покаянных письма его (свидетельствующие, впрочем, скорее о его невиновности). И все.

Но Геденштром! Геденштром был на каждой странице! Вначале он показался мне малосимпатичной личностью: взяточник, что с него взять. Но чем больше я вчитывалась в это дело, тем более вырисовывался человек... ну, скажем, своего времени. Вынужденный иногда склонять голову, иногда доносить (во имя государя, для пользы государства). Умный, начитанный, ироничный, сентиментальный. «Весьма кроткий, мягкий, обязательный, готовый всегда на услугу, но вместе с тем смелливый и хитрый и, к несчастью, не имевший в душе никаких нравственных оснований, никакой религии», — писал о нем И.Т. Калашников².

«Он человек с хорошим познанием и умом, который между тем употребляет более к общему вреду», — давал характеристику

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 54. Д. 69.

² Калашников И.Т. Записки иркутского жителя: рукопись. РНБ, РО. F.W. 814/1. С. 166. См. также: Юшковский В.Д. Батеньков в Томске. Томск, 2004. С. 248. — Калашников Иван Тимофеевич (1797–1863) — тайный советник, писатель, автор нескольких романов («Записки иркутского жителя», например). В 1822 г. И.Т. Калашников назначен советником Тобольского губернского правления (П.А. Словцов в это время также живет в Тобольске). В 1823 г. переезжает в Петербург и становится столоначальником в Министерстве внутренних дел, с 1827 — начальник отдела в департаменте уездов; с 1830 г. — правитель канцелярии медицинского департамента (См.: Иркутск: энциклопед. словарь. Иркутск, 2006. С. 164).

М.М. Геденштрому начальник 11 округа корпуса жандармов полковник Маслов³.

Позже я прочитала несколько других дел о нем в архивах Петербурга, Москвы, Тобольска. Встречались письма моего героя к друзьям, сослуживцам, начальникам. Доносы. Слог Геденштрома узнаваем везде. С одним и тем же размахом, с обилием восклицательных знаков и тире он пишет и статьи, и книгу, и доносы из Томска. Известны его прижизненные публикации в газете «Русский инвалид», журналах «Москвитянин» и «Сибирский вестник» в период 1822–1842 гг.

Единственная книга героя «Отрывки о Сибири» напечатана в типографии медицинского департамента МВД в 1830 г. Позже была переведена на немецкий язык и издана. Один из экземпляров, принадлежавший когда-то Н.М. Чукмалдину, хранится в Тюмени в фондах музейного комплекса им. И.Я. Словцова. Дарственная надпись гласит: «Ея Высокоблагородию Наталье Петровне Дубовицкой подносит в память о ние душевно уважающий М. Геденштром». Считается, что это — автограф автора. Но «М. Геденштром» — и наш герой, и сын его, и даже внук. Эх, сделать бы графологическую экспертизу... Уж очень суха и лаконична надпись — Геденштром так не писал.

Если это почерк автора, то ему уже за 50. Обнаружено несколько автографов Матвея Матвеевича. В молодости он расписывался пышно, барочно, с замысловатым росчерком. Быть может, в зрелые годы стал писать он четче и строже. Кому же подарена книга?

Наталья Петровна... В Петербурге того периода мне известны два Петра Дубовицких. Петр Александрович (1815–1868). «Отрывки о Сибири» отпечатаны в типографии медицинского департамента МВД, а П. Дубовицкий был главным начальником военно-медицинского управления. Правда, несколько позже — в 1840.

Его дед Петр Николаевич (1757–1825) — масон. Но ни у того, ни у другого нет дочери Натальи — с родословными может познакомиться всяк желающий. И среди жен обоих Дубовицких нет Натальи Петровны.

О жизни Геденштрома до известного дела 1808 г. можно узнать из его же докладных записок⁴. О последующей — из формулярных списков, один из них сохранился в Тобольском архиве⁵.

³ ГАРФ. Ф. 109,1 эксп. Д. 192. Л. 32.

⁴ РГИА. Ф.1286. Оп. 54. Д. 69. Л. 19.

⁵ ГАТоб. Ф. И-205. Оп. 1. Д. 673.

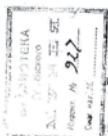
Экземпляр книги
из библиотеки
Александровского
реального
училища

О Т Р Ы В К И

О

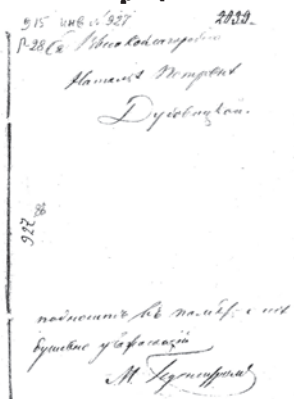
С И Б И Р И.

М. Геденштрома.

0115

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФИИ КЕДРИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА
МИНИСТЕРСТВА ВЪНТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.
1850 ГОДА.

В 1808 ему около 28 лет. С кем дружил, какие книги читал этот молодой человек? Красноречиво говорит об этом опись вещей⁶, сделанная при обыске в доме начальника его Борисковского. Из указанного документа следует, что жил М. Геденштром в доме у Борисковского в Либаве. Имел пистолет, форму для изготовления пуль, фарфоровую трубку — вещи настоящего мужчины. Играл на флейте — романтик!

А вот перед нами любящий сын, хранящий память о родителях. В небольшом чемоданчике обнаружены пакеты, запечатанные и подписанные: «старая табакерка с малым остатком табаку, который он [отец] нюхал еще незадолго перед смертью»; «очки покойного отца, которые он употреблял еще за несколько часов перед смертью»; «остатки корреспонденции с любезною матерью моею»⁷.

А далее — письма от бабушки, от тетки, от первой возлюбленной, письма от приятелей: Линье, Сулокадзева⁸, Крыжановского. Среди книг: латинская грамматика Брёдера⁹, немецкая грамматика Аделун-

⁶ РГИА. Ф. 1286. Оп. 54. Д. 69. Л. 236–238.

⁷ Там же. Л. 236 об.

⁸ Сулоказев Александр Иванович (1771–1832) — коллекционер древних рукописей, более известен как фальсификатор их.

⁹ Брёдер (Broder) Христиан Готлиб (1745–1819) — составитель учебников латинского языка. Был пастором в Гильдесгеймишене.

га¹⁰ — Геденштром владел несколькими языками. Томик «Гимнастики для юношей» — совершенствовал, закалял тело. И одновременно — душу, есть первая часть книги «Дух времени» Арндта¹¹.

Эпиграммы и стихи Хауга¹² и стихи Tiedge — из увлечения стихами взрастет в нем и одухотворенность, и сарказм одновременно.

Геденштром словно знал, что ему уготовано дальнейшее путешествие, — попали в опись принадлежавшие ему шесть географических карт и «Наставление к общему познанию земного шара» Боде¹³.

1808 год стал поворотным в жизни Геденштрома. Дело о взятках могло закончиться иначе, но судьба рукою князя Куракина дала ему карт-бланш. И Геденштром — наказанный ли, обласканный ли — едет в Тобольск, далее в Иркутск, а оттуда в 1809–1811 гг. — к Ледовитому морю, чтобы «совершить Экспедицию». И ничего более важного и замечательного в его жизни уже не будет.

В Тобольске

В столице Сибири Геденштром был дважды: первый раз — с 12 апреля 1808 до лета того же года — ожидал назначения от князя А.Б. Куракина. Каким оно будет? Матвей Матвеевич не мог и предположить, как далеко ему придется уехать и какие трудности претерпеть. Князь Куракин благословил его на описание земель, уже открытых в Ледовитом море в устьях Яны и Колымы, снабдив деньгами (сколько нужно будет), инструментами, книгами. Сохранилось несколько писем Геденштрома из Тобольска. Писал он, в частности, Елене, жене недавно умершего брата своего, Иоганна. Он не чувствовал себя наказанным, нет, он желал выполнить любые ответственные поручения, которые даст благодетель его князь Куракин.

Во второй раз Геденштром прибыл в Тобольск в 1822 г.¹⁴ Он уже совершил путешествие к Ледовитому морю, описал острова, дал название самому большому из них — Новая Сибирь. Затем служил

¹⁰ Аделунг Иоганн Кристоф (1732–1802) — немецкий филолог.

¹¹ Арндт (Arndt) Эрнст Мориц (1769–1860) — автор историко-философских произведений, способствовавших подъему духа немецкой нации.

¹² Хауг (Haug) Иоганн Христоф Фридрих (1761–1829) — немецкий поэт, известный своими многочисленными эпиграммами.

¹³ Боде Иоганн Элерт (1747–1826) — немецкий астроном.

¹⁴ «Паспорт дан Иркутским губ. прав. для проживания [Геденштрома] в Тобольской губернии 14 мая 1822 года». РГИА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1214. Л. 1.

в Верхнеудинске исправником. Попал в немилость к М.М. Сперанскому, поэтому было приказано не выпускать нашего героя из Сибири¹⁵.

Вот живет Матвей Матвеевич вместе с женой Александрой Петровной¹⁶ в Тобольске в доме госпожи Козловой в первой части города, и 31 марта 1824 г. случается у них покража¹⁷. Рабочий Подчувашской пристани Логин и ссыльный Илья (фамилии неизвестны) исправляли печь в этом доме и «выкрали на сие число <...> следующие мне принадлежащие вещи: три ящика цветочного чаю, 11 голов сахара, 1 банку варенья и несколько сухих закупок, стоивших мне <...> двести рублей (!)». Какого объема должна быть банка варенья, чтобы о ней важно было сказать Геденштрому в письме, адресованном Тобольской управе? А сухие закупки далее в деле трансформировались в «сухари». Сколько должно быть последних, чтобы оценить их в 200 рублей? Часть краденого вскоре нашли у приятеля Ильи — Матвея Андреева, тоже ссыльного. Остальное пропало бесследно.

В 1827 г. он наконец насовсем перебирается в Тобольск и останавливается у «родственника своего доктора Альберта»¹⁸. Яков Иванович был незаурядной личностью. К тому же, по преданию, он — племянник Шарлотты Буфф, той самой Лотты, благодаря которой мы имеем «Страдания юного Вертера» Гете¹⁹.

Доктор Я.И. Альберт был начальником врачебной управы в Тобольске. В свое время он выписал справку о состоянии здоровья священника И.А. Словцова, благодаря которой тот вернулся из Красноярска в Тобольск²⁰. Альберт значился в числе шести человек, приехавших с М.М. Сперанским в Иркутск

¹⁵ Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822. СПб., 1852. Т. 1. С. 647.

¹⁶ В 1824 г. Александр Петровна при крещении дочери доктора Я.И. Альберта Клеопатры выступает в числе восприемников. В метрической книге Богоявленской церкви г. Тобольска за март 1824 г. она записана как жена «Ектштрома (именно так! — **Н.М.**) Матвея Матвеевича».

¹⁷ ГАТоб. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 420.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3А. Д. 885. Л. 2.

¹⁹ Марьинских Д.М. Александр Гумбольдт в Тобольской губернии // Лукич. 2001. Авг., № 3 (19). С. 142.

²⁰ Словцов И.А., священник Воскресенской церкви Красноярска, в 1808 г. отпел командора Резанова. См.: ГАТоб. Ф. И-156. Оп. 8. Д. 241: Дело о возвращении Словцова в Тобольск (1817 г.).

в 1819 г.²¹ Остался в истории еще и потому, что лечил декабриста Г.С. Батенькова²². В Тобольске Альберт имел не менее двух домов. О них читаем в деле о мещанах 1827 г. Дом — в первой части города, в первом квартале, номер не указан. Второй — куплен у мещанина Матвея Першина²³. По поводу одного из строений идет спор Пелагеи, вдовы Альберта, и эконома тобольской гимназии Сидикина²⁴, дом которого значится под № 9 в третьей части города, а строение Якова Ивановича, следовательно, рядом.

Сейчас подгорная часть Тобольска представляет собой удручающее зрелище, и какой из домов принадлежал начальнику врачебной управы — неизвестно. Возможно, дом купца Володимерова, как считает Д.М. Марьинских. В нем останавливался в 1829 г. Александр Гумбольдт. Но Геденштрома тогда уже не было в Тобольске: ему было позволено вернуться в Петербург. Скорее всего, этому способствовал П.И. Рикорд, с которым М.М. Геденштром был знаком с иркутских времен. Именно ему, полагаю, адресовано письмо моего героя из Тобольска с обращением «Петр Иванович!».

В Ялуторовске

Что ни говори, а был Матвей Матвеевич на язык остёр, характеристики давал окружающим меткие, точные, категоричные, невзирая на лица, за что и был выслан в 24 часа из Тобольска. Это случилось во второй его приезд в столицу Сибири. Красноречива выписка из приказа²⁵ от 10 марта 1825 г.:

«Из Тобольска доходили до меня во время моего отпуска в Сибирь отголоски о несогласии и интригах против власти в губернии. Умалчивая до времени имена их, вставляю только одно: это чиновник Геденштром, удаленный от должности за разные злоупотребления, попавший в разряд отрешенных сибирским комитетом, которые должны находиться под надзором полиции. И из Сибири нику-

²¹ «С Сперанским приехали следующие чиновники: 1. Действительный статский советник Франц Иванович Цейер. 2. Доктор Альберт, взятый им в Тобольске. 3. Инженер-капитан Гавриил Степанович Батеньков. 4. Коллежский регистратор Вейкарт. 5. Коллежский регистратор Вильде. 6. Козьма Григорьевич Репинский. См.: Вагин В. Исторические сведения... Т. 1. С. 603–604.

²² Юшковский В.Д. Батеньков в Томске. Томск, 2004. С. 101.

²³ ГАТоб. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 197. Л. 6.

²⁴ Там же. Ф. И-376. Оп. 1. Д. 58.

²⁵ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 406. Лл. 5–7.

да не выезжать. Он, как человек вкрадчивый, вздумал в злых своих помышлениях мешаться в собрание благомыслящих людей. Имея вредный язык, сообщал им свои мнения и колебал легкомысленными умами. Дабы разделить стачку и избавить общество и должностных чиновников от вредного сего языка, я дал повеление выслать в 24 часа Геденштрома из губернского города в один из уездных, кроме Тюмени, и там ему оставаться по-прежнему под надзором полиции. Делая сие известным по управлению, я желал бы видеть более прозорливости от градских полиций и бдительно-го надзора за подобными горячими головами, позволяющими

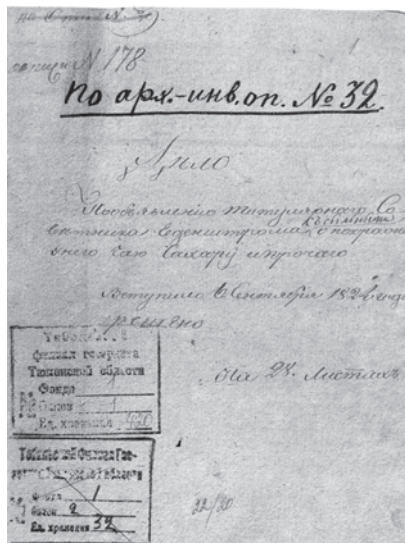
себе лишнюю свободу разглашать пререкания и <...> сеющими одни только интриги, вредные службе Государя. Генерал-губернатор Западной Сибири генерал от инфантерии Капцевич».

Так М.М. Геденштром оказался в марте 1825 г. в Ялуторовске. И уже в мае шлет письмо М.М. Сперанскому, бывшему своему судье, не позволившему в 1812 г. Матвею Матвеевичу уехать из Сибири. В нем он жалуется на несправедливое наказание и просится вернуться в Россию²⁶.

Кроме просьбы было еще и послание в Министерство народного просвещения, содержащее пять рисунков (в оригинале: «чертежи»), собственноручно исполненных Геденштромом. «Творчество» М.М. Геденштрома рассматривал профессор зоологии Ржевский, который выразил свое восхищение сделанным: собранные части животных превосходны и украсили бы любой «естественный кабинет». Из чего можно предположить, что и рисовальщик Геденштром был неплохой.

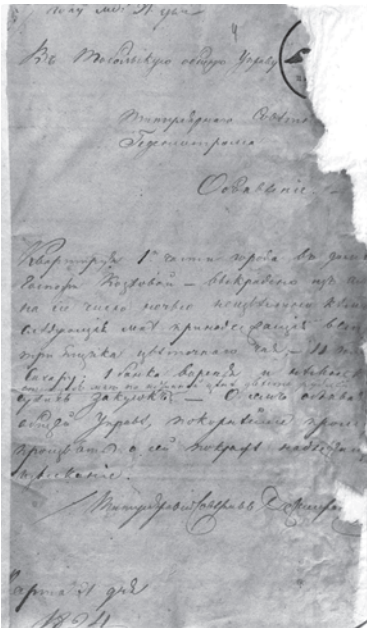
²⁶ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 406. Здесь же хранится и письмо М.М. Геденштрома в Министерство народного просвещения, о котором — абзацем ниже.

Обложка дела, в котором сохранился автограф М.М. Геденштрома

О каких редких животных шла речь, если на них захотел взглянуть Карл Ледебур²⁷, совершавший в 1826 г. путешествие на Алтай? Тобольский почтовый директор статский советник Мюллер так красочно описал коллекцию редкостей, что Ледебур оставил свои экспонаты, находившиеся в двух больших саях, без присмотра (а шел караван с золотиносным серебром через Ишим, Шадринск, Екатеринбург в Санкт-Петербург), сделал крюк в 35 верст, чтобы заехать в Ялutorовск. Увы, разминулся с Геденштромом: тот «получил разрешение жить в Тобольске и восемь дней тому назад выехал туда», и Ледебур «не смог проверить слышанное, о чем весьма сожалел»²⁸. Было это в начале января 1827 г.

Мне также захотелось найти хотя бы часть коллекции или упоминание о ней в описях. Но ни в Зоологический музей Санкт-Петербурга, ни в Кунсткамеру Геденштром ничего не передавал.

Документ, составленный
М.М. Геденштромом
ГАТоб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 420. Л. 4.

В деле упоминался Казанский университет, и я позвонила туда. Но авторитетный сотрудник сообщил мне, что часть описей хранилась на чердаке и, увы, давно превратилась в труху. И все же описание отдельных экспонатов удалось найти. Причем сделанное самим Геденштромом. В газете «Русский инвалид» (1838. 16 дек.) есть небольшое сообщение «Головы неизвестных животных, находимых в Северной Сибири». В заметке идет речь о странных головах, похожих на оленьи, и когтях гигантских птиц.

²⁷ Карл Ледебур вместе с А.А. Бунге и К.А. Мейером совершил в 1826 г. путешествие по Алтаю и Восточному Казахстану. Дневники естествоиспытателей изданы в Берлине в 1829–1830 гг.

²⁸ Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск, 1993.

Неполных два года провел Геденштром в Ялуторовске: с марта 1825 по январь 1827. Где жил, чем занимался? Были ли рядом его жена и дети? А друзья, люди, близкие ему по духу? Декабристы придут в провинциальное городишко позже. Тизенгаузен, человек, близкий по мировоззрению, тоже лютеранин, из лифляндских дворян, приедет на поселение в Ялуторовск только в 1829.

Друзья: Гавриил Батеньков

У Матвея Матвеевича друзей почти не было: может быть, характер тому виной или время. В век всеобщих доносов (хотя в XIX в. всякое сообщение, даже в газету, считалось таковым) безопаснее жить замкнуто. Если и окружали Геденштрома близкие люди, то это или единоверцы — евангелические лютеране, или немцы, шведы, выходцы из Лифляндии — А.Ф. Багговут, И.Б. Цейдлер, П.И. Рикорд.

В Иркутске в 1819 г. в доме М.М. Геденштрома жила семья шведов Рамн Бетти и Корнелиуса, представителей Лондонского протестантского миссионерского общества²⁹.

Но существовало и исключение из этого правила — среди друзей Геденштрома был уроженец Тобольска, случайный декабрист, незаурядный инженер, масон Гавриил Степанович Батеньков — вот еще одна нить, ведущая в Сибирь. Мать Батенькова принадлежала к тобольскому мещанскому роду Урванцевых, отец — обер-офицер, очень небогатый, недворянского происхождения³⁰. Прошедший войну 1812 г., получивший 11 штыковых ранений и выживший, Батеньков в «свите» М.М. Сперанского приезжает в Иркутск. Вот здесь и происходит его встреча с Геденштромом, здесь начало их долгой и прочной дружбы.

Вместе вынашивают проект кругобайкальского тракта, обходят Байкал, изыскивая удобное сообщение Иркутска с Забайкальским краем. Проект был одобрен Сперанским, но отвергнут в Петербурге. Лишь много позднее в столице признают необходимость и практическую значимость этой дороги и к 1866 году построят. Но ни Геденштром, ни Батеньков всего этого уже не увидят. Гавриил Степанович одним из последних присягнул Константину Павловичу. Г.С. Ба-

²⁹ Тиваненко А.В. История английской духовной миссии в Забайкалье (начало XIX столетия). Улан-Удэ, 2009. С. 24.

³⁰ Юшковский В.Д. Батеньков в Томске. Томск, 2004. С. 199.

теньков не был на Сенатской площади, но с Рылеевым и Трубецким встречался. Но не за это получил он 20 лет каторжных работ, замененных одиночной камерой в Алексеевском равелине. Гавриил Степанович знал о причастности М.М. Сперанского к делу декабристов. Обеспечить молчание Батенькова могла только Петропавловская крепость, в которой он пробыл 21 год, 1 месяц и 18 дней по милости своего благодетеля, с которым в свое время прибыл в Иркутск.

Вот здесь и начинается легенда, автор которой — Эразм Стогов, знавший лично и Батенькова, и Геденштрома, и Сперанского. В своих воспоминаниях Стогов пишет, что в 1832 г. в Иркутске встретился с Геденштромом, угостил препорядочно его любимой наливкой с облепихой. И тут Геденштром и рассказал, как во время своей жизни в Петербурге в 1827–1832 гг. навещал (!) бедного Гаврилу³¹.

Надо сказать, я почему-то верю, что так оно и было, хотя в это время мой герой не всегда мог находиться в северной столице. Геденштром с его любовью к риску и верности в дружбе одновременно (вспомним, как бесстрашно он отправился на Ледовитое море, и то, как не предал сбежавшего своего начальника Борисковского) мог решиться на такое! Переодевшись в мундир солдата Преображенского полка, он встал на караул. В Петропавловской крепости нашел и открыл камеру, где находился Батеньков, и целый час говорил с ним.

...Кто такой Эразм Стогов? Полковник, историк, бытоописатель Сибири, помещик, но в первую очередь для нас... дед Анны Ахматовой.

Потомки Геденштрома

До нас не дошли изображения Геденштрома, хотя в окружении его были талантливые живописцы и графики. Сын губернатора Иркутска Цейдлера, например, Михаил Иванович. Может быть, у потомков Матвея Матвеевича где-нибудь в Германии или Италии хранится портрет его, — тещу себя этой мыслью.

Да что говорить о начале XIX века, если внук Геденштрома, тоже Матвей Матвеевич, российский консул в Хакодате и Мельбурне, живший на рубеже XIX–XX веков, тоже не оставил портрета. И время было другое — на смену живописи пришла техника, но нет же, нет его фотографии. Хотя не исключаю, что пока не отыскала...

³¹ Тучин Б. Изгнанник тихий // Наука о Сибири. 2008. № 47 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ict.nsc.ru/win/elbib/hbc/hbc.phtml?17+482+1> (дата обращения: 4 июня 2014).

Но начнем по порядку. Отец Матвея Матвеевича родился 11 января 1737 г. в Фалуне, Швеция³², умер 31 октября 1799 г. в Риге³³. В 1774 г. жил в Москве и был ювелиром.

Родился ли Матвей Матвеевич в Риге в 1779, 1780 или 1781 году (по разным источникам) — или в Москве — неизвестно. Учился ли в Дерптском университете? В списках выпускников его нет. Но об этом можно узнать из всех формулярных списков, которые оформляются начиная с 1798 г., когда М.М. Геденштром поступает на службу.

Был у Матвея Матвеевича родной брат Иоганнес Петер, служивший губернским секретарем. В 1802 г. Иоганнес женился на Елене Яковлевне Харменс. Их двум сыновьям, своим племянникам, и завещал М.М. Геденштром все свои средства в случае гибели на Ледовитом море. Среди потомков Иоганнеса — известный ученый-историк из Риги Альфред Геденштром³⁴.

Матвей Матвеевич — наш герой — женился около 1816 года в Иркутске на дочери нежинского грека Александре Петровой. В архиве Иркутска не сохранилась метрическая книга Воскресенской церкви за 1816 г., где, возможно, и сделана запись о венчании.

Но в архивных документах за 1817 г. существует запись о рождении его дочери: «У верхнеудинского исправника капитана (именно так. — **Н. М.**) Матфея Геденштрома родилась дочь Наталья 21 января 1817 г.»³⁵. Восприемниками были гражданский губернатор Иркутска Н.И. Трескин (через два года смещенный) и Софья, жена секретаря Трескина Ф.Ф. Белявского, помешавшегося после приезда М.М. Сперанского³⁶. Дочь Наталья вскоре — в 1819 г. — умерла. Вот что пишет В.И. Вагин: «В Верхнеудинске у исправника <...> помешалась умственно жена, прекрасная молодая женщина, от потери дочери»³⁷. Хочется думать, что помешательство было временным.

³² YMER TIDSKRIFT. Stockholm: Central-Tryckert, 1883. Т. 3. С. 207.

³³ Государственный исторический архив Латвии (ЛА). Ф. 3142. Оп. 1. Д. 18. Л. 387 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lvva-raduraksti.lv/gu.html> (дата обращения: 4 июня 2014).

³⁴ Альфред Геденштром (Robert Mathias Alfred v. H.), род. 28 авг. 1869. См.: ЛА. Ф. 1427. Оп. 2. Д. 65. Л. 502. Умер 13 апр. 1927 г.

³⁵ ГАИРКО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2213. Л. 10 об.

³⁶ «...мая 3. Привезли Белявского сумасшедшим». См.: Вагин В.И. Исторические сведения... Т. 1. С. 595.

³⁷ Там же. С. 592.

В декабре 1819 г. в семье М.М. Геденштрома рождается Матвей, восприемником которого был вышеупомянутый доктор Яков Иванович Альберт. Матвей-сын, учившийся в горном кадетском корпусе, вступит, как тогда говорили, в службу унтер-офицером в 1853 г., вырастет до полковника и завершит свой жизненный путь в Петербурге 1 марта 1899 г.³⁸ Женат был на дочери помещика, Софье Николаевне Дмитриевой³⁹. Их сын Матвей, внук нашего героя, родившийся 12 декабря 1858 г. в Одессе⁴⁰, окончит юридический факультет Императорского университета Св. Владимира в Киеве, будет служить в Томске⁴¹, позже — консулом в Хакодате, Мельбурне. Стремление служить тайно, вероятно, у этой семьи было в крови, поэтому и пытается Геденштром-внук вербовать Муссолини в 1914 г. Конечной целью этого заговора⁴² должно было быть вступление в войну Италии на стороне Антанты и, следовательно, России, а не на стороне Тройственного союза. Но этого не случилось.

Женился Матвей Матвеевич-внук на Марии Дмитриевне Стюарт⁴³. Она до 1917 года владела доходным домом — угол улиц Надеждинской (Маяковского), № 14 и Жуковского, № 25 в Петербурге⁴⁴. После революции следы Геденштрома-консула теряются.

Есть в формулярных списках нашего героя и сын Яков. Ему в 1827 — три года. Но в последующих списках его нет, скорее всего, умер в младенчестве.

В Петербурге супруга М.М. Геденштрома родила в 1831 г. сына Александра, крещенного в Казанском соборе. Восприемники его Александр Федорович Багговут⁴⁵ и дочь Я.И. Альберта Клеопатра⁴⁶, что косвенно подтверждает родство Альберта и Геденштрома. Александр-сын — чиновник по особым поручениям, служил в департаменте горных и соляных дел, жил в Одессе, Париже, последние годы — в Пере-

³⁸ Петербургский некрополь. СПб.: Тип. Стасюлевича, 1912. Т. 1.

³⁹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 1002. Л. 19.

⁴⁰ Там же. Л. 20.

⁴¹ ГАТомО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3170.

⁴² Корнеев А.С. Из истории одного заговора: дело Геденштрома—Муссолини // Исторический архив. 1962. № 5. С. 92–102.

⁴³ Российская консульская служба в Австралии: 1857–1917: сб. документов / сост. и авт. вввод. ст. и коммент. А.Я. Массов и М.В. Поллард. Москва, 2014. С. 32.

⁴⁴ Геденштром Мария Дмитриевна, жена статского советника, проживает: Надеждинская, 14; домовладелица 123, 284. См.: Весть Петербург. 1912. С. 197.

⁴⁵ Багговут Александр Федорович (1806–1873), генерал от кавалерии.

⁴⁶ РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 1002. Л. 43.

копе. В течение 25 лет владел соляными промыслами, что приносило немалый доход⁴⁷. Был женат на Евгении Константиновне Байрактаревой — дочери ротмистра. Известны трое их детей: Евгения и Яков родились в Париже, и Инна — в Одессе⁴⁸. Последнее упоминание об этой семье: жена Геденштрома дает уроки музыки в Севастополе⁴⁹. Ее псевдоним — Женни Бай.

Был еще один таинственный Геденштром. В Петербурге он — мещанин Леонид Александров⁵⁰, взявший фамилию крестного своего — Геденштром, в Крымском соляном правлении он — чиновник по особым поручениям Леонид Геденштром, в феврале 1860 едет в отпуск за границу изучать, как там ведутся соляные разработки⁵¹. В мае 1860 года он же — Леонид Озерецковский, взявший фамилию воспитателя своего Якова Николаевича Озерецковского без права наследования имения⁵².

То, что последний из описываемых мной однофамильцев — близкий человек семье Геденштромов, — несомненно. Он выступал поручителем по линии жениха Матвея-сына при венчании его и Софьи Дмитриевой в 1857 г.

Кто же он, этот человек-трансформер, еще предстоит выяснить.

Судьба Александры Петровны, жены Геденштрома, нашего героя, почти неизвестна. Но удалось наткнуться на интересный факт.

В 1856 г. при крещении дочери Александра Геденштрома (а следовательно, внучки Александры Петровны. — **Н.М.**) Евгении среди восприемников записана Александра Петровна Озерецковская.

Земля Санникова

Как только она не называлась! Вначале — Землей шелагского князя. Так она значится на карте северо-востока Сибири, доставлен-

⁴⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 25. Д. 701; Ф. 37. Оп. 30. Д. 78.

⁴⁸ Родились: Евгения — 11 июля 1856, Яков — 28 сент. 1857; Инна — 4 июля 1861. См.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 1002. Лл. 47, 46, 48 (соответственно).

⁴⁹ «Осенью 1886 г. госпожа Геденштром принимала у себя класс пения соло в Крымской музыкальной школе». Автор сообщения В. Горелов утверждает, что звали госпожу Женни Бай. Скорее всего, это Евгения Байрактарева — жена А. Геденштрома. См.: Чверткин Е.И. Незабывтый Севастополь. Севастополь, 2009. Ч. 2. С. 68.

⁵⁰ О Леониде — ГАОдесО. Ф. 4. Оп. 26. Д. 229.

⁵¹ О нем же: РГИА. Ф. 40. Оп. 2. Д. 44. Л. 22.

⁵² РГИА. Ф. 40. Оп. 2. Д. 44. Л. 90–92.

ной в Петербург в 1726 г. Афанасием Шестаковым, якутским казачьим головою: «Большая земля, открытая в 1723 г. шелагским князем»⁵³. Федор Христианович Плениснер — анадырский командир, которому было поручено исследовать эти земли, — посылает сержанта Андреева к Медвежьим островам, а казака Николая Дауркина — к Чукотскому мысу. И на карте Плениснера отмечена большая земля, где «люди живут, носят платье соболье, лисье и рысье»⁵³.

Но имя сержанта Андреева не забыл Геденштром, и на карте, составленной им в 1810 г., она значится как «описанная сержантом Андреевым в 1762 г. земляца». И даже в 1933 г. профессор В.Ю. Визе называет ее землей Андреева⁵³.

Мы же знаем эту неоткрытую (и существующую ли?) землю как Землю Санникова. И не с легкой руки члена ИРГО Григорьева⁵⁴, который впервые употребил в печати это словосочетание⁵⁵, а по роману В.А. Обручева⁵⁶ и более — по фильму.

Санников Яков Авраамович — уроженец Архангельской губернии, пришедший вместе с отцом в Сибирь⁵⁷. Как хорошо, что именно он, предприимчивый и любознательный, явился спутником Геденштрома в его экспедициях. Поразительно, но эту Землю видели и Андреев, и Санников, и барон Эдуард Толль⁵⁸. Для последнего поиск ее стал делом всей жизни. В 1902 г. Эдуард Толль и его экспедиция, не дождавшись подхода шхуны «Заря», попытаются достичь материка с о. Беннетта. И погибнут.

⁵³ [Электронный ресурс]. URL: http://www.polarpost.ru/Library/Zubov-Badigin_Andreeva/text-razgadka_andreeva-02.html (дата обращения: 4 июня 2014).

⁵⁴ Григорьев Александр Васильевич (1848–1903) — географ, ботаник, зоолог, секретарь Императорского Русского географического общества (ИРГО).

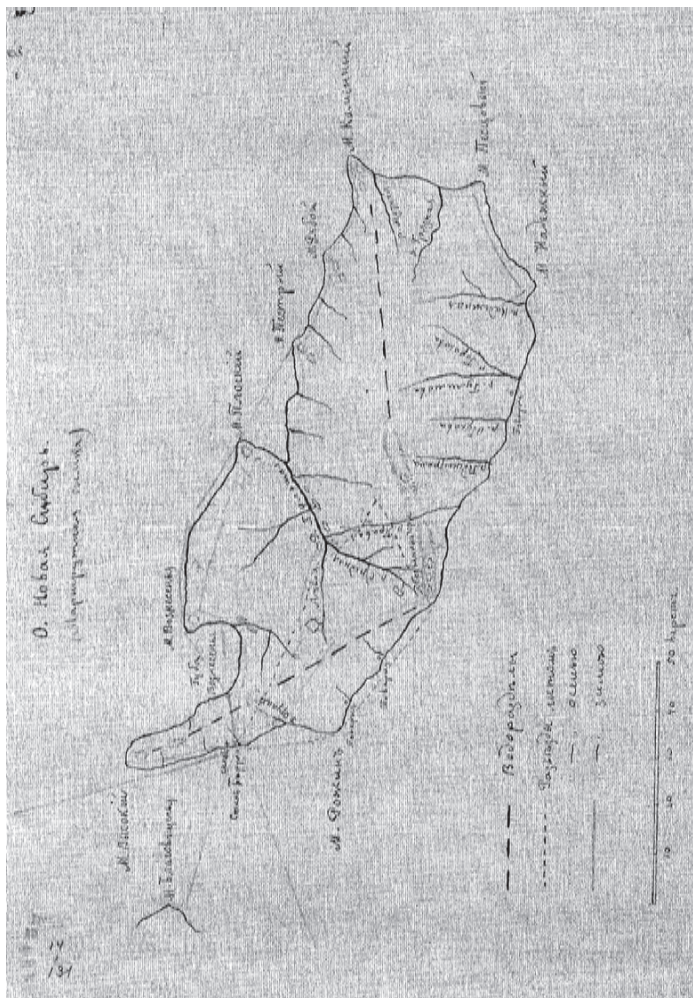
⁵⁵ [Электронный ресурс]. URL: <http://russian7.ru/2013/07/7-popytkotyskat-zemlyu-sannikova/> (дата обращения: 4 июня 2014).

⁵⁶ Обручев Владимир Афанасьевич (1863–1956) — русский геолог, географ, писатель-фантаст.

⁵⁷ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yakutskhistory.net/%D0%B%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C-%D1%8F%D0%BA%D1%83%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B0-%D0%BF-%D0%BF-%D1%8F%D0%B2%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/> (дата обращения: 4 июня 2014).

⁵⁸ Толль Эдуард Васильевич — Eduard Gustav von Toll (1858–1902), полярный исследователь, барон.

Масштаб оригинала: 1 см=50 верст

Карта острова Новая Сибирь

Архив РАН.

Фонд Комиссии по снаряжению российской полярной экспедиции. Ф. 14. Оп. 1. Д. 131

Составлена М.Г. Брусневым

4 августа 1904 года.

Многоуважаемый Валентин Львович. Возвращаю переделанную мною карту Н. Сибири. Пунктирными линиями означены водоразделы. Теперь я обозначаю их более четко.

Многоуважающий Вас М. Бруснев.

А в 1903 г. А.В. Колчак вместе с поисково-спасательной экспедицией обнаружат дневники, вещи, оставленные предшественниками. А также записку Ф.Г. Зеберга⁵⁹ «Для ищущих нас»⁶⁰, подписанную Э. Толлем.

Удалось и мне полистать бесценные записные книжки барона. 12 книжек, каждая размером не более двух спичечных коробков, 400 листов, исписанных очень мелким, но разборчивым почерком.

Адреса в Петербурге, стихи на немецком языке, путевые заметки. Одна запись показалась мне интересной: «Отправил от зимовья Дурного 4 нарты к точке Санникова»⁶¹. Не с этой ли точки можно было увидеть недосыгаемую Землю?

Но вернемся к нашему герою Матвею Матвеевичу. Он тоже мечтал достичь берегов Земли, которая, возможно, соединялась с материком Америкой. И пишет о своем возможном путешествии в письме к П.И. Рикорду в Петербург из Тобольска⁶².

⁵⁹ Зеберг Фридрих Георгиевич — Зееберг, Seeberg Friedrich (1872–1902), немецкий арктический исследователь, астроном.

⁶⁰ Найдена 5 августа 1903 г. спасательной партией Колчака в бутылке на мысе Эмма о. Беннетта. См.: Санкт-Петербургский архив РАН (далее — СПбА РАН). Ф. 14. Оп. 1. Д. 73.

⁶¹ СПбА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 220. Л. 365 об.

⁶² ГАРФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 885. — В данном документе Геденштром пишет о себе в третьем лице. «В январе 1809 г. достигнул Геденштром устья Яны — 4100 верст от Иркутска, получив на пути туда из Якутска книги — но не инструменты (*Геденштром лукавит. См. письмо Геденштрома Нейману в Либаву из Якутска 10 октября 1808 г.: «...лучшие инструменты я уже получил...»*). С. 53 наст. издания. — **Прим. Н.М.**). С ним был только старинный октант, купленный в Иркутске, и в Устьянске нашел он у хозяина промышленников мамонтовой кости морской компас, в который врезал он диоптры от старой астролябии, доставшейся ему в Якутске.

Нетрудно было научиться описывать с верностью положение берегов, а еще легче было взять высоту солнца или звезды Полярной для исчисления широты. Но всего труднее на Ледовитом море держать прямой курс, когда при трясении карты компас делается бесполезным, и полагать расстояние по времени при неравном беге собак. Предготовительные испытания показали ему в первом случае простые способы, а в последнем — из множества ответов взята была им в руководстве средняя мера с нужным приновлением.

Со 2 марта до половины апреля Геденштром был в пути: совершенно исполнил свою инструкцию. Также открыл виденную только промышленниками вдалеке землю, проехал по её берегу 230 верст и, полагая, по её протяжению от О к S, что она гораздо далее простирается, дал ей пышное

Нет, не удалось совершить Геденштрому эту дерзкую и восхитительную экспедицию, после которой прославлено было бы его имя в

наименование Новой Сибири, которое, впрочем, по докладу гр. Румянцева высочайше утверждено. Исполнением своей инструкции Геденштром не удовлетворился. Привыкнув к климату и не скучая пустынею, он испросил дозволения у г. губернатора продолжать далее свою экспедицию. Г. Трескин одобрил его решимость, представил уже прежде чрез г. генерал-губернатора графу Румянцеву, чтобы — к большому поощрению — произвести его в 9 класс (из 14, в котором он состоял уже тогда 7 лет). На sie государь по указу гр. Румянцева повелел снабдить Геденштрома монаршим словом, что он по мере одоления трудов и успеха экспедиции не только сей чин, но и других наград и отличия ожидать может. Милостивый отзыв сей получил Геденштром летом 1809 года. В 1810 году обрадован он был вторичным подобным сему снабжением монаршим. Какое утешение человеку, ищущему загладить на себе гнев монарха!

Не входя в дальнейшие подробности и не описывая все труды Геденштрома в продолжении трех лет его экспедиции, от которой и по sie время страдает неизлечимым ревматизмом, — успех его состоял в следующем: описание и положение на карту Ляховских, Столбового, Котельного и Фаддеевского островов и Новой Сибири; подробное описание устьев рек Яны, Хромы, Индигирки, Аладеи и пр. и части Колымы и всего берега от крайнего устья Яны до Баранова камня за Колымою — расстояние более 1500 верст. Сверх того в апреле 1810 делал он покушение из устья Колымы на NNO (здесь и далее направление по компасу. — *Прим. Н.М.*) для открытия предполагаемой в сем направлении земли и соединяющей якобы на севере Берингова пролива с материком Америкою (*речь идет о Земле Санникова. — Прим. Н.М.*).

Вероятность представленная им о существовании сей земли была причиною двух экспедиций в 1820. 1. Под начальством г. лейтенанта барона Врангеля (*Врангель Фердинанд Петрович: 1796–1870, российский военный и государственный деятель, мореплаватель и полярный исследователь, адмирал — с 1856, управляющий Морским министерством. Из балтийских немцев, барон. В 1820–1824 в чине лейтенанта предпринял экспедицию по исследованию северо-восточного побережья Сибири. Описал свое путешествие. — Прим. Н.М.*) и при нем мичмана Матюшкина (*Матюшкин Федор Федорович: 1799–1872, мореплаватель, исследователь Арктики, полный адмирал — с 1867, сенатор — с 1865. В 1817 г. окончил Царскоесельский лицей вместе с А.С. Пушкиным, участвовал в кругосветном плавании Головина В.М. на шлюпе «Камчатка»; в экспедиции Врангеля описал остров Четырехстолбовой. В 1825–1827 участвовал в кругосветном плавании Врангеля. Губернатор Свеаборга в 1854–1856 гг. — Прим. Н.М.*) и пр. от устья Колымы, имевшая полный успех. 2. Г. лейтенанта Анжу (*Анжу Петр Федорович: 1797–1869, предки его — выходцы из Франции, обучался в Морском кадетском корпусе. Участвовал в 1820–1824 в экспедиции к Ля-*

веках. И все ж таки имя Геденштрома есть на географических картах! Не то что эфемерная Земля Санникова — манящая и недоступ-

ховскому, Котельному и Фаддеевскому островам. Полный адмирал. — Прим. Н.М.) и пр. для открытия виденных на NNW от Котельного острова и Новой Сибири гор, оказывающихся землею. Сим экспедициям была поручена проверка описания Геденштрома и назначение долготы и пр. Все члены оных, пробыв там 4 года, возвратились с таковым же ревматизмом. Исполнили свои поручения совершенно, имев несравненно большие познания Геденштрома, которому остается одна только честь, что продолжить им путь и облегчить чрез то первый год их странствования. Сверх того экспедиция Геденштрома уже тогда показала, что Ледовитое море между берегами Сибири от Яны до Колымы и противлежащими на Севере островами есть пролив, почти никогда не растаивающий, и что только за помянутыми островами находится открытый незамерзающий Северный океан (*Речь идет о так называемой «польнье Геденштрома».* — *Прим. Н.М.*).

В сентябре 1810 года возвратился Геденштром из Колымы на Индигирку и Яну для дальнейших распоряжений своих. В октябре получил он повеление г. губернатора прибыть немедленно в Иркутск для личного с ним положения на мере всех будущих его действий. Здесь должно быть сказать, что экспедиция Геденштрома, по бережливости ли г. губернатора или высшего начальства, была чрезвычайно тягостна для бедных и малочисленных приморских жителей. Все издержки с выезда Геденштрома из Тобольска до совершенного окончания экспедиции — более четырех лет — простирались только до 18 тыс. рублей. Жители отдавать принуждены были собак и корм для них за ничтожную плату, собачники (проводники) были наряжаемы без плат. Все сие мучило Геденштрома тем более, что все представления его были безуспешны.

В сей крайности, желая продолжить неоконченное и направляясь мыслию более к востоку от Колымы, к земле, предполагаемой против Шалатского носа, он составил себе план, который, не нанося вреда жителям, мог бы удовлетворить смелейшим ожиданиям с малыми только издержками для казны. Намереваясь в 1811 год открыть сию желанную землю, которая и найдена г. Врангелем (*Геденштром ошибается: Земля Санникова так и не была найдена.* — *Прим. Н.М.*), он предполагал перевести на оную богатые количества оленей. По честолюбию богатых <...> тунгусов, из которых многие тысячами считают своих оленей, он рассчитывал, что за десяток серебряных медалей и несколько кортиков легко может получить в пожертвование до трех тысяч оленей. Из сего числа две тысячи достигали бы желанной Земли.

В спутники свои избрал Геденштром 25 человек каторжных, которые обнадежены были бы всемиловитейшим прощением, ежели до конца пребудут верны Геденштрому. План Геденштрома был с сими отважными людьми, которым впрочем он был бы необходим как вожатый, достигнуть с оленями до Америки и по оной пройти до реки Маккензи и

ная. Именем Геденштрома названы и гора, и река, и залив⁶³. И они реальны, зримы и осязаемы.

От издателя: *В книге, вышедшей в издательстве «Международные отношения», ее авторы и составители (см. прим. 43 к авторскому предисловию) дважды благодарят томенского краеведа и нашего автора Наталью Михайловну Моторину за помощь в выяснении некоторых нюансов биографии М.М. Геденштрома.*

озера Невольников и далее, до первого заселения англичан при Гудзонском заливе. Пищи сверх запасов и оленей, везде для ружья готовая — а толпа отважных устранила бы все опасности от диких американских народов. От Гудзонского же залива или прямо, или через Квебек достигнул бы он с своими молодцами С.-Петербурга! Какая мысль сладостная! Погибель всех на пути составляла бы только потерю 25 злодеев и одного получестного человека и бездельных издержек в сравнении с предприятием.

Геденштром предполагал, но власти располагали! Приехавши в Иркутск, услышал он от г. губернатора, что вызвал его только для того, чтобы оставить его в Иркутске. Что бесполезная его экспедиция, по представлению его г. генерал-губернатору, скоро будет уничтожена и что он вместо того, чтобы печалиться, радовался бы тому, что чрез его предстательство освобожден от совершенной гибели.

Нечего было делать! Он должен был остаться — занимаясь сначала письменным производством по своей экспедиции, а после, в отсутствие правителя дел г. губернатора, управлять канцеляриею».

⁶³ Именем Геденштрома названы Э.В. Толлем гора на о. Новая Сибирь — в 1886 г., а П.Ф. Анжу — залив Восточно-Сибирского моря — в 1822 г. и река на о. Новая Сибирь.

Письма М.М. Геденштрома (1808–1842)¹

1. Объяснение Матиаса фон Геденштрома

Я служил у генерал-губернатора графа Буксгевдена² переводчиком вместе с коллежским асессором Борисовским³. По выходе Борисовского лишился я в нем некоторой опоры, ибо помогал мне очень много в экономических моих обстоятельствах, а потому как скоро он был определен таможенным ревизором и предложил мне быть у него секретарем, с обещанием впредь таможенного места, то я и не мог усумниться принять сие предложение.

Я тоже вышел в отставку и поехал в октябре 1806 г. к нему в Юрбург. Я состоял у него на жалованье, и, кроме того, прислал мне в Ригу на расплату долгов и экипировку 600 талеров. Должность моя состояла писать рапорты к министру на французском языке и другие по должности его случающиеся бумаги. Тогда он еще не открыл мне своей связи с ротмистром Стратиновичем⁴. В январе или феврале 1807 узнал я от него, что приехал в Ригу сказанный

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 54. Д. 69 (за исключением оговоренных).

² Буксгевден Федор Федорович (1750–1811) — граф, происходил из остзейских дворян, в 1803–1805 — генерал-губернатор Риги. С Тюменью связаны имена других представителей этого рода: Филипп Буксгевден, полковник и директор банка в Тюмени, отец Екатерины Филипповны Буксгевден-Татариновой (1783–1856), основательницы секты хлыстов (см. публикацию Л. Маркиной в: Наше наследие. 2007. № 81). В XX в. за последней российской императрицей Александрой Федоровной следовала в Тобольск ее фрейлина Софья Карловна Буксгевден (1883–1956).

³ Борисовский Иван (Иоганн) Александрович в 1807 г. служит при рижском военном губернаторе, генерале от инфантерии Ф.Ф. Буксгевдене секретарем (Адрес-календарь Российской империи на 1808. Ч. 1. С. 262).

⁴ Стратинович Воин Антонович (Антипович), ротмистр (1769 — после 1828, Томск), «с 1808 года февраля 14 числа имел пребывание в собственном доме. За противузаконные поступки по жительству его в Петербурге обольщением должностных чиновников на nepoзвoлитeльнoе по службе деяния <...> прислан на всегдашнее жительство в Томск» (РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. Д.16. Л. 259–260). Уже в июле 1808 определен

Стратинович по его просьбе, но что он не может ехать в Ригу, а потому и просил меня съездить в Ригу и просить Стратиновича, чтобы он со мной вместе приехал к нему в Либаву⁵. По приезде в Ригу увиделся я в первый раз с Стратиновичем и нашел в нем человека весьма ловкого, умного и, по наружности судя, честного.

Вместо того чтобы ехать со мною в Либаву, разгневался до крайности на Борисковского и в гневе называл его неблагодарным, сказал мне всю связь их и требовал, чтобы я сказал Борисковскому, что ежели он хочет остаться ревизором, то чтобы прислал к нему в Петербург через меня денег и что тогда получит еще Ревельскую⁶ и Перновскую⁷ таможи. Возвратясь в Либаву и рассказав договор Стратиновича, Борисковский мне рассказал следующее. Вышед от графа Буксгевдена, при-

ехал в Петербург с рекомендательным письмом графа к графу Румянцеву⁸. Цель была получить в Либаве директорское место. До него он, кроме обещаний, ничего не видел, наконец познакомился он с отставным ротмистром Борисковским (так в тексте. Ротмистром был Стратинович. — *Н.М.*), который обещался постараться о нем. Вскоре после того послан он ревизором в Вологожскую таможню, а возвратясь оттуда, также через Стратиновича послан был ревизором в Либаву, Виндаву⁹, Юрбург¹⁰, а после в Ригу. Что он за это дал, я не знаю, но, думаю, немало. Борисковский, желая получить Ревель и Пернов, послал меня в марте месяце в столицу к Стратиновичу с 15 000 рублями. По инструкции Борисковского должен я был не прежде дать деньги, пока получу ордер министра коммерции для Борисковского на

заседателем в Томский совестной суд. В 1827 г. ему 58 лет, «семейства в Томской губернии не имеет». Собиралась поехать с ним в ссылку невеста Анна Лангова — Литовской губернии г. Бреста, дочь дворянина и бывших польских войск поручика Эрделя. Была замужем за обер-офицером Лангом, развелась с ним и для «соединения своего с ротмистром Стратиновичем приехала в С.Петербург полтора уже года [с 1806]». РГИА. Ф. 1286. Оп. 54. Д. 69. Л. 179.

⁵ Либава — Лиеная, город на юго-западе Латвии (побережье Балтийского моря).

⁶ Ревель — Таллин, город на юге Финского залива, столица Эстонии. В 1154–1219 — Колывань, 1219–1919 — Ревель, с 1919 — Таллин.

⁷ Пернов — Пярну, портовый город на юго-западе Эстонии.

⁸ Румянцев Николай Петрович (1754–1826), русский государственный деятель, покровитель первого русского кругосветного плавания, основатель Румянцевского музея, в 1807–1812 — министр иностранных дел.

⁹ Виндава — Вентспилс — город в Латвии на побережье Балтийского моря, к северу от Лиеная, к западу от Риги. Основан тевтонцами в XIII в.

¹⁰ Юрбург — Юрбаркас — город на западе Литвы на р. Неман, основан в XI в.

Ревель и Пернов. Две недели я тогда прожил в Петербурге и был каждый день у Стратиновича, только его и не видел. Наконец показал он мне копию с ордера, якобы уже посланного к Борисковскому, в котором не только что дан ему Ревель и Пернов, но и я, по обещанию Стратиновича, определен на место экера¹¹ в Нарвскую таможенно, откуда уже откомандирован Борисковскому в помощь.

Не имея власти удержать эти деньги, а более обобщен его словами, вручил я ему 15 000 рублей и возвратился в Либаву. Но, приехав, узнал, что никакого ордера Борисковский не получал и что он обманут, ибо скоро получен был от министра формальный отказ.

Сам себя обвиняя, что выдал такую значительную сумму, разорив через то друга своего и благодетеля, внутренне признавал Стратиновича обманщиком и оболыстителем, в чем, однако, Борисковский противоречил, ибо занял после того вскоре еще 5000 рублей, переслал по почте к Стратиновичу. Корреспонденцию вел я по-русски, пиша то, что мне диктовал Борисковский по-немецки. Спустя не-

сколько времени Борисковский получил на представление свое от министра ордер на Ревель и Пернов, в котором также и я оставлен представительно при нем. Изю всего этого ничего основательного заключить было невозможно, но, вероятно, это Стратинович играл легковерностью Борисковского.

Сие положение продолжалось до октября месяца, в котором послал меня Борисковский в Петербург, чтобы узнать, в каком он отношении состоит с Стратиновичем. Приехав сюда, пошел я к Стратиновичу, но вместо ласкового приема принят был очень сухо и поручено мне было сказать Борисковскому, что он с ним разведается на пистолетах и что вся связь их прервана потому, что он его компрометировал то: все мало еще прислал денег.

Желая загладить свой проступок против Борисковского, что дался оболыстить себя в первый раз, пошел к господину Папину¹², о котором не только от Стратиновича, но и от другого слышал, а тем более, что мне от Борисковского наказано было употребить все средства, чтобы

¹¹ Таможенный чиновник.

¹² Папин Александр Михайлович, надворный советник, служил при графе Н.П. Румянцеве с 1805 г., в бытность последнего директором экспедиции устройства дорог в государстве и директором водных коммуникаций (см.: Адрес-календарь Российской империи на 1805 г. Ч. 1. С. 213; 1807. Ч. 1. С. 369, 359). А также был столоначальником в Министерстве коммерции и иностранных дел при Н.П. Румянцеве. (см.: Адрес-календарь Российской империи на 1807. Ч. 1. С. 349). Сын титулярного советника Михаила Никитича Папина, бывшего в Коломне в уездном суде судьей (см.: Адрес-календарь Российской империи на 1808–1810 гг. Ч. 2. С. 23–25). После 1807 г. А.М. Папин сослан в имение отца.

или выйти на новую связь, или стараться получить что назад.

Шесть недель прожил я в Петербурге, издержал на подарки и наличными для господина Папина до 7000 рублей¹³ — и ничего не выхлопоталось. Наконец г. Папин отослал меня ехать к Стратиновичу. Гнев, может быть, и притворный, скоро исчез. В день моего отъезда велел он мне сказать Борисковскому, чтобы он просился у министра быть прикомандированным к сенатору Мейлсу по части устройства новых таможен и что тогда не только что получит от монарха отличия, но и требовать может хорошего места. Сей совет, хотя и был основателен, не стоил того, чтобы жить здесь шесть недель, и толикой суммы.

Из всего сего я заключил, что Борисковский есть порука Стратиновича.

Наконец Стратинович велел сказать Борисковскому, что так как ищет отличия, то он может доставить сие ему от Короля Прусского, именно орден *pour le merite*¹⁴, ибо скоро поедет в Мемель¹⁵ и за некоторое пожертвование верно ему доставит.

Хотя заметить можно, что это не что иное, как приманка, я по приезде в Либаву все пересказал Борисковскому, который, не имея более чего дать Стратиновичу, пришел в отчаяние, обвиняя себя и меня, что вошел в связь с такою пиявицею, который высосал из него все, что прежде и теперь нажил.

По случаю утверждения ликвидационной комиссии четыре купца либавских¹⁶, потерявшие через англичан свои корабли, просили меня быть по их делам поверенным, обещав мне

¹³ На 700 рублей господину Папину Геденштромом куплено брит«по требованиям и намекам вразумительным: 2 пары английских бритв в золотой оправе, ящик французского табаку, дюжина лучшей мадеры и столько же малаги, бочка лучшего Шато-Маргу — анкер-коньяку» (Ф. 1286. Оп. 54. Д. 69. Л. 140). И денег отдано 6000 рублей (там же. Л. 122).

¹⁴ *Pour le Mérite* (фр.: за заслуги) — орден, бывший высшей военной наградой Пруссии до конца Первой мировой войны. Неофициальное название «Голубой Макс».

¹⁵ Мемель — ныне г. Клайпеда в Литве. В 1252 г. тевтонские рыцари основали замок Мемельбург — будущий г. Мемель. В 1525 г. область Мемеля вошла в состав Пруссии, с 1923 г. передана Литве.

¹⁶ Либавские купцы Гармсен, Фаренголт, Кольбе, Унгер просили Геденштрома ходатайствовать в С-Петербургской ликвидационной комиссии по претензии их на английское правительство. В случае положительного результата Лузгин¹⁷ получал половину — 40 000 и Геденштром — 40 000 рублей (Ф. 1286. Оп. 54. Д. 69. Л. 439–443).

¹⁷ Лузгин Василий Ильич — титулярный советник, помощник столоначальника регистрации Семена Васильевича Померанцева в Министерстве коммерции (Адрес-календарь Российской империи на 1800. Ч. 1. С. 332). В департаменте внешней торговли В.И. Лузгин состоял в 3-м счетном

знатное вознаграждение, если будут столь счастливы, что получат удовлетворение. Я, видя, что чрез сие могу скорее достигнуть своей цели, оставить после себя какое-нибудь состояние двум моим малолетним племянникам, оставшимся после смерти единого брата моего¹⁸, в сем году умершего, мне в священное наследство, — испросил я у Борисковского дозволение ехать в Петербург. На дороге от Риги в столицу был я арестован и привезен сюда. Все вышеперечисленное есть сущая истина, в которой пред

Богом и милосердным Монархом ответствовать могу смело. Если всемилостивейший Государь не простит мне вину мою, что не хотел быть доносчиком на друга и благодетеля своего, так паче что чрез него надеялся получить хорошее место, то я готов погибнуть, если только милость Монаршия не оставит без призрения двух моих племянников, отец коих служил и умер в службе Государя.

Генваря 2 дня 1808.

Коллежский регистратор
Матвей Матвеев сын Геденштром.

2. Князю А.Б. Куракину¹⁹

Сиятельнейший князь!

Ваше сиятельство позволили мне писать к родным моим. Пользуясь сего милостию, осмеливаюсь приложить три письма. Одно — к единственной родне моей, вдове умершего брата моего. Если я буду жертвою справедливого гнева Монарха, то я в сем случае уже простился с нею. Другое письмо — к благодетелю моему лифляндскому губернатору Рихтеру²⁰: мне некому иначе по-

ручить детей брата моего. Третье — к одному из либавских купцов, поручивших мне дела свои. Документы их хранятся в моей шкапулке у г-на обер-полицмейстера.

Я вызвался открыть его сиятельству графу Николаю Петровичу Румянцеву злоупотребления таможен. Сколько могу, представляю я о сем к вашему сиятельству сегодня ввечеру.

Если сверх ожидания моего государь простит мне вину мою,

столе помощником контролера (Адрес-календарь Российской империи на 1821. Ч. 1. С. 801).

¹⁸ «единого брата моего» — Иван (Иоганн) Геденштром (1776–1807) в 1807 г. служит в Лифляндском губернском правлении секретарем (Адрес-календарь Российской империи на 1807. Ч. 1. С. 262).

¹⁹ На письме сделана помета: «Его Императорскому Величеству докладывано 7 января 1808». — Куракин Алексей Борисович (1759–1829), князь, у него начинал свою карьеру М.М. Сперанский как личный секретарь. В 1807–1810 гг. — министр внутренних дел.

²⁰ Рихтер Христофор Адамович фон — лифляндский гражданский губернатор (1799–1802).

то я стараться буду заслужить милосердие монарха верным исполнением следующего предложения, ежели оно благосклонно принято будет вашим сиятельством.

Я довольно имею случаев в течение жизни моей узнать почти все способы, коими люди в службе и не в службе стараются улучшить состояние свое. Каждый ищет добывать хлеб себе изобильно и, колико возможно, с меньшим трудом. Способы, к сему ведущие, называют люди позвольтельными, говоря, что ближний от того не потерпит. Блюстители законов именуют их злоупотреблениями, наказуют на сие покусившихся. Но, наказывая одно лицо, нельзя искоренить или положить преграду злоупотреблению. Ежели одно лицо накажется строго в поучительный пример другим, то и тогда злоупотребления остаются, но скрытные и тем самым опасные и вредные.

Ваше сиятельство! Орел, хотя и быстрым и пронизательным одарен взором, но, пребывая в высоте, видит почти всегда одну поверхность. Ваше сиятельство правит почти всеми частями государства. Везде кроются злоупотребления. Искоренить их превышает силы человеческие, возможно только затруднить. Для сего должно узнавать их на месте и приравнивать способнейшим [образом] кажущееся средство. Я предлагаю себя на сию службу. Изыскивая всеми способами злоупотребления, стараться буду узнавать их

подробно и изобретать на месте средства к их затруднению, представляя о том на рассуждение вашего сиятельства. Под эгидою вашего сиятельства желаю я быть им гонителем, но никогда не буду доносчиком на одно лицо. Я надеюсь через сие сделаться полезным Отечеству, сохраняя при том чистую совесть, не делая никого несчастливым. Искать лишь буду затруднять путь подобным мне падшим в искушение.

Великодушие вашего сиятельства простит мне смелость, с коею дерзнул я сие представить.

С глубочайшим благоволением вашего сиятельства есмь всенижайший Матвей Геденштром.

Генваря 6 дня 1808.

* * *

Сиятельнейший князь!

Ваше сиятельство негодует на слабость мою, что дерзнул выставить себя гонителем злоупотреблений, в то время когда сам был в некотором роде участником, раскаяние мое кажется принужденным и притворным, но позвольте, ваше сиятельство, заметить, что раскаяние мое, произведенное столь насильственным образом, будет и должно быть постоянным, поскольку могу не только быть несчастным еще и в физическом смысле, — что не более непростительно, могу лишить двух детей главной и естественной их опоры.

Потому я довел себя до сего, — то причина тому не есть дурное воспитание, не есть на слабых правилах основанная нравственность,

но единственно простительная зависть. Ваше сиятельство! Мы в том живем столетии, где еще люди, видя человека, от непозволительных средств до изобилия дошедшего, с презрением от него отворачивались! Ныне презирают лишь бедность — досуг ли людям спрашивать о честности?

Сиятельнейший князь! Мог ли я, с рождения не знавший счастья, не завидовать положению такого человека! Готовые в таком случае софизмы, принимая вид истины, убеждают ум, и — совесть скоро побеждена. Место таможенное выгодно — ежели не я, то другой займет его, и т.д. Сие умо-заключение соблазнит и твердейший правил человека. Когда он или кровные его терпят нужду.

Вот, сиятельнейший князь, мое оправдание, ежели оно смеет называться этим именем пред лицом закона.

Я кажусь мечтателем по моему предложению. Но ваше сиятельство! По крайней мере, не кроется тут никакого умысла следовать стезею ревизоров. Тайное изведывание, обращенное на вещь, не на лицо, без всякого права на что-либо, разнствует от ревизорства, сопряженного с властью.

Примите, сиятельнейший князь, милостиво сие мое изъяснение, которое хотя пред лицом вашего сиятельства послужить мне может в некоторую защиту.

С глубочайшим благоволением емь вашего сиятельства всенижайший Матвей Геденштром.

Генваря 7 дня 1808.

* * *

Сиятельнейший князь!

Имеv довольно времени обдумать в рассуждение злоупотреблений по таможням, о чем вызвался объявить его сиятельству господину министру коммерции, сделал я записку для себя, по коей усердно желаю изъясниться словесно его сиятельству. Осмеливаюсь просить ваше сиятельство удостоить меня сего счастья, потребовать меня к себе, коль скоро господин министр коммерции будет у вашего сиятельства.

С глубочайшим благоволением емь вашего сиятельства всенижайший Матвей Геденштром.

Января 11 дня 1808.

* * *

Сиятельнейший князь!

Я принужден таки утруждать ваше сиятельство просьбою! Теперь уже шесть недель, ваше сиятельство, как я содержусь, и все сие время питал я надежду о скором решении моей участи. Ваше сиятельство, узрев непристрастную готовность мою во всех моих показаниях, столь милостивы были обещать мне свое покровительство и облегчение участи. Во все время моего содержания я довольно имел опытов милости ко мне вашего сиятельства, и я был бы презреннейший из человеков, ежели б не чувствовал цены оной. Никогда я благодеяния ваши не забуду.

Н. вашему сиятельству также известно, что я ехал сюда поверенным людей, вверивших мне попечение о сохранении знатной части их имений, или что теперь сино-

ним жизненного их блага. Я всегда счастьем себе поставил доверие людей и всегда исполнял их поручения, радуясь приязни ко мне человека, что самое наконец и во вред мне послужило. Я ставлю себе свидетельствовать доверию либавских купцов, поручивших мне чеки свои. Пропустя три недели, решил я представить вашему сиятельству записки по делам их для доставления к господину министру коммерции. Ваше сиятельство и в сем случае благосклонно приняли мою просьбу. Но дела такого рода требуют свободного и старательного поверенного, могущего и осведомиться, что сделано, дополнить, где нужно, утешить и успокоить верителей своих. Мог и могу ли я это? Придут ли люди, ведающие лишь интерес, в оправдание волю, ограниченную стенами! Они захотят дела. А потому и прошу, ваше сиятельство, еще одной милости!

Позвольте передать мне доверенности и все сведения формально здешнему консуленту доктору прав (*нрзб*). Позвольте ему быть ко мне и принять от меня, вместе с уступной, все бумаги, а также прикажите, ваше сиятельство, возвратить мне мою шкатулку.

Сиятельнейший князь! Я столь смел в моей просьбе, что боюсь тем навести на себя негодование ваше. Но простите мне, ваше сиятельство! Примите в уважение, что прошу не о своем деле, о котором совершенно надеюсь на милость вашего сиятельства, — я прошу о делах других, о деле тех людей, которые оказали мне великое доверие.

Сиятельнейший князь! Не дайте мне впасть в смертный грех — грех неблагодарности.

С глубочайшим благоволением емь вашего сиятельства все-низжайший Матвей Геденштром.

7 февраля 1808.

3. Записка

1. По ордеру его сиятельства графа Николая Петровича Румянцева велено мне отправиться в Тобольск. Хотя я и не желал обременять казну лишними издержками, однако к тому принужденным нахожусь по совершенному моему неимуществу. Я осмеливаюсь все-низжайше просить дать мне к сему нужные средства.

2. Соображая сколько мне можно с настоящим моим положением, вижу я, что мне должно отвыкать от некоторых излишно-

стей, не составляющих действительное благополучие жизни: но как всякое содержание должно сообразоваться в некотором роде с закоренелою привычкою, обратившейся в необходимость в сохранении себя от могущих последовать потрясений в физическом составе, то я и смею испрашивать назначить мне хотя некоторое, но верное содержание, смотря на которое, мог бы руководствоваться в новом образе жизни.

3. Проживая несколько лет сряду в Риге, где находится и единственная родня моя, то и простительно мне желание оправдаться некоторым образом в мнении как родни моей, так и лифляндского гражданского губернатора, который, будучи всегда мне благодетелем, оскорбиться должен мыслию, что покровительствовал человека, унизившего себя даже до преступления: ибо не в ином виде могу ему казаться, ежели узнает, что отправляюсь в Тобольск, а потому всенижайше испрашиваю дозволения отписать как к родне моей, так и к благодетелю моему в Ригу и приложить копию с моего ордера. Величайшим же для меня счастьем и успокоением было бы, ежели ваше сиятельство соизволит приказать уведомить господина Рихтера, что отправляюсь в Тобольск для занятия должности, предназначенной мне вашим сиятельством совокупно с его сиятельством графом Николаем Петровичем Румянцевым.

4. Борисковский заказал мне через г. Стратиновича в 1807 году

карету у каретника Шмита за 1600 [руб.]. Каретник Шмит, узнав у г. Стратиновича, что я сюда приехал в октябре месяце от Борисковского, прислал ко мне и объявил мне, что в марте месяце получил от Стратиновича в задаток 250 [руб.], требовал от меня остальных, угрожая без того продать карету. Но как Борисковский, означив мне употребление остальных денег, о сем ничего не помянул, то и принужден был я дать ему из своих 500 рублей, надеясь расчесть с Борисковским, но сего я не успел сделать. А потому всенижайше прошу ваше сиятельство приказать господину обер-полицеймейстеру взимать с каретника Шмита полученные им 750 рублей. Каретник же, остав(ив) карету за собою, ничего не потеряет, требовать же не может, чтоб я лишился моих денег, в настоящем положении мне весьма нужных. Сие тем более предполагать должно, он же находит свои выгоды, имеет у себя столь долгое время карету к своему употреблению.

Коллежский регистратор Геденштром.

4. Рапорт министру внутренних дел А.Б. Куракину

Вследствие ордера министра иностранных дел и коммерции его сиятельства графа Николая Петровича Румянцева нахожусь я теперь в Тобольске, куда за худою дорогою не прежде прибыл 12 числа сего месяца, быв 30 дней в пути, из Санкт-Петербурга. Здесь я имею ожидать предназначенно-

го мне по службе поручения или от вашего сиятельства, или от господина министра иностранных дел. О чем счастье имею всепокорнейше донести вашему сиятельству.

Коллежский регистратор Матвей Геденштром.

Тобольск, апреля 14, 1808.

5. Елене Геденштром²¹

Тобольск, 10 [мая] 1808.

Наконец получил я ваше письмо, но вы адресуете ваши письма к секретарю здешнего губернатора, кажется, я не знаю, да и не имею нужды знать, сей господин задерживает у себя письма на 3 дня. Я имею на законном основании надежду получить вскоре 40 000 <...>. Дело в том, что мы нескоро еще помиримся с Англиею, это вам загадка, а тогда не сбудется вам их ни одной.

Геденштром.

Тобольск, 19 июня 1808.

Любезная невестка! Я скоро уеду — уеду навстречу великим бедам, преодолею ль я их или буду им жертвою. Это мне, гово-

рю откровенно, все равно. <...> Дела мои в Петербурге идут хорошо, я надеюсь получить 40 000, приняты все меры быть совершенно обеспеченным. В случае моей смерти все получают племянники, если буду жив, то оставлю им одну часть и уеду вон. Это мое намерение! <...>

Дражайшая невестка!

Завтра еду я в дальний путь. Лузгин пишет мне, что деньги скоро будут выплачены. Геденштром.

Якутск, 26 сентября.

Любезная невестка, через 3 недели буду прямо к Ледовитому морю — прощай! В крайней скорости. Геденштром.

6. Г. <...> Нейману в Либаву

Якутск, 10 октября 1808.

Ваши письма от 19 апреля и 5 июля я получил и спешу отвечать вам.

Г. Лузгин, без сомнения, уже уведомил вас через г. Карстенса, каким образом лишился я камней, г-ну Групениусу принадлежащих. Мне он пишет, что по просьбе моей уже подобные камни отдал в оправу. Если г. Групениус тем будет доволен, то остается мне как только извиниться сколько возможно в медленности. Но так как вы, м[илостивый] г[осударь], пишете, что сие были вещи, подаренные ему в знак памяти, то,

конечно, не в состоянии я буду заплатить за них. Несчастное приключение, последовавшее со мной в С-Петербурге по вине других, конечно и могло бы доставить мне прощение!

Если г. Групениус камнями, Лузгиным ему доставленными, в рассуждение цены и проч. не будет доволен, то прошу вас покорнейше назначить мне цену, я не премину даже с Ледяного моря доставить с благодарностию сию сумму. Мы слишком мало были знакомы, чтобы я от вас, м. г., мог ожидать правильного суждения о моем характере, и либавские друзья наши, ко-

²¹ Елена Геденштром (Елена Яковлевна Геденштром, урожд. Helena Hedwig Harmens) — жена Иоганнеса Геденштрома, брата Матвея Матвеевича.

нечно, не так бы строго обо мне говорили. Вы можете мне говорить, что выражения ваши для меня весьма прискорбными были. Чувство видеть себя лишенным вашего ко мне уважения, которое для меня столь было драгоценно, весьма меня терзает, — кончим это! Еще скажу вам, что, поехавши из Петербурга в Тобольск с препоручением министра, довольно я был снабжен деньгами для достижения назначенного мною места без всякой нужды, к тому же и суммы, полученные мною из департамента от г. Кремера, были весьма достаточными. Если вы обо мне худых мнений, потому что я просил у вас вспомоществования, то я должен изъяснить вам, что ни от кого другого как от виновника (г. Бор[исковского]) по всей справедливости вспомоществования себе требовал, а только из пустых слухов заключил я, что вы, м. г., от имени г. Ф. Бор²². В том не откажите.

Надеюсь, что достаточно оправдал себя перед вами и, уверен, приобрел себе тем прежнее ваше ко мне расположение.

Я думаю, вам неизвестны обстоятельства в декабре 1807 года и, конечно, вам будет приятно узнать истину. На дороге из Юрбурга в Петербург арестовали меня по высочайшему повелению на стан-

ции Тейлиц²³ и привезли к министру внутренних дел князю Куракину (который сделался потом моим благодетелем и милостивцем). Скоро потом допрашивали меня в присутствии обоих министров (другой был Румянцев), и наконец, содержавши меня 8 недель, от ареста освободили, тотчас после освобождения привели меня к графу, который, после большого и весьма лестного предисловия, приказал мне дать ордер, вследствие которого должен я был поехать в Тобольск и ожидать там высочайшего препоручения. Полномочия и господ либавских я передал с дозволения обоих министров Лузгину.

По приезде в Тобольск в скором времени получил я высочайшее препоручение сделать описание вновь открытым землям и некоторым островам, к северу лежащим. Обещаны мне золотые горы. Я имею в руках все средства, чтобы кончить все удачно, и если не съедят меня белые медведи и я не замерзну, то надеюсь в ноябре 1810 года возвратиться в Петербург. День и ночь стараюсь я узнавать все то, что нужно для сей важной экспедиции, — лучшие инструменты я уже получил.

Один я столь счастлив, что остался без наказания за связь

²² Фредерика Борисовская — сестра И.А. Борисовского, сбежавшего за границу. Скорее всего, граф Румянцев был замешан в деле о взятках и позволил Борисовскому уйти. Косвенно об этом свидетельствует дело «О служебных документах Борисовского» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 54. Д. 70). Перед побегом Борисовский написал своей сестре несколько писем, в которых поучал, как получить деньги от его должников.

²³ Тейлиц — мыза Тейлиц недалеко от Дерпта.

мою с Б[орисковским]. Г. Стратиневич в Томске в ссылке, я его там видел. Г. Словцов²⁴ должен был за штраф взять место в Сибири, он правителем канцелярии у генерал-губернатора. Г. Папин живет в деревне у отца своего — вот и все.

По Ледяну морю должно ездить зимой либо в саних на собаках, или верхом на оленях.

Летом, которое недолгое, 6 недель продолжается, все отдыхает. Беспокойствие, которое я претерпеваю, почти невероятно —

2000 верст до моря должно ехать верхом, а ночевать при величайших морозах — под открытым небом, уже теперь 23 градуса, а далее будет до 43 градусов. Если я буду свободным, то пришлю вам маленькое описание моего вояжа, то есть от устья реки Яны, по крайней мере, надеюсь, что вы обо мне вспомните, сидя в теплой комнате в кругу ваших друзей, вспомните и то, что я подвергнут жесточайшей службе и не имею ни портера, ни мадеры. Пребываю. Геденштром...

7. *Неизвестному адресату*²⁵

Якутск, 25 октября 1808.

Дражайший друг!

Скоро, скоро уезжаю я отсель. Путешествие страшное. Представь себе, что должно ехать верхом при жесточайших морозах 1200 верст и ночь лежать под открытым небом, уже ныне морозы простираются до 28°. Словом, путешествие адское, я не надеюсь оное перенести — да и к чему? С сегодняшней почтой пишу я к генерал-губернатору, проси его за меня и за моего племянника заступиться, дабы петербургский приятель мой меня не обманывал. Он был весьма неблагоприятен, когда и его без всякой зас-

луги обогаща около 50 000 рублями. Пособи мне в моей просьбе.

Дражайший друг!

Что делает Муфель²⁶? Я весьма скучать буду. Для чего он меня обманул? Худо весьма, что не был я в Боргузе²⁷. И думаю, что цинготная и все чертовские болезни мною овладеют. И никакой помощи! Житие весьма худо. Каждую неделю должно по 4–5 раз быть у какого-либо купца — и что делать! В таком собрании не услышишь ни одного разумного слова. Пить и опять пить — это начало и конец. Невероятно, как здесь пьянство и французы загнездились. Я

²⁴ Словцов Петр Андреевич (1769–1843), автор многочисленных произведений о Сибири, в том числе и «Исторического обозрения Сибири», принесшего ему мировую славу.

²⁵ Письмо написано на немецком языке. В деле приложен к нему перевод на русский.

²⁶ Муфель — возможно, это надворный советник Николай Логинович Муфель, имевший сыновей Павла (род. 13 июня 1809 г.) и Матвея.

²⁷ Боргуз — Баргузин, поселок в Бурятии.

от того и другого берегусь. Корну кланяйтесь 1000 раз, благодарю за ружья. Из Тобольска и от вас лишь одно письмо получил. И я, признаться, ленив, однако же не так, ибо я хоть однажды в месяц к приятелям своим пишу. Обратитесь и кайтесь, то есть: пишите ко мне письмо пространное. Вы себе

представить не можете, как приятно здесь, в такой отдаленности, получить письмо. Собака ваша здесь. <...> Итак, прости, будь благополучен, не забудь высокобродного и всей надежды лишнего друга, который надеется быть и обнять вас в Тобольске.

Геденштром.

8. М.М. Сперанскому²⁸

Ваше Высокопревосходительство милостивый государь! К правосудию и великодушию Вашего высокопревосходительства взывает из Сибири несчастный Геденштром!

В 1808 году по высочайшему повелению приехал я в Тобольск для ожидания поручения, исполнением которого я мог загладить невольный проступок мой по делу таможенного ревизора Борисковского, и мною объявлено было, что тогда только могу я надеяться возвратиться на родину и поступить в ряд с прочими служащими чиновниками. Господин министр коммерции граф Румянцев приискал мне поручение, состоящее в описании земель и островов на Ледовитом море. Экспедиция моя Вашему Высокопре-

восходительству известна. В 1809 гос[ударь] император повелел обнадеежить меня монаршим словом, что я не токмо прощения вины, но даже и наград и отличий ожидать могу, если кончу свое дело с успехом. В 1810 году вторично милосердный государь повелел меня обнадеежить, что я не токмо получу чин титулярного советника (к которому я был представлен из 14 класса), но могу надеяться и на другие отличия и награды.

Поручение, мне данное, заключалось в инструкции от иркутского губернатора, высочайше после утвержденное. В первый год я более сделал, нежели от меня было требовано, и охотно продолжал начатое дело. Все это можно видеть из актов. Против воли я

²⁸ Письмо из Ялуторовска с приложением рисунков имеющихся у Геденштрома частей древних животных находится в деле «Об отклонении прошения сосланного в Сибирь за неблагонадежностью Геденштрома» (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 406).

Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) — сибирский генерал-губернатор в 1819–1822 годах, сын священника, граф (1839). В 1819–1821 гг. проводил ревизию Сибирского управления. После ее завершения назначен членом Государственного Совета. Со времен обучения в Александро-Невской семинарии дружил с П.А. Словцовым.

был вызван в Иркутск. Генерал-губернатор испросил у монарха уничтожение экспедиции, и в 1812 году по высочайшему повелению возвращена мне свобода по службе, дан чин губернского секретаря и впредь до определения жалованье по 500 руб в год. С сим кончились мои экспедиции, и я награжден свободой, следовательно, всемилостивейше прощена вина моя. Но генерал-губернатор отдал меня в распоряжение по службе иркутского губернатора, и как я не желал служить в Сибири, то нечаянно для меня помещен был в число сопутников капитану Рикорду²⁹ в экспедицию для избавления из японского плена капитана Головнина³⁰.

Я только был в Охотске и принужден был возвратиться в Иркутск. Не предвидя скорого конца японской экспедиции, которая меня удерживала в Сибири, я наконец решился вступить в действительную службу по Иркутской губернии и был определен верхнеудинским³¹ земским исправником. В сей должности я должен был пробывать до 1819 года,

когда Ваше Высокопревосходительство изволили меня отрешить наряду с прочими исправниками.

Вашему Высокопревосходительству известна степень достоверности вины моей. Я ссылаюсь только на решение, по которому я включен в разряд под литерою Б. Всех одновинных со мною между прочим повелено было выслатъ из Сибири во внутренние губернии, обо мне одном государь указал из Сибири не выслатъ. Не должен ли я был считать таковое избавление от одного из наказаний особенною милостию, дарованною мне за прочие труды, не обыкновенные. Я пользовался сею милостию три года, проживал в Тобольске по семейственным обстоятельствам. Здесь узнали, что слово монарха «не выслатъ» принимается за «не выпускать»!

Я взываю к правосудию Вашего Высокопревосходительства! Чем виновнее я прочих чиновников под лит. Б? Не заслужил ли я прежнюю вину мою и не загладил ли гнев монарший исполнением сверх требования данного мною

²⁹ Рикорд Петр Иванович (1776–1855), адмирал, академик, исследователь северной части Тихого океана. В 1807–1809 гг. старшим офицером на шлюпе «Диана» (под командой В.М. Головнина) перешел из Кронштадта к м. Горн, а оттуда — к м. Доброй Надежды через Индийский и Тихий океаны вокруг Тасмании к Камчатке. В 1811 г., после захвата Головнина, двух офицеров и четырех матросов в плен японцами, принял на себя командование шлюпом и перешел в Охотск. Способствовал освобождению В.М. Головнина.

³⁰ Головнин Василий Михайлович (1776–1831) — вице-адмирал, исследователь Тихого океана и Курильских островов, член-корреспондент Академии наук, писатель. С 1830 г. произведен в вице-адмиралы.

³¹ Верхнеудинск — ныне г. Улан-Удэ.

поручения? Я ежедневно во всем составе своем мучительную боль чувствую, что я был три года на Ледовитом море и заслуживал проступок мой. Редко кто столько наказан, как я, и все еще мера наказания не исполнилась! 18 год в Сибири, на 43-м году имею малолетних детей (старшему 6-й год). Какая будущность для них и для меня! Я не был грабителем. Чем могу содержать себя и семейство в стране, где способностями своими и науками торговать не могу, где нет частной должности, кроме разве винного поверенного или сидельца.

Не смею испрашивать милости вступить свободно в службу в России, когда и мнимая мною милость оказалась мне видимым наказом. Я осмеливаюсь просить сравнить меня с сверстниками моими под лит[ерой] Б. Ежели я не виновнее их — дозволением оставить Сибирь. Ежели же я виновнее, то и тогда надеюсь на правосудие, что позволите мне жить хотя бы в Пермской губернии, где, по крайней мере, большую могу иметь надежду на частную службу, до стечения роковых лет.

Ваше Высокопревосходительство! Удостойте милостивым вниманием мое положение. Будьте предстателем у милосердного монарха за угнетенного судьбою! Ко всем милосердный государь не отринет и меня несчастного — много страдавшего!

С глубочайшим благоговением имею честь быть Вашего Вы-

сокопревосходительства низжайший слуга Матвей Геденштром, титулярный советник.

Ялutorовск, мая дня 1825.

* * *

Ваше³² высокопревосходительство!

В 1808 послан я был по высочайшему повелению на Ледовитое море, для описания островов против устья Яны и открытой от них на востоке земли. Мне объявлено при том было, что, окончив сие поручение с успехом, я заплажу тем вину свою и возвращусь на родину. Данное мне поручение я окончил в первый год. И остался для дальнейших открытий и описаний.

В поощрение обнадежен я был Монаршим словом, что по окончании я не только из 14 класса буду произведен в 9-й, к которому я был представлен, но должен ожидать еще других наград и отличий. В 1810 году мне повторно было сие Монаршее обнадеживание, последовавшее на вторичный доклад государственного канцлера.

В 1812 году по докладу генерал-губернатора экспедиция моя, как тягостная для малочисленных тамошних обитателей, уничтожена. Все спутники мои удостоились высочайших наград, и мне дан чин 12 класса, возвращена свобода по службе и назначено впредь до определения жалованья по 500 руб. В 1813 году по высочайшему повелению был я причислен к японской экспеди-

³² Письмо хранится в РНБ, РО. Ф. 731. Д. 569.

ции. Был в Охотске, но не мог отправиться с г. капитаном Рикордом. По необходимости я должен был вступить в службу в Иркутской губернии. В 1819 я отрешен был с прочими чиновниками вашим высокопревосходительством.

В числе наказаний, положенных решением Сибирского комитета на чиновников в разряде лит. Б, в который и я помещен, заключалось и повеление выслать нас из Сибири. Обо мне высочайше повелено: не высылать из Сибири. Имея малолетних детей и родственников в Сибири, что известно было вашему высокопревосходительству, я полагал, что сие высочайшее повеление исходатайствовано было вами за труды мои на Ледовитом море, но что оно не отнимало от меня воли выехать из Сибири. Оно по буквальному смыслу означало, что с меня снято одно из наказаний, положенных на разряд лит. Б, прочих велено выслать — меня не высылать. Тем оно причтено в наказание — я избавлен от него. Но здешнее начальство разрушило мечту мою, объявив, что слово «не выслать» означает «не выпускать». Мог ли я думать, что не загладил прежней вины моей, когда по экспедиции моей сделал я гораздо более, нежели от меня было требовано. Когда имел счастье получить два Монарших обнадеживания не только возвратиться на родину, но и в других отличиях и наградах. Когда наконец высочайшим повелением возвращена мне свобода

по службе. Неужели сия свобода простиралась для меня на одну Сибирь? Свобода таковая была бы неволю!

К вашему высокопревосходительству осмеливаюсь обратиться. В вас ожидаю найти себе покровительство, ежели имею право оставить Сибирь, и милостивого ходатайства у милосердного Монарха, ежели моя вина 1808 года еще не заглажена, невзирая на трехлетнюю бытность мою на Ледовитом море и на обнадеживания именем блаженной памяти Государя Императора, заслуженные мною в полной мере совершенным исполнением данного мне поручения.

Седьмой год я уже без должности, с нуждою только могу содержать свое семейство, и имею трех сыновей, требующих воспитания. Сжальтесь, милостивый государь, над давнишним страдальцем. Ожидаемое коронование Государя Императора означено будет Монаршею милостию на многих несчастных. Одно слово вашего высокопревосходительства — и на меня прострётся милосердие Монарха. Возвращённым (?) из Сибири я могу бы еще быть полезным слугою Отечества, могу воспитать таковыми и детей моих. Глубоко чувствовать будет целое семейство ваше благодеяние!

С глубочайшим благоволением вашего высокопревосходительства нижайший слуга Матвей Геденштром.

Ялutorовск, мая 29 дня 1826.

9. Петру Ивановичу³³ [?]

Начато 29 января 1827.

Милостивый государь Петр Иванович! Наконец с пришедшею почтою отправляю отсюда донесение г. губернатора о всех чиновниках, находящихся под надзором полиции. Список сих требовался государем, дабы и сии несчастные могли участвовать в Его милости. Представление послано на высочайшее имя по собственной канцелярии 3-го отделения. Аттестацию³⁴ обо мне при сем прилагаю.

Я уже совсем перекочевал в Тобольск, но с самого приезда жестоко страдаю головной болью. Почтеннейшая Елизавета Антоновна, вероятно, уже теперь в Кронштадте. И она всем обязана вам.

О нашем генерал-губернаторе здесь слух, что он жестоко болен горячкою; другие перемещают его в Малороссию. Я его жду с нетерпением, чтобы лично испросить себе его милость.

Иван Богданович³⁵ и Елизавета Ивановна благодарят вас усерднейше за добрую о них память и просят уверить вас в их почтении и преданности.

С чувством душевной, вечной преданности, благодарности и высокопочитания пребыть имею честь вашим высокопочетнейшим слугою.

М. Геденштром.

Тобольск.

Январь 29, 1827.

10. А.Н. Голицыну³⁶

Сиятельнейший князь!

Я продолжаю по убеждению моему (письмо от 23 февраля)

доносить вашему сиятельству то, что чувствую заслуживающим внимания правительства.

³³ ГАРФ. Ф. 109: секретный архив III отд. Оп. 3А. Д. 885: письмо русского путешественника по Сибири М.М. Геденштрома из Тобольска с обращением Петр Иванович 29 января 1827. Автор краткой записки о Геденштроне (на самом деле, очень обстоятельной и подробной), скорее всего, сам Геденштром, но в деле сохранилась лишь копия документа, выполненная неизвестным переписчиком. — Петр Иванович Рикорд?

³⁴ Хранится в деле, из которого в основном взяты письма для данной публикации. См. письмо А.Н. Голицину и А.К. Бенкендорфу. ГАРФ. Ф. 109, 1 эксп. Оп. 9. Д. 192.

³⁵ Цейдлер Иван Богданович (1777–1853). Начал службу в 1790 г., сражался в Италии и Швейцарии, участвовал во взятии Измаила. С 1819 г. — комендант Иркутска, с 1821, по ходатайству М.М. Сперанского, назначен иркутским гражданским губернатором. Интересовался культурой Китая, собрал у себя коллекцию китайских вещей.

³⁶ Голицын Александр Николаевич (1773–1844), российский государственный деятель, обер-прокурор (1803–1816), министр народного просвещения (1816–1824). С 1824 — главный начальник почтового департамента.

Генерал-майор Броневский³⁷, начальник штаба Сибирского отдельного корпуса (одной разбросанной по Сибири дивизии), по требованию енисейского губернатора Ковалева³⁸ был командирован в Красноярск для удостоверения, опасны ли для спокойствия общего движения мыслей и воли простого народа по толкам поляков о воскресшем для Сибири цесаревиче Константине³⁹.

В передний его проезд г. Броневский, как и гг. жандармы, называл слухи сии бреднями, но, возвращаясь, говорил губернатору Ковалевскому⁴⁰, что он уверился в справедливости опасений Ковалева, и здешний губернатор того же требовал, и нашему Томску обещана воинская подмога.

Дело об Омском бунте постепенно засыпает под президентством г. Литвинова. Он полагает его успокоить беспробудно к сентябрю месяцу. Непостижимая для меня нерадивость вашего правительства.

Новый генерал-губернатор Восточной Сибири Сулима⁴¹ известен уже в Иркутске. Мои опасения (письмо от 23 февраля) сбываются. Жандармский полковник Маслов был за Байкалом, но только в Кяхте, а не в Нерчинске. Там только чай интересен, но в Нерчинске голод и всякая крайность. Ожидаем его на днях здесь в Томске. Он, вероятно, оправдается у графа Александра Христофоровича⁴² в непосещении Нерчинска, но в моих глазах он за то виноват кругом.

³⁷ Броневский Семен Богданович (1786–1858), генерал-губернатор Восточной Сибири. В 1808 г. был определен адъютантом инспектора сибирских войск генерала Глазенапа. С 1814 — атаман Сибирского линейного казачьего войска. В 1834–1837 — генерал-губернатор Восточной Сибири. Сенатор с 1837 г.

³⁸ Ковалев Иван Гаврилович (1782 — после 1836), полковник, участник похода Суворова и Наполеоновских войн. Енисейский губернатор (1831–1835), тобольский губернатор (1835–1836).

³⁹ Константин Павлович (1779–1831), второй сын Павла I и Марии Федоровны. Главнокомандующий польскими армиями. Известен как несостоявшийся император, хотя и провозглашенный.

⁴⁰ Ковалевский Евграф Петрович (1790–1867), горный инженер. Томский губернатор (1830–1836), одновременно главный начальник Колыванских и Алтайских заводов; директор департамента горных и соляных дел (1837–1839); министр народного просвещения (1858–1861).

⁴¹ Сулима Николай Семенович (1777–1840), российский военный и государственный деятель, герой войны 1812 г., генерал-губернатор Восточной Сибири с 1833 г., командир отдельного Сибирского корпуса, генерал-губернатор Западной Сибири с 1834 г.

⁴² Бенкендорф Александр Христофорович (1782–1844), граф, российский военачальник, генерал от кавалерии, шеф жандармов и одновременно главный начальник III Е.И.В. канцелярии.

Для подкрепления Нерчинского края принята была жестокая мера. Сельские запасные магазины в Иркутском округе были опростаны для наделения Нерчинского семенами, но едва ли хлеб дойдет вовремя. Нерчинским крестьянам назначено заплатить за пуд от 1.70 к. до 2 рублей, когда в Иркутске пуд муки продается по 2.50. По неимению денег в казне они удовлетворяются зачетом в подати. Какой тогда будет сумбурный расчет в сельских обществах. Достаточный крестьянин вымирает, но бедный, который засеивает свою пашню из отпускаемого займообразно зерна из сельского магазина, останется без посева. А бедных очень, очень много, они, голодные, могут свести богатых поневоле, и погибнет губерния и все зависящие от нее хлебородные области, не дай боже того!

Пусть эти мои опасения будут следствием последней крайности, но и половина сей крайности оттолкнет довольство Иркутской губернии на дальние годы. В Нерчинском краю начались уже грабежи и неповиновение оглашается. Голод, бедность, повсюду производятся насильства, скопища и грабеж. Чего ожидать от Нерчинска!

Новый генерал-губернатор никому не доверяет и не имеет истинно деловых по гражданской части, которую он не знает, а фрунтовое его искусство очам бесполезно.

Сиятельнейший князь! Представляя вам образчик длинной ткани всех бедствий Восточной Сибири, я не упомянул о недо-

статке соли, дошедшем до того, что отпускают в самом Иркутске соль не пудами, а золотниками. Бог судья воеводам!

Но ни один иркутянин не жалобник на царя. Якуты называют государя Кюнь-иракта, т.е. дальним солнцем. И Сибирь забытая видит монарха светлым, ярким, но дальним, негреющим! Ежели б я не знал, что ваше сиятельство любите правду, не фигурную, красивую, но обнаженную, без вычур краснобайных, то никогда не утруждал бы вас моими мечтами, но у вас-то им и место! Что вы обоймете с жаром, то не охлаждая передаете царю, и потому пишу не красно, но из души, из краев выливающейся.

Вызовите меня к себе — выслушайте все, что на душе имею, писать того не могу, не хочу. И было бы бесполезно без личного объяснения. После того я возвратился бы в Сибирь на истинную службу государю.

Прочел писаное и вижу рапсодии без комментариев. Остынув, должен думать, что ваше сиятельство и государь презрели меня как энтузиаста, сумасброда. Больно мне, но большее Сибири, которая долго не наживет такого ходатая. Пагубен Сибири взгляд на нее столичный, самоуверенный; она кажется миниатюрною карикатурою.

Прошу у вашего сиятельства единой милости, не томите меня долго в неизвестности.

С глубочайшим и проч. М. Геденштром.

Томск, апреля 13, 1834.

11. А.Х. Бенкендорфу

Сиятельнейший граф! Из дальнего края сибирского умоляю ваше сиятельство прочесть сие прошение, услышать больного старика, и я уверен, что оно возбudit сострадание ваше и что вы, сиятельнейший граф, окажете мне свойственную вам справедливость. Из поднесенного увольнительного аттестата почтового департамента увидите, что служил я с 1798 года, был на Ледовитом море три года и сем полезен. В 1824 году⁴³ угодно было бывшему генерал-губернатору Западной Сибири выслать меня в 24 часа из Тобольска за то, что будто бы я шатал умами губернских чиновников, и дать о сем по всему своему ведомству официальную литографическую публикацию. De mortuis nihil⁴⁴, а потому и не жалуюсь я на покойного генерала Капцевича⁴⁵, тем более что он сам по представлению Тобольского губернского совета дозволил мне

возвратиться в Тобольск в 1826 и тем сознался в своей несправедливости, но мог ли я тогда думать, что мне следовало настоять об опубликовании таким же образом разрешительного предложения генерал-губернатора, каким я был невинно обруган публикацией 1824.

Разрешение генерал-губернатора получено письменное, не литографированное, в губернском совете, и объявлено мне чрез ялutorовского городничего по предписанию гражданского губернатора Бантыш-Каменского⁴⁶, бывшего тогда в Западной Сибири. Господа сенаторы Безродный⁴⁷ и князь Куракин, сострада я мне, представили о моем положении вашему сиятельству в 1827 г. И вы, сиятельнейший граф, доложив о сем государю императору, походатайствовали мне возвращение в Петербург и впоследствии с высочайшего соизволения рекомендо-

⁴³ Возможно, копиист письма ошибается. Известный приказ П.М. Капцевича вышел 10 марта 1825 г. (см.: ГАРФ. Ф. 109: 1 эксп. Д. 192. Л. 33 об.–34). Кроме того, в марте-апреле 1824 г. М.М. Геденштром еще жил в Тобольске, что следует из дела о краже у него сахару и чаю (ГАТоб. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 420).

⁴⁴ О мертвых ничего... (лат.)

⁴⁵ Капцевич Петр Михайлович (1772–1840), русский генерал от артиллерии. В 1812 командовал 7-й пехотной дивизией, отличился в боях под Смоленском и Бородино. Генерал-губернатор Западной Сибири (1822–1827).

⁴⁶ Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич (1788–1850), русский историк, служил в Коллегии иностранных дел. В 1825–1828 гг. — губернатор Тобольской губернии.

⁴⁷ Безродный Василий Кириллович (1768–1847), генерал-майор с 1803, сенатор с 1825 г., через 2 года послан ревизовать Западную Сибирь, где проявил свое пристрастие.

вали меня гг. министрам финансов и внутренних дел. У первого я поступил на службу в департамент внешней торговли и находился при генерале Р.О. Фурмине до высочайшего указа, определившего меня начальником отделения по ведомству министра внутренних дел. В 1831 году, пожелав возвратиться в любимую мною Сибирь, я был определен по почтовой части, в 1833 году по секрету объявлено мне от князя Александра Николаевича высочайшее повеление, чтобы я для представления государю императору доставлял князю сведения о Сибири, которые сочту полезными; я узнал совершенно Сибирь с 1808 года и мог вполне исполнить высочайшую волю, опять не предполагая, что готовлю тем себе горькую старость. В 1836 году, быв вызван моим главным начальником в Санкт-Петербург, я получил от него приказание познакомиться с новым тогда генерал-губернатором Западной Сибири князем Горчаковым⁴⁸,

и на вопрос мой князь Александр Николаевич указал мне быть с князем Горчаковым также откровенным, как и с ним, моим главным начальником. Спрашиваю ваше сиятельство как мужа правосудного, не должен ли был я исполнить приказание моего главного начальника, тем паче, что я любил Сибирь, совершенно оценил достоинства и качества нового генерал-губернатора и приобрел его доверенность. Я возвратился в Томск и служил верою и правдою князю Горчакову, но через то возбуждал к себе ненависть многих, невзирая на то, что следовал точно своему правилу отвечать сибирскому начальнику правдою только на его вопросы. В 1831 году был прислан в Томск по другому делу адъютант округа жандармский начальник господин Краевский. По приезде в Томск по другому делу генерала Фалькенберга⁴⁹ ему представлен один экземпляр хранившейся с 1824 г. в губернском правлении литографированной публи-

⁴⁸ Горчаков Петр Дмитриевич (1789–1868), генерал от инфантерии, генерал-губернатор Западной Сибири (1836–1850).

⁴⁹ Фалькенберг Николай Яковлевич, генерал-майор по тяжелой кавалерии, офицером с 1803, в 1840 — начальник 8-го округа корпуса жандармов (Список генералов по старшинству. 1840). В судьбе М.М. Геденштрома он сыграл зловещую роль. Фалькенберг 21 января 1838 г. пишет записку на имя Бенкендорфа «О влиянии на управление Томской губернией томского почтмейстера Геденштрома» («...В Томске составилось особое общество или, лучше сказать, — партия из чиновников, председателем <...> Геденштром». См.: ГАРФ. Ф. 109: 1 эксп. Д. 192. Л. 46–54). Далее упоминалось еще несколько имен, перечислялись злоупотребления данных чиновников. «...Это общий вопль г. Томска, основанный на многих доводах, но никто не осмеливается гласно жаловаться, опасаясь преследования». В результате Геденштром вышел в отставку, уехал в деревню Хайдуково и умер там в нищете и забвении в 1845 году.

кации генерала Капцевича, по которой г. Фалькенберг, осудив меня, не спрося, представил обо мне вашему сиятельству, а вы, сиятельный граф, доложили о ней Его Императорскому Величеству, отнесли князю Голицыну о моем перемещении из Томска.

В 1838 году в феврале объявил я себе в губернской конторе предписание почтового департамента, что по воле господина главноначальствующего я перевожусь в Петрозаводск. Если б департамент утвердил бы мне при том способ к переезду за 5000 верст, хотя бы назначил прогоны, то я исполнил бы неожиданную волю князя Голицына, но как этого не было, то перемещение мое значило не что иное, по моему смыслу, как желание, чтоб я оставил почтовую службу, что я и исполнил. И в том же году был уволен с полным пансионом, которым еще в 1834 году господин император приказал меня обнадежить, даже на случай ежели оставлю почтовую службу, не дослужив до полного пансиона. Г. Горчаков, возвратясь из Петербурга в 1838 г., мне объяснил все происшествие, и я увидел, что я сделался жертвою откровенности моей к двум князьям, следуя объявленному мне в 1837 году высочайшему повелению. В настоящем году князь Горчаков спрашивал ваше сиятельство, может ли он определить меня вновь губернским чиновником, и получил ответ, что это было бы противно высочайшей воле. Служив в Томской губернии почтмейстером, я имел казенную квартиру,

отопление и освещение с жалованьем по 3000 руб. в год. Теперь живу в деревне, где едва имею пропитание с моим пансионом по 98 руб. в месяц. Я еще способен для службы и могу быть полезен, могу работать против пяти губернских чиновников, и должен оставаться в деревне и сносить тяжкое горе.

Сиятельный граф! Излагая вашему сиятельству всю истину, осмеливаюсь нижайше просить и отдать от правосудия вашего исходатайствования у всемилостивого государя дозволить мне вступить на службу в Томск, о том дать знаки господину генерал-губернатору, или, в крайнем случае, объявить мне высочайшую волю, воспреещающую мне службу, и дозволить мне оправдаться перед судом. Имею честь представить при сем три документа, о возвращении коих прошу. 1 — увольнительный аттестат, 2 и 3 — два предписания бывшего министра внутренних дел, из которых ваше сиятельство усмотрит высочайшие награды за сочинение мое «Отрывки о Сибири», которого манускрипт доставлен вашему сиятельству от господ сенаторов Безродного и князя Куракина в 1827 и хранится в архиве III Отделения канцелярии Его Императорского Величества.

С глубочайшим благоволением емь вашего сиятельства нижайший слуга Матвей Матвеев фон Геденштрот, отставной надворный советник и кавалер.

Деревня Хайдуково, в 9 верстах от губернского города Томск.
Декабрь 2 дня 1840.

12. С.П. Шевыреву⁵⁰

Милостивый государь!

Статья ваша, милостивый государь, в 1 № «Москвитянина» о направлении русской литературы мне до того понравилась, что я при всем нездоровье своем решился ее перевести на немецкий язык, чтоб познакомить с ней немецкую публику нашу и иностранную, а в особенности журнал, выходящий в Берлине и относящийся, кажется, до нашей литературы.

Теперь занимаюсь, переписываю набело — и думаю с будущею почтою послать переводную статью к знакомому мне академику Купферу⁵¹ с просьбою поместить ее или в немецких «С.-Петербургских ведомостях», или отослать в Берлин.

В этой статье, кажется, вкрадлась одна ошибка, или я оригинала не понимаю. Почему на стр. XIII на 15-й строке сверху сказа-

но «предание», кажется, свойственное было бы <...>, нежели предание <...>. Осмеливаюсь вас покорнейше просить об объяснении мне сего непонятого слова. Ежели будете так снисходительны, то покорнейше прошу о значении, какое вы изволите дать этому слову, уведомить от себя г. Купфера, потому что я для помещения <...> лицо, а он столько по-русски знает, что сможет понять ваше пояснение и вставить приличное слово.

Себя прошу удостоить ответом чрез (колл. регистрат.) Алексеевича.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть вашим, милостивый государь, всепокорнейшим слугою М. ф. Геденштром.

Хайдуково, в 9 верстах от Томска. 2 марта 1842.

⁵⁰ Письмо хранится в РНБ, РО. Ф. 850. Д. 183. — Шевырев Степан Петрович (1806–1864), русский литературный критик, историк литературы, академик Петербургской академии наук (1842).

⁵¹ Купфер Адольф Яковлевич (1799–1865), профессор физики и химии в Казанском университете. В 1828 г. назначен академиком по минералогии, в 1840 — по физике.

Юрий Зотин

Очерки медицины Тюмени XVIII–XIX веков

В этом году Москва будет отмечать очередную годовщину, в этот раз будут праздновать 867 лет. Чуть более дотошный человек может дополнить: 867 лет с момента первого упоминания о городе в летописи (Ипатьевской). Более ранних упоминаний до сей поры официально не признали. Вот и в истории нашей Тюмени в этом году вероятно подобная годовщина. На этот раз дата более чем круглая — 300 лет первого упоминания о тюменском фельдшере.

В 1714–1715 годах между сибирским губернатором князем Матвеем Петровичем Гагариным и тюменским комендантом Борисом Васильевичем Эверлаковым (он служил комендантом Тюмени в 1714–1715) шла переписка по поводу указа императора Петра Алексеевича 1705 г. Согласно этому указу взимали налог за ношение бороды и усов, и можно было предположить, что официальные лица предпримут все меры к приведению прочих лиц в безволосое состояние.

Действительно, губернатор требовал побрить и постричь в Тюмени мещан и купцов. Но от коменданта пришло печальное известие: «А на Тюмени фершалов нету, ножницы одни и те ржавые. Бороды брить некому». Губерния среагировала быстро. Тобольскому фельдшеру Федору Зотову было предложено «отъехать на Тюмень и быть там брадобреем» [1].

Кем же были фельдшеры в XVIII веке?

Цитата, определяющая происхождение и круг обязанностей военных фельдшеров того времени, из словаря Брокгауза и Ефрона: «ученики госпитальных и “медицеских” школ, оказавшие малые успехи в науках или отличавшиеся неисправимым дурным поведением, посылались в полки рудометами (кровопускателями), цирюльниками; кроме того, в эти школы принимались грамотные солдатские дети, которые обучались в течение 5 лет пусканию крови, перевязке ран и т. п. и затем определялись в полки, дабы они могли

служить “с пользою в баталиях, при небытности лекарей и подлекарей”».

Малая хирургия, вправление вывихов, наложение повязок при переломах и ранах, кровопускание (передовой метод терапии тех времен) и, да, стрижка и бритье. Таков был диапазон способностей прибывшего в Тюмень 300 лет назад Федора Зотова.

Увы, неразработанность темы (в том числе и автором данного текста) не позволяет проследить за судьбой первого тюменского медика. Более того, следующие герои моей статьи отстоят в хронологическом плане от фельдшера Зотова на 73 года. Более чем уверен: в течение этих лет город не оставался без врачей-врачевателей. Найти сведения о них — задача исследователей истории Тюмени.

Итак, далее. 6 августа 1787 г. был произведен осмотр мертвого тела жены тюменского ямщика Татьяны Ивановны Кайгородовой. Одним из подписавших документ освидетельствования был сержант тюменского гарнизона «в должности подлекаря» Василий Шульгин. 28 октября того же года он принимал участие в освидетельствовании женки колодника Екатерины Ивановны на предмет ее болезни и оставления ее с мужем в Тюмени до выздоровления. А 15 ноября освидетельствовал «битую» мещанскую женку Прасковью Андреевну Гилеву. В документах этих дел Шульгин называется «лекарским учеником», подписывается, впрочем, также «сержантом, в должности подлекаря».

К 1793 г., видимо, произошла полная трансформация бывшего солдата в медицинского работника. В рапорте к тюменскому коменданту от 24 января 1793 г. по поводу осмотра избитого мещанина деревни Червишевой Василия Кадошникова Василий Шульгин подписывается уже как «подлекарь» [2].

Подлекарь Савва Бердников, упоминающийся в документах городнического правления, скорее всего, был командирован губернскими властями в целях борьбы с эпидемией. На это указывает его рапорт правлению от 7 июля 1787 г., в котором он сообщает о своем отъезде в Туринский город с его округой «обозреть, есть ли больные, одержимые ветряною язвой», а также известие того же месяца ему (от правления?) «О неимении теперь в Тюмени людей, одержимых ветряною язвою» [2].

В 1793–1794 гг. Бердников уже как лекарь (низшая учено-практическая медицинская степень в отличие от высших — доктора ме-

дицины и доктора медицины и хирургии) пользовал учеников Тобольской духовной семинарии [3].

Рапорт исполняющему должность коменданта майору Белорукову от 12 января 1789 г. по освидетельствованию избитого сидельцем Старозарешного питейного дома крестьянина Тимофея Парфенова подписал подлекарь Иван Мальков. Он же 10 марта того же года представил Белорукову рапорт о состоянии здоровья сержанта Василия Герасимова [2].

А 17 марта 1789 г. аттестат о неспособности к продолжению воинской службы сержанту Герасимову («от продолжившейся чахоточной болезни и в ногах подагры») подписал доктор медицины Иван Данилович Линденберг (1760 г.р.) [2, 4, 5]. Он — первый упоминающийся в введенных в оборот документах тюменский врачеватель, обладавший медицинской степенью (к тому же высшей).

В документах 1792–1796 гг. он значится уездным доктором Тюменской и Туринской округи [2, 4]. В своем сообщении тюменскому коменданту от 9 ноября 1792 г. он настаивает на открытии в городе госпиталя (указ наместнического правления о понуждении городской думы к открытию одного, был, по его словам, издан еще в 1789 г.), предлагает использовать для него продающийся дом купца Алексея Титова. Доктор предупреждает, что привезенная из Тобольска аптека «для пользования больных на годовую препорцию» хранится, из-за отсутствия должного помещения, при его квартире, и «токмо по неимению для оной такового для содержания удобного места попортилось ценою на 35 рублей с копейками» [4].

Иван Данилович проживал в приходе Михайло-Архангельской церкви с женой, Натальей Алексеевной (1773 г.р.), они отмечены в исповедальных росписях церкви с 1795 по 1798 г. [5].

В мае 1801 г. в Тюменской городской думе обсуждался вопрос о покупке дома заседателя уездного суда Перевалова тюменским уездным штаб-лекарем Василием Степановичем Козьминым (1754 г.р.) [6]. Уездный лекарь тех времен заведовал госпиталем для гарнизона уезда и числился в военном ведомстве. Госпиталь, открытия которого так добивался предшественник Козьмина Линденберг, располагался, судя по Плану уездного города Тюмени 1804 года, на Царевом Городище, а дом, в котором проживал со своим семейством лекарь, располагался на месте современного строения по ул. Республики, 5а. После 1808 г. Василий Степанович сменил место жительства, перебравшись

из прихода Михайло-Архангельской церкви в приход Ильинской церкви (район позднее известный как Потоскуй) [5, 7]. Вместе с женой Анной Степановной (1775 г.р.) они воспитывали сына Василия (1796 г.р.) и четырех дочерей: Ольгу (1800 г.р.), Марию (1803 г.р.), Олимпиаду (1807 г.р.), Елизавету (1810 г.р.). Сын Василий не пошел по стопам отца, в 1810–1815 гг. он служил подканцеляристом, затем канцеляристом тюменского уездного суда [5].

В 1809 г. штаб-лекарь Козьмин вступил в борьбу, которая периодически возникала между лицами, ответственными за санитарное состояние города, и тюменскими заводчиками. Журнал городской думы отмечает, что он запретил мочение кож в Ляминском пруду, располагавшемся между Городовой частью и Малым Городищем (район современной улицы Герцена) [8]. Надо заметить, что в том же 1809 г. Тюменская городская дума купила одноэтажный деревянный особняк с прилежащими сараем, завознями, баней и погребом (общей стоимостью в 542 руб. 85,5 коп.), в который и перебазировался с Царева Городища «гошпиталь» — городская больница [11].

В марте 1816 г. Василий Степанович покидает Тюмень, уезжая на свое новое место службы — в уездный город Туринск [9].

Необходимо отметить, что в период службы Козьмина в Тюмени в городе появляется второй обладающий медицинской степенью врачеватель. Увы, о нем известно не много. Коллежский регистратор, лекарь Яков Тимофеевич Кубасов (1771 г.р.) проживал со своей женой Ульяной Ивановной (1787 г.р.) в приходе Спасской церкви в 1810 г. [10]. Ни ранее, ни позднее эта семья в исповедальных росписях не значится.

В марте 1816 г. в Тобольской губернии совершается медицинская рокировка. Тюменский уездный лекарь Василий Степанович Козьмин назначается туринским уездным лекарем. А туринский уездный лекарь Игнатий Григорьевич Ещенко(в) становится тюменским уездным лекарем. Титулярный советник, штаб-лекарь (не забудьте про причисление к военному ведомству!) [9], Ещенко значится тюменским уездным лекарем по 1826 г. [5, 9, 12]. У меня нет информации о его работе в этот период времени, о требованиях нового медика к городским властям, о борьбе на почве санитарного контроля. Возможно, Игнатий Григорьевич был более покладист, нежели Василий Степанович. Но до просмотра журналов городской думы за указанный период утверждать этого не будем.

Игнатий Григорьевич Ещенко(в) был весьма молод (1786 г.р., 30 лет в 1816 г.), по сравнению с предшественником (62 года в 1816 г.) [5, 7]. В 1818 г. он обрел в Тюмени свое семейное счастье, молодую жену звали Марией Сергеевной (1802 г.р.) [5, 7]. Проживали они в приходе Михайло-Архангельской церкви.

В 1826–1827 гг. тюменским уездным лекарем значится Семен Самборский, лекарь 10 класса (по табели о рангах соответствовало коллежскому секретарю в гражданских чинах) [13, 14]. Более о нем у меня ничего нет, увы. Задел для последующих исследований.

В 1828 г. в Тюмени появляется *городовой* врач. Не уездный, не окружной, именно городской *тюменский*. Им был коллежский секретарь (чин X класса табели о рангах) Иван Сокольников. Он значится тюменским городovým врачом только несколько месяцев 1828 г. [14, 15]. Более никаких сведений о нем, связанных с Тюменью, я привести не могу. Можно добавить только, что он служил в иных местах, и в 1840 г. он значится в медицинском списке уже коллежским советником (чин VI класса) [16].

В том же 1828 г. тюменским городovým врачом стал Август фон Миквитц (05.10.1800–16.07.1854). Уроженец Эстляндской губернии, сын евангельско-лютеранского пастора, он закончил Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге в 1822 г. До Тюмени служил окружным врачом в Пензенской губернии (1822–1826), хирургом Кавказской медицинской управы (1826–1828).

Он, как и его предшественник, недолго задержался в этой должности. С 1829 г. он уже работал в Московском медицинском департаменте (17), с 1835 г. значится врачом Императорского Воспитательного дома и Дома вдов [18]. В 1854 г. он числился коллежским советником (VI класс по табели о рангах) [19]. Умер в том же году в Вибурге (Финляндия).

В 1829 г. тюменским городovým врачом стал Белявский*. В документах указано, что он уволен из Ведомства путей сообщения. Имя его мне неизвестно. По медицинскому списку 1831 г., он мог быть или Григорием, или Владимиром [17, 20].

В 1832-м г. поселщика (ссылного) Александра Федоровича Соколова из цеховых (отдельный класс мещан XVIII–XIX вв.) на-

* Примерно в это время в Тобольской губернии работал медик-хирург Франц Белявский, автор записок «Поездка к Ледовитому морю». Считается, что с 1829 г. он уже переехал в г. Москву.

значают фельдшером острожной больницы. Он, по документам, служил в данной должности в 1832–1834 гг. [7].

Матвей Петрович Иванов. В 1834–1841 гг. значится в Тюмени городовым младшим лекарским учеником [7]. В 1846–1849 гг. он в документах фигурирует фельдшером, домовладельцем в городской части Тюмени [21].

Иван Яковлевич Юхневич. Из посельщиков. Владел ремеслом и был зачислен в цех ремесленных рабочих в 1831–1833 гг. [7]. Но в 1834 году числится фельдшером острожной больницы [7]. В 1840–1841 гг. уже состоит в мещанском обществе Тюмени [7].

Этот перечень медиков Тюмени (значащихся в архивах автора) ограничивается в данной публикации 1834 годом.

Источники:

1. Иваненко А.С. Четыре века Тюмени. Тюмень, 2004.
2. Трофимова О.В. Тюменская деловая письменность. 1762–1796 гг. Тюмень, 2001. Кн. I.
3. Очерк из истории Тобольской духовной семинарии // ТобЕВ. 1904. №3.
4. Трофимова О.В. Памятники деловой тюменской письменности 1762–1796 гг. Тюмень. 2002.
5. ГАТюмО. Ф. И-100. Оп. 1. Д. 2: Метрические книги Михайло-Архангельской церкви за 1795–1801 годы и исповедальные росписи Михайло-Архангельской церкви за 1795–1839 гг.
6. ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 552а: Журнал Тюменской городской думы. 1801 г.
7. ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 2: Метрические книги Пророко-Ильинской церкви за 1809–1828, 1830–1841 гг.
8. ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 241: Журнал заседаний городской думы за 1808 г.
9. ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 249: Журнал заседаний городской думы за 1816 г.
10. ГАТюмО. Ф. И-109. Оп. 1. Д. 1: Метрические книги за 1794–1799, 1801–1802 годы и исповедальные росписи Спасской церкви за 1794–1840 гг.
11. Миненко А. Тюмень: летопись четырех столетий. Тюмень, 2004.
12. Российский медицинский список на 1826 год. СПб., 1826.
13. Российский медицинский список на 1827 год. СПб., 1827.
14. Российский медицинский список на 1828 год. СПб., 1828.

15. ГАТюмО. Ф. И-112. Оп. 1. Д. 1: Копии указов Синода, Тобольской духовной консистории, Тюменского духовного правления о строительстве церквей, правилах приема детей священнослужителей в приходские и уездные училища, предписания благочинного церквей города Тюмени священнослужителям Воскресенской церкви, ревизская сказка, ведомость о старообрядцах, формы ектений, список раскольников, находящихся в Вознесенском приходе. 1744–1840 гг.
16. Российский медицинский список на 1840 год. СПб., 1840.
17. Российский медицинский список на 1831 год. СПб., 1831.
18. Российский медицинский список на 1837 год. СПб., 1837.
19. Российский медицинский список на 1854 год. СПб., 1854.
20. Кубочкин С.Н. Заводская слободка... и еще 1000 штрихов к портрету забытой Тюмени. Тюмень, 2011.
21. ГАТюмО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 313: Обывательская книга Тюменской городской думы. 1849–1851 гг.

Юрий Мандрика

Мандриков комплекс? Или всего лишь синдром...

(Опыт самопародирования)

Писать учебники сложно. У меня ни одна попытка не дала плодов. Я никак не мог понять, какие точки зрения уже устаканились настолько, что их можно преподнести студенту как последнее слово исторической науки. И чтобы конфликтующие взгляды ученых не двигали линию сюжета. А последний сам развивался, предполагая постепенное вхождение в материал, над которым творческий студент мог бы работать и в будущем. Поэтому появление учебного пособия по региональной журналистике вызвало одновременно и восхищение смелостью женщин, и недоумение. Мне, например, незнакома ни одна основательная публикация по «Вестнику Западной Сибири», газете, выходявшей в большем формате в Тюмени на протяжении более четырех лет. Что могут сказать авторы об этом издании?

Уже в самом названии учебного пособия¹ сфокусировано несколько проблем.

Во-первых, что можно сегодня понимать под Тюменским регионом? Сама область появилась в 1944 г. Одноименная губерния существовала лишь с апреля 1918 г. по ноябрь 1923 г., а затем в виде трех округов вошла в состав Уральской области. Если исходить из вышеприведенных фактов, то хронологические рамки — 1789–1929, указанные в названии книги, плохо соотносятся с реальностью. Авторы книги не позаботились о том, чтобы объяснить читателям свой замысел. В результате границы Тюменского региона для истории журналистики оказались настолько размытыми, что его ареал напоминает скорее перистые облака в ветреную погоду. В данной ситуации просматривается два выхода: или мы

¹ Андреева А.А. История журналистики Тюменского региона (1789–1929): учеб. пособие / А.А. Андреева, О.А. Петрова. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. — 488 с. — *При ссылке в тексте на данное издание страница указывается в круглых скобках.*

оговариваем, что включаем в описываемую территорию, или предлагаем новый термин для ее обозначения. Так поступили екатеринбургцы при описании «Иртыша, превращающегося в Ипокрену». Они сделали его явлением урало-тобольской журналистики. Вчера — одно административное деление, сегодня — наличие федерального округа, в который попал и Тобольск.

Во-вторых, предисловие к учебному пособию открывается расхожей сентенцией, запущенной с легкой руки Г.Н. Потанина, что «сибирская журналистика началась с публицистики Н.М. Ядринцева» (с. 8), т.е. где-то с 60–70-х гг. XIX в. Если утверждение авторов вступительного слова верно, то куда же мы денем «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», которому посвящена десятая часть книги? Здесь уместно вспомнить историка П.М. Головачева, который писал о тобольских журналах XVIII в., что «их возникновение — факт случайный, изолированный, не стоящий ни в какой связи с окружающей действительностью того времени, не влиявший на окружающую жизнь, не оставивший никакого литературного наследства для ближайшего поколения.

Поэтому их едва ли даже можно называть “праотцами” сибирской периодической печати, и они, помимо своей собственной библиографической ценности, имеют лишь то значение, что иллюстрируют характер образования, литературные вкусы и незнакомство с окружающей жизнью при отсутствии интереса к ней...» (Восточное обозрение. 1903. 4 янв., № 3)².

Именно хронологические рамки учебного пособия обозначают третью проблему, наглухо вколотенную в название книги. Значение слова «журналистика» перекрывается семантическим полем лексической единицы «печатать», которое гораздо шире. Начиная историю тобольской журналистики детищем П.П. Сумарокова, учебное пособие, по сути, грозит стать нарративом о провинциальной печати одного из регионов империи.

Трудно отнести к журналистике «Сибирскую торговую газету», например, которая чаще всего заполнялась заимствованиями из других изданий. А первую и последнюю полосы «Торговка» отдавала под объявления, используя внутреннее наполнение в качестве афишной тумбы. В издании «систематически замалчивалось не-

² *Цит. по:* Любимов Л.С. История сибирской печати XVIII — нач. XX в.: хрестоматия. Иркутск, 2004. Гл. первая (1789–1856); гл. вторая (1857–1872). С. 27.

возможное санитарное состояние города, совершенный недостаток медицинской помощи, ужасное состояние городской больницы, отсутствие забот о благоустройстве города, причины, затормозившие осуществление столь долго ожидаемого общества взаимного страхования, раздача городских земель и пр.»³. В благодарность за такую политику городская дума размещала свои заказы в типографии А.Крылова. Т.е., по сути, «Торговка» была рептильным изданием и имеет отношение к истории становления газетного дела, черного пиара в Тобольской губернии, но никак не к журналистике.

Не совсем понятна и вторая дата хронологических рамок. Что такого произошло в 1929 г. на территории нынешней Тюменской области? Почему журналистика прекращает свое существование? Может, нам предстоит знакомиться еще и со второй частью учебного пособия? Но в авторском предисловии об этом ни строки...

Просчеты, допущенные при выборе имени, оказались решающими. Ибо история журналистики провинции — это, в первую очередь, становление жанровой структуры периодического издания, а не возникновение и развитие типо-

графий, а также всего, что связано с печатной культурой Сибири. Это рассказ об эволюции провинциального журналиста, считающего на начальном этапе, что сообщения типа: «Нынешний год у нас ранняя зима. Она подкралась как-то незаметно»⁴ — заслуживают помещения в «Местных новостях». Ибо уровень публикаций авторов уже в начале 90-х годов XIX в. в «Неофициальной части Тобольских губернских ведомостей» и «Сибирском листке» — это становление периодической печати не за счет расширения репертуара, а благодаря качественной динамике жанровой структуры местных изданий за 35 лет их существования. Авторы учебного пособия пытались рассказывать о тех изменениях, которые происходили, но лишь на столбцах казенной печати. К сожалению, под пристальный взгляд исследователей попало не самое лучшее для губернских ведомостей время. Середина 1890-х годов, расцвет неофициальной части, осталась за пределами учебного пособия.

Конечно, легче развести в киселе филологических штудий и упоминаний имен современных исследователей хронику смены редакторов и авторов. Ссылок на ра-

³ Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни (далее — Сиб. вест. ПЛЮЖ). 1898. № 261.

⁴ Неоф. ч. Тобольские губ. вед. 1864. № 49.

боты видных сибирских ученых М.К. Азадовского, А.С. Янушкевича, Е.И. Дергачевой-Скоп и др. настолько много, что порой возникает сомнение: а учебник ли ты читаешь? Может, это историографический обзор работ по региональной журналистике, а не сама история? Этакая смесь бульдога с носорогом: монографии, тщательно гримируемой под пособие для студентов? К тому же ни один из названных выше авторов никогда и ничего на тему, заявленную рецензируемым учебным пособием, не писал.

А теперь о тех, кто засветился публикациями о газетах дореволюционного периода Сибири. Вернее, об одном, которого А.А. Андреева и О.А. Петрова больше всего любят, но как-то странно, чаще всего под плинтусом (т.е. в сносках). Прочитую несколько фраз: «...Мандрика ставит под сомнение...» (с. 84), «...Мандрика... по этой причине считает...» (с. 85), «...Мандрика высказывает мысль...» (с. 88), «...Мандрика отмечает...» (с. 92), «...Мандрика предполагает...» (с. 95).

Наверное, то, что «Мандрика считает», на мой взгляд, должно быть интересно. Но вряд ли об

этом обязательно знать студенту по обыкновенному, а не расширенному (написание курсовой или дипломной работ) курсу истории журналистики. К тому же иногда А.А. Андреева и О.А. Петрова, демонстрируя незнание законодательства о губернских ведомостях, инкриминируют помянутому все автору то, что прописано государственными нормативными актами. При отсутствии точек зрения самих авторесс на вопросы, которые они решили актуализировать в примечаниях, пособие вместо части учебно-методического комплекса грозит превратиться в не более чем мандриков.

А для этого все основания есть. Чем дальше осваиваешь текст, тем сильнее ощущаешь отсутствие у авторов так называемого учебного пособия знакомства с первоисточниками. Отсюда вторичность изложения, обилие ссылок на ученых, видевших тот или иной документ *de wizu*, неустановившиеся точки зрения создателей книги на процесс становления периодической печати в Тобольской губернии⁵. Авторам учебного пособия невдомек, что не только замифологизированность историками советского пери-

⁵ Практически одновременно с учебным пособием появилось в свет справочное издание «Печатные СМИ Тюменской области: век XIX — век XXI» (Тюмень, 2013. 560 с.), которое открывается вступительной статьей краеведа Г. Крамора «Периодическая печать Тобольской губернии». На десяти страницах этого, как называет его ишимец, «обзора истории» (с

ода вынуждает тщательнее относиться к известным фактам, перепроверя их по документам.

Так, историка и журналиста П.М. Головачева часто подводила память. Ссылаясь на его работы, вполне можно попасть в просак. Что и случилось с авторами учебного пособия, которые пытаются соблюсти хронологию смены редакторов в региональной казенной прессе (с. 95). Но по Головачеву это не удастся.

Процесс происходил в такой последовательности. После того как Е.В. Кузнецов второй раз покинул пост редактора в «Неоф. ч. Тоб. губ. вед.», в издание вернулся К.М. Голодников, но его жизнь в газете продолжалась очень недолго. Затем на какое-то время Евгений Кузнецов вновь возглавил «Неоф. ч. Тоб. губ. вед.». И лишь с 1 января 1896 г. последнюю стал подписывать Л.Е. Луговской.

Создавать заново учебное пособие по истории региональной журналистики, не листая тщательно местную прессу⁶? Здесь напрашивается лишь одно восклицание: «Высший пилотаж!»

Плохо обстоит дело с героями описываемого в губернии процесса. А ведь история журналистики — это и имена тех, кто ее проводил. Нужна ли творческая биография М.А. Рылова, считавшего себя пионером тюменской журналистики? У меня нет ответа на этот вопрос. Но видеть его порядковым числительным в ряду других имен — вряд ли этично с точки зрения историка печати. Все-таки Михаил Анфимович одним из первых начал сообщать о тюменских событиях в казанские и сибирские издания.

Не нашлось места в книге и для освещения мастерства Л.Е. Луговского, писавшего блестящие пере-

12 по 21) 17 раз упоминается имя тюменского исследователя. Часть статьи — скорее *реферат* двух предисловий Ю. Мандрики, помещенных 10 лет назад в трехтомной хрестоматии Тобольской журналистики (Тюмень, 2004), *сделанный на совесть*. Наверное, отсутствие собственной точки зрения на процесс становления газетного дела в Сибири порождает у составителя предисловия желание спрятаться от какой бы то ни было ошибки за чужим именем, оставив за собой лишь авторство... Не очень-то по-журналистски, но здесь главное — смелость краеведа...

⁶ Ровно десять лет назад мне пришлось откликнуться на статью О.А. Петровой «Проблема периодизации истории журналистики Тюменского региона» (см.: Мандрика Ю. Что раньше? Курица или яйцо? // Лукич. 2003. Окт., № 2. С. 181–182). Завершался обзор публикации излишне эмоционально, но весьма радикально: «Чтобы говорить о периодизации, не зная истории вопроса, как мне кажется, надо сильно обнагеть... Или быть просто студентом...».

довы для «Неоф. ч. Тоб. губ. вед.». Студенту, думаю, нелишне было бы ознакомиться с материалами творческой мастерской журналиста, поехавшего вслед за невестой, государственной преступницей, в ссылку в Сибирь, в земле которой и остался навсегда.

А статьи украинского поэта Павла Грабовского, составлявшего удивительно современные по мысли *обзоры* на сельскохозяйственные темы для приложения к местным губернским ведомостям, *которые* пока так и не попали в поле зрения исследователей. Таких потерянных историками местной журналистики имен можно называть десятками...

Личности уголовных ссыльных — это особая тема, заслуживающая отдельного параграфа. С появлением в Тюмени П.А. Рогозинского корреспондента из этого города стали регулярно появляться в омском, уральских и томских изданиях. Маркирован центр нынешней области и тем, что в нем проживал московский полицейский чиновник В.Д. Гаджелло, высланный в Сибирь за самоуправство. Он сотрудничал с томской «Сибирской жизнью», подписываясь под своими фельетонными рассуждениями на темы морали — В. Лидин; возглавлял тюменское отделение екатеринбургской газеты «Рудокон» до тех пор, пока, как

утверждают некоторые газетные источники, не обворовал своих подписчиков; обозначал свои корреспонденции именем «Друг Горацио»... Активно печатала данного автора «Неоф. ч. Тоб. губ. вед.».

«Абырвалг» учебного пособия не то чтобы на уровне «олбанского», но должен стать предметом отдельного разговора.

Да, факт участия уголовных ссыльных в сибирской печати не только установлен давно, но о нем и говорить публично никто никогда не стеснялся. Из песни слов не выкинешь. Но, когда используют для обозначения журналистов с такой судьбой синоним «приезжий автор» (с. 9), чувство юмора изменяет рецензенту. На этой же странице еще одно филологическое безобразие в виде «передового губернатора» (это о В.А. Арцимовиче, при котором вышел первый номер губернских ведомостей). Со становлением в Тобольской губернии печати последняя «становится разнообразнее и качественнее» (с. 11). В типологии журналистики отдельные исследователи подразделяют все периодические издания на качественные и массовые. Как видим, А.А. Андреева и О.А. Петрова откровенно креативничают.

«Паразитизм дворян» (с. 23), «оценивать художественную ценность» (с. 25), в поэме П.П. Сума-

рокова «встречаются черты местного сибирского быта» (с. 26), в «собственной статье» этого же автора есть «собственные рассуждения» (с. 31); о М.М. Сперанском и П.А. Словцове — «плебейское происхождение не давало им возможности получить полное признание общества» (с. 54). А как воспринимать факт, когда в «губернию присылают новую волну политических ссыльных»? После прочтения таких выражений понимаешь, что классика старшекласников меркнет перед презренной прозой остепененных авторов.

Ряд стилистических огрехов можно продолжать бесконечно, но в завершение хочется привести мировоззренческий шедевр авторов пособия: «Сотрудничество с местной властью должно было облегчить положение декабристов, хотя оно, в общем, отвечало их потребности в умственном труде и их желанию принести пользу» (с. 51). Только раз в жизни мне приходилось читать нечто подобное. И, конечно, вышла неуклюжесть из-под пера преподавателя отделения журналистики, правда, Иркутского государственного университета. Авторесса вряд ли удивила студен-

тов своей «полной картиной хронологических рамок»⁷. Вот только можно ли после увиденного такое напечатанным в учебнике ожидать внятного выражения мысли от студента на экзамене по истории журналистики?

Редактура у издания достаточно слабая, хотя готовивший к печати книгу сотрудник университетского издательства не только номинировался на «Книге года» как лучший редактор⁸, но и был признан таковым.

Неспособность работать со стилистикой текста усугубляется неумением проверять приводимые в книге факты. Утверждение, что губернские ведомости начали издаваться в Российской империи в 1838 г. (с. 50, 63), ошибочно. В Ярославле они появились в свет в 1831 г.

Н.А. Абрамов редко отдавал свои статьи в Тобольские губернские ведомости (с. 58). В указанное издание они чаще всего попадали через столичные журналы, такие как «Странник», например. Или «ЖМНП».

Дата смерти К.М. Голодников (с. 68) сегодня обозначена во многих источниках и отражает

⁷ Шинкарева А.П. Очерки истории издательского дела и печати Иркутска (1785–1920). Иркутск, 2009. С. 23.

⁸ О провокационно-воспитательной манере редактирования Н.П. Дементьевой см.: Ю. Мандрика. О запахе плесени под сенью цветущей липы: краеведческий капустник // Подорожник. Тюмень, 2008. Вып. 9. С. 161–167.

архивные данные. Это 1906 г. По этой причине «конец 1890-х», как указывают авторы пособия, вряд ли устроит даже начинающего краеведа.

Газета «Сибирь» издавалась не в Томске (с. 77), а в Иркутске. И не с 1875, а с 1873 г. Это после перехода газеты в руки В.И. Вагина новая команда решила начать жизнь с нуля, поскольку при предыдущем редакторе П.А. Клиндере на страницах издания была опубликована не одна нелестная строка в адрес лиц, пытающихся подмять под себя «Сибирь». Среди них назывались и сотрудники «Камско-Волжской газеты». Т.е. речь шла в первую очередь о Н.М. Ядринцеве. Но Г.Н. Потанин праздновал десятилетие «Сибири» в 1883 г. статьей в «Восточном обозрении». Генеральная репетиция 1875 г., проведенная с участием П.А. Клиндера, превратилась в рейдерский захват несколькими годами позже, когда издателем стал А.П. Нестеров.

Страницы 103 и 104 демонстрируют образцы небрежности. Л.Е. Луговской несколько раз имеет явно чужие инициалы, как и С.Н. Мамеев, а также Е.В. Кузнецов. Павел Петрович Ершов скончался в 1869 г. и не мог предлагать лично «Ежегоднику Тобольского

губернского музея» в середине 1890-х гг. поэму «Абалак» (с. 104).

В диапазоне «от забора до обеда» местами в черную дыру, как асфальт на родных дорогах лучшего города Земли, неожиданно проваливается время. «После того как в Тюмени в 1907 г. закрывают легальную газету Тюменского комитета РСДРП “Зауралье”, в сентябре 1908 года выходит в свет первый номер нелегальной газеты “Тюменский рабочий”. Всего вышло 5 номеров издания. Тайную типографию арестовали 6 февраля, а в августе 1912 г. было арестовано большинство членов тюменского РСДРП» (с. 130). После «непрожеванного» времени уже не до смысловых ляпов, которые в небольшом отрывке, увы, есть!

Ну и так далее по нескончаемым мелочам...

Особые претензии вызывают страницы книги о цензуре. Свое мнение о ней авторы выразили в параграфе, поместившемся на половине странички, под заглавием: «Ужесточение цензуры». Почти сто лет назад над такой формулой понимания надзора за печатью иронизировал М.С. Ольминский: «Стеснения печати были необычайны — этим банальным выводом почти исчерпывается результат исторических исследований»⁹. В

⁹ Ольминский М.С. О печати. Ленинград, 1926. С. 7.

местных архивах сохранились не только конфиденциальные инструкции МВД, но и имена административных цензоров. Можно по крохам собрать и данные об их стиле работы. Сложность соблюдения надзора за печатью породил механизм реализации цензурного законодательства в провинции, где отсутствовали необходимые для этих целей учреждения. Управление процессом надзора за изданиями происходило в ручном режиме с помощью бесчисленных инструкций, которые противоречили друг другу. Вертикаль власти, рассылавшая бумажные распоряжения, часто противоречившие законодательству, осложняла работу административных цензоров. Это лихорадило и производственный процесс местной прессы.

К сожалению, кроме мимолетной фразы о журналистике рукописных журналов, которые выпускались в Тобольске после революции 1905 г. (с. 129), сведений о проявлении общественной активности жителей губернии в учебном пособии нет. Практически во всех областях Сибири этот вопрос достаточно изучен. До сих пор считается большой удачей

для исследователя обнаружить неописанную рукопись.

В начале года мне удалось прочесть в верстке книгу ученого-книговеда из Новосибирска А.Л. Посадкова «Издательство “Факел” и его сотрудники: страница из истории российской печати XX века». Ее автору удалось по материалам архивов создать нарратив о существовавшем в Томске после событий 1905 г. издательстве, неизвестном до сих пор научной общественности. Как сказано в аннотации: «Монография посвящена судьбе редактора, издателя, спортсмена и фотохудожника В.П. Микулина, а также его товарищей по журналистской профессии: поэта М.Б. Бараховича и ярчайшего организатора советской прессы и книгоиздания — М.Е. Кольцова, чьи жизни трагически оборвались в 1920 и 1939 годах соответственно».

А ведь известных рукописей того периода даже в самой Тюмени сохранилось гораздо больше, нежели в центрах соседних губерний. Не нашлось ни одного курсовика или дипломника, которых заинтересовал бы труд своих преподавателей по изучению истории региональной журналистики¹⁰.

¹⁰ В предисловии ко второму тому «Очерков истории журналистики Урала (1860 — начало 1880 гг.)» его автор признавался, что при написании книги использованы «некоторые дипломные сочинения выпускников факультета, выполненные под руководством» В.А. Павлова. Энтузиазм пос-

Судя по тексту учебного пособия, в котором нет даже попытки его структурирования по годам, темам или хотя бы изданиям, судя по смелости некоторых утверждений, присущих разве что не выучившему урок безответственному студенту, последователем авторов может стать каждый, кто идет сдавать зачет. И только в тот момент.

В фашистской Германии было целых четыре института журналистики, несмотря на то, что шеф идеологии Третьего рейха понимал: человека нельзя научить писать. Но журналист должен уметь доносить (вот откуда слово «донос», каковым в начале XIX в. была любая публикация в российской прессе) идеи государства до каждого его жителя.

Сегодня выпускника журналистской кафедры чаще всего интересует исключительно PR, а молодого специалиста — как лучше

себя продать, чтобы затем выгоднее «впарить» народу того или иного кандидата в депутаты. При такой торгашеской жизни не до патриотизма, не до любви к родному краю. Где найдешь энтузиаста, который готов бескорыстно сообщить о сохранившихся рукописях двум-трем заинтересованным в этом лицам?¹¹

Приведу длиннющую цитату:

«Ученики Тюменского коммерческого училища выпустили в свет № 1-й своего журнала “Свободная мысль”. Журнал напечатан на гектографе в размере 1,5 писчих листа. Цена 10 коп.

В передовой статье от имени редакции помещен краткий обзор издательской деятельности воспитанников-коммерсантов за время с 1913 по 1917 г. Первое их издание “Юная мысль” совершенно не удовлетворяло наиболее сознательных читателей, т.к. журнал был заполнен лишь пове-

ледного вовлекал в архивы и газетные хранилища студентов, которые помогли сделать добротный для своего времени курс истории журналистики региона, который и сейчас востребован.

¹¹ Не так давно позвонил мне по домашнему телефону докторант с претензией: почему ни я, ни В. Белобородов ничего не написали о некоем жителе Тобольской губернии, без биографии которого невозможен научный труд моего собеседника. Моя попытка парировать доводы г. А.К. одной из книг хантыйского краеведа закончилась неудачей. Оказалось, что данный том никто не подарил его папе, видному в свое время функционеру. Даже если в ответе г-на А.К. и присутствовала ирония, то она была частью модели написания истории *по вторичным источникам* (к тому же если те случайно оказались под рукой), созданным в различные периоды очередного идеологического обновления в государстве. Меня, честно говоря, всегда умиляли тени таких исторических призраков...

ствованиями о том, “как я ходил по грибы”, и т.п.

Касаться школьной жизни в “Юной мысли” было строго запрещено, что безусловно тяготило тех учеников, у которых была жива потребность в обмене мыслей.

В конце 1916 г. перешли к изданию нелегального журнала “Сатурн”, а вслед за ним и “Наших записок”. Лозунгом нового журнала “Своб. мысль” является “Свобода и широкое самоуправление”. Последнему вопросу посвящены следующие две статьи за подписями “Камбри” и “Sturguns’a”. Журнал заканчивается фельетонами “М” и “Ворона”, жестоко бичующими косность некоторых из менее энергичных товарищей, которых автор называет “партией благоразумных”.

Ответственные редакторы М. Жернаков и В. Захаров. Появление нового журнала имеет огромное значение для саморазвития учеников и при умелом и опытном руководстве может послужить самым лучшим и надежным средством защиты интересов учащихся¹².

В учебном пособии нуждается в смещении акцентов и вопрос об областничестве. Проявление его в газетных публикациях — результат государственного регулирования

тематики статей в неофициальной части губернских ведомостей, а не следствие лишь действий группы товарищей. Частная газета Сибири создавалась по образу и подобию казенной печати. Чаще всего сотрудничали и в губернских ведомостях, и в частной периодике одни и те же авторы. Более того, не надо забывать, что нравственные поиски областников ощутимых результатов не принесли. Это хорошо заметно по сохранности всего того из материальной культуры, что оставил после себя XIX век в провинции.

А попытка некоторых газет того времени, в частности «триумвирата» («Сибирь», «Сибирская газета» и «Восточное обозрение»), провозгласить преимущество людей, родившихся и выросших в Сибири, считавшихся уже по этой причине интеллигенцией, над «навозными», пусть и сделавшими для развития культуры на окраинной территории империи гораздо больше, попахивает откровенным шовинизмом. И нуждается, во всяком случае, в учебном пособии, в грамотном комментировании. Не зря издания того времени иронизировали над линией Н.М. Ядринцева, конечной целью которой был «беспомесный» сибиряк.

¹² Библиография // Свободное слово. 1917. 8 окт., № 129. — В нынешнем номере помещено описание трех сохранившихся номеров тюменского рукописного журнала.

Историки журналистики тобольско-тюменского региона пока не завершили составление сводной таблицы изданий, вышедших на указанной территории¹³. Так, в начале 20-х годов XX в. в Тюмени издавался журнал о полиграфистах и для них. Места для сведений о нем не нашлось в упоминаемом учебном пособии.

Зато авторы последнего сообщают своему потенциальному чи-

тателю, что в Сибири было только два издания, которые имели черносотенную окраску. Это «Сусанин» (Красноярск) и «Сибирская правда» (Томск) (с. 129)¹⁴. Однако старейший историк печати Сибири Л.С. Любимов считает, что таких изданий было в шесть раз больше¹⁵. Когда-то мне приходилось выступать с критикой статистических данных, приводимых в статье иркутянина,

¹³ В указателе журналов и продолжающейся периодики Тобольской губернии, составленном тюменским исследователем печати Е.Н. Коноваловой, не попало большинство «Телеграмм СТА», которые нередко помещали не только объявления, но и информацию о местной жизни. См.: Коновалова Е.Н. Книга Тобольской губернии. 1790–1917. Сводный каталог местных изданий. Новосибирск, 2006. С. 410–415.

¹⁴ Прискорбно, что авторы старательно учатся у студентов (а может, обучают этому последних) компилировать свое пособие из кусков чужих книг. Приведу лишь один пример. В.В. Воробьев в учебном пособии «Либеральная периодическая печать Сибири в общественно-политической жизни края (1907–1914)» (Омск, 2003) пишет: «В рассматриваемый период в Сибири в разное время издавалось 147 общественно-политических газет и журналов. Из этого огромного количества периодики лишь 18 издавалось пять и более лет. При этом подавляющее большинство этих изданий (13) носили либеральный характер... (*идет их перечисление.* — Ю.М.). Лишь два издания — красноярский «Сусанин» и томская «Сибирская правда» имели черносотенную окраску» (с. 25).

Читаем «Историю журналистики Тюменского региона (1789–1929)»: «В начале века в Сибири в разное время издавалось 147 общественно-политических газет и журналов. Из этого огромного количества газет и журналов лишь 18 издавалось пять и более лет. При этом подавляющее большинство этих изданий носили либеральный характер и лишь два издания — красноярский «Сусанин» и томская «Сибирская правда» имели черносотенную окраску» (с. 129). Курсив в этой цитате мой; после выделенной фразы у А.А. Андреевой и О.А. Петровой стоит надындекс, отсылающий нас к книге омича. Но фраза не закавычена, не говоря уже о последующем тексте. Не будем останавливаться на грамматике...

¹⁵ Любимов Л.С. Российская журналистика прирастала Сибирью // 150 лет периодической печати в Сибири: материалы регион. науч. конф., посв. 150-летию издания в Сибири губернских ведомостей. Томск, 2007. С. 9.

помещенной в юбилейном сборнике. По неизвестной причине составители, привыкшие ссылаться даже на мнение вольного исследователя, предпочитают мнение коллеги из Омска, вовсе не упоминая о точке зрения иркутянина. Если же долистать до конца книгу В.В. Воробьева, мы вполне сможем найти еще издания, которые автор относит к черносотенным. Осталось только уточнить, что понимает каждый из ученых под словосочетанием «начало века»?

Такому сильному расхождению в цифрах могли способствовать разные подходы авторов при подсчете изданий, придерживающихся тех или иных политических пристрастий. Однако в Тобольской губернии была газета, которая не смущалась своей черносотенной направленности. Но упоминания о ней, к сожалению, мне не удалось обнаружить на страницах учебного пособия, подготовленного тюменскими учеными.

После провозглашения октябрьского манифеста уже в ноябре 1905 г. в Тобольске был организован тюменский филиал партии «Центр», куда вошли около 300 человек. Выработанная ими программа была очень близка к «Союзу 17 октября», к которому со временем центристы и

примкнули. Первоначально ее членам предоставили аудиторию «Тобольские губернские ведомости, неоф. часть». Но организованные в ячейку представители местной власти готовились к выборам в Государственную думу, и поэтому уже 4 января 1906 г. вышел первый номер «Родного голоса» (см.: ГАТоб. Ф. 152. Оп. 35. Д. 664).

Классический пример, как должны рождаться новые издания. Еще первый историк печати Сибири Б.А. Милютин писал в «Сибирском вестнике», что издание газет — прерогатива партий. Только при такой постановке вопроса издание будет иметь стабильного читателя, который и обеспечит финансами регулярный выход в свет. Межгазетная дискуссия будет отражать позиции партий. Декоративность последних только имитирует отстаивание якобы существующих принципов, разрушая само государство в борьбе представителей властных структур за место под солнцем.

Мы удивляемся, что исчезла журналистика. Вовсе нет. Но когда прокурор совместно с Добчинским и Бобчинским находят талантливого Хлестакова и затевают издание, которое затем умело встраивают во властную вертикаль, — это уже коррупция. Сращение бизнеса и власти. Журналистика просто стала коррупционной моделью. И

мы, вместо того чтобы сказать об этом прямо, говорим, что она исчезла... Или прикрываем ее стыдливым словом «пропаганда», вместо того чтобы искоренять, как всякую репильную прессу.

Составители учебного пособия постеснялись сказать своим студентам, что они понимают под «черной сотней», впрочем, как и под либеральным направлением (специалисты утверждают, что значение последнего со времен Русско-японской войны сильно изменилось). А вот «Родной голос» не поленился объяснить читателю: «Черная сотня — это весь православный русский народ, остающийся верным присяге самодержавному царю. Враги самодержавия называли “черной сотней” тот простой, черный русский народ, который во время вооруженного бунта 1905 г. стал на защиту самодержавного царя»¹⁶.

А когда прочтешь программу партии «Центр», возникает ощущение, что перед тобой строчки из Конституции РФ. Предусмотрено не только равенство всех граждан перед законом, но свобода совести и вероисповедания, упразднение цензуры, право на публичные собрания, союзы и петиции, неприкосновенность личности и жилища, свобода пере-

движения и выезда за границу и введение всех этих прав в основной закон, а также судебная их защита. При этом в программе оговорено отделение церкви от опеки государства и т.д.¹⁷ Сразу становишься в тупик: а как же это соотносится с установившейся точкой зрения? Почему в нашем быту «черная сотня», если не заглядывать в толковый словарь, как правило, соседствует с «еврейскими погромами»?

Очевидно, стратегия действий, направленных на изменение семантики, была проста. В материалах департамента полиции нередко сообщалось, что значительная часть революционно настроенных жителей империи — евреи. А защищать царя на практике означало как раз и пойти против этой части населения. При такой постановке вопроса, несомненно, можно было кричать об антисемитизме, а всякие столкновения лиц, стоящих на провластной почве, с революционерами не исключали появления сообщений о еврейских погромах.

Газета «Родной голос» по своей сути — уникальное пособие по изучению истории местной журналистики. По ее материалам мы не только отчасти узнаем, как решались многие вопросы издания

¹⁶ Из черносотенного катехизиса // Родной голос. 1906. 2 сент., № 68.

¹⁷ См.: Родной голос. 1906. 14 янв., № 4; 19 янв., № 5; 21 янв., № 6.

его пайщиками, но сможем посмотреть ту самую PR-акцию, направленную на продвижение своих кандидатов в депутаты.

Выборы в Госдуму — не повседневная процедура. Поэтому издание открывает цикл материалов публикацией «Сказания о том, как Фома Ушастый да Крема Зубастый задумали думу, как в Думу попасть». Со значительной долей иронии идет рассказ о рукописи, дошедшей до нас из глубины времен, начало и окончание которой съедены мышами, а большая часть середины — просто утеряна. Но ученые уверены, что автор манускрипта — свидетель происходившего как минимум пару веков назад или записаны воспоминания о выборах того времени со слов очевидца.

Следующий этап: объяснить избирателю, как формируется имидж будущего депутата, дабы никто не узнал, что последний ко всем его недостаткам еще и плешивый. Но на этом Юс Малый, автор статьи «Нечто о гусях и моей кандидатуре», не останавливается, а рекомендует отпечатать отдельным изданием биографию и предлагает примерную предвыборную программу: «Я потребую разом проведения медовых рек и устройства кисельных берегов. Вот! Дальше этого никто уж не пойдет. Мало того, я укажу и сред-

ства, как осуществить требуемое мною. Медведи — известные лежебоки, тунядцы и в то же время большие любители меда. Я предлагаю уничтожить всех медведей, а весь истребляемый ими мед употребить на проведение медовых рек. Кисель делается из крахмала, который также идет на чистку сорочек, носимых по большей части также разными тунядцами. Я предлагаю отобрать и уничтожить все крахмальные сорочки, а оставшийся из экономии крахмал употребить на устройство кисельных берегов.

Итак, рекомендую: новый кандидат в думу, — всех имеющих ложки прошу подать голос за меня» (7 янв., № 7). Очень современно звучит. Даже век спустя после публикации.

Как видим, ничего с тех пор на этапах предвыборной борьбы не изменилось. Разве что те, кто участвовал в таком мероприятии, не застегивались на все пуговицы, не засовывали свою шею в нежный галстук, а чувствовали себя гораздо свободнее. Не надо при этом забывать, что основные пайщики издания принадлежали к властным структурам (классика жизни).

И тем не менее издание позволяет себе нечто с точки зрения сегодняшних выборов запредельное. Юс Малый в шуточной форме рассказывает об уст-

ройстве государства на примере своей семьи, в которой жена играет роль правительства, а функции народа берет на себя, естественно, муж. Что нужно правительству от народа? Конечно, только деньги. «Народ, своевременно внося все денежные повинности, был доволен; правительство заботилось о народе; продовольственная часть всегда была в порядке, пуговицы все на своем месте; даже нравственно-му воспитанию уделялось время: всегда своевременно замечалось, что четвертая рюмка за обедом излишество и близко граничит, как всякое излишество, с пороком. Единственная причина для недоразумений была санитария. Нужно вам сказать, что я всегда с удовольствием смотрю на слегка приподнятое платье и изящно обутую ножку, но никогда не выносил подоткнутого подола и грязной лапищи, и потому при генеральных приборках у нас в доме всегда вспыхивала революция, иногда устраивались баррикады, но в большинстве случаев приходилось прибегать к временной эмиграции. Все шло по должному порядку» (28 янв., № 8). Как видим, даже во время революций эмигрирует не правительство, а народ... У последнего существует все время какая-то безграничная любовь к тому, кто ак-

куратно пришивает всем нам на все места пуговицы законов...

На этом подготовка к выборам не заканчивается. Юс Малый пытается объяснить, чем выборы в Государственную думу отличаются от городских. В первую очередь, внутренним состоянием: «Вот не волнуюсь же я нисколько по поводу выборов в городскую думу. Да и что, впрочем, волноваться: шестнадцать лет состою гласным — разумеется, и опять выберут. А выберут — так и заседать будем... Тут не требуется никаких взглядов, никаких убеждений, не нужны никакие программы; заседай — и все тут. Получил от городского головы приглашение на заседание, смекнул, не зовут ли куда на преферанс, а если нет, то идешь и заседаешь. Выслушаешь прошение какой-нибудь унтер-офицерской вдовы Пошлепкиной о сложении 1 руб. 32 коп. недоимки. Какие и зачем здесь нужны убеждения и взгляды?» (18 февр., № 13).

Возраст кандидата в депутаты чаще всего предполагает наличие различных артритов. Приходится не самому ходить к избирателю, а нанимать помощников: «...ночью ободрать со столбов и заборов все объявления, а взамен их наклеить афишки, в которых выругать хорошенько своих конкурентов ...в мои годы и ночью как могу по заборам лазить...»

Но выборы завершились. И начинаются страдания неудачника Юса Малого: «Правда, я не хлопотал об амнистии и об отмене смертной казни, так я в этом никакой нужды не имел: никто из моих близких не пострадал».

У газеты завершается важный этап. Выборы проиграны. Нужна смена тактики. А вместе с этим происходит смена редактора и издателя.

Что обозначало последнее слово в дореволюционные времена — мне не совсем понятно. А все учебники по истории журналистики не объясняют этого. У «Родного голоса» были пайщики. А что же обозначала подпись в выходных сведениях: «Издатель Ф.К. Гергард»?¹⁸

С каким же упоением мы иногда рассказываем об издателях, не понимая семантического наполнения слова в описываемое время, и редакторах, которых «подставили». И это называется «история»...

Несколько смущает послесловие, написанное весьма медий-

ным персонажем А.А. Петрушинным (в два ночи включишь телевизор — он там, в три — на другом канале; в четыре — снова знакомое лицо; этакий завсегдатай всех печатных изданий региона), преподающим будущим журналистам что-то типа элементов пиара. Как бывший сотрудник спецслужбы, он традиционно открыл большую тайну тобольской печати без ссылок на какой-либо источник (а зачем? он сам является инсайдером), что нет данных «о тайном сотрудничестве с правительственными спецслужбами» (с. 228) К.Н. Высоцкого. А что, последний этого и не скрывал? Не в пользу ли этого сомнения говорит факт, что Константин Николаевич мог запросто себе позволить «выгнать “вон”» из кабинета банкира...¹⁹ Но тогда в чем же соль текста послесловия? Грудью защитим коллег по факультету?

Примерно так же надо относиться и к рецензентам. Появление в их числе имени Бориса Лозовского вызывает откровенное

¹⁸ Такой пример не единичный. Возьмите популярное сибирское издание «Восточное обозрение», сохранившиеся архивные документы которого гласят, что в 1888 г. издателем его был Н.М. Ядринцев. Но как-то нечаянно в фондах ГАРФ удалось обнаружить дело под таким названием: «О выяснении личности женщины, находящейся в Париже, близкой литераторам Виленкину и Венгеру и знакомой издателям “Восточного обозрения” Флексеру и Гинзбургу» (ГАРФ. Ф. 102, 3 д-во. Оп. 84: 1888. Д. 274).

¹⁹ Баитов Г.Б. О забытых культурных одиночках: юношеские воспоминания // Лукич. 2010. Апр., ч. 32. С. 97.

недоумение. Будучи чиновником от журналистики, он никогда не занимался ее историей, в т.ч. «тюменского региона», не имеющего границ. Разве что участвовал в жизни области, выступая не один год в качестве председателя ГЭК у выпускников, специализирующихся по журналистике в Тюменском госуниверситете. Принцип «не ссориться с работодателем» отражает необъективную оценку рецензентом книги своих знаний. Хорошо если только своих. И предполагает коррупционный скандал...²⁰

И в завершение. Рецензируемое издание на конкурсе «Книга года» признано лучшим учебным пособием. То, что мнение автора этих строк так кардиналь-

но разошлось уже во время подведения итогов «Книги года» с точкой зрения жюри, говорит не только о карманном составе его членов. А скорее о так и не нашедшем в жизни области своего точного назначения мероприятия, которое пока выполняет функции PR-кампании для созданной несколько лет назад кафедры по подготовке редакторов и издателей местной литературы²¹. Да, своим корпоративным мнением жюри пыталось заретушировать мнение вольного исследователя (никогда раньше не задумывался: корпоративность и коррупция — все-таки однокорневые слова или нет?). Если это пособие лучшее, то как же дела обстоят с остальными?

²⁰ Мне как-то приходилось значиться оппонентом на защите диссертации в совете, ученым секретарем которого де-юре был Б.Н. Лозовский (защита докторской последней попала на одно заседание с неназванной кандидатшей в кандидаты наук, что предполагало общение лишь на общем банкете по случаю). На защиту выходила жена банкира, отец которого возглавлял региональный совет партии «Единая Россия». Совет явно имел довольно веские причины не отказать соискательнице, хотя, судя по теме и содержанию диссертации, последнюю сложно было бы в былые годы зачесть даже как курсовик. Велика сила сформированной последними годами традиции среди ученых: «Места под солнцем хватит всем».

²¹ К подведению итогов конкурса «Книга года—2013» подготовлен названным подразделением университета аналитический обзор: Тюменское книгоиздание—2012 (Тюмень, 2013. 102 с.). О чувстве слова у сотрудников, в обязанность которых входит воспитание такового у студентов, говорит уже одна фраза: «2012 г. в Тюмени *ознаменовался* закрытием издательства “Мандр и К”» (с. 13). То, что смерть конкурента — праздник для общества, хорошая характеристика последнего. И профнепригодность для преподавателя, употребившего в указанном контексте выделенное полужирным курсивом слово. На мой личностный взгляд... А что вы хотите? Синдром...

Сама ситуация, в которую попало учебное пособие, к тому же «грифованное» УМО²², напоминает автору данных строчек уже описанные в XIX в. действия члена статистического комитета, которому местный губернатор давал задание к юбилею — написать историю края. «Старик сядет и напишет. Если бы губернатор приказал написать китайскую грамоту, то я уверен, что старик так же беспрекословно сел бы и написал ее. И не подумайте, что старик усидчивым трудом самоучки приобрел энциклопедическое об-

разование. Отнюдь нет. Он вам напишет историю края, никогда не читавши даже краткого учебника всеобщей истории, составит описание местной флоры, не имея элементарных познаний по ботанике»²³.

Просто нельзя было не выполнить задание губернатора, функции которого в любом вузе выполняют аккредитация, рейтинг кафедр, прохождение по конкурсу автора нового манускрипта или еще какая-нибудь жизненно важная хрень, часто способствующая появлению халтуры...

²² В самом **УМО'е** (факультет журналистики МГУ), в котором пришлось задать грозный вопрос: «За что наказан студент, оплативший весьма недешево свой курс обучения в Тюменском государственном университете?», услышал отговорку: «Рецензии-то есть». А за стилистику и фактаж, мол, мы не отвечаем. Не могут же они не доверять советам провинциальных вузов? Но при этом активно обещали, что «лучшее за истекший год» учебное пособие заставят перепечатать.

Если последнего не произойдет, то хотя бы **умоем** сообщая авторов книги и последнюю — также... Но будем помнить, что и при грифовании в УМО важнейшая часть технологии — отнюдь не содержание книги. Создается впечатление, что главное — заплатить за процесс превращения «обновленной» **недоделки** в **недоучебник**.

²³ Приклонский С. Судьба губернских статистиков // Северный вестник. 1886. № 3. С. 78–79.

Лев Боярский

Рукописные издания Организации тюменских учащихся (1907 г.)

В указателе журналов и продолжающейся периодики Тобольской губернии, составленном тюменским исследователем печати Е.Н. Коноваловой (ныне жительница Швеции), зафиксированы в основном лишь рукописные издания тобольских семинаристов. Это «Знание» (1885), «Родина» (1886), «На темы жизни», «Овод» (оба — 1906–1907) и «Маяк» (1907–1908). А также обозначены рукописные издания из Туринска «Журнал политической ссылки» (1888) и издание тобольского социал-демократического кружка «Навстречу жизни» (1912–1916)¹. Упоминания о дореволюционных рукописных журналах и газетах иногда встречаются в воспоминаниях старожилов, но самих изданий сохранилось очень мало. Таковую периодику «зачитывали до дыр», а те издания, что чудом сохранились в семейных архивах, погибли в основном в годы лихолетий.

Приводя в своей книге список отчета редакции рукописного журнала «Юные годы» (1913–1914 гг.), издававшегося в коммерческом училище Колокольниковых, тюменский краевед С.Н. Кубочкин не сдерживает эмоций: «Интересно было бы посмотреть на эти рукописные журналы, но, увы, они затерялись где-то в водовороте бурных событий, последовавших буквально через несколько лет»².

Единичные экземпляры рукописных изданий начала XX века есть в библиотечных и музейных собраниях области. Например, в фонде ГАТюМО (Ф. И-239. Оп. 1. Д. 140. Л. 120–132) хранится журнал «Селятель» (№ 2), выходивший в 1911 г.

В коллекции документальных источников краеведческих фондов Тюменского областного музейного комплекса им. И.Я. Слоцова сохранились три выпуска ученической газеты общественно-поли-

¹ Коновалова Е.Н. Книга Тобольской губернии. 1790–1917. Сводный каталог местных изданий. Новосибирск, 2006. С. 410–415.

² Кубочкин С.Н. «Заводская слободка» ...и ещё 1000 штрихов к портрету забытой Тюмени. Тюмень: Мандр и К^а, 2011. С. 233–234.

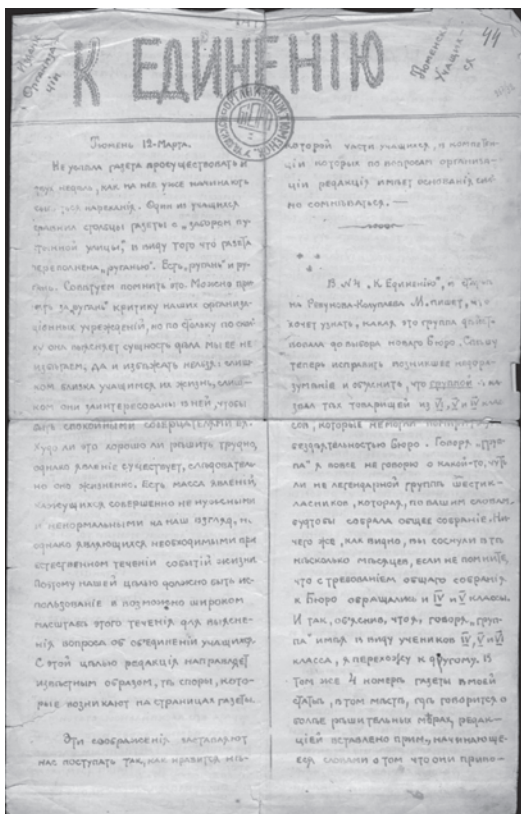
тической направленности и один номер журнала «Попытка»³, изданных в 1907 г. Экземпляры газеты «К единению»⁴ Организации тюменских учащихся поступили в фонды областного краеведческого музея от его научных сотрудников А.И. Харитонов и П.З. Засекина в 1957 г. Алексей Иванович в 1950-е годы был главным хранителем музея, а Прокопий Захарович с конца сороковых заведовал отделом истории музея, был автором первого краеведческого путеводителя по нашему краю.

Текст написан синими чернилами на бумаге, изготовленной на писчебумажной фабрике Ятеса.

Использованы только печатные буквы — для удобства прочтения, а также, вероятно, чтобы переписчиков не опознали по почерку. В № 1 и № 5 в основном используется упрощенная орфография (без еров в конце слов). Иллюстраций в известных нам выпусках газеты и журнала нет. В газетных выпусках — от 4 до 6 страниц, в журнале — 12 страниц, цена газете указана 3 коп., цена журнала — 5 коп. Периодич-

³ От 29 марта 1907 (№ 5). — ТОКМ, ОФ. 2489.

⁴ От 4 марта 1907 (№ 3), от 12 марта 1907 (№ 5), от 7 сент. 1907 (№ 1). — ТОКМ, ОФ. 2381/3, 4, 5.

В центре печати начерчено красными чернилами Бюро, а по окружности — Организации тюменских учащихся

ность выхода газеты заявлена 2 раза в неделю, журнала — 2 раза в месяц. Тиражи не указаны, но, видимо, больше одного списка каждого номера. Переписыванием занималась «техническая группа».

Авторы газеты скрывались за псевдонимами или криптонимами — в духе газетной журналистики того времени или из конспирации. Вот несколько имен, которыми подписаны заметки: Ж-ов, Б-н, М., А., Наблюдатель, Гвоздь, Буква, Незаметный, Инок Пафнутий, Скромный, Купорос. Чаще всего заметки и статьи подписаны анонимным редактором или словом «Бюро».

На одном из выпусков газеты стоит круглая печать с надписью «Бюро Организации Тюменских Учащихся». О самой организации известно немного, в основном из самих изданий.

Ее основу составляли ученики старших классов Тюменского Александровского реального училища (ТАРУ). В организацию готовы были принимать и гимназисток — однажды они участвовали в заседании бюро, но покинули его в знак протеста. Таким образом, объединения реалистов с активом гимназии не произошло. У организации был ежемесячный взнос, сумма в первый месяц составляла 25 копеек, в последующие — 10 копеек. Во главе организации стояло бюро в составе семи человек: 3 человека от собрания организации и 4 — по одному из старших классов училища. Были выборные председатель, казначей и секретарь. Целью организации было «дело посильной помощи революции», более близкой задачей — добиться автономии учебных заведений⁵. Кроме того, одной

⁵ Ниже — выдержки из устава Организации тюменских учащихся.

В общении — сила

Главная цель Организации тюменских учащихся — автономная средняя школа, за которую она ведет борьбу со своим начальством, для чего организация:

- 1) объединяет тюменских учащихся и
- 2) устанавливает связи с иногородними средними школами.

Организация ведет чисто культурную работу для поднятия умственных и нравственных сил учащихся, для чего она:

- 1) содействует кружкам самообразования,
- 2) расширяет библиотеку организации (БОТУ).

Организация помогает своим недостаточным (или пострадавшим от администрации) членам деньгами, для чего она устраивает кассу взаимопомощи.

В члены организации принимается каждый учащийся средней школы, желающий вступить в неё; для вступления достаточно заявить о своём желании секретарю организации.

К единению. № 1. С. 2–3.

из целей издания газеты заявлено «объединение учащихся на литературном поприще».

Кроме «Попытки» и «К единению», появившихся в марте 1907 года, в Тюмени в это же время издавался партийный журнал «Отголоски борьбы». О нем встречаются упоминания на страницах газеты «К единению». Как долго просуществовала Организация тюменских учащихся и продолжали издаваться ее газета и журнал, неизвестно.

В газете «К единению»⁶ публиковались редакционные статьи, переписка с читателями, протоколы заседаний организации учащихся. Постоянной рубрикой была «Хроника», в которой сообщались актуальные новости школьной жизни Тюмени (например, движение вокруг увольнения начальницы гимназии Тихомировой), события политической жизни (появление солдатских прокламаций, подписание писем протеста и т.д.), кратко освещалась студенческая жизнь соседних регионов Сибири. В журнале «Попытка»⁷ публиковались поэтические и литературные опусы учащихся на общественно значимые темы, в нем также была «Хроника».

В 1917 году в Тюмени появилась аналогичная организация, названная «Союз учащихся». Можно предположить между двумя организациями преемственность. «Союз» также ратовал за автономию школы, в своих прокламациях призывал к «свободной школе в свободном государстве». «Союз» выпускал в 1917 г. свое рукописное издание, значительную часть содержания которого составляли революционные прокламации и карикатуры на преподавателей. К сожа-

⁶ Содержание каждого из сохранившихся выпусков:

К единению. 1907. № 3

- 1) [Передовая статья от редактора]. 2) 18 февраля [Очерк о встрече члена Гос. Думы Н.Л. Скалозубова на вокзале]. 3) Хроника. 4) Письма в редакцию. 5) Реалисты-черносотенцы. 6) От редакции.

К единению. 1907. № 5

- 1) [Передовая статья от редактора]. 2) «Мы не желаем вместе с реалистами». 3) Ответ г-ну Д. Мехонову. 4) Хроника. 5) Бюро.

К единению. 1907. № 1

- 1) [Передовая статья от редактора]. 2) К гимназисткам местной женской гимназии. 3) Устав Организации тюменских учащихся. 4) О кружках. 5) Свод постановлений, выработанных на заседании организационного бюро. 6) Объявления.

⁷

Попытка. 1907. № 5

- 1) Город Тюмень, 27 марта 1907 года. 2) Наши педагоги: акафист юридивому. 3) На смерть Николаева. 4) Похороны Николаева. 5) Хроника.

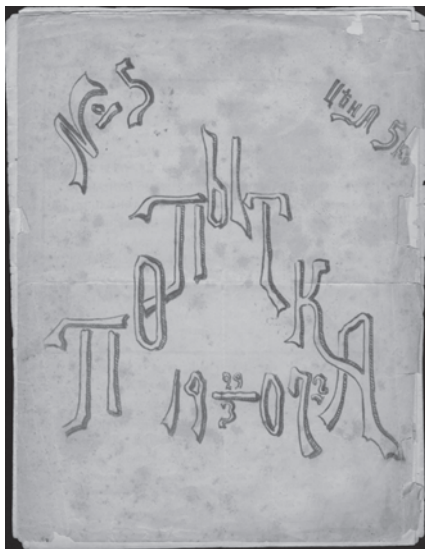
лению, название журнала нам пока не известно — ни одного номера не обнаружено.

Для представления о тематике публикаций и стиле авторов приведем некоторые типичные материалы из газеты и журнала.

[Передовая статья анонимного редактора]

Выпуском настоящего номера нашей газеты мы опять вступаем на путь литературного труда, потому что в этом труде видим одно из самых существенных средств для реализации тесного товарищеского единения. Газета открывает нам обширное поле для обсуждения тех явлений, с которыми нас минутно сталкивает школьная жизнь. Мы видим ненормальность этих явлений, собираемся отнестись к ним с критической точки зрения, озаряем их поодиночке с нескольких отдаленных пунктов, входим по поводу некоторых вопросов в горячие дебаты и достигаем, наконец, того, что данное явление получает в наших глазах свою строго определенную форму, кристаллизуется в самовыраженное понятие. Исследуя данное явление, критически оценив его, мы идем дальше и стараемся путем обширного кругообмена мыслей выработать для себя твердый и точный взгляд на более совершенные явления школьной жизни. А раз этот взгляд будет готов, он отчетливо отольется в свои податливые и глубоко окрепшие формы, то грандиозная, святая и высокая задача тесного единения осуществлена, — стоит только стройнее организовать в согласные полки и батальоны и в нравственном преобразении поспешить на защиту своих дорогих боевых позиций.

К единению. 1907. № 1. С. 1.

О кружках [фрагмент]

Одной из причин, почему в прошлом году не удалось образование кружков, является отсутствие лекторов. Мне кажется, что этого неудобства можно избежать очень просто: обойтись без всяких лекто-

ров, самим выработать программу для чтения и читать по очереди рефераты на ту или иную тему, в случае же какого-нибудь очень трудного вопроса обратиться к специальным руководствам. Такая постановка дела будет даже более полезной для сознания учащихся. Она вызовет у каждого самостоятельную работу мысли, а не глотание пережеванного, как мы это имеем в занятиях с лекторами. Очень было бы желательно, чтобы учащиеся как можно скорее образовывали кружки и получали в них полезные знания.

К единению. 1907. № 1. С. 3.

Хроника

Недавно пришлось мне узнать, что один из здешних «несокрушимых столпов самодержавия» офицерик Максимов, каким-то образом узнав, что учащимися устраивался вечер без разрешения, публично объявил, что он «донесет» об этом. Несмотря на то, что тут как нельзя более ясно обрисовалась вся низменность подленькой душонки офицера, находятся люди, которые его оправдывают. Еще можно было бы его оправдать, если бы он действовал как убежденный черносотенец, а ведь он считается либералом, и, кроме того, мотивом слов о доносе послужило совсем другое — самолюбие г. Максимова было задето. Он крупно поспорил с одной гимназисткой по поводу солдатских прокламаций, и когда на следующий день она не ответила ему на поклон, и произнес эти слова — «я донесу». [...] Удивляться приходится тем, которые, ясно видя, какая мерзость эти офицеры, продолжают иметь с ними отношения.

К единению. 1907. № 3. С. 3–4.

Бюро

Организация тюменских учащихся доводит до сведения, что на общем собрании организации, состоявшемся 7 марта 07 г., было постановлено с 12 марта объявить бойкот офицерам Парфенову, Попову, Максимову, Дубраво. Бойкоту подвергаются и те учащиеся, которые не прекращают сношений с вышеозначенными офицерами. Этот бойкот — часть ответа на солдатскую прокламацию.

К единению. 1907. № 5. С. 2.

Ответ г-ну Д. Мехонову

Я не намерена была отвечать на статью г. Мехонова, считая ее криком молодого петуха, которому все равно, о чем кричать, лишь бы прочистить свое молодое горло. Но последняя фраза его пасквиль-

ной статьи возбудила во мне злобу и горькое сожаление над умственным багажом этого господина. «Наши гимназистки опустили умственно и нравственно», — пишет он⁸. Не сомневаюсь, что наше умственное падение выразилось тем, что мы не примкнули к организации реалистов. А наше нравственное падение так же очевидно, если вы, г. Мехонов, решаетесь так дерзко кричать петушиным криком?⁹ Я пишу это не для вас, я не стала бы отвечать на ваш задорный крик, если бы в душу мне не вкралось сомнение, что не вы один являетесь представителем такой... безупречной нравственности. И я спрашиваю вас, «нравственные» реалисты, не вы ли в таком значительном количестве посещаете дома терпимости, не вы ли топите тоску своего семнадцатилетнего существования в чарке горькой сивухи?!¹⁰ Или то, что ложится на девушку тяжким позором, геройство для вас?.. Или законы нравственности для вас другие?¹¹ ...Нельзя готовиться к борьбе за измученный народ, за исстрадавшуюся родину, не делая даже попыток улучшить положение ваших сестер и матерей!

К единению. 1907. № 5. С. 2.

На смерть Николаева¹²

Весна... Природа оживает.
И скоро птицы прилетят
Все будет жить, но умирает
Наш бедный друг, наш добрый брат.

Вся жизнь его полна стараний
И тяжких дум была полна.
И вот пришел конец страданий,
И умер он, когда волна

Освободительных движений
Прошла над русскою землей,
Как в волнах света добрый гений,
И унесла его с собой...

⁸ Комментарии карандашом между строк: *Дура, не принимай на себя.*

⁹ Карандашом: *Не выражающие ничего слова.*

¹⁰ Карандашом: *Таковые не посещают, недомыслие.*

¹¹ Карандашом: *Излишние вопросы, старо.*

¹² Николаев Иван, ученик VII класса ТАРУ, член партии эсеров (по версии краеведа Е.А. Бушарова), представитель партийной печати в оргбюро ОТУ. Скончался от туберкулеза 22 марта 1907 года, некролог помещен в журнале «Попытка».

Спи, спи, товарищ одинокий,
Борцов, как ты, погибнет ряд...
Но не убить грозой жестокой
Идею правды, милый брат!!!

Незаметный

Попытка. 1907. № 5. С. 8.

Появление рукописных изданий после событий 1905 г. было весь-ма симптоматичным явлением. Предоставленные октябрьским манифестом свободы позволяли любому жителю России, достигшему 25 лет, издавать типографским способом повременное издание, лишь предварительно письменно уведомив об этом губернское начальство. Однако уже первые попытки тюменцев расширить репертуар местной прессы завершились неудачей. В 1907 г. по решению местной власти было прекращено семь изданий, которые сумели появиться в свет шестью-пятюдесятью номерами, продержавшись в неустоявшемся мире менее года.

Социальную активность старшего поколения, несомненно, под-держивала учащаяся молодежь, которая своими рукописными изда-ниями пыталась не столько освещать вопросы, не попадавшие на стра-ницы «Сибирской торговой газеты», сколько обсуждать волновав-шие их проблемы. Это отчетливо просматривается на страницах из-дания Организации тюменских учащихся «К единению».

Известно, что российская полиция вела негласный надзор за со-юзами учащихся и внимательно следила за рукописными издания-ми. Общественное влияние ученических газет и журналов было ог-ромно, поэтому в 1913 году Министерство просвещения озаботи-лось тем, чтобы поставить под контроль подобные издания, активно «ходившие по рукам» учащихся со времен революции 1905 года. Вот что писала «Сибирская торговая газета» 5 марта 1913 года: «Мини-стерство народного просвещения поручило попечителям учебных округов принять меры против распространения в гимназиях руко-писных ученических журналов. Для противодействия этому пред-лагается, чтобы инициативу издания таких журналов взял на себя педагогический состав». Как говорится, «не можешь победить — воз-главь»...

Так стали появляться новые рукописные издания тюменских учащихся, но уже под строгим «приглядом» педагогов. В конце 1913 года в коммерческом училище Колокольниковых началось издание

сразу двух ученических уже упоминаемых журналов — «Юные годы» и «Свободная мысль», а в 1915 году появился журнал «Первый шаг» — для учеников первого класса. Они носили невинный литературно-художественный характер. Вот что было написано в отчете редакции журнала «Юные годы», сохранившемся в фондах государственного архива Тюменской области : «В 1913/14 уч. году с декабря месяца, когда было решено издавать наш журнал, состоялось 15 заседаний редакции. За это время редакция, имея в своем распоряжении малое количество материала, смогла выпустить всего лишь три номера журнала, причем каждый номер выходил в трех экземплярах. Всего в редакцию поступило 32 статьи, 2 шарады, 3 ребуса и 18 рисунков. Участвовали в издании журнала, помещали статьи, рисунки, переписывали журнал — 20 человек. Главным образом в журнале помещались рассказы, стихотворения, были несколько очерков и переводов с немецкого языка...»¹³.

Традиция школьного самиздата не прерывалась и в первые советские годы. Среди сохранившихся рукописных изданий того времени — журнал «Молодые побеги» тюменского детдома № 1 (1923–1924), газета заречного клуба рабочих-подростков «Наш голос» (1923) и другие. Школьная журналистика стала рассматриваться педагогами как фактор социализации и профессиональной ориентации учеников. К сожалению, все меньше оставалось «нелегальных» журналов, «непричесанных» текстов, и в конце концов свободная журналистика была вытеснена советской школьной стенгазетой. Но это уже совсем другая история...

¹³ Цит по: Кубочкин С.Н. «Заводская слободка» ...и ещё 1000 штрихов к портрету забытой Тюмени. Тюмень: Мандр и К^а, 2011. С. 233.

Николай Коньков

Иван Иванович Варлаков

Сибирским Барковым называли стихотворца первой трети XIX в. Ивана Ивановича Варлакова. Его стихи печатали в «Вестнике Европы» и «Енисейском альманахе». Большинство его произведений (среди них были и стихи нескромного содержания в духе Баркова) осталось ненапечатанным и ходило по рукам в рукописях¹.

По словам современника, он был известен почти во всей Сибири. И.И. Варлакова помнят в Красноярске, а вот в Тобольске, к сожалению, на сегодняшний день он забыт. Упоминаний о нем не найдете в сочинениях местных историков литературы и даже в «Тобольском биографическом словаре», хотя важный период жизни и деятельности стихотворца связан с городом на Иртыше.

Родился он в 1788 г. в г. Туринске, где его отец Иоанн Стефанович служил священником при каменной Покровской церкви с августа 1786 г., а в 1804 г. был переведен в Тобольск в Крестовоздвиженскую церковь². Это, по словам церковного историка А.Н. Грамматина, «бесспорно, один из красивейших храмов города Тобольска по своей внешней архитектуре. Много красоты придает этому храму стройная вы-

¹ Стож М.Е. Словарь сибирских писателей, поэтов и ученых. Иркутск, 1916. С. 5–6.

² ГАТоб. Ф. 156. Оп. 19. Д. 516. Л. 257 об.–258; Д. 519. Л. 225 об.–226. — В Ведомости священно- и церковнослужителей города Тобольска за 1805 г. значится: «в составе причта Крестовоздвиженской церкви показан» Иоанн Стефанов Варлаков, 47 лет, женат. В стихарь произведен 1775 [года] марта 15, диаконом 1784 [года] декабря 4, а священником 1786 [года] августа 12. В семинарии обучался латинскому языку, с начала по конец богословия в Туринском духовном правлении присутствующим находился 13 лет по указу; состояния нехудого, к должности своей прилежит. У него сын Иван, 18 лет, в семинарии». Согласно росписи Крестовоздвиженской церкви за 1807 г., И.И. Варлакову было 19 лет. Таким образом, простой арифметический подсчет позволяет отнести дату его рождения к 1788 г. (ГАТоб. Ф. 86. Оп.1. Д. 45. Л. 117, 146).

сокая колокольня, которую он возвышается над прочими находящимися в Подгорной части города храмами благодаря сверх того своему высокому местоположению»³.

Церковь была построена во второй половине XVIII в. (освящена 28 сентября 1771 г., колокольня в 1784 г.) неподалеку от деревянного храма. «Местом ...послужил искусственный островок, возвышающийся из болотистой местности, на берегу незначительной речки Покровки... Эта искусственная насыпь, весьма прочно укрепленная буттом, была выведена тобольскими купцами братьями Евгением и Иваном Медведевыми приготовлялась ими для постройки собственного дома, и когда вышло разрешение построить новый каменный храм, то они пожертвовали это место на построение его»⁴.

В приходе числилось 232 двора с полутора тысячью человек (694 души мужского и 833 души женского пола)⁵. В росписях Крестовоздвиженской церкви за 1805–1806 гг. упоминается священник Иоанн Варлаков с женою Агриппиной Васильевной и сыном Иоанном (Иваном)⁶, который получил духовное образование.

В 1800 г., как свидетельствует «Ведомость об обучающихся философии», сын священника Иоанна Варлакова был принят в Тобольскую духовную семинарию⁷. Он учил латинский и греческий языки, математику, богословие, латинское и российское красноречие, поэзию, теоретическую врачебную науку, историю, географию и рисовальное искусство. Потом он учился в философском классе, где «читается Баумейстеровая философия и натуральная история», а учени-

³ Грамматин А.Н. Крестовоздвиженская церковь г. Тобольска // ТобЕВ. 1891. 1–16 сент., № 17–18. С. 383.

⁴ Там же. С. 380.

⁵ ГАТоб. Ф. 156. Оп. 19. Д. 520. Л. 422. — По другим сведениям, в приходе было 223 двора, в которых учтено 776 лиц мужского и 876 лиц женского пола (Л. 426).

⁶ Там же. Ф. 86. Оп. 1. Д. 45. Л. 69; Ф. 156. Оп. 19. Д. 515. Л. 76; Д. 516. Л. 257 об.; Д. 519. Л. 225 об.–226. — Священник И.С. Варлаков характеризовался так: «читает хорошо, петь по ноте обучался и катехизис знает... В 1805 году за свенчание малолетов был оштрафован запрещением священнослужения на годичное время с определением в должность причетническую. Состояния и к должности своей прилежания нехудого» (ГАТоб. Ф. 156. Оп. 19. Д. 520. Л. 426). В «Росписях Крестовоздвиженской церкви за 1807–1819 гг.» Агриппина Васильевна названа «вдовой священнической женой» (ГАТоб. Ф. 86. Оп. 1. Д. 45. Л. 117, 146, 195, 215, 236, 258, 282, 298, 321, 393).

⁷ ГАТоб. Ф. 86. Оп. 6. Д. 1020. Л. 7.

ки «в первый год сочиняют диссертации из философских материй, объясненных уже учителем, ...которые говорят в одной из приходских церквей»⁸.

В «Ведомости, учиненной за 1806-й год о состоянии всех города Тобольска священно-церковнослужителей» в числе причта каменной двухэтажной трехпрестольной и двукомилектной Архангельской церкви упоминается «пономарь Иван Иванов Варлаков, 19 [лет], холост. Читает нехудо, петь по ноте не обучался и катехизис знает. В стихарь произведен 1805 года апреля 6-го. Обучается в философском классе по указу 1806 года июля 26 дня. В штрафах и наказаниях не бывал. Постоянен и к должности своей прилежания нехудо»⁹.

После завершения учебы был оставлен в семинарии учителем истории и географии (с 18 марта 1811 г.), а вскоре принят канцеляристом в Тобольскую духовную консисторию (1 июня того же года).

31 декабря 1815 г. он был удостоен звания коллежского регистратора. К службе относился добросовестно; «качеств очень хороших, в делах понятен и довольно успешен», — такой отзыв о И.И. Варлакове находим в справке Тобольской духовной консистории¹⁰.

18 декабря 1816 г. он обратился к тобольскому владыке с просьбой, в которой, ссылаясь на «постепенно усиливающуюся в груди моей болезнь», просил уволить из духовной в светскую службу¹¹. 10 января 1817 г. просьба была удовлетворена. Со времени увольнения из консистории (с 26 января 1817 г.), сказано в формулярном списке И.И. Варлакова, «занимался производством дел в Сибирском почтамте, по неимению в оном вакансии без получения жалованья до 21 февраля, а сего числа определен по прошению его на открывшуюся вакансию в число канцелярских служителей 817 [года] февраля 21». Помещен на вакансию регистратора 819 [года] марта 18. Произведен губернским секретарем 818 [года] декабря 31¹². Также некоторое время он был «комиссионером Тобольского провиантского депо»¹³.

⁸ ГАТоб. Ф. 205. Оп. 1. Д. 522. Л. 27 об.; Ф. 156. Оп. 6. Д. 1020. Л. 26.

⁹ Там же. Ф. 156. Оп. 19. Д. 520. Л. 421 об.–422.

¹⁰ Там же. Ф. 156. Оп. 8. Д. 274. Л. 5 об.

¹¹ Там же. Л. 1–2.

¹² Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 522. Л. 28; Ф. 156. Оп. 8. Д. 274. Л. 6 об.

¹³ См.: Головщиков К.Д. Духовные деятели Тобольского края // ТобЕВ. 1896. 1 янв., № 1. С. 13; Русские писатели. 1800–1917 гг.: биографический словарь. Т. 1: А–Г. Москва, 1989. С. 389–390.

Вероятно, еще в годы учебы в духовной семинарии И.И. Варлаков проявлял склонность к иностранным языкам, и у него проклюнулся поэтический талант. «Зная в совершенстве латинский язык, — писал современник, — он в особенности любил изучать на досуге лучших поэтов и писателей на сем языке; их вековые творения возвышали душу его и услаждали воображение»¹⁴.

В 1819 г. были опубликованы его эпиграммы и басня «Нож и оселок», в 1820 г. — шарады. «Эпиграммы сыплют соль аттическую и поражают стрелою насмешки своего противника...». В них подвергались осмеянию пороки высшего общества сибирской духовной столицы. «Героям» обычно придавались условные имена — Милон, Некраса, Крохин. Вот одна из сохранившихся эпиграмм:

— Всегда Милон меня бежит! Не хочет даже он и встретиться со мною, — вздыхая и в жару Некраса говорит, — железно сердце в нем под грудию стальною!

— Все так, сударыня, но он ли в том виною? Зачем вы сами не магнит?¹⁵

В басне «Нож и оселок» скромный и трудолюбивый оселок противопоставлен «кичливому» ножу. С откровенной издевкой нож вопрошал:

О камень бесполезный!
Ни резать, ни тесать,
В печурке лишь лежать!
Меж тем владелец наш тебя предпочитает
Не только нам, ножам,
Но самым бритвам-госпожам,
И даже уважает.
За что ж?

Басня заканчивалась простодушным признанием работающего «для общей пользы» оселка:

— И вот за что, послушай, нож, — оселок возразил, — что к резанью способным я делаю тебя, хотя не режу сам¹⁶.

В 1823 г. с образованием Енисейской губернии И.И. Варлаков переехал в Красноярск, где служил в канцелярии губернского совета на должности секретаря Оспенного комитета.

¹⁴ Петров И. Сибирский поэт Варлаков // Сын Отечества. 1830. Т. 134. Ч. 21. С. 121.

¹⁵ См.: Вестник Европы. 1819. Ч. 104, № 6. С. 111.

¹⁶ Там же. № 7. С. 190–191.

В 1828 г. он опубликовал несколько поэтических произведений, и «сии немногие...носят на себе печать истинного таланта». Известность в красноярском обществе получили «не столько печатные, сколько рукописные сочинения». Хотя среди них были стихи нескромного содержания, следует признать, что поэтические произведения И.И. Варлакова носили исключительно салонный характер. Поэтому не случайно «он не имел врагов и был любим всеми, знавшими его».

Творческое наследие И.И. Варлакова, по словам современника, состояло большею частью из сатир, посланий, карикатур и пр. «Их можно сравнить с отлично написанными картинами. В них игра ума и насмешки не стесняются никакими приличиями. О них по справедливости можно сказать, что это алмазы, вкрапленные в грязь! Они невольно поражают внимание и говорят о своем достоинстве»¹⁷.

16 февраля 1830 г. И.И. Варлаков скончался, но «оригинальные произведения своенравной его музыки знакомы многим из рукописей даже и вне Сибири; они показывают в авторе такие способности ума, которые при лучшем направлении могли бы доставить ему решительно прочную славу и счастье»¹⁸.

Приложения

Публикации И.И. Варлакова

1. [Эпиграммы] // Вестник Европы. 1819. Ч. 104, № 6. С. 111–112.
2. Нож и оселок: басня // Вестник Европы. 1819. Ч. 104, № 7. С. 190–191.
3. Шарады // Вестник Европы. 1820. Ч. 109, № 2. Отд. 4. С. 144–145, 239.
4. Счастливая жизнь. Посвящено И.И. Коновалову // Енисейский альманах на 1828 г. Красноярск, 1828. С. 79–80.

Литература о жизни и творчестве И.И. Варлакова

1. Путров И. Сибирский поэт Варлаков // Сын Отечества. 1830. Т. 134. Ч. 21. С. 117–121.
2. Венгеров С.А. Варлаков И.И. // Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. 4. Отд. 2. СПб., 1895. С. 99–100.
3. Головщиков К.Д. Варлаков Иван Иванович // Головщиков К.Д. Духовные деятели Тобольского края // ТобЕВ. 1896. 1 янв., № 1. С. 13.

¹⁷ Петров И. Сибирский поэт Варлаков // Сын Отечества. 1830. Т. 134. Ч. 1. С. 119–120.

¹⁸ Там же. С. 117.

4. Стож М.Е. Варлаков И.И. [Биографическая справка] // Стож М.Е. Словарь сибирских писателей, поэтов и ученых. Иркутск, 1916. С. 5–6.

5. Постнов Ю.С. Русская литература Сибири первой половины XIX в. Новосибирск, 1970. С. 113–115.

6. Ильин-Томич А.А. Варлаков Иван Иванович // Русские писатели. 1800–1917 гг.: биографический словарь. Т. 1: А–Г. Москва, 1989. С. 389–390.

***Прошение И.И. Варлакова о переводе его
из духовного в светское звание. 18 декабря 1816 г.***

Всепресветлейший, державнейший Великий Государь Император Александр Павлович, Самодержец Всероссийский, государь всемилоостивейший!

Просит стата Тобольской духовной консистории коллежский регистратор Иван Иванов сын Варлаков о нижеследующем.

Я, верноподданный священнической сын, обучавшийся в Тобольской семинарии с окончанием курса преподаваемых в ней наук, вступил в службу Вашего Императорского Величества в Тобольскую духовную консисторию июня 1-го 1811-го года канцеляристом, и 1815 года декабря 31-го по рекомендации моего начальства произведен в чин коллежского регистратора. Служение в помянутой консистории я, верноподданный, с полною бы моею охотою, тщательностию и усердием продолжил далее. Но, соразмеряя, силы мои с возложенными на меня обязанностями, нахожу себя малоспособным к приказным делам, и при том от письменных занятий чувствую постепенно усиливающуюся в груди моей болезнь, препятствующую оказать возможные опыты успехов по настоящей должности; предполагаю уже в надеянии моем — причем дорожу и здоровьем моим, хранить которое натурально обязан, — оказать посильные успехи и непосредственно от них зависящую пользу, как свою собственную, так и общественную, и больше сию последнюю, в другом роде службы Вашего Императорского Величества, к которому я, верноподданный, найду себя способнейшим, то и прошу всеподданнейше.

Дабы высочайшим Вашего Императорского Величества указом позволено было сие мое прошение принять и меня, верноподданного, из ведомства духовной консистории в светское для продолжения службы по гражданской части уволить, наградив меня в моем служении и поведении аттестатом.

Всемилоостивейший государь, прошу Ваше Императорское Величество о сем моем прошении решение учинить. Декабря 18 дня 1816 года.

Сие прошение сочинял набело, переписывал и к оному руку приложил сам проситель коллежский регистратор Иван Иванов сын Варлаков.

(ГАТоб. Ф. 156. Оп. 8. Д. 274. Л. 1–2)

Описание города Красноярска в 30–40-х годах XIX в.

Город располагался на мысе, образуемом левым берегом Енисея... Бич города — пыльные бури. «Песок мчится через реку страшными тучами и на противоположном берегу завалил село Ладейское, которое от нее верст на семь... крутит его по улицам города, так что нельзя укрыться от проникающей пыли даже и в верхнем ярусе домов».

В Красноярске кроме дома для присутственных мест есть деревянный острог и большая каменная кладовая для казны и ясака. Заведения Приказа общественного призрения невелики, но весьма удобны и опрятны: больница, дома умалишенных и неизлечимо больных, анатомический театр, бани, службы, — все это на обширном месте обнесено оградой и внутри разделено палисадниками и рядами деревьев. Приказу же обязана своим существованием аптека, которая имеет особое помещение.

Шесть больших домов составляют заведение, известное под названием рабочего дома. Ссылные разделены здесь на семь разрядов: плотников и столяров, каменщиков, кузнецов и слесарей, медников и серебряников, кожевников и шорников, маляров и, наконец, чернорабочих. Здесь делают не только прекрасные мебели, но и экипажи.

Казармы для батальона Сибирского отдельного корпуса и для жандармской команды с лазаретом и принадлежностями занимают также большое пространство.

В Красноярске вообще придерживались правила, чтоб каждое сословие строилось к одному месту; так образовались, кроме старой Еврейской слободки, слободы Инвалидная, Ремесленная, Казацкая.

Здесь есть огромное училище для кантонистов, училище, принадлежащее казацкому полку, и уездное.

(Живописное путешествие по Азии. Москва, 1839. Т. 1. С. 208–209)

Александр Ипполитович Дмитриев–Мамонов

Александр Ипполитович Дмитриев-Мамонов родился 1 ноября 1847 г. Происходил «из дворян Московской губернии, за ним числилось 800 десятин земли в Ковровском уезде Владимирской губернии, 50 десятин в Бежецком уезде Тверской губернии и 30 душ временнообязанных крестьян»¹.

Образование получил в Московском университете, окончил его со степенью кандидата. Службу начал в Министерстве внутренних дел, 26 апреля 1876 г. назначен «старшим чиновником особых поручений Главного управления Западной Сибири», а через несколько месяцев «командирован к временному исправлению должности председателя Томского губернского правления»².

За отличную и усердную службу неоднократно получал благодарности (например, за полезную деятельность в деле постройки женской больницы в г. Томске), денежные суммы и был удостоен орденов Станислава 2-й и 3-й степеней, Анны 3-й степени и Владимира 4-й степени.

«Высочайшим приказом по гражданскому ведомству, в 27 день февраля 1881 года состоявшимся, перемещен исправляющим долж-

¹ ГАТоб. Ф 152. Оп. 33. Д. 327. Л. 145 об. – 156. Также см.: Дмитриевы-Мамоновы / сост. и изд. А.И. Дмитриев-Мамонов и В.А. Дмитриев-Мамонов. СПб., 1912. С. 55.

² См.: Дмитриев-Мамонов А.И. Однодневная перепись населения г. Тобольска 11 апреля 1882 г. // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 381–383, 387.

На время проведения переписи в Тобольске зафиксировано: мещан — 6163 чел. (2886 муж. и 3277 жен.), крестьян — 3889 чел. (2013 муж. и 1879 жен.), ссыльных — 1113 чел. (829 муж. и 284 жен.), духовенства — 526 чел. (345 муж. и 181 жен.), купцов — 423 чел. (214 муж. и 209 жен.), разночинцев — 318 чел. (179 муж. и 139 жен.), почетных граждан — 89 чел. (37 муж. и 52 жен.) и т.д. Всего на 11 апреля 1882 г. в городе числилось 19717 чел. (11053 муж. и 8864 жен.). — Там же. С. 381–383.

ность председателя Тобольского губернского правления». Когда он прибыл в административный центр, в городе насчитывалось до 20 тысяч человек. В подавляющем большинстве это были люди городских и сельских сословий, т.е. купцы, мещане, почетные граждане, ремесленники и крестьяне. Затем шли чиновники, лица духовного звания, военные (отставные и запасные солдаты) и ссыльные. Мещане занимались огородничеством: «имея при домах огороды, сажают разные овощи: капусту, картофель, огурцы, лук, морковь, репу, редьку, свеклу и т.п. — не только для собственного употребления, но и для продажи на городском рынке». Промышленность была представлена кожевенными, мыловаренными, кузнечными, кирпичными, гончарными, винокурными и другими мелкими предприятиями. В городе имелись 2 приходских училища, Мариинская женская школа, мужская гимназия, духовная семинария, уездное училище, повивальная, ремесленная, ветеринарная и фельдшерская школы — всего 12 учебных заведений.

В должности председателя Тобольского губернского правления А.И. Дмитриев-Мамонов пробыл до 1885 г. Во время отсутствия губернатора он исполнял обязанности начальника тобольского края (с 26 ноября по 18 декабря 1881 г. и с 28 июня по 7 июля 1882 г.) Его годовое содержание определено в размере 2687 рублей (из них столовые 600, а квартирные 687 руб.)³.

В это время «на пожертвованные средства» было построено каменное здание Тобольского губернского музея, появился в городе новый вид связи — телефон. В 1891 г., возвращаясь из многомесячного путешествия по Азии, в Тобольске побывал цесаревич Николай Александрович (император Николай II). А.И. Дмитриев-Мамонов

³ ГАТоб. Ф. 15. Оп. 33. Д. 327. Л. 145 об.–146 об., 155 об.–157. — А.И. Дмитриев-Мамонов женат на дочери тайного советника, сенатора Алексея Васильевича Семенова и Дарьи Федоровны (урожд. Львовой) — Елизавете (род. в 1847 г.) и, согласно формулярному списку о службе за 1882 г., имеет сыновей: Василия (род. 14 июня 1874), Александра (род. 11 мая 1876) и Николая (род. 23 августа 1880) и дочь Елизавету (род. 5 сентября 1878). — Там же. Л. 146.

Жена нашего героя, Елизавета Алексеевна, была талантливой пианисткой, ученицей Н.Г. Рубинштейна и П.И. Чайковского, «много способствовала к развитию музыкального искусства в Сибири. Основательница и почетный член Томского отделения Императорского Русского музыкального общества» (Дмитриевы-Мамоновы. СПб., 1912. С. 56).

принимал активное участие и «спомощевание» в работах по благоустройству города к прибытию цесаревича.

В 1884 г. Александр Ипполитович опубликовал работы «Однодневная перепись населения Тобольска 11 апреля 1882 года» и «Материалы к истории народного просвещения в Западной Сибири». Это стало началом его научной деятельности по изучению истории Азиатской России.

Несколько последующих работ А.И. Дмитриева-Мамонова знакомы читателю с яркими страницами западносибирской истории. В 1891 г. вышел отдельным изданием труд «Начало печати в Сибири. Печать в Тобольском наместничестве в конце XVIII столетия. Историко-библиографическое исследование». В журнале «Чтения в Обществе истории и древностей российских» появились его статьи: «Декабристы в Западной Сибири. Очерк по официальным документам» и «Пугачевщина в Сибири». В этих публикациях были использованы неизвестные исследователям архивные материалы.

После 1898 г., когда А.И. Дмитриев-Мамонов, оставив место акмолинского вице-губернатора, переехал в С.-Петербург, тематика его работ по сибирской истории значительно расширилась. В 1900 г. он составил подробное описание Великого Сибирского пути, а в 1903 г. — описание Туркестана и Среднеазиатской железной дороги.

Была еще книга «От Волги до Великого океана». Это о ней писал 3 марта 1903 года в своем письме полицмейстеру и уездному исправнику тобольский вице-губернатор А.Н. Тройницкий: «С высочайшего соизволения в 1900 г. Министерством путей сообщения под редакцией действительного статского советника Дмитриева-Мамонова предпринято было издание Путеводителя по Великой Сибирской железной дороге». Это описание и получило золотую медаль на Парижской всемирной выставке.

Значительный успех книги в России и за границей предполагал новую редакцию иллюстрированного издания. Было решено переиздать труд А.И. Дмитриева-Мамонова «с включением дополнительных сведений, для сбора которых в Тобольскую губернию были направлены два чиновника»⁴.

⁴ «В предпринятое и в текущем [т.е. в 1903] году издание путеводителя, по примеру предшествовавших изданий, — писал Тройницкий, — должны войти новейшие сведения, относящиеся до экономическо-торгово-промышленной жизни как Сибири, так и всей восточной окраины империи,

Позже были изданы: экономико-статистические исследования о Тюмень–Омской железной дороге, работа о необходимости постройки Южно-Сибирской магистрали, записка об экономическом значении и грузообороте проектируемого рельсового пути Казань—Екатеринбург.

Несомненный интерес представляет работа А.И. Дмитриева-Мамонова «Сибирская нефть» — огромный шаг вперед в изучении природных богатств Азиатской России⁵. В центре внимания автора — Селенгинский уезд Байкальского бассейна, о наличии нефти в котором, по словам исследователя, писали еще в XVIII веке академики И.Г. Гмелин и П.С. Паллас, а также и путешественник И.И. Георги. А.И. Дмитриевым-Мамоновым приведены свидетельства жителей указанной местности о том, что буряты издавна в небольших размерах («по несколько пудов») добывали нефть с поверхности воды и находили ей разное применение: «нефть и ее продукты употребляются наружным лекарством от ревматизмов, цинги и для заживления ран. Бурятские шаманы, совершая священнодействия, часто приносят жертвы своим божествам, употребляя нефть как горючий материал»⁶.

В конце XIX в. в лабораториях горного института Казанского университета были произведены анализы образцов байкальской нефти, добытых слободским мещанином Федором Косаревым (с поверхности озера) и казанским уроженцем Александром Шахмаевым (близ Толстого мыса). По своим свойствам она была признана приближающейся к пенсильванской нефти⁷.

В 1903 г. правительство Российской империи признало «заведомо нефтеносною полосы шириною в 50 верст вдоль юго-восточного

оживленной Великою железнодорожной магистралью, также предположено поместить объявления от торгово-промышленных фирм, фабрик и заводов. В текущем году редакцией путеводителя командированы в Сибирь для собирания разных сведений заведывающий счетною частью Н.И. Соколов и его помощник И.Г. Балашев». Вице-губернатор предписал уездным исправникам и полицмейстеру: «Уведомляя о сем, прошу Ваше высокоблагородие оказать названным лицам в случае приезда их в подведомственный Вам район возможное содействие к выполнению возложенного на них поручения» (ГАТоб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 968. Л. 21).

⁵ Дмитриев-Мамонов А.И. Сибирская нефть. СПб., 1903.

⁶ Там же. С. 3, 7.

⁷ Там же. С. 4–7.

побережья озера Байкала от ст. Култучной до устья речки Черемшанки (54° сев. шир. к северу от Святого Носа»). Там было создано Забайкальское нефтепромышленное товарищество, одним из учредителей которого является автор публикаций, действительный статский советник А.И. Дмитриев-Мамонов⁸. По его мнению, потребителями байкальской нефти станут «нуждающиеся в дешевом топливе» Сибирская железнодорожная магистраль, Китайская Восточная железная дорога и Амурское пароходство⁹.

А.И. Дмитриев-Мамонов выражал уверенность, что «зарождающаяся нефтепромышленность в Сибири по государственному своему значению найдет поддержку со стороны правительства хотя бы на первых порах, пока дело не станет на прочную основу. Нефтяное дело — новое дело для края»¹⁰.

Нефтяное производство Азиатской России стало новым направлением сибирской историографии, пионером которого с полным основанием можно считать А.И. Дмитриева-Мамонова, члена Императорского Русского географического общества, а также Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.

Вполне вероятно, что в период работы над «Сибирской нефтью» исследователь принял участие в подготовке официального документа о проведении нефтеразведочных изысканий на территории Азиатской России, известного как «Сообщение Горного департамента Министерства земледелия и государственных имуществ в Томское горное управление от 17 января 1903 года», согласно которому устанавливалась подесятинная плата «на 1903 год за разведки на нефть в пределах губерний: Тобольской, Томской и Енисеевской в размере одного рубля и в пределах области Семипалатинской, Семиреченской и Акмолинской в размере двух руб.»¹¹.

Последняя его работа «Верхне-Сибирская железная дорога» была издана в 1914 г. В работе доказывалась необходимость постройки резервного пути от Верхнеуральска Оренбургской губернии до Амурской линии, который должен был разгрузить Великую Сибирскую магистраль.

⁸ Дмитриев-Мамонов А.И. Сибирская нефть. СПб., 1903. С. 8.

⁹ Там же. С. 15–16.

¹⁰ Там же. С.16

¹¹ См.: Нефть и газ Тюмени в документах: 1901–1965. Свердловск, 1971. С. 17.

А.И. Дмитриев-Мамонов пишет, что «ко всему этому следует еще добавить, что, судя по карте распределения землетрясений с 1771 по 1904 г. (см. “Физическую геологию” И.В. Мушкетова или журн. «Известия Собрания инженеров путей сообщения» за 1910 г. №10. С. 161), Верхне-Сибирская железная дорога проходит вне сферы влияния разрушительных действий от землетрясений, всегда угрожающих при наличии целого ряда тоннелей внезапно и на долгое время прекратить провоз грузов по Забайкальскому участку Сибирской магистрали, чему Верхне-Сибирская линия никогда не может быть подвержена. Наконец, неимоверно быстрый рост народного населения в городах Сибири (см. таблицу роста народонаселения в сибирских городах, помещенную в журнале “Дым отечества” за 1913 г. №38 от 19 сент., стр. 13), а также расположение в районе Верхне-Сибирской линии неисчислимых рудных месторождений и золотых приисков еще более убеждает в необходимости немедленного разрешения вопроса о приступе к постройке столь необходимой резервной магистрали»¹².

«Со вступлением в число учредителей проектируемого мною предприятия графа А.И. Дмитриева-Мамонова, бывшего вице-губернатора г. Томска, — писал городскому голове Ялуторовска 21 октября 1913 г. инженер VI класса Максимилиан Карлович Циглер фон Шафгаузен, — вопрос о проведении новой линии становится еще более жизнеспособным, т.к. граф, являясь уполномоченным г. Томска, в отношении защиты железнодорожных интересов этого города решил одновременно с изысканиями первой части линии (т.е. от Верхнеуральска до Ялуторовска, через село Юргинское, село Плетнево, город Тару (8 тыс. жителей) до г. Томска с тем, чтобы Тобольск соединить (во время постройки) веткой с линией основного направления (по изысканиям 1910 г. от Ялуторовска до Тобольска). В настоящее время граф А.И. Дмитриев-Мамонов уже внес в Министерство путей сообщения свое ходатайство о высочайшем разрешении

¹² ГАТоб. Ф. 152. Оп. 35. Д. 1275. Л. 54 об.–55. — «Более 70 процентов ее [Западной Сибири] территории вовсе не были изучены в геологическом отношении. В 1913 г. разведкой недр было занято всего 150 специализированных геологов. Горная промышленность Сибири была представлена прежде всего и больше всего золотыми приисками. Самодержавие было не способно дать нужный толчок развитию производительных сил Сибири» (Нефть и газ Тюмени в документах: 1901–1965. Свердловск, 1971. С. 5).

на производство изысканий линии Верхнеуральск—Челябинск—Ялуторовск—Тара—Томск в течение 2-летнего срока со дня высочайшего разрешения изысканий»¹³.

Производитель изысканий техник Валерий Юзефович Копчинский 18 апреля 1915 г. в письме городскому голове Тары свидетельствовал, что «инициатором высочайше утвержденного изыскания магистральной Верхне-Сибирской железной дороги является действительный статский советник граф Александр Ипполитович Дмитриев-Мамонов, проживающий: Петроград, Рождественская, 32, кв. 8, — и уполномоченным его по изысканию являюсь только я»¹⁴.

Протяженность резервной дороги составляла «более трех тысяч верст», ее стоимость определялась в 180 млн. руб. Проект, к сожалению, так и остался неосуществленным, так как помешали Первая мировая война, революционные события и Гражданская война.

В 1915 г. автор проекта А.И. Дмитриев-Мамонов умер.

Приложения

Из «Формулярного списка о службе исправляющего должность председателя Тобольского губернского правления, надворного советника

Александра Ипполитовича Дмитриева-Мамонова на 1882 год»

Надворный советник Александр Ипполитович Дмитриев-Мамонов, исправляющий должность председателя Тобольского губернского правления, 35 лет, вероисповедания православного, имеет ордена: Св. Станислава 2-й и 3-й степени, Св. Анны 3-й степени и Св. Владимира 4-й степени...

Окончил курс наук в Московском университете со степенью кандидата.

Приказом по Министерству внутренних дел от 20 октября 1870 года за № 51 в службу вступил в Министерство с причислением к оному и с причислением для занятий в Департаменте полиции исполнительной...1870 [года] сентября 7.

Указом Правительствующего Сената по Департаменту герольдии от 2 декабря 1870 года за № 10505 утвержден в чине коллежского секретаря со старшинством 1870 [года] сентября 7.

Приказом по Министерству внутренних дел от 25 августа 1871 года за № 43 назначен исправляющим должность помощника столоначальника с 1871 [года] июля 10.

¹³ ГАТоб. Ф. 152. Оп. 35. Д. 1275. Л. 12–12 об.

¹⁴ Там же. Л. 42.

Из всемилостивейше пожалованной в награду чиновникам департамента суммы выдано в награду 200 рублей [1871 года] июля 8.

Журналом Департамента полиции исполнительной от 18 марта 1872 года за № 324 утвержден в должности помощника столоначальника 1872 [года] марта 18.

За отличноюсердную службу всемилостивейше награжден орденом Св. Станислава 3-й степени [1872 года] июня 7.

За отличноюсердную службу всемилостивейше награжден подарком в 300 рублей 1873 [года] июля 10.

Приказом по Министерству внутренних дел от 19 августа 1873 года за № 41 согласно прошению причислен к Министерству с увольнением от должности помощника столоначальника 1873 [года] августа 19.

Откомандирован в Департамент полиции исполнительной для занятий 1873 декабря 8.

Указом Правительствующего Сената по Департаменту герольдии от 18 марта 1874 года за № 860 произведен за выслугу лет в титулярные советники со старшинством с 1873 [года] сентября 7.

С 8 июля 1874 года назначен его высокопревосходительством господином министром внутренних дел членом комиссии, образованной по соглашению министерств внутренних дел и финансов, для исследования причин накопления недоимок в Новгородской губернии, также и средств крестьян к уплате оклада.

Всемилоостивейше пожалован кавалером ордена Св. Анны 3-й степени 1874 [года] июля 12.

За отличноюсердную службу всемилостивейше награжден подарком в 300 руб. 1875 [года] июня 10.

Господином генерал-губернатором Западной Сибири определен старшим чиновником особых поручений Главного управления Западной Сибири без содержания 1876 [года] апреля 26.

Приказом 1876 господина генерал-губернатора Западной Сибири от 7 сентября 1876 года за № 74 командирован к временному исправлению должности председателя Томского губернского правления 1876 [года] сентября 7.

Указом Правительствующего Сената от 13 января 1877 года за № 8 произведен за выслугу лет в коллежские ассессоры со старшинством 1876 [года] сентября 7.

Высочайшим приказом Министерства внутренних дел от 26 июля 1877 года назначен исправляющим должность председателя Томского губернского правления 1877 [года] июля 21.

Состоя в этой должности, за отсутствием г. начальника губернии, на основании 27 ст. II части Сибирских учреждений, управлял Томскою губернию с 24 августа по 2 сентября 1877 года.

Приказом г. управляющего Министерством народного просвещения от 1 июля 1877 года за № 9 назначен членом попечительства Томского реального училища на три года с 1-го июля 1877 и... избран председателем попечительства.

За отсутствием г. томского губернатора управлял губернией с 7 по 21 декабря 1877 года.

За болезнь г. начальника губернии управлял губернией с 30 декабря 1877 года по 7 января 1878 года. За отсутствием его превосходительства управлял губернией с 16-го по 27 февраля 1878 года.

За отличноусердную службу всемилостивейше пожалован орденом Св. Станислава 2-й степени 1878 марта 17.

Командирован в Бийский округ для ревизии делопроизводства в окружном суде, окружном полицейском управлении и земских заседателей, волостных правлений и осмотра хлебных магазинов и мест заключения, в какой командировке находился с 22 июля по 1-е августа 1878 года.

За отсутствием г. томского губернатора управлял губернией с 29 мая по 14 июля, с 10 по 23 августа 1878 года, с 4 по 23 января и с 8 июня по 1 июля 1879 года.

Исправлял должность томского губернатора с 1-го сентября 1879 года по 12 августа 1880 года.

Согласно высочайшего соизволения, последовавшего 14 марта 1880 года, об учреждении Строительного комитета, состоявшегося в ведении Министерства народного просвещения, для возведения здания Сибирского университета в г. Томске назначен членом того комитета.

За отличноусердную службу всемилостивейше пожалован кавалером ордена Св. Владимира 4-й степени 1880 года апреля 20.

Приказом его высокопревосходительства генерал-губернатора Западной Сибири от 27 июня 1880 года за № 61 объявлена благодарность за полезную деятельность в деле постройки женской больницы в г. Томске.

За отсутствием томского губернатора управлял губернией с 24 июня по 14 июля, с 13 по 24 августа 1880 года и с 3 января по 12 марта 1881 года.

Приказом г. председательствующего в совете Главного управления Западной Сибири от 15 августа 1880 года за № 77 объявлена благодарность за особую заботливость о благосостоянии в преуспевании Томского реального училища по званию его, Дмитриева-Мамонова, председателем попечительства этого училища. Указом Правительствующего Сената от 25 февраля 1881 года за № 868 произведен за выслугу лет в народные советники со старшинством с 1880 года сентября 7.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству, в 27 день февраля 1881 года состоявшимся, перемещен исправляющим должность председателя Тобольского губернского правления 1881 года февраля 27.

(ГАТоб. Ф. 152. Оп. 33. Д. 327. Л. 145 об.–156)

Публикации А.И. Дмитриева-Мамонова

Однодневная перепись населения г. Тобольска 11 апреля 1882 г. // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 351–404.

Юридические обычаи самоедов Березовского округа / в соавт. с К.М. Голодниковым // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 39–48.

- Материалы к истории народного просвещения в Западной Сибири // ТобГВ. 1884. 19 мая, № 20. С. 2–5; 26 мая, № 21. С. 2–5; 2 июня, № 22. С. 2–4; 9 июня, № 23. С. 3–6; 16 июня, № 24. С. 2–4.
- Начало печати в Сибири. Печать в тобольском наместничестве в конце XVIII столетия. Историко-библиографическое исследование. Омск, 1891. — Переиздание: СПб., 1900.
- Декабристы в Западной Сибири. Очерк по официальным документам. М., 1895. — Переиздание: М., 1905.
- Пугачевщина в Сибири. Очерк по документам экспедиции генерала Деколлонга // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1895. М., 1898.
- От Волги до Великого океана. Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге с описанием Шилко-Амурского водного пути и Маньчжурии. СПб., 1900.
- Путеводитель по Туркестану и железным дорогам, Среднеазиатской и Ташкентской. СПб., 1903. — Переиздания в 1907 и 1912 гг.
- Сибирская нефть. СПб., 1903.
- Тюмень—Омская железная дорога. Экономическо-статистическое исследование. СПб., 1905.
- Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. Исторический очерк по официальным документам. СПб., 1907.
- Южно-Сибирская железная дорога. Необходимость ее сооружения. СПб., 1910.
- Записка об экономическом значении и грузообороте проектируемой железнодорожной линии Казань—Екатеринбург. СПб., 1911.
- Верхне-Сибирская железная дорога. СПб., 1914.

**Из «Справки по вопросам
о спешной, в зависимости от обстоятельств военного времени,
необходимости сооружения Верхне-Сибирской железной дороги».
1915 г.**

Вопрос о перегруженности Сибирской магистрали в данный момент, судя по имеющимся в эксплуатационном отделе данным, представляется в неопределенном виде. Загруженность этой магистрали по отдельным ее участкам весьма неодинакова, кроме того, не везде еще приняты меры к увеличению ее провозоспособности. Во всяком случае, возложение больших надежд на провозоспособность колоссальной по протяжению магистрали, принимая во внимание происходящую в настоящее время массовую постройку ее боковых ветвей, из которых каждая прибавит к общему транзиту свои специаль-

ные грузы, а также необходимости увеличения транзита пищевых продуктов из Сибири в Европейскую Россию. Для удовлетворения возрастающей в них потребности для армии и для населения нельзя не признать немедленную и энергичную постройку самостоятельной и более краткой (почти на 1000 верст) резервной ж.д. магистрали более необходимой.

(ГАТоб. Ф. 152. Оп. 35. Д. 1275. Л. 54 об.)

Извлечения из публикаций А.И. Дмитриева-Мамонова

Тобольская периодическая печать в конце XVIII в.

Одновременно с изданием «Иртыша» в 1790 г. под редакцией учителей Тобольского главного народного училища печатался в тобольской типографии Корнильева «Журнал исторический», выбранный из разных книг. Этого журнала вышло всего 2 части, в 8-ю долю листа по 18 печатных листов в каждой части. Все статьи этого журнала были переводные из разных исторических сочинений, без указания источников и имен переводчиков.

По прекращении издания «Иртыша...» и «Журнала исторического» в 1793 г. начал выходить в Тобольске периодический журнал под заглавием «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная, в пользу и удовольствие всякого звания читателей». Журнал этот, издававшийся под редакцией Панкратия Платоновича Сумарокова, печатался подобно «Иртышу» в типографии Корнильева в количестве 300 экземпляров, на средства Тобольского приказа общественного призрения... Библиотека издавалась в продолжении 1793–1794 гг., выйдя в свет в количестве 12 томов в 8-ю долю листа и заключая в каждом томе до 13-ти печатных листов.

(Дмитриев-Мамонов А.И. Начало печати в Сибири. СПб., 1900. С. 45)

Пугачевцы в Зауралье

Выступив из Шадринска с отрядом в 900 человек и артиллерию, под слободою Уксянской, отстоящею в 42-х верстах от Шадринска, Деколонг встретил толпу мятежников в 7000 человек с 31 оружием.

Не доходя помянутой слободы, под деревнею Голухиною, несмотря на превосходство силы бунтовщиков и глубокие снега, препятствовавшие установить позицию, он разбил на голову мятежников, «обратя их в бег, куда кто поспел... кои не пришли в чувство, ударились к Челябине, а другие по своим домам, из коих с повинованием у меня ныне являются».

Взятые в плен мятежники были преданы служению Шадринской управительской канцелярии, определение которой было подтверждено 18 марта 1774 года генералом Деколонгом.

Из числа осужденных 26 человек приговорены были к смертной казни через повешение, 44 человека, «дабы им впредь чинить было неповадно, в страх другим наказаны плетьюми», 4 человека биты батожем.

Среди повешенных были 10 казаков Тюменского ведомства, главная виновность которых заключалась в том, что, будучи командированы из Тобольска в Екатеринбург для защиты заводов, предались на сторону мятежников в Кыштымском заводе Демидовых и при пособничестве бунтовщиков связали своих командиров майора Чуварова и поручика Кологривова, связанных отвели к пугачевскому полковнику Ивану Никифоровичу Грязнову, имевшему в то время пребывание на Косятурском заводе. Предавая своих командиров в руки мятежников, просили их повесить, и эта просьба тогда же была выполнена по приказанию Грязнова, после чего поступили в команду этого пугачевского атамана, ходили с ним под Челябину и неоднократно сражались с войсками Деколонга.

(Дмитриев-Мамонов А.И. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. СПб., 1907. С. 79–80)

**Из рапорта тобольского губернатора,
статского советника В.А. Тройницкого
цесаревичу Николаю Александровичу [1891 г.]**

Всподданнейше донося Вашему Императорскому Высочеству, что в его вверенной управлению моему губернии все состоит благополучно, имею счастье повергнуть на милостивейшее усмотрение ваше краткие, собранные мною сведения о положении оной.

Городов в Тобольской губернии 10... Посадов и местечек нет, сел, из которых некоторые носят названия слобод — 344, деревней — 2693 и выселков — 167. Сверх того, в Березовском и Сургутском округах считается в первом 12 сел и 176 юрт и во втором — 6 сел и 170 юрт, а всего населенных — 3568.

Жителей в губернии числится обоего пола: дворян — 2270 (дворянского собрания в губернии не существует), разночинцев — 4751, священно-церковнослужителей и их семейств православных — 3715, монашествующих — 217, почетных граждан — 541, кушцов — 1600, мещан — 40831, крестьян — 1064871, колонистов — 1826, инородцев — 86887, ссыльных — 113897, отставных военных — 87276, иностранных подданных — 47, всего — 1409128.

Войск в губернии состоит 1 пехотный резервный кадровый батальон численностью в 487 чел. Местных команд 10 в девяти округ-

ных городах и селе Готопупове Ишимского округа численностью в 1756 и 1 конвойная команда в Тюмени в 113 чел., а всего пехоты 2356 чел. <...>

Количество земли, занимаемой Тобольской губернией, в точности не измерено. Приблизительно исчисляется таковой 130 миллионов десятин, из коих измерено около 15-ти.

Церквей в губернии 452, монастырей — 6, католический костел — 1, лютеранская церковь — 1, мечетей — 160, и еврейский молитвенный дом — 1.

Учебных заведений: мужская гимназия, семинария — 1, Мариинская школа в ведомстве императрицы Марии — 1, женских прогимназий — 6, реальное училище — 1, училищ духовных мужских — 2, женских — 1, уездных — 8, городских мужских — 15, женских — 4, сельских для обоего пола — 238, церковноприходских школ грамоты — 264.

Больниц, принадлежащих Приказу общественного призрения, — 2, городских — 6, богаделен — 7...

Промышленность развита слабо. Всех фабрик и заводов — 2032. Преобладающую роль [играют] заводы, мукомольные числом 769, кожевенные, которых считается 321.

Пути сообщения довольно затруднены. Железная дорога лишь одна — Уральская, касается Тобольской губернии, доходя до города Тюмени. Почтовых трактов 8 с числом станций 115, земских — 19, остальные местности сообщаются проселочными дорогами. Все дороги грунтовые, шоссейных же нет. Телеграфом соединены 8 городов из 10. Города же Сургут и Березов, лежащие к северу от Тобольска, не имеют не только телеграфа, но и даже колесных дорог, и сообщение производится зимой на санях по льду, летом — частью на пароходах, частью на лодках. Севернее Березова езда производится на оленях и в самых редких случаях на собаках. Почтово-телеграфных учреждений в губернии считается 29, из них почтово-телеграфных контор — 8, почтово-телеграфных отделений — 5, почтовых отделений — 15 и почтовая контора — 1.

(ГАТоб. Ф. 417. Оп. 1. Д. 641. Л. 6–6 об.)

Владимир Ефремов

Когда возник Заводоуковск и некоторые населенные места вокруг него¹

...Сибирь от начала длины и ширины ни именем
древле не знаема... и не описана до нынешнего лета.

С. У. Ремезов

Известно, что Уковский винокуренный завод был основан примерно между 1742–1748 годами. Первое описание (известное на данный момент) дал известный путешественник и историк И.-Г. Гмелин в четырехтомном «Путешествии по Сибири», изданном на немецком языке в 1752 г.,

но так до сих пор и не увидевшим свет в России в целостном виде. Через наши края И.-Г. Гмелин проследовал в 1741 г., возвращаясь из Восточной Сибири. От р. Вагай по столбовой дороге он проследовал через укрепленную Верхне-Уковскую заимку Рафайлова монастыря (Новая Заимка), основанную в

¹ Автор данной статьи впервые обратился к изучению Уковского завода еще в 1970-х годах XX столетия. Материал к ней пришлось собирать буквально по крохам. Работа с документами в архивах Тобольска и Тюмени, розыски в библиотеках привели к появлению ряда статей по этой теме². В 2004 г. появилась книга «Хлебный, целебный, лесной. Заводоуковский район: история, события, люди». Среди ее создателей был и автор настоящей статьи, подготовивший для вышеуказанного издания материалы по истории Уковского завода и ближайших к нему деревень XVIII столетия. В 2006 г. вышла в свет книга Е.П. Ермачковой «Летопись земли Заводоуковской». Встречаются в ней неточности и ошибки, но это удел всех исследователей, которые со временем, несомненно, будут исправлены. Автор книги, перечисляя тех, кто в той или иной степени занимался историей Заводоуковска, совершенно не упоминает В. Ефремова, хотя с опубликованными им материалами не только знакома, но использует их в издании. Хочется заострить внимание на данном факте ради констатации, что В. Ефремов был в числе пионеро-освоенцев данной темы.

² См. публикации В. Ефремова: Заводоуковск: страницы истории // Советское Зауралье. 1978. 10 июня; Страницы истории // Там же. 1980. 11, 15 и 20 марта; Завод на Уке // Там же. 1981. 30 июля; Музей нужен Заводоуковску // Там же. 1897. 19 марта; Еще раз о названии Заводоуковск // Тюм. известия. 1994. 27 янв.; Завод, да не тот // Тюм. правда. 1997. 28 июля.

1725 г. и имевшую на то время острог с 15 монастырскими крестьянами. Потом путешественник направился вдоль северного берега р. Ук через д. Маркову, укрепленную на южном берегу со стороны суши, и д. Логинову с восемью дворами, по ходу русла р. Ук к мельнице, д. Уковской, затем двинулся по правому берегу р. Тобол. В д. Пономаревой путешественник переправился через Тобол и прибыл в Ялуторовский острог.

В течение ряда лет автор данной статьи пытался найти место, где когда-то, по мнению И.Г. Гмелина, существовала д. Логинова, которой нет ни на одной из известных исследователю карт. С трудом удалось обнаружить месторасположение названного пункта — рядом с современным п. Речной, в живописном месте на берегу р. Ук, окруженном с трех сторон логами.

Эта местность была обследована с помощью металлодетекторов. Найденные монеты 1730–1750 и 1760–1770 гг., скорее всего, говорят о том, что д. Логинова по неизвестным для нас причинам во второй половине XVIII столетия прекратила свое существование. И.Г. Гмелин утверждает, что где-то между д. Логиновой и д. Уковской (не путать с Уковским заводом; эта деревня находилась по дороге в д. Сунгурову, сра-

зу же за современными городскими дачами) располагалась мельница. В таком случае, можно предположить, что рядом были и жилые места, в окрестностях которых велась обработка полей, а получаемый с них урожай поступал на переработку. Достаточно привести данные 1749 г., где отмечалась д. Уковская, в которой насчитывалось 25 дворов. Только в одной из деревень, находящихся под Ялуторовским острогом, дворов было больше.

Территория современного г. Заводоуковска включает в себя населенные пункты, которые существовали, во всяком случае, уже во второй половине XVIII столетия. Так, на карте Ялуторовского уезда 1784 г. обозначены две деревни — д. Сокольникова (место в городе сохранило свое название до настоящего времени) и д. Салманова.

В книге «Летопись земли Заводоуковской» Е.П. Ермачкова, фантазируя о происхождении д. Сокольниковой, говорит о заимствовании названия деревни у «знаменитых московских Сокольников». Как говорится, без комментариев. О д. Салмановой она утверждает, что деревня располагалась у ныне не существующей д. Широкоплечиковой на р. Ингалле (примерно 20 километров от г. Заводоуковска) и прежде носи-

ла название Салмина. Такая деревня действительно была, но это совершенно другая деревня. Да и названия Салмина и Салманова звучат по-разному. Отмеченные на карте 1784 г. д. Сокольникова и д. Салманова расположены рядом, недалеко от устья р. Бигилы. Позднее эти деревни, слившись, вошли в состав д. Ук-Бигила, которая еще в 1860-х годах носила и второе название — Сокольникова. На карте 1790 г. эти два населенных пункта отмечены как Заимка Сокольникова и Заимка Салманова. Появилась и отмечена д. Глазунова (сегодня также черта города).

Теперь коснемся истории некоторых других населенных пунктов современного Заводоуковского района.

Село Бигилинское. Е.П. Ермачкова утверждает, что первопоселенцы обосновались здесь в на-

чале XIX века. На карте 1784 г. Бигила уже отмечена, более того, в огородах до сих пор можно найти монеты и более ранних периодов. Наличие остатков керамики предполагает, что, по крайней мере, в начале второй половины XVIII столетия селение уже было.

Село Боровинское. Е.П. Ермачкова: «Живописную местность облюбовали переселенцы... еще в начале XIX века». На карте 1784 г. обозначена как д. Боровинска.

Деревня Горюново. «Деревня Горюново была образована в начале XIX века». На карте 1784 г. уже отмечена как Горюнова.

Деревня Маркова. «Самое первое упоминание относится к 1750 г.». Упомянутый выше Гмелин проехал через деревню в 1741 г.

Юрты Нижне-Ингалинские. По находкам монет конца XVII —

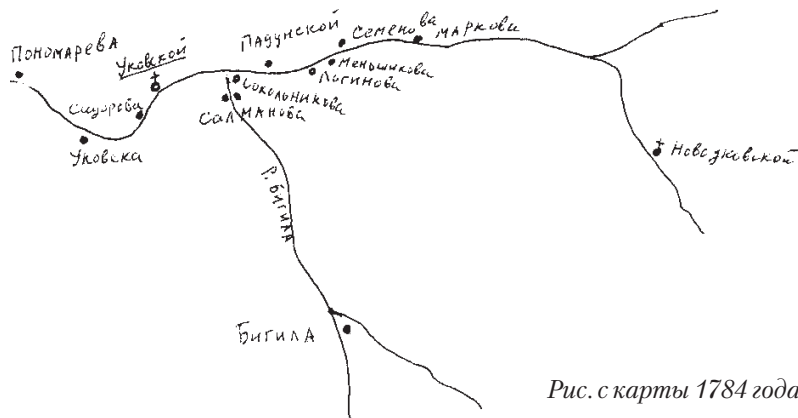

Рис. с карты 1784 года

начала XVIII века, так называемым чешуйкам, можно предположить, что юрты уже существовали, по крайней мере, с начала XVIII в. Первоначально юрты располагались на противоположном берегу р. Ингалы.

Деревня Пономарева. Одна из самых старых деревень Заводоуковского района, отмечена на плане Сингульской волости в 1695 г.

Статья уже была готова, когда автору удалось ознакомиться с «Хорографической чертежной книгой 1697–1711 гг.» знаменитого сибирского картографа, географа, историка Семена Ульяновича Ремезова. На одной из карт недалеко от впадения р. Бигилы в р. Ук обозначены упоминавшиеся выше д. Салманова и мельница. Кроме последней от устья р. Бигилы до д. Уковской карты фиксируют еще две мельницы.

Кстати, дату возникновения д. Уковской тоже придется пересмотреть, так как она отмечена уже в 1697 г. Из книг известно, что в 1696 г. Ремезову предписывалось: «И ему, Семену, приехав в остроги и слободы по Исете и по Нице, и по

Пышме, и по Тоболу, и по Миясу, и по Туре, и по Тавде рекам, те остроги и слободы, и деревни, и ясашные и написать все на чертеже». Становится понятным, что в конце XVII в. на территории современного города находились три мельницы и одна деревня (д. Уковская рядом), которые, очевидно, были первыми населенными местами на реках Ук и Бигила.

Можно предположить, что основателем заимки, которая впоследствии получила его имя, мог быть приказчик Ялуторовской слободы Салманов Михай Афанасьевич. Из документов известно, что в 1693 г. «воровскими людьми Казачьей орды» была осаждена Ялуторовская слобода, было побито и взято в плен много людей, захвачен и отогнан скот. Об этих событиях и сообщал Салманов тобольскому воеводе Нарышкину.

Это пока все, что удалось обнаружить автору. Хочется надеяться, что со временем многие даты и события будут уточнены, появятся новые материалы по истории родной земли.

Людмила Кайгородова

Фотомиры Павла Анущенко

«Андеграунд» и «Flying Circus». Это названия двух фотовыставок известного тюменского художника Павла Анущенко, которые экспонировались в научной библиотеке «кулька» (ТГА-КИиСТ) и оба раза становились объектом обсуждения и забавных комментариев студентов, преподавателей и постоянных участников киноклуба.

Речь идет не о фоторяде, изображающем сегодняшнюю Тюмень, помещенном во вклейке данного альманаха. Элементы старого города, островками просачивающегося камерно через геометрию сегодняшних архитектурных форм, пожалуй, навевают лишь поэтические строчки:

Я уйду не прощаясь
и вернусь без призыва,
моя чашечка чая,
конечно, остыла,
я увидела снимок
деревянной Тюмени,
мое детство и юность
давно улетели
тополиной метелью...
тополиной метелью...

Вместе с пухом ветром унесенные и вчерашние поиски урбанистических форм. Придя к отре-

шенности в быту (отсутствие регулярного заработка, неоплаченные кредиты и вечные квартирные долги), Павел свой вчерашний полиграфический инструмент CorelDraw, которым орудовал не один год, стал примерять к живым людям. Но превращение шрифтов в кривые происходит проще, чем фокусируется взгляд на скальпированном мгновении. В моделировании своей эстетики для всякого художника важен лишь порядок при переборе вариантов. Но еще гибче становится взгляд творца при участии в его процессе модели-музы...

...Выцвели глазами,
почернели
ликом одряхлевшие
красавицы-купчихи,
которыми когда-то
славилась Тюмень,
и дома, и купчихи живут
только
на старых фотографиях...

Павел, светясь от радости, показывает мне свой замечательный альбом, отпечатанный в США — Flying Circus by Padlik (Pavel Anushchenko) тиражом менее десяти экземпляров. Идею назва-

ния своей фотокниги П. Анущенко лениво позаимствовал у «Летающего цирка барона Манфреда фон Рихтгофена» времен Первой мировой войны. Павел не одинок в своем эпигонстве. Вспомним хотя бы культовый «Летающий цирк Монти Пайтона» творческого объединения кинорежиссеров во главе с Терри Гиллиамом.

Альбом поначалу сражает обилием оголтелой обнаженки. Но, присмотревшись к ней, понимаешь, что это не желание прыщавого мальчика выглядеть мачо, которому подвластен любой женский каприз. Это, скорее всего, поиск форм, которые работают на имидж художника. И здесь не важно, кого или что выбирает фотограф в качестве модели для взгляда на угловатость мира, который в конечном итоге, лишившись расчетливого блеска и холодности, окажется округлым и теплым..

Фотоработы Павла Анущенко вовлекают зрителя в сложную и увлекательную игру в ассоциации, в узнаваемые мифологичес-

кие образы и символы, в расшировку постановочных фотографий, чей «язык» символичен, провокационен и красочен. Как не включиться в эту игру?!

В этом мне помог случай. Все началось с того, что, подарив фотографию, которая мне понравилась, наш мэтр вдруг озабоченно воскликнул: «Фотография испорчена!». Прямо в центре кто-то нарисовал красным фломастером знак SS. «Двойную руну ZIG», — поправила его я.

Фотограф предстал предомной рыжим Тором, богом северных фиордов, повелителем громов, бурь и рождений, бьющим своим раскаленным боевым топором-молнией по скале великанов. Грозный Мьельнир расколол ее на множество осколков. Хрустальным звоном осыпались грани небес. И застыли, стекая зеркалами и кристаллами параллельных миров, земные предметы, на фоне которых верховодила всем женщина, созданная прекрасным и коварным трикстером Локи-молнией.

Павел Сергеевич Анущенко (14.08.1966), член международного фотообъединения UPI (United Photographers International, штаб-квартира в Брюсселе), член художественного совета тюменского фотоклуба «Фоторегион». Преподаватель фотографии. Участник российских и международных фотовыставок 2008–2012 гг. Обладатель медали FIAP «Supercircuit-2009», «Берега-2009», Second UPI's Online Contest–2010, призер региональных выставок 2007–2010 гг. Участник фотовыставки «From my country with love and friendship» под эгидой FIAP, TAMA и PESGSPC, где получил ряд дипломов и медаль, удостоверяющую звание HONPESGSPC (почетный член Кипрского фотосоюза). Еtc. Организовал несколько коллективных и персональных фотовыставок в 2008–2013 гг. Сотрудничал с журналами «Архитектура и дизайн», «Home&Space», «IM», «Стольник», «Дождь», «Банзай», «Свой дом», «Тюменское детство» и др.

Женщина, явленная миру Локи, была изменчива и обманчива как майя-морок, воплощение соблазна и влечения, многоликая, как материя, ее породившая.

Ожившей метафорой, фрагментом и частью всего, до чего можно дотянуться, была женщина. Частью дерева и заросшего водоема, по которому лилией плыла в белоснежном платье невеста; деталью старых деревянных домов или современных квартир, с их ржавыми трубами, ваннами и разрушенными подвалами; песчинкой пустынных улиц странных городов и заброшенных дорог, ведущих в никуда. В стремительно летящих облаках звездных галактик женщина с фотографий Павла Анущенко преображала окружающий ее мир, деформировала его каждым жестом, движением или поворотом своего все еще дикого и нагого тела. Зачем ведьме, Лилит, одеяния?

Появившись однажды, в момент удара топора-молнии Тора, удара, который не только породил множественность образов и символов, но и масок мира невидимого, непрявленного, но ощущаемого где-то на грани чувств и снов, она, эта высокая, стройная женщина, сама стала воплощением архетипа, проявлением тех женских ролей, которые играет на планете. Но отнюдь не сладостной и мягкой, пышнотелой праматерью всего живого, рогом изобилия, дающей жизнь и растворяющейся в этой множественности любовей и жиз-

ней. Порождение трикстера Локи помогает зрителю работ П. Анущенко заглянуть в темную дверь как в разверстую пещеру, в бездну хтонических энергий древнего природного начала, в магическую тьму эротических фантазий и игр, сказочного неведомого, на фоне которого и возвращена художником главная героиня цикла фотографий, собранная в альбоме *Flying Circus by Padlik* («Летающий цирк»).

Начертанная (как данность игры в символизацию) алым в самом центре подаренной мне фотокарты, эта руна в плане человеческих возможностей предполагает наличие у зрителя интуиции и мистического вдохновения, без которых нельзя осмыслить увиденное. Глубинная сущность визуального мира всегда была гранью-перекрестком тайного и явного, непрявленного, сновиденного и рационального, уже осознанного умом профанным и вставленного в реальность как материальный предмет.

Но в том-то и дело, что фотообъектив, сродни волшебному оку, видит иначе, а главное — он фиксирует «маски» предметов окружающего мира, процесс изменений в нем... Перелистаем фотоальбом.

Торс на фотографии № 35 воспринимается странной маской: напряженные соски агрессивно «смотрят» на зрителя... А злобное окно старого дома?! Химера с глазами павлиньих перьев; женское чудовище с занавешенным косма-

ми лицом?.. А изломанно-изогнутое тело Лилит, напоминающее то корягу, то ожившую часть родового древа? И эта часть не женской праматери — березы, а мужского дерева — сосны. Как тут не вспомнить А.А. Тахо-Годи: «...древний человек, погруженный в стихию природы, воспринимает ее как нечто дисгармоничное, ужасное, страшное, чудовищное, что определяется термином “тератоморфизм” (*греч.* *teras* — чудовище, чудо), а сама мифология — тератоморфной, то есть имеющей дело с чудовищными образами, а значит, и с чудесами, подстерегающими человека на каждом шагу, вызывающими у него и ужас, и удивление»¹.

А фотография № 58? В этой реплике к работам И. Босха сразу и не поймешь, что проявится в твоём подсознании от этих охристо-красноватых туманов в размытых образах с эффектом потертостей от времени и кракелюром по краям. Сначала видится какое-то существо со странной длинной шейей птицы, потом — горловина кувшина и женская грудь, теряющиеся в свете и тенях.

Женщина, увиденная глазами художника, поэта, фотографа и знатока древних сказов и мифов и представленная зрителю в авторском осмыслении, — это порождение руны ZIG и трикстера-оборотня, игрока, меняющего маски, — это женская сущность Локи, которая проявляется в

множестве образов. Юности и невинности, находящихся в магическом пространстве полукруглого эркера на фоне трех окон, через которые насыщается лучезарностью светлое пальто девушки... Вечная двойственность жизни: два темных деревянных стула, как символы дуальности выбора, и чемодан у ног. Женщина уже готова в путь...

И уже следующая фотография создает образ агрессивной эротичности, ведьмы, по обнаженному телу которой течет красный шарф, а напряженная левая рука с растопыренными пальцами вскинута в магическом жесте поглотителя энергии. Героиня фото похожа скорее на завоевателя, альфа-самца...

В мире, созданном цивилизацией, женщину с фотографией П. Анущенко всегда окружают символы перехода в другое состояние, символы трансформации — много окон, открытых дверей, отсутствующих потолков. На фоне распахнутого пространства и происходит действие с Лилит в главной роли. Мы ее видим то Алисой, пьющей чай за столом с котом в белой маске и королевой; то в позе плакальщицы с воздетыми руками. Вот она изломанно замерла на фоне бревенчатого строения, скульптурной Галатеей стоит в странном заросшем саду, не замечая, что на границе кадра с реальностью за ветвями деревьев прячется гипсовый двойник.

Перед нами модель в белых чулках позирует на фоне грузо-

¹ Тахо-Годи, А.А. Греческая мифология. Москва: Искусство, 1989.

вой машины, затем, стоя на подоконнике, варит какое-то зелье. И вот снова она появляется в мастерской-студии в виде ведьмы и булгаковской Геллы. Но воображение уже представляет ту женщину в виде конструкции, проявляющейся как негатив и еще не представляющей, что в мире уже давно существует цвет... Фигура музы как поэтическое эхо «Жи-рафа в огне» Сальвадора Дали! А в результате — оранжевые фрагменты-прямоугольники.

Лилит стала выражением фрейдовской Анимы, индивидуального подсознания художника, и проявлением коллективного бессознательного в фантастических композициях, в которых, как в детском цветном калейдоскопе, в процессе игры с предметами, орнаментами и смыслами создаются фотографом П. Анущенко новые ассоциации, а значит, и окказиональная семантика.

В его работах — ирония и внутренняя свобода, поэзия и воображение. В хаосе нового творения он создает свой сказочно-мифологический заповедник из фрагментов античных, славянских, индийских мифов, снов, сказок, образов массовой культуры, психологических портретов реальной повседневной жизни и экстраполирует их в визуальные образы. В этом опыте Павел Анущенко и сам является Мировым Древом, Медведем, Алисой, ведьмой Лилит и далекой Луной в черном небе над Толедо (Тюменью). При этом он жонглирует, как в Цирке

де Солей, темами и сюжетами, каждый из которых ведет символический диалог и игру в ассоциации со зрителем.

Медведь — мужской сакральный архетип, божество, порождающее жизнь, символ мужского эроса. Сон с видением медведя истолковывается как предстоящее рождение сына. Медведь в народной сказке выводит Машеньку из глухого леса, в котором она заблудилась. Потерялась в своем подсознании? В ожидании любви и боязни созревающей сексуальности? Женственности?

В фотоработах П. Анущенко медведь иногда становится лишь шкурой (проблемы самоидентификации современных мужчин?), на которой возлежит Лилит, и семь звериных черепов, словно по линейке, ровно расположены вдоль ее тела (языческий обряд и символика числа семь). Юные женщины восторженно скачут-плывут в голубых водах верхом на медведях. Античный сюжет о наядах и тритонах, интерпретированный автором фотографий.

Символика эротизма и сексуальности пронизывает работы Павла Анущенко. Гигантские фаллосы, символические образы и иносказания по этому поводу: юные женщины держат в руках стеклянные бутылки, пьют из них; гроздь бананов в корзине медведя; живописание женских ягодиц; образы Адама и Евы, мерзкие позы отвратных девок и — одна из самых поэтичных, иро-

ничных и тонких работ из цикла «Андеграунд»!

На фоне буро-серо-голубых, узорчатых от плесени и облупленной штукатурки стен, ржавых труб, старой чугунной ванны сидит, свободно откинувшись на стену, прекрасный, как юный античный бог, юноша. Он напоминает рельефы античных храмов Древней Греции. Взмахом руки, чем-то неуловимо напоминающим жест Саваофа, одухотворяющего Адама (со знаменитой фрески Сикстинской капеллы Микеланджело), юноша потянулся в сторону стоящей к нам спиной девушки. Ее телесность проявляется в пластике объемов обтягивающего белого платья. Руки двоих почти соединились. При этом он передает ей всего лишь гачный ключ. Ах, ирония и игра в цитаты, характерные для постмодернизма!..

И если древний человек в рамках мифологического мировосприятия придавал почти всем явлениям природы, в том числе и женщине, священный, сакральный смысл, то Павел Анущенко, играя с образами и символикой, творит собственный культурный код, в рамки которого вписываются элементы и мифологического, и сказочного, и профанного бытия во всем неисчерпаемом разнообразии архетипических и символических значений.

В фотоработах Павла — буйство первостихий.

Воды — этой праматери всего сущего и символа подсознатель-

ного. Воздуха — символа страстей и эмоций, чье движение проявляется в летящих облаках, яростно клубящихся тучах или черной тьме, из которой в землю бьет молния. Кстати, Лилит в одном из состояний сидит в эркере, этом странном символе «девичьей башни», где потолком служит бушующий ураган, каким его изображают снимки с космических спутников.

Земля — заросшая травами, усеянная деревянными домами и неухожеными дворами, вознесшимися городами и брошенными рельсами узкоколейки... Земля-почва присутствует в фотоальбоме «Flying Circus by Padlic» как нечто устойчивое, протоящее, трансформациям, предметам, перенасыщенным кислотными красками, постмодернистским играм с эросом.

Символика Мирового Древа (огромной сосны с искривленным стволом), присутствие солярных знаков — Луны в стадии полнолуния, звезд и спиралей галактик, свастики, составленной из прожаривших металлических «г»-образных ручек и болтов, мифологические животные волк, медведь, остроклювые птицы, полупревратившееся в водное чудовище женское тело соседствуют по прихоти автора с четырьмя детскими валенками, которые летом сушатся на веревке...

Павел Анущенко сам раскрывает секреты своего творческого приема, который он использует в выставке «Летающий цирк»:

— Кружение жизненных картин, ситуаций, поступков выливается в причудливые образы. Образы запечатлеваются на матрицу фотоаппарата, а потом снимаются пинцетом, словно бабочки, и вставляются в рамки. Где уже продолжают жить своей жизнью. «Летающий цирк» — это трагикомичная арт-клоунада, ироничная интерпретация экзистенциального опыта, жонглирование теми образами, что удалось вырезать из упругой ткани бытия еще трепещущими и теплыми. У каждого человека есть свой внутренний «летающий цирк», и вот я хочу представить зрителям свой.

Фотографические образы Павла Анущенко — это особый способ познания окружающего мира, факт активного самосознания фотографа, отражение его эмоционального и поэтического видения. И бессознательное фотохудожника и зрителя получает право на роскошный калейдоскоп из цитированных сюжетов и фантазийно обыгранных гештальтов... А «начитанность» и «насмотренность», торопясь и перебивая друг друга, подсказывают все новые ассоциации, ссылки, сюжетные линии и отступления, вариации на тему вечного и всегда нового.

Федор Корандей

Прибытие в Сибирь

1880-е годы в путевых описаниях: опыт антологии

Часть 1. 1880–1885 гг.¹

Вторая половина XIX в. была эпохой стремительного освоения Сибири. Любому, кто изучал историю Азиатской России, скажем, в университете, памятна сухая проза учебников, описывающих этот процесс, — хаотические нагромождения экономической статистики, длинные перечни административных реформ и инженерных проектов, мелкий масштаб географических пассажей, в которых Бийск соседствует с Владивостоком, Тюкалинск — с Нерчинском, а Тобольск — с монгольскими степями. Процесс был сложным, что и говорить: задача его адекватного описания — не из легких. Современный историк до сих пор до известной степени находится в зависимости от тех проблем, с которыми сталкивались ученые XIX в., пытавшиеся анализировать современную им ситуацию — территория огромна, документы рассыпаны во времени и пространстве, нормальной сводной статистики, даже в транспортной области, где, казалось бы, все должно было быть учтено, просто не существует. Так, весьма непросто узнать, сколько именно пассажиров проехало тюменско-томским речным путем даже в эпоху расцвета этого типа сообщений, в первой половине 1880-х гг. По крайней мере, в газетах, открывшихся в начале десятилетия, публиковались данные, составлявшиеся всегда на разных основаниях. В начале навигации 1881 г. «Сибирская газета», ссылаясь на данные «Голоса», сообщила в номере № 14 за 31 мая 1881 г., что, по приблизительным данным, через Москву в этом году должно было проследовать около 12000 ссыльных арестантов².

¹ Работа выполнена при финансовом содействии РГНФ (проект № 14-31-01248).

² Хроника // Сиб. газ. (Томск) 1881. 31 мая, № 14. Ст. 429. См.: [В число этих 12 000 входят] «в том числе около 2500 чел., находящихся теперь в московской центральной пересыльной тюрьме, и около 9700 чел., которые придут в Москву в течение лета из других губерний по железным дорогам. В общем числе ссыльных будет находиться также около

В декабре 1881 г., подводя итоги, газета указывала, что с 1 мая по 1 октября в Тюменскую пересыльную тюрьму прибыло 15778 чел., а убыло — 17044 чел., в т.ч. в 19 партиях на пароходах (первый пароход в 1881 г. ушел 12 мая, а последний до Томска — 10 сентября, и экстренный в Тобольск — 24 сентября.) — 10757 чел. ссыльных³. В номере «Сибирской газеты» за 28 февраля 1882 г. в статье «Перевозка ссыльных по Западной Сибири» указывается, что за упомянутые 19 рейсов на арестантских баржах было провезено (кроме последнего рейса, когда они ехали на пароходе) из Тюмени до Тобольска и Томска, считая принятых в попутных пунктах, — 10059 взрослых пассажиров (если считать вместе с детьми — 11659 чел.)⁴. В этой же статье приводится статистика перевозки арестантских партий на баржах с 1870 г. В 1870 г. из Тюмени было отправлено на баржах 8495 чел., к 1876 г. число их перевалило за 10000 и составило 10595 чел. 1881 г. — уникален. В следующие годы, кажется, мы не находим в «Сибирской газете» и такой статистики.

То же самое было с переселенцами — их число, по сведениям Управления Уральской железной дороги, в 1881 г. составило 3510 взрослых пассажиров (свыше 10 лет)⁵. В номере за 12 декабря данные, так сказать, «уточнялись» — было сообщено, что через Пермь «в нынешнюю навигацию проехало в Сибирь 5708 переселенцев; в прошлом году 4955»⁶. «Восточное обозрение» показало картину с точки зрения крупнейшей пароходной компании: в навигацию 1882 г. за 15

550 арестантов, предполагаемых к высылке в Восточную Сибирь из каторжных тюрем Европейской России за окончанием сроков пребывания в них или оканчивающих сроки в разряде исправляющихся. Состав партий арестантов, высылаемых из Москвы, будет простираться от 250 до 800 чел.».

³ Хроника // Сиб. газ. 1881. 20 нояб., № 43. Ст. 1214.

⁴ Перевозка ссыльных по Западной Сибири // Сиб. газ. 1882. 28 февр., № 9. Ст. 202–205. Собственно из Тюмени выехало на баржах 10757 чел., из которых к привилегированным сословиям относилось 323 чел. (237 мужчин и 86 женщин), а к разночинцам — 10443 чел. (7432 мужчины и 3011 женщин).

⁵ Хроника // Сиб. газ. 1882. 21 февр., № 8. Ст. 181–182. Наибольшее переселенческое движение по дороге было в мае — 2112 чел., в июне — 756, и в сентябре — 437. Переселение направлялось, насколько известно, из Рязанской, Тамбовской, Вятской, Черниговской и Полтавской губерний большей частью, в Томскую и Енисейскую губернии, а также на Амур.

⁶ Хроника // Сиб. газ. 1882. № 50. Ст. 1283.

рейсов, с 15 мая по 18 сентября, пароходы гг. Курбатова и Игнатова перевезли 2270 человек, из них 1740 взрослых и 530 детей⁷.

Вероятно, интересующийся читатель сибирской газеты должен был представлять себе масштабы движения по сибирским дорогам весьма приблизительно, при том что статистика пассажирского движения как такового, за пределами переселенческого и ссыльного вопроса, вообще не попадала на страницы газет. Погодные сводки динамики движения за Урал (как переселенцев, так и ссыльных) — также отдельная тема. Выглядели они, впрочем, похожим образом — составлялись на разных основаниях и изредка публиковались в литературе, которую не так просто было достать. На фоне этих общих очертаний представляют собой исторический источник исключительной информативности путевые описания Сибири (как репортажного, так и дневникового и мемуарного характера). Транспортная революция 1860–1890-х гг. за пару с половиной десятилетий провела сибирскими дорогами множество профессиональных авторов. Пишущие представители образованного класса были всего лишь тоненьким слоем пены на волне массовых передвижений, и в этом смысле составленная *post factum* статистика опубликованных путевых описаний — хороший индикатор эволюции пассажирского сообщения в Сибири в эпоху транспортной революции. По нашим подсчетам, число опубликованных путевых описаний, относящихся к преодолению пространства тюменского транспортного узла (описания тракта от Екатеринбурга—Тюмени—пути на Томск/Семипалатинск), во второй половине XIX в. пределало следующую эволюцию:

XVII–XVIII вв.	16	1870-е гг.	20
Первая половина XIX в. (до 1850 г.)	21	1880-е гг.	35
		1890-е гг.	16
1860-е гг.	14	1900–1917	4

Таб. 1. Число опубликованных путевых описаний, относящихся к преодолению пространства Тюменского транспортного узла в XIX в. (данные за предшествующие периоды приводятся для сравнения). Учтены как отечественные, так и иностранные сочинения

⁷ Движение переселений в Сибирь водным путем // Вост. обозр. (Санкт-Петербург). 1882. 9 дек., № 37. С. 37.

Эта эволюция определялась транспортной историей региона. Рост числа описаний на границе 1870–1880-х гг. был связан с открытием осенью 1878 г. Горнозаводской железной дороги, соединившей Пермь и Екатеринбург. Тракт между Екатеринбургом и Тюменью оказался в этот период слабым местом большого сибирского пути — сухопутным звеном, связующим две мощнейшие речные артерии — Волжскую и Обскую. Относительная медленность движения по этой дороге вынужденно привлекала особое внимание путешественников и породила целую вереницу популярно-географических образов преддверия Сибири, проникавших даже в иностранную беллетристику. Конец этой эпохе положило открытие в декабре 1885 г. железной дороги между Екатеринбургом и Тюменью. С пространством между Екатеринбургом и Тюменью случилось то же самое, что произошло в 1878 г. с дорогой между Пермью и Екатеринбургом — скоростное путешествие на поезде превратило описания этого пути в констатацию факта. «Через пятнадцать часов путешествия по железной дороге, которая находится в ведении Императорского Правительства, я прибыл в Тюмень» (П. О'Брайан-Батлер, британский дипломат, ехавший через Сибирь в Китай в августе 1886 г.)⁸. Географический фокус внимания авторов путевых описаний сместился. В середине 1880-х гг. чувства, которые путешественники прежних десятилетий испытывали по отношению к грязному екатеринбургско-тюменскому тракту, были перенесены на территории, лежащие к востоку от Тюмени. Наступила десятилетняя эпоха детальных описаний Тюмени, тюменско-томского речного пути и той почтовой дороги, которая соединяла Тюмень и Томск. Именно эти территории теперь описывались в качестве преддверия Сибири. В середине 1890-х гг. открытие западных участков Великого Сибирского пути стерло Тюмень с образно-географической карты. Отныне и немногочисленные представители образованного класса, ставшие составителями путевых описаний, и массы неграмотного населения, не оставившего после себя ни строчки, ехали в Сибирь уже другим путем — железной дорогой через Челябинск и Омск.

Ниже представлена первая часть антологии путевых описаний, относящихся к золотому веку Тюмени, когда этот город оказался в полном смысле слова бутылочным горлышком на пути массового движения Европы в Сибирь. Тексты, составленные на русском языке

⁸ O'Brien-Butler P. E. Report of a Journey Overland from St. Petersburg to Peking // China Review. Vol. 17. № 2. 1888. P. 85.

ке, в особенности легкодоступные, приводятся в значительном сокращении либо в виде аббреже; тексты иностранцев — по возможности, в полном переводе. Все переводы, кроме оговоренных особо, выполнены составителем.

Ф.С. Корандей

1.

[1880, май] *Флоринский В.М. Заметки и воспоминания, 1865–1880. Ч. 2.* // Русская старина. Апрель 1906. Т. СХХVI. С. 111–112, 114–116.

Василий Маркович Флоринский (1834–1899). Врач, историк и педагог, в описываемый период — ординарный профессор Казанского университета по кафедре акушерства и гинекологии, следовавший в Томск для работы по организации первого сибирского университета. Ф. выехал из Казани 14 мая 1880 г., несколько дней провел в Екатеринбурге, «первом городе Азиатской России», откуда, «собственно, начинается сибирское путешествие» и где «приходится собираться в путь на азиатский лад, запасаясь тарантасами и другими дорожными принадлежностями» (с. 110 цит. ист.), и, оставя Екатеринбург 19 мая, отправился в Тюмень на двух экипажах. Сообщение Ф. о людях, вповалку спящих на полу гостиницы, ср. с сообщением Э. Котто, относящимся к весне 1881 г.

[Контрасты дорожного путешествия по Пермской и Тобольской губерниям, описание столба на границе губерний]

В Тюмень приехали 21 мая около 4-х часов утра. Единственная в городе «Европейская гостиница» оказалась переполненной чающими движения парохода. По совету ямщика отправились искать приюта в каких-то номерах, но там оказалось нечто невозможное. В дрянном деревянном доме вроде постоялого двора сонный мужик (хозяин или дворник) указал мне большую комнату без всякой мебели, пол которой был покрыт спящими человеческими телами. Надо было шагать через эту живую настилку, чтоб добраться до другой смежной комнаты, в которой тоже были спящие на полу, но один уголок оставался свободным. Его-то и предлагали нам занять в ожидании прибытия томского парохода. Понятно, что я отказался от такой чести и был немало удивлен, что многие из ночующих в этом ночлежном доме, судя по разложенным туалетным принадлежностям, были не из чернорабочего класса. Неужели необходимость заставила их, за неимением другого помещения, довольствоваться таким грязным сараем. Невеселое предзнаменование в начале нашего сибирского странствования!

Остановиться все-таки где-нибудь было нужно. Почтовая станция слишком далеко от пароходной пристани, на противоположном конце города (более трех верст). Ехать туда по невылазной уличной

грязи с слабой надеждой найти какое-нибудь временное помещение мы не решались. В раздумье, не зная, что делать и куда преклонить голову, мы решились, по совету опытного сибиряка, горного инженера Н. Григ. Пермикина, очутившегося в том же положении и случайно с нами познакомившегося на одной из предыдущих станций, — заехать в ближайший обывательский дом. Как ни казалось странным с непривычки такое самовольное вторжение в чужую, ни мало незнакомую нам квартиру, но мы поступили именно так.

Ямщики отворили ворота, въехали во двор и стали развязывать багажный возок. Мы с Пермикиным тем временем вошли в незапертые сени. В первых трех комнатах не оказалось ни одной живой души; в четвертой на двухспальной широкой кровати мирно почивал хозяин с хозяйкой. Будить их было неудобно. Возвратившись назад, мы увидели, что наш багаж уже распакован и вынесен на крыльцо. После того, по совету Н. Гр., мы преспокойно расположились в трех пустых комнатах, как у себя дома, и, утомленные путешествием и проведенными перед тем двумя бессонными ночами, уснули крепким сном кто на дощатом диванчике или на составных стульях, кто на полу, разостлав пледы.

Около 8 часов утра слышу, приотворяется дверь, высовывается голова вставшего домохозяина. Он просит позволения войти в занятую нами комнату, чтобы взять какие-то нужные вещи. Я извиняюсь за наш самовольный поступок; но оказывается, что в Тюмени действительно это дело привычное. Хозяин не только не был в обиде, а напротив, был рад посетителям. Так мы и остались здесь на целые сутки в ожидании парохода. Выбранный нами дом, недалеко от пристани, на горе около спуска, принадлежал одному из гласных городской думы, тюменскому мещанину, человеку, очень любезному, словоохотливому и не особенно корыстолюбивому. За постой с обедом я заплатил ему 10 руб., и он остался этим очень доволен.

[Описание тюменских достопримечательностей. «Осматривать было нечего, кроме строящегося реального училища (на средства купца Подаруева) и загородного сада» (с. 112). Строительство реального училища. Водопровод. Снабжение города водой. Каменные церкви и дома. Характеристика улиц. Тюменская грязь. Тюменские коверы. Загородный сад. Средства передвижения. Тюменские долгиши и телеги. Характеристика экономики города]

Из частных предприятий в Тюмени выдающееся значение имеет завод Игнатова и Курбатова для постройки пароходов. Он находится на левом берегу Туры в 3–4 верстах ниже города. Здесь работают не только корпуса, но и все машинные металлические части, так что плавающие ныне по Обской системе рек пароходы и баржи с полной отделкою выпускаются по преимуществу из этого завода. Это полезное предприятие Игнатова и Курбатова дало весьма заметный тол-

чок развитию судоходства по сибирским рекам, которое с каждым годом должно развиваться больше и больше. В настоящее время всех действующих здесь пароходов считается около 30, из них наилучшие принадлежат товариществу Игнатова и Курбатова, именно: «Рейнтерн», «Косаговский», «Беленченко» (существующие с 1871 г.; каждый из них в 120 сил, длина корпуса 220 футов). Той же компании принадлежат мелкосидящие пароходы: «Капитанов» и «Фортуна», в 35–40 сил и 140–150 футов длины, предназначенные для плавания по Туре на случай мелководья.

Только одна эта компания поддерживает срочное пассажирское пароходство между Тюменью и Томском, вместе с перевозкою арестантов на особой барже, остальные же пароходы (купцов Корнилова, Плотникова, Ширкова и др.) служат исключительно для буксирования грузов, а срочных рейсов не делают. Пароходы Курбатова и Игнатова отходят из Тюмени раз в две недели; в Томск приходят через 9–10 дней. Навигация по сибирским рекам открывается около 20-го мая и прекращается в конце сентября.

22 мая мы услышали свисток подходящего парохода. То был действительно давно ожидаемый «Рейнтерн», на котором мы должны были совершить наше путешествие до Томска. Билетами на отдельную каюту мы запаслись заблаговременно по телеграфу из Перми, и в этом отношении были покойны. Пароходы Курбатова и Игнатова отходят из Тюмени по расписанию в 3 часа ночи, но мы, конечно, переехали туда с вечера, чтобы устроиться не торопясь в новом помещении, где предстояло провести не менее 8–9 суток. После роскошных волжских и камских пароходов сибирский их собрат по первому впечатлению показался очень невзрачным. Рубка тесна, каюты убогие, вся обстановка более чем скромная. Но все-таки мы благодарили судьбу, что имеем возможность плыть по воде, а не по грунтовой грязи сибирского тракта. За трехместную каюту первого класса пришлось заплатить от Тюмени до Томска 75 р., за место во 2-м классе для горничной девушки 15 р. и за багаж по 1 р. с пуда. Места на пароходе были все заняты. Особенно оказался переполненным 3-й класс, в котором, на палубе, под открытым небом, расположились преимущественно переселенцы с женами и детьми. Их было принято столько, сколько можно было втиснуть, так что вся поверхность палубы буквально была покрыта сидящими и лежащими человеческими телами и кошельками их убогого скарба. За билет в 3-м классе взрослые платили по 7 р., не пользуясь решительно никакими удобствами. Во втором классе также было переполнено; в рубке и в общей каюте первого класса несколько посвободнее, но все же тесно. За пароходом на буксире идет арестантская баржа, в которой помещается до 700 человек ссыльных. За перевозку их до Томска правительство уплачивает компании Курбатова и

PORTIONS OF TYUMEN DURING AN OVERFLOW.

Вид Тюмени в пору весеннего паводка

Ил. из книги Дж. Буэла "Russian Nihilism and Exile Life in Siberia" (Philadelphia, 1891)

Игнатова по 8 руб. с человека, но арестанты помещаются лучше переселенцев. Над палубой их баржи имеется крыша, защищающая их от дождя, боковые стороны затянуты решетками из толстой проволоки и парусинным брезентом, а в холодные ночи они могут укрыться внутри баржи, где устроены нары для сна. С арестантами отправляется конвойный офицер, доктор или фельдшер; есть лазарет и аптечка.

Если справедливо, как мне передавали, что на барже помещается 700 человек, с платою по 8 р., то на одной этой статье компания должна выручить в один конец более 5 т. р. и примерно столько же с пассажиров парохода. Операция крайне выгодная, тем более если принять во внимание, что вольные и невольные пассажиры здесь гарантированы на всю навигацию, а отопление парохода (дрова) на пути его следования крайне дешево. При всем том говорят, что на постройку пароходов и арестантских барж компания Курбатова получила еще значительную субсидию от М-ва внутр. дел. По этой причине и выстроенным пароходам дали название в честь лиц, оборудовавших это дело (Рейнтерн — мин. финансов, Косаговский и Беленченко — чиновники, ведающие пересыльной частью).

До поздней ночи на пароходе продолжалась невообразимая сутолока. Кроме отправляющихся в дальний путь, суесящихся по поводу дорожных сборов и припасов, было немало провожающих и еще больше праздных зевак. То и дело приходили и уходили новые лица, и нет ничего удивительного, что в этой суматохе каждый пассажир должен был зорко охранять свои вещи. Утомленные этим гамом, часов около 11 мы отправились в каюту спать. Выйдя в рубку к утреннему чаю, мы были уже близ устья Туры (у деревни Артамоновой), а на следующий день прибыли в Тобольск.

2.

[1880, июнь] *Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записки и этнографические заметки* / пер. с нем. Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. С. 133–134.

Карл Август Энгельбрехт Алквист (Karl August Engelbrekt Ahlqvist, 1826–1889) — финский филолог, специалист по финно-угорским языкам, участник и руководитель трех (1858, 1877, 1880) экспедиций в области проживания манси (вогулов). Летом 1880 г. А. с двумя своими коллегами направился в бассейн реки Конды для изучения местного диалекта мансийского языка. Маршрут путешествия А. до Тюмени был следующим — Гельсингфорс (5 июня) — Петербург — Москва — Нижний Новгород (10 июня). Затем они отправились по Волге и Каме на пароходе «Кунгур» до Перми (14 июня), а оттуда, по «открытой год назад железной дороге» (с. 132 цит. ист.), добрались до Екатеринбургa. Перевод на русский язык книги Алквиста «Unter Vogulen und Ostjaken» (Helsingfors, 1883) подготовлен в 1999 г. Н.В. Лукиной.

19 июня мы прибыли в Тюмень и остановились в гостинице Соловьева — лучшей, или, точнее говоря, единственной, в городе, где может выдержать путешественник с европейскими запросами. Прежде я приводил в качестве примера продвижения цивилизации в эти отдаленные места увеличивающееся количество постельных простыней в гостиницах. Пермь находилась в 1877 г. еще восточнее постельно-простынного региона, а в нынешней поездке, в 1880 г., мы нашли этот регион распространившимся до Екатеринбургa, где к кровати положена одна простынь, а вторую дают за плату 30 коп. Однако в гостинице Соловьева в Тюмени не получаешь ни простыней, ни одеяла, хотя в остальном она безупречна. В качестве курьеза хочу упомянуть, что купил здесь в торговой лавке спички Таммерфорсера, пакет по 20 коп. Тюмень — самый западный, конечный пункт пароходного сообщения на большой речной системе Оби-Иртыша и одновременно главный пункт этого движения. Здесь имеются судовые верфи, а также механические мастерские и т.д., которые построены английскими, специально приглашенными сюда мастерами, и частично возглавляются ими. В этом деле ото всех других отличается своей деятельностью и надежностью фирма «Курбатов и Игнатов». Пароходное движение на названных реках еще не очень давнее. Первый пароход отмечен там в 1845 г.; в 1854 г. по этим рекам ходило два парохода, а в 1882 — 47 пароходов общей мощностью 3337 лошадиных сил; из этих судов ни одно не ходит глубже 4 футов (по данным в газете «Голос 6/18 ноября 1882 г.). Главная линия — от Тюмени до Томска, затем наиболее наезженная — от Тюмени вверх по Иртышу, как я думаю, до Семипалатинска; но и более мелкие реки Тура (выше Тюмени), Лозьва, Южная Сосьва и другие становятся уже проезжими, хотя пока только для грузовых судов. Прождав несколько дней отхода парохода, мы продолжили путешествие на пароходе «Казнаков» (имя тогдашнего генерал-губернатора Западной Сибири). У него на буксире была

большая баржа, в которой отбывали в Туркестан в армию 700 рекрутов. 22 июня в обед мы прибыли в Тобольск.

3.

[1880, июль] *Короленко В.Г. История моего современника* // Собр. соч. в десяти томах / подготовка текста и прим. С.В. Короленко. Т. 7. Москва: ГИХЛ, 1954.

Владимир Галактионович Короленко (1853–1921), русский писатель. После обвинения в подготовке к побегу из ссылки 17 июля 1880 г. К. был отправлен из Вышневолоцкой пересыльной тюрьмы в Сибирь следующим маршрутом: через Нижний Новгород, затем по Волге и Каме на арестантской барже в Пермь, оттуда в вагонах Горнозаводской железной дороги до Екатеринбурга. Из Екатеринбурга в Тюмень ссыльных везли на подводах по двое, предоставляя свободно выбирать себе путевых товарищей. Кроме двух арестантов в телеге ехали также два вооруженных солдата и ямщик-крестьянин. Согласно комментариям к «Истории моего современника» партия ссыльных, к которой принадлежал К., миновала Тюмень 30–31 июля 1880 года. Третья книга «Истории моего современника», в которой содержится описание этого пути, была составлена в 1918–1920 гг., т.е. спустя сорок лет после описываемых писателем событий, когда ему было далеко за шестьдесят, на основании одних воспоминаний.

[Путешествие «длинной вереницей» по сибирскому тракту «волнующимися, еще не созревшими хлебами». Курицын, путевой товарищ К. Отсутствие помещиков в Сибири]

Вообще, в этом этапном пути на широком тракте, между буйными хлебными всходами, Курицын распустился и расцвел. От его недавней запуганности не осталось и следа. Он шутил, запевал песни, болтал о «числивых сибирских местах» и несчастной Рассе, сыпал прибаутками, так что наша тележка была, пожалуй, самая веселая во всем поезде...

Так подъехали мы к тому месту, где на грани стоит каменный столб с гербом, в одну сторону Пермской губернии, в другую — Тобольской. Это и есть начало Сибири. Здесь наш длинный кортеж остановился. У всех зашевелилось в душе особое чувство, как будто эта грань резко пролегла по каждому сердцу. Женщины сошли с телег и стали собирать у дороги цветы. Кое-кто захватывал «горсточку родной земли», вообще, все казались несколько растроганными.

[Происшествие с Курицыным]

Двигались мы довольно медленно, на ночевки останавливались на этапах... После некоторых переговоров нашего старосты, которым был избран для нашей вышневолоцкой партии Грабовский, нам разрешили однажды ночевать на этапном двореке. Помню теплую ночь и луну, глядевшую с высокого неба... Молодые супруги, которых у нас было несколько пар, долго сидели, тихо воркуя, когда остальные спали...

Так мы приехали в Тюмень. В этом городе находился знаменитый Приказ о ссыльных, распределявший ссыльных по местам Западной Сибири. Нас подвели на площадь перед большой тюрьмой, и здесь мы имели удовольствие увидеть часть нашей первой партии: из-за решеток выглянул сначала прапорщик Верещагин, потом Кожухов, Швецов, Анненский. Между площадью и тюрьмой начался оживленный обмен приветствий и разговоров, в котором скоро приняла участие и посторонняя толпа. Был, помнится, праздник и базарный день... Скоро, однако, оказалось, что нас здесь не остановят. Отобрали человек двадцать, оставляемых в Западной Сибири, а остальных на пристани уже ждала баржа, в которой нам предстояло по Туре спуститься в Тобол и Иртыш. Миновав Тобольск, наша баржа стала подыматься на север по Иртышу, и чудесные виды Волги и Камы сменили для нас унылые берега сибирских рек с редкими поселениями.

4.

[1880, июнь-июль] *Анненская А.Н. Из прошлых лет: Воспоминания о Н.Ф. Анненском* // Русское богатство (Санкт-Петербург). 1913. № 2. С. 42–45.

Александра Никитична Анненская (1840–1915), детская писательница. После ареста и ссылки мужа, Николая Федоровича Анненского (1843–1912), последовала за ним в ссылку. Анненский находился в той же вышеволовской партии, что и В.Г. Короленко, но отправился в путь несколько ранее, 9 мая 1880 г. Сообщая о своем отъезде из Тюмени в Тару, А. отмечает, что решение об этом было принято в первых числах июля (с. 45 цит. ист.).

Разные дела и хлопоты задержали меня недели на две в Петербурге, и, когда я приехала в Екатеринбург, мой родственник (А. Криль, муж моей покойной сестры), служивший на Пермско-Екатеринбургской железной дороге, сообщил мне, что видел на вокзале Николая дней 10–12 тому назад. Разговаривать с ним нельзя было, так как он шел под сильным конвоем вместе с другими арестантами, но вид у него был здоровый и бодрый. С вокзала их вели в тюрьму, и затем они должны были отправиться на телегах в Тюмень, где они будут ждать дальнейшего назначения.

Я, конечно, не замешкалась в Екатеринбурге, наняла тарантас и поехала на почтовых в Тюмень. Дорога была очень хорошая, но сильно торопиться мне не приходилось. От длинного путешествия моя девочка очень утомилась, и я должна была всякую ночь останавливаться на станциях, чтобы давать ей хорошенько выспаться. На четвертый день к вечеру мы подъезжали к Тюмени.

Перед въездом в город наше внимание обратил на себя большой каменный дом, стоявший уединенно на открытом месте. Подъехав

поближе, мы заметили, что окна дома загорожены железными решетками и из-за решетки 3-го этажа виднеются головы людей, выглядывающих на дорогу.

— Дядя! Я вижу дядю! — закричала девочка.

Была ли это детская фантазия или она в самом деле узнала Николая в числе лиц, толпившихся у окон, — не знаю. У меня сжалось сердце при виде этих людей, теснившихся к решеткам своей клетки, и я никого не могла рассмотреть в отдельности. Во всяком случае, я узнала, где находится тюменская тюрьма и где я могу получить свидание с мужем. Разрешение на это свидание я должна была выхлопотать в тюменской экспедиции о ссыльных. Живя постоянно в Петербурге, я не могла себе представить, что в России существуют еще такие грязные присутственные места, такие типы чисто гоголевских чиновников, каких я встретила в этой экспедиции. Впрочем, разрешение на свидание мне дали без большой задержки, и дня через три по приезде в Тюмень мы с племянницей отправились в дом с железными решетками. В тюменской пересыльной тюрьме должны были останавливаться все арестанты, следующие в Сибирь, начиная с каторжан и до административно-высылаемых. Политических было сравнительно немного, главный контингент составляли уголовные. Когда мы вошли на большой тюремный двор, меня поразил вид людей в серых арестантских куртках, с бритыми головами и с кандалами на ногах. Я с тревогой посмотрела на девочку, но она была еще настолько мала, что не сознавала ужаса представившейся нам картины и с детским любопытством поглядывала на колодников.

Свидание нам дали в канцелярии, большой, грязной комнате, где сидел помощник смотрителя и несколько писцов. Муж, по-моему, похудел и побледнел, но был, как всегда, весел и оживлен. Он расспрашивал нас о нашем путешествии и сам с восторгом говорил о Волге, которую видел первый раз в жизни. Слушая его, никто не подумал бы, что он любовался живописными берегами и наслаждался пением соловьев из-за решетки арестантской баржи. О своей жизни в Тюмени он говорил с добродушным юмором, хотя нетрудно было догадаться, что условия этой жизни ужасны.

Политические, человек 25–30, помещались в одной камере, из которой их выпускали только на небольшие прогулки по двору. Погода, как нарочно, стояла необыкновенно жаркая, камера была душная — все окна ее выходили на солнцепек, грязная и кишела всевозможными паразитами. Против этого последнего зла они не имели сил бороться.

— Пустяки, — уверял муж, — неужели человек, царь природы, может поддаться какой-нибудь блохе и не спать из-за того, что она кусается!

От жары они отчасти спасались тем, что сидели у себя в камере без платья, выливали на себя время от времени ковши холодной воды и оставались в мокром белье. Запертые в одной комнате, без всякого дела, без книг, без возможности хоть на время уединиться от случайно навязанных товарищей, они нервничали, раздражались, многие поднимали ссоры из-за сущих пустяков. Даже такой добродушный человек, как Николай, говорил:

— Они все, может быть, и очень хорошие люди, но, если придется еще долго жить так, как теперь, я, кажется, всех их возненавижу!

Ко всем этим неприятностям присоединилась еще одна и немалая — голод. Денег на дорогу всем позволили взять с собой очень мало, и то немного, что у них осталось, они в Тюмени отдали товарищам, уже отправленным в Восточную Сибирь. Сами они принуждены были все время довольствоваться весьма скудным казенным пайком.

— Ты, конечно, привезла с собой денег? — спрашивал у меня муж на первом же свидании. — Вся камера ждет тебя! Мы завтра же у баб купим шанег и печенки. Закутим!

Мы знали, что Николай назначен в Западную Сибирь, но не имели ни малейшего понятия о том, когда и куда именно его отправят. Не знало этого и тюремное начальство и даже экспедиция. Назначение места ссылки зависело исключительно от губернатора, время отправки в значительной степени от случайных причин. Каждого выслаемого отправляли на телеге в сопровождении двух жандармов. А так как в распоряжении экспедиции было немного жандармов, притом же они легко могли по той или другой причине замешкаться в дороге, то никто не мог предвидеть, когда до него дойдет очередь.

Спокойно-шутливый тон, в котором Николай говорил о своей жизни в тюменской тюрьме, не обманывал меня: я очень хорошо понимала, как тяжела эта жизнь. Кроме того, я боялась, что, пожалуй, и после тюрьмы ему предстоят еще более тяжелые условия ссылки. К Тобольской губернии причислялись такие города, как Березов, Сургут, и я не могла без ужаса думать о том, что нам придется жить в одном из них. Я решила, ничего не говоря мужу, послать прошение губернатору. Я просила не за него, а сама за себя, объясняла, что у меня на руках ребенок, который может не вынести слишком сурового климата, что теперь, когда муж был вынужден оставить государственную службу, единственным средством существования является для нас наша литературная работа и что я потому убедительно прошу его разрешить мужу жить в Тобольске, откуда мы можем иметь частые почтовые сношения со столицами. Я с волнением ждала ответа. Он пришел дней через десять. Губернатор отвечал отказом на мою просьбу, ссылаясь на то, что по закону административно-ссылные не имеют права жить в губернских городах, и в то же время сообщал,

что назначает местожительством мужу город Тару. Тара! С этим именем у меня не соединялось ровно никакого представления. Я посмотрела на карту. Слава богу, город лежал не севернее Тюмени. Хозяин, у которого я нанимала комнату, почтенный тюменский купец, отзывался о нем с большой похвалой.

— Тара хороший город, — говорил он на мои вопросы, — там много богатого купечества, отсюда каждую неделю бегают туда пароходы, по-моему, он даже лучше Тобольска, потому Тобольск стоит на низком берегу, его часто водой заливают, он сырой, нездоровый.

На свидании я сообщила все эти сведения мужу и стала усиленно хлопотать в экспедиции, чтобы его скорей отправили к месту назначения. Я упрашивала, кроме того, чтобы его послали не на лошадях, а на пароходе, и убеждала чиновников, что это будет и скорей, и дешевле. Много раз пришлось мне побывать в правлении экспедиции, пока наконец, уже в первых числах июля, мне объявили, что жандармы, которые должны сопровождать мужа, приехали, и на днях его отправят; мне же посоветовали, не ожидая его, ехать на пароходе. Совет был недурен. В Тюмени я не могла ничего больше сделать для мужа, ехать мне с ребенком на лошадях было и дорого, и утомительно, гораздо будет удобнее, если я приеду в Тару прежде него и найму там квартиру, где ему можно будет сразу по приезде отдохнуть и от дороги, и от всех перенесенных испытаний.

Пароход отходил из Тюмени раз в неделю, в воскресенье вечером. Утром я по обыкновению пошла на свидание с мужем, сообщила ему свой план, он вполне его одобрил, и мы распростились. Под вечер мы с племянницей, забрав весь свой багаж, отправились на пароход, она — с веселым оживлением ребенка, который во всякой перемене предвидит что-нибудь лучшее, я — с тревожным чувством неизвестности.

Только что мы заняли места в общей дамской каюте и начали разбирать свои вещи, как мне послышался знакомый голос... Я не верила ушам своим, но голос приближался, становился явственным. Я бросилась в коридор. Навстречу мне в сопровождении двух жандармов шел Николай, взволнованный, оживленный. Оказалось, что мои хлопоты в экспедиции не пропали даром и его-таки отправили не на лошадях, а на пароходе.

Много приятных путешествий удалось мне сделать в жизни, но я не могу не сознаться, что это путешествие по однообразным пустынным рекам Сибири на плохоньком обском пароходе было самым приятным...

5.

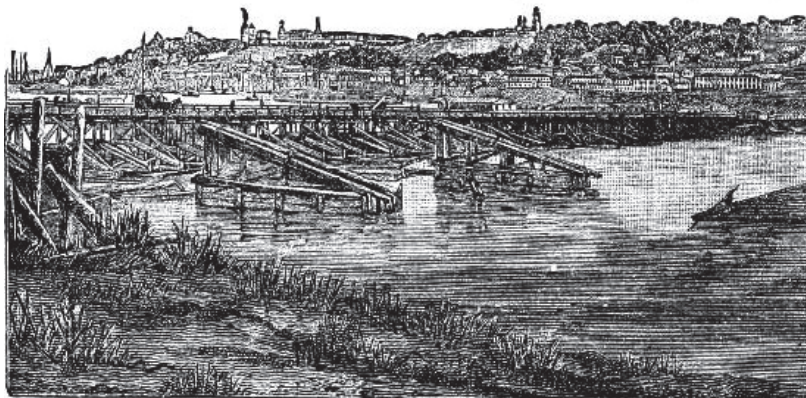
[1880, июль] *Sommier S. Un'Estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Sirieni, Tatari, Kirghisi e Baskiri.* Firenze, 1885. P. 67–70.

Стефано Соммье (Carlo Pietro Stefano Sommier, 1848–1922), итальянский ботаник, этнограф и антрополог, совершивший летом 1880 г. путешествие в бассейн р. Оби. Выехав 21 июня из Москвы, С. достиг поездом Нижнего Новгорода, а затем по реке на пароходе – Казани и Перми. Из Перми С. поехал поездом в Нижний Тагил, откуда 5 июля (р. 59 цит. ист.) отправился в Екатеринбург. В Екатеринбурге С. пересел в казанский тарантас (р. 64). Его путешествие до Тюмени началось вечером 9 июля 1880 г. и продлилось два дня. На утро второго дня, 11 июля, преодолев 305 километров за 34 часа, С. прибыл в Тюмень. Долгое время единственной работой на русском языке, посвященной этому путешествию, оставался реферат П.М. Головачева (см.: Головачев П.М. Путешествие итальянца Соммье по Сибири // Сибирский сборник. 1886. Кн. 1. С. 169–195). В 2012 г. небольшим тиражом вышел полный перевод книги Соммье, выполненный А.А. Переваловой, к сожалению, он не был нам доступен. (См.: Соммье С. Лето в Сибири среди остяков, само-едов, зырян, татар, киргизов и башкир / пер. с ит. А.А. Переваловой. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012.)

На пути из Камышлова в Тюмень маленький обелиск указал мне границу между Пермской и Тобольской губерниями. Несмотря на то, что географически я давно уже был в Азии, только сейчас я политически оказался в Сибири, той части азиатских русских владений, что одна занимает тринадцатую часть всей континентальной суши земли!

На следующий день в три часа утра, преодолев за 34 часа, включая остановки, около 350 километров, мы приехали в Тюмень.

Тюмень. Тюмень, город, поставленный на правом берегу реки Туры, там, где в нее впадает маленькая Тюменка, обязан своим значением

Вид Тюмени

Ил. из книги Дж. Буэла "Russian Nihilism and Exile Life in Siberia"
(Philadelphia, 1891)

счастливого местоположению, которое привело сюда сибирскую коммерцию. Фактически этот город является крайней западной точкой той широкой сети речного сообщения, которая прорезывает всю Западную Сибирь. Тура, которая на протяжении нескольких месяцев в году пригодна от этого места для плавания пароходов, впадает в Тобол, тот в Иртыш, а тот, в свою очередь, в Обь. Таким образом, пароход может последовательно спуститься по вышеозначенным рекам на северо-восток, затем подняться по Иртышу на юг или по Оби на юго-восток, достигнув, таким образом, центра Западной Сибири — городов Омска, Семипалатинска, Томска и Барнаула.

Летом грузы, пассажиры и ссыльные следуют этому пути, поскольку это дешевле и удобнее, нежели ехать по суше, хотя дорога эта гораздо длиннее (прямая дорога из Тюмени в Томск составляет только 1400 верст, а путь по треугольнику, образованному реками, занимает 2500 верст). В Тюмени садятся на пароход и сходят на сушу крестьяне и купцы, едущие на восток или прибывающие оттуда. Значение этого города, в котором по последней переписи насчитывается 15512 жителей, только увеличится, когда он станет окончанием уральской железной дороги, поскольку, как я уже сказал, недавно решено ее продолжить. Возможно полагать, что этот участок железной дороги будет в скором времени построен, поскольку земля в этом отношении не представляет здесь никаких сложностей, тут не встречается больших рек и поверхность идеально ровная.

Сам по себе город не представляет особенного интереса. Как и в уже виденных нами городах, дома здесь в основном деревянные, улицы широкие и не вымощенные ни камнем, ни деревом, церкви той же архитектуры.

Часть населения Тюмени — татары <...>

[Исторический пассаж о татарском периоде истории города, об основании русского города, об этимологии слов Тюмень и Чимги-Тура]

Во всеобщей неразберихе, характеризовавшей начальный период русского завоевания Сибири, городок Тюмень вел, иногда самостоятельно, иногда в союзе с Тобольском, войну, грабя соседние области, сражаясь против башкир, ногайцев, татар, вогулов, калмыков, поступая во всем не менее диким образом, чем эти варварские народы. Еще во времена Гмелина город был укреплен и окружен бревенчатым палисадом.

[Туралинские татары]

Осведомясь о том, когда отправляется пароход, я смирился с тем, что мне нужно будет провести в Тюмени три дня, и затеял ботаническую экскурсию с любезным директором гимназии синьором Словоцовым. Вернувшись поздно, я спокойно писал письма в тесной ком-

нате скромной гостиницы (не вполне достойной такого значительного города), когда поспешно явился мой товарищ, объявив мне, что торговый пароход готов к отправлению. Провидение послало мне его. Я выигрывал три дня. Нельзя было терять ни минуты. Во мгновение ока наши пожитки были загружены в пару дрожек, и мы во весь опор помчались к реке, как раз вовремя.

[Из Тюмени в Тобольск на пароходе «Луч» (Lutz)]

6.

[1880, сентябрь] **Зарубин И. Вокруг Азии. Чрез Сибирь** // Русский вестник. 1881. Т. 154. С. 642–645.

Иван Иванович Зарубин (1822–1902), в год указанного путешествия — флаг-механик при штабе главного начальника морских сил на Тихом океане генерал-адъютанта С.С. Лесовского. В очерке из «Русского вестника» описывается путешествие З. из Владивостока до Екатеринбурга. В Томск он прибыл через несколько дней после исторического события — закладки фундамента Томского университета (26 августа). Навигация завершилась. З. последовал далее на пароходе «Рейнтери» («на другой день моего приезда пароход уходил отсюда в предпоследний раз в нынешнем году», с. 639 цит. ист.). Нарым (с. 640), Тобольск (с. 641–642), обмеление реки и пересадка в д. Иевлевой на «дружка», прибытие в Тюмень (с. 643). Путешествие на «вольной почте» в Екатеринбург (с. 644–645).

Капитан дал раньше знать по телеграфу, что пароход остановится в Иевлевой, и потому туда собралось множество извозчиков-дружков. Их было гораздо больше, чем пассажиров, и они наперебой захватывали себе проезжающих, так что я и мой неизменный спутник Р., мы были очень приятно изумлены, достав лошадей немедленно и за очень умеренную плату. Тотчас же с парохода мы тронулись в путь и в ночь сделали 120 верст до Тюмени, что прежде в Сибири хватило бы нам дня на два. Мы даже не заезжали на станции. Обыкновенно ямщик везет к своему приятелю, дружку, как их называют, и этот последний, не говоря ни слова, запрягает лошадей за ту же поверстную плату, как и первый; мы платили по 12 коп. на тройку. Задержки не было нигде, и даже везли слишком скоро, так что, бывало, не успеешь напиться чаю, как уже является дружок и объявляет, что лошади готовы. Утром на другой день мы были уже в Тюмени.

Тюмень, первый сибирский город, основанный в 1586 году, был для нас в то же время и последним...

[Описание Тюмени. Производство ковров. Реальное училище. Лодка 1837 г. Размышления о предстоящем трехсотлетнем юбилее Сибири. Езда на вольной почте. Грань Сибири. Екатеринбург]

7.

[1880, сентябрь] *Bonvalot G. En Asie Centrale. De Moscou en Bactriane*. Paris: Librairie Plon, 1884. P. 8–11.

Пьер-Габриэль Эдуард Бонвало (Pierre Gabriel Edouard Bonvalot, 1853–1933), французский путешественник. В 1880 г. вместе с Г. Катю (см.) принял этнографическую экспедицию в Среднюю Азию. Путешественники имели возможность добраться в Туркестан двумя путями: южным, через Оренбург–Казалинск и восточным – через Урал и Западную Сибирь. Был предпочтен второй вариант: первый, истощенный прошлогодней засухой, был короче, зато второй вел «через более интересные области, где лошади гораздо лучше и многочисленнее, корм для них изобильнее, почтовые станции содержатся лучше» (р. 2 цит. ист.). Маршрут, которым двигались Б. и Катю: Москва–Новгород (6 сентября)– 7 сентября началось шестидневное путешествие на пароходе «Самолет» по Волге и Каме до Перми (р. 3–6 цит. ист.) – Пермь (11 сентября) – суточное путешествие в Екатеринбург на поезде Горнозаводской железной дороги. Из Екатеринбурга Б. и его спутник начинают продолжительное путешествие на тарантасе.

От Екатеринбурга и до самого Ташкента мы будем ехать на тарантасе.

Репутация этой повозки изрядно попорчена, она объявлена пыточным инструментом! Ее упрекают в том, что у нее нет рессор! И это в стране, где расстояния, которые приходится проехать, столь необъятны, где города и деревни столь редки, ремонтные мастерские недоступны, а дороги столь длинны и покрываются попеременно то пылью, то грязью, так что невозможно поддерживать их в порядке, если разве только каждый сибиряк, не исключая женщин и детей нежного возраста, не обратится в дорожного рабочего.

О храбрый тарантас, ты был оклеветан! Приземистая повозка на четырех колесах, полностью почти деревянная, — это идеальное средство передвижения в стране, где дорожные происшествия отнюдь не редкость. Тарантас чинится легко и быстро, поскольку вокруг нет никогда недостатка ни в дереве, ни в людях, знающих, как держать в руках топор. Короче говоря, добрый тарантас гнется, но не ломается. Как можно обвинять в чем-то повозку, при помощи которой можно преодолеть восемь тысяч километров в один присест, причем по дорогам, которые порой проигрывают по всем статьям худшим нашим проселкам?

В тарантасе трудно сидеть, утверждает один английский путешественник (Генри Ланселл), бока болят от непрерывной тряски, по приезде вы полностью разбиты; спать в нем невозможно. Возьмите с собой мягкие подушки, чтобы подложить их в нужные места, добавляет он; без этой необходимой детали интерьера ваше путешествие обратится в постоянную пытку.

На эти сетования мы ответим, что в тарантасе не нужно ехать сидя. Почему бы не поступить так, как поступают русские? Они наполняя-

ют кузов повозки сеном и соломой; поверх этого они кладут свои матрасы и привольно располагаются на мягких подушках. Благодаря этим предосторожностям тряска смягчается, и они могут путешествовать день и ночь, не испытывая невыносимой усталости.

Позвольте нам дать совет тому, кто намеревается использовать этот способ передвижения. Вы должны выбрать крепкую повозку, снабженную превосходными колесами. Экономия, о которой вы размышляете, приобретая по низкой цене уже отъездившую свое, подержанную повозку, трещины на которой замазаны свежей краской, впоследствии обратится в потерю времени и денег, не считая неприятностей, связанных с поломкой, случившейся на пустынной дороге холодной и темной ночью или в ненастный день. Такой тарантас не сделает и пятиста верст, как у него развалится обод колеса или сломается ось, и как раз в тот миг, когда от усталости вы проваливаетесь в сон, вам придется, проснувшись, обнаружить себя на дороге. Поэтому путешественник должен приобрести свой тарантас у солидной фирмы, а кроме того, запастись сахаром, чаем, смазкой для колес и... терпением.

И немудрено, ведь когда он потребует у зрителя лошадей к шести часам утра, то только в семь увидит ямщика, ведущего сбивающуюся на рысь тройку, и дугу, которая опускается на шею лошади. Лошади запрягаются тоже не так быстро, как того желает тот, кто этого ожидает. И наконец, когда путешественник, счастливый от того, что мчится с такой резвостью, начинает думать, что ему уже удалось уехать, вдруг случается авария, распускается ремень, и снова приходится делать остановку. Но если не считать этих досадных происшествий, которые происходят почти каждый день, то одна безумная гонка сменяет другую. А, кроме того, если пыль не слишком густая, то вам сполна за все возмещается: вы видите, как по обоим сторонам дороги тянется пейзаж, и у вас есть компания — вы ведете беседу, иногда презабавную, с русским или киргизским ямщиком, голова которого непременно увенчана шапкой из овечьей шкуры. Ямщик не устает понукать своих лошадей: рука его вздымается, словно готовясь нанести удар кнутом, и в то же время, посвистывая, он подражает его звуку. Коренник, чья голова удерживается от поворота ремнями дуги, несется невероятной рысью; пристяжные, которые мчатся галопом, поворачивают в пол-оборота головы, чтобы поглядеть на возницу. С начала пути и до прибытия на место между животными и человеком ведется беседа, в которой он не скупится на расходы: он сыплет понуканиями, обещаниями, угрозами, похвалами, и караульные будки (gabions), словно вехи, призванные обозначать путь во время метелей, кажется, бегут мимо вас одна за другую. А когда вы путешествуете ночью, пока еще луна не исчезла за горизонтом,

какое удовольствие снова видеть перед собой звезду, каждый вечер, и грезить о ней, стремиться к ней, постоянно сияющей, словно маяк! И мы едем навстречу к ней, мы едем.

Следующим городом, который вы встречаете после Екатеринбурга, является Тюмень, знаменитая своими ковровыми фабриками и коммерцией. В Тюмени мы стали свидетелями любопытной сцены сибирских нравов. Мы находились во дворе почтовой станции, когда наше внимание привлекли жалобные стенания, доносившиеся с улицы. То была похоронная процессия, провожавшая в последний путь покойника. Четыре друга усопшего шли во главе процессии, неся на плечах своих крышку гроба, за ними следовали еще четверо, которые несли таким же образом открытый гроб, где лежал мертвец в саване. Дальше тащилась вдова, рыдавшая во весь голос одним и тем же тоном, от которого наворачивались слезы. Часто она опускалась на землю, выказывая знаки глубочайшего отчаяния. Две ее товарки поднимали ее и поддерживали; за ними следовали многочисленные женщины, которые тоже рыдали, или, скорее, вопили в унисон с вдовой. Мужчины, молчаливые и с непокрытыми головами, держались слева от покойника. По мере того как кортеж продвигался дальше по улице, люди, находившиеся в домах, слыша эти рыдания, выходили наружу. Они осеняли себя крестом и падали ниц, а женщины присоединялись к рыданиям, которые продолжались все время, пока процессия проходила мимо.

8.

[1880, сентябрь] *Capus G. A travers le Royaume de Tamerlan (Asie Centrale). Voyage dans la Sibirie Occidentale, le Turkestan, la Boukharie, aux bords de l'Amou-Daria, a Khiva et dans L'Oust-Ourt.* Paris, 1892. P. 19–21.

Жан-Гийом Капо (Jean-Guillaume Capus, 1857–1931), французский исследователь Азии, ботаник и географ, специалист по проблемам колониального земледелия. В 1880 г. вместе с Г. Бонвало (см.) посетил Западную Сибирь и русский Туркестан; на пароходе проехал по Волге до Перми, пересек Уральские горы и проник в степи к востоку от озера Балхаш, возвратясь по берегам Амударьи и через Кавказ. Подневный маршрут путешествия до Тюмени описан в статье о Бонвало. К., в отличие от Бонвало, указывает точную дату отправления на тарантасе из Екатеринбурга (16 сентября 1880 г., р. 16 цит. ист.). Путевые описания К. и Бонвало весьма близки. Ср. характеристику тарантаса, которую К. предпосылает путешествию через сибирскую границу, с описанием, составленным Бонвало.

16 сентября после полудня наш тарантас, надлежащим образом нагруженный, увязанный и смазанный, катится по пыльной дороге в Тюмень. Очень важно приобрести хороший тарантас; он должен быть

новым, прочным, устойчивым к тряске и достаточно большим, чтобы два человека могли бы, в случае необходимости, улечься в нем и хорошо выспаться, ведь нам предстоит ехать 3800 километров по дорогам, которые зачастую не имеют никакого права именоваться этим словом. Мы будем ехать день и ночь, мы пересечем вброд реки и речушки, и, помимо этого, сибирские лошади нередко будут мчать нас со скоростью двадцати миль в час. Особенно должны быть хороши оси и колеса тарантаса, ведь их иногда придется укреплять при помощи веревок, обертывая и стягивая ими спицы колес, и выливать на них по несколько ведер воды, когда они рассохнутся от жары. Более всего славятся тарантасы, строящиеся в Самаре, они стоят от 150 до 200 рублей. <...>

На участке между Екатеринбургом и Тюменью екатерининский тракт пересекает плодородный край, на черноземах которого созревают изобильные урожаи зерна и превосходные пастбища. Там и сям жнут овес, сеют озимые; кое-где крепкие и коренастые женщины веют на временном току зерно, а мужчины, лежа на животе, смотрят, как они это делают. Местность пересеченная, встречаются небольшие всхолмления. Прелестные просветы между березовыми и осиновыми рошицами делают пейзаж нескудным, хотя впечатления от него не слишком разнообразны. Нужно отметить, что привлекательность этого ландшафта, лишнего декоративных видов деревьев, создается одной только березой, для которой свойственно разнообразие оттенков и местоположения. Деревни опрятны и дышат процветанием.

Обыкновенно такая деревня представляет собою двойную шеренгу домов-блочгаузов, в конце которой стоит крашенная известью церковь, увенчанная одутловатой колокольней (*campanile boursouffle*). Повсюду множество домашней живности: коровы и бараны, гуси, курицы, утки, свиньи в длинной щетине бродят по улицам и повсюду где им вздумается. Лошади нашего тарантаса, уставшие от маленьких собачонок, которые хватают их за морды и бросаются под колеса экипажа, вдруг понимают, что станционное стойло уже близко и пускаются в галоп. Коренник, охваченный пылом своих товарищей, оставляет свою обычную рысь и тоже скачет галопом. Порою, когда какая-нибудь ошеломленная, остолбеневшая домашняя птица или свинья находит смерть под колесами нашего тарантаса, мы мягко подсакиваем.

А вот и станция. Запыхавшиеся лошади останавливаются, покрытые пеной, усталые. Староста (начальник станции), древний бородастый казак с фуражкой в руке, стоит на пороге, поблизости от указательного столба, рядом с которым расположены три или четыре ступеньки, ведущие в комнату для путешественников. Потрескивает огромная печь, поет самовар, выпуская струйку пара, снаружи доносится звон колокольцев, которые вешаются на дугу: один ямщик рас-

Вид почтовой станции

*Ил. из книги Г. Каню "A travers le Royaume de Tamerlan
(Asie Centrale)" (Paris, 1892)*

прягает, другой несет дугу к запрягаемому экипажу. Когда ямщики, повстречавшись, перебрасываются шуткой, звон колокольцев сливается. В углу комнаты — икона и аляповато раскрашенная фарфоровая статуэтка ярких цветов, зеркало, за которым скрывается жалобная книга, две кушетки, на которых отпечатались следы ночевавших, стол, покрытый опрятною скатертью; кроме того, на стене развешены плохие хромолитогравии — портрет царя с семьею, сюжет из русско-турецкой войны, а также иногда портрет... Гамбетты.

Староста регистрирует нашу подорожную. На ней две печати, это так называемая «подорожная по казенной надобности». Она дает нам право на снижение цены проезда, а кроме того, мы приобретаем преимущество в получении лошадей по сравнению с теми, чья подорожная имеет одну только печать. Нам приходится уступать лошадей только курьерам. Мы выпиваем наскоро несколько чашек чая и превосходного сибирского молока — и айда, сегодня мы сделаем верст двести.

По дороге встречаются длинные поезда ломовых, это тяжелые телеги в одну лошадь, груженные тюками товаров, они тянутся под однообразный звук колокольчиков.

Через три месяца они будут в Иркутске; через пять — в Кяхте.

Иногда, впрочем, на телегах этих везут не тюки с товарами, но людей. Это длинный поезд, который сопровождают солдаты с ружьями на плече. Одни из приговоренных к ссылке за политические или уголовные преступления закованы в цепи, другие — свободны в своих передвижениях; они объединяемы в партии, которые под сильным конвоем отправляются на барнаульские шахты, в тюрьмы Сибири или просто в ссылку под надзор местной полиции. Мне пришлось увидеть многих отцов, направлявшихся в Сибирь в сопровождении своих жен и детей. Одни ехали на телегах, другие брели пешком, тяжело и безрадостно, под неусыпным оком стражника. Мы пронеслись мимо на полном скаку, чувствуя на себе их взгляды... Бедные люди!

Незадолго перед [станцией] Тугулымской мы пересекаем границу Пермской и Тобольской губерний. Обелиск с надписями и пермским гербом свидетельствует, что мы теперь официально в Азии.

Тюмень, куда мы прибываем ночью 19-го, — небольшой, преимущественно торговый город, привольно расположившийся на высоком берегу Туры. Своим процветанием он обязан особенному местоположению в качестве головного пункта речного пути. Отсюда можно добраться по Туре, Тоболу и Иртышу в Омск и Семипалатинск, а если поехать в другую сторону — по Тоболу, Иртышу и Оби — в Томск, самый центр Западной Сибири. Кроме того, Тюмень — это узловое место, точка бифуркации двух торговых путей, ведущих, с одной стороны, в Омск и через Семиречье, с другой — через Томск в Иркутск. Несомненно, что железная дорога, которая на сегодняшний момент заканчивается в Екатеринбурге, будет протянута до Тюмени и станет началом трансконтинентального сибирского пути⁹. В ожидании исполнения этого колоссального труда в городке на изгибе реки Туры нашли свой приют многочисленные барки, баржи, лодки, готовые отправиться в рискованное последнее путешествие, после которого реки и речушки замерзнут, и на протяжении шести или семи месяцев не будет возможно никакого движения.

Мы посещаем главу города (*galava*). Этот достопочтенный чиновник весьма озабочен подготовкой к встрече нового губернатора Западной Сибири, генерала Mechtcherinoff, который должен появиться с минуты на минуту. Поэтому повсюду ремонтируются дороги, закапываются гибельные для рессор ямы, чинятся прохудившиеся мосты, заваливаются мягкой землей и хворостом рытвины и овраги.

⁹ Железная дорога на сегодня уже проложена вплоть до Тюмени. Генерал Анненков уже начал работу по строительству великого трансзиатского пути, который должен будет связать Восточную Сибирь с Европейской Россией (*прим. авт.*).

Ямщик, вдохновясь присутствием офицера, которого голова милостиво назначил нам в попутчики, а также, видимо, предвосхищением добрых чаевых, мчит нас во весь опор. Я не раз дивился сноровке этих сибирских ямщиков, той дерзости, с которой они обращаются со своими лошадьми. Правя своим экипажем, они используют неровности почвы для того, чтобы поберечь или возможно полно использовать силы своей упряжки.

Иногда лошадь, молодая и горячая, запряженная в тройку, быть может, впервые, отказывается везти тарантас. Ее сдерживают три человека. Ямщик встает на своем месте, упираясь ногами. Как только, из лукавства или упорства, ретивая лошадь вдруг выпрямляется, быстрым движением застегивается последний ремешок, и тройка (три лошади, запряженные в ряд) пускается стрелою; лошадь встает на дыбы, брыкается, несется галопом; грязь, земля и пыль летят вам в лицо из-под копыт лошадей, вы поражены и оглушены, и даже колокольцы замолкают от ужаса.

Тройка покинула путь, отмеченный следами наших предшественников. Пока тарантас подпрыгивает и трясется от этой дьявольской гонки, ямщик мало-помалу обращается во всезнающего проводника, коренник под дугой высоко задирает голову, а две пристяжных, повинаясь поводьям, держат головы повернутыми в стороны. Но вот мы совершаем объезд, и на дороге снова появляются верстовые столбы.

— Palavina...? (La moitie)

— Palavina, barine, — отвечает ямщик в момент, когда лошади, после 10- или 12-верстового галопа, тяжело дыша, отдыхают. Когда мы мчимся снова, уже с несколько меньшим пылом, между ямщиком и его лошадьми возникает разговор, звуки которого доносятся до нас. Он бранит одну из лошадей, упрекая ее в лености и называя *karova*: «*Ti karova!* посмотри на других; не стыдно тебе, не заслужила ты теплой конюшни!». Другим он делает комплименты: «Давай, *galoubtchik*, вон будет *Тюкала*, хорошая станция, будет ячмень моему голубчику!».

Старательные животные косятся на него, внимательные к каждому его движению, так что ему редко приходится касаться их своим кнутиком.

Страна эта весьма изобильна. Бесчисленные озера и болота оглашаются криканием множества уток, диких гусей, куликов, журавлей, цапель и т.д. Белые и черногрудые чайки с криками рассекают воздух. Множество видов сарычей, луней, кобчиков, кукушек населяют высокие деревья и тростниковые заросли по берегам озер¹⁰.

В Ялуторовске я заметил первых баранов с явной стеатопигией...

¹⁰ См. интересные факты о фауне этого региона в трудах Северцова и в описании путешествия доктора Финша (*прим. авт.*).

9.

[1881, май] *Cotteau E. De Paris au Japon a travers la Siberie. Voyage execute du 6 mai au 7 aout 1881.* Paris: Librairie Hachette, 1888. P. 95–115.

Эдмон Котто (Edmond Cotteau, 1833–1896), французский профессиональный путешественник. В 1881 г. по поручению министра народного просвещения пересек «с научной целью» Российскую империю, проехал Сибирь, и, три месяца спустя после того как оставил Париж, достиг Японии. Пятая глава монографии Котто, посвященная проезду из Екатеринбурга в Тюмень, воспроизводится здесь в значительно сокращенном виде. Полностью она была опубликована в нашем переводе: Путешествие Эдмона Котто из Екатеринбурга в Тюмень (27–30 мая 1881 г. / пер. Ф.С. Корандей // Лук & Чок. Тюмень, 2009. Окт., № 4. С. 3–30.

[Отъезд из Екатеринбурга: планы строительства железной дороги между Екатеринбургом и Тюменью. Езда по почтовому тракту. Подорожные и перекладные]

Smotritel, в свою очередь, рассказывает нам об одном путешественнике, который готовится к скорому отъезду и, как здесь принято, разыскивает себе попутчика. По счастливому совпадению путешественник этот остановился в одной со мною гостинице. Не теряя ни минуты, я возвращаюсь туда, чтобы ему представиться, и с радостью узнаю в нем г-на Майера, инспектора страховой компании из Санкт-Петербурга, с которым уже имел честь познакомиться несколькими днями ранее в Перми у г-на де Ришмона. Г-н Майер немец по национальности, но родился в Одессе и с одинаковой легкостью владеет обоими языками, и русским, и немецким; более же всего обрадован я тому, что он довольно ловко изъясняется по-французски. Г-н Майер согласен стать моим попутчиком, и мы назначаем отъезд на восемь часов вечера. Решительно, в начале моего путешествия по Сибири мне по-настоящему повезло!

Глядя на множество разнокалиберных сундуков, корзин и саквояжей, занимающих немалую часть его комнаты, на разные меха, ковры, подушки и веревки, невольно я задаюсь вопросом о том, что за экипаж способен будет вместить все это. Слава богу, что у меня самого вещей немного: весь мой багаж — баул средней величины, чемодан, маленькая сумка, подушка да одеяло. Мой будущий попутчик успокаивает меня, уверяя, что не только все поместится, но и сами мы поедем с комфортом. И все же я с нетерпением ожидаю увидеть пресловутый экипаж, способный к такому чуду.

[Описание тарантаса]

Г-н Клер содействует нам в последних приготовлениях к отъезду. Прежде нашего расставания он вручает мне письмо для своего друга,

д-ра Фритше, директора Пекинской обсерватории¹¹. Я пожимаю его руку, исполняясь благодарности за целый день, посвященный моей особе. Лошади наши пускаются в галоп. Шея той из них, что запряжена в центре, увенчана дугой с привешанными колокольцами, которые весело звенят¹². Нас только двое, а тарантас наш способен вместить и трех путешественников; багаж, благодаря умелому руководству моего компаньона, размещен удобно и правильно, словом, все оказалось лучше, нежели я рассчитывал. Прежде я выслушал столько плохого о сибирском транспорте, что теперь удивляюсь тому, как ловко все устроилось. А после охватывает меня радость: ведь прямо сейчас уже понемногу воплощается в жизнь заветный мой замысел. Страна, которую доселе я считал недоступной, лежит теперь перед моими глазами. И это не сон: действительно я еду по большому сибирскому тракту. Француз¹³, несколько лет тому назад проехавший той же дорогой, заканчивал свой рассказ, впрочем, весьма интересный, предостережением: «Не вздумайте туда поехать». А я, однако, поехал, не остановясь вердиктом столь кратким, сколь и неутешительным. Он ведь писал о путешествии, совершавшемся глухою зимою, я же начинаю мое путешествие в начале лета и потому надеюсь на лучшее. Наши низенькие сибирские лошадки замедляют ход: мы преодолели первый перегон, проехав 26 верст менее чем за два часа с половиной.

За то время, пока запрягают новую тройку, мы успеваем выпить по стакану чая, и снова в путь, с такою же прытью. Вдруг делается довольно холодно, и я начинаю нешуточно мерзнуть, при том что натянул уже на себя весь свой гардероб. Мне не хватает шубы (*la pelisse*), предмета, в местах здешних самого необходимого, без которого не обходится ни бедный, ни богатый, ни простой мужик, ни чиновник. Понадеявшись на календарь, ее я не приобрел и теперь завидую ямщику, закутанному в теплую овчину. Одеяло совсем не греет, но, к счастью, у г-на Майера в багаже оказывается предостаточно меховых изделий, и некоторые из них поступают в мое распоряжение. Не случись этого, я бы довольно настрадался в эту первую ночь.

На следующий день в девять часов утра, четыре раза сменив лошадей и преодолев треть нашего пути (т.е. 101 версту), прибываем в городок Камышлов, где завтракаем на станции. Пользуясь остановкой, торопимся переложить багаж наш таким образом, чтобы обра-

¹¹ Директор Пекинской обсерватории Герман Александрович Фритше (Hermann Fritsche, 1839–1913).

¹² Колокольчики необходимы им для того, чтобы избежать ночных столкновений. Насколько мне известно, фонари здесь никогда не используются (*прим. авт.*).

¹³ Meignan V. De Paris a Pekin par terre. Sibirie – Mongolie. Paris: E. Plon, 1877. P. 387 (*прим. авт.*).

тить спальные места в сидячие, и к одиннадцати часам снова выкатываемся на дорогу. Путь наш лежит по плодородной сельскохозяйственной местности. Почва жирная и черная; ни камня, ни гравия нигде не видно; поля, засеянные рожью, овсом и ячменем, перемежаются рощами и обширными лугами, на которых в изобилии пасется скот. Береза почти единственная лесная порода. Кажется, тут нет больше других деревьев: исчезает она только поблизости от человеческого жилья, в садах.

Деревни встречаются довольно часто; но всегда на них лежит отпечаток унылого однообразия. Повсюду одни и те же дома из круглых бревен, одни и те же беленые церкви с зелеными крышами и металлическими куполами. Скот в поисках пропитания бродит бесхозно по бесконечным широким и прямым улицам. Толстые, похожие на кабанов головы с огромными головами и кривыми спинами, желтой, стоящей торчком щетиной щиплют траву и валяются в лужах грязи. Вид этих деревень наводит тоску и уныние. Никаких весело играющих детей, никаких разговоров у ворот; разве кто-то пройдет поодаль, одинокий, непременно серьезный и молчаливый.

Поля, по крайней мере, оживляются внешней зеленью. Глаз радуется свежей березовой листве. По обеим обочинам тракта, обсаженного столетними деревьями, тянется тропка для пешеходов, впрочем, довольно редких, поскольку пешком никто здесь не ходит. Часто встречаются длинные вереницы одноконных телег, которые управляются совсем небольшим числом обозных. При движении обоза всегда образуется тесная колонна, порядок которой поддерживают протыгом, но, однако же, остроумным способом; позади каждой телеги крепится куль, с помощью нехитрого устройства (деревянного обруча) сохраняемый постоянно в открытом состоянии; естественно, что лошадь, приученная искать в нем пропитание, неотступно следует за кормой предшествующей повозки, тем более что кормушка глубока, и на дне мешка всегда остается какая-нибудь пригоршня овса.

Местность слегка холмистая; дорога петляет. Нам встречается партия ссыльных, бредущая под солдатским конвоем. Позже, при въезде в деревню, наши лошади, вероятно, привыкшие возить арестантов, вдруг сворачивают с главной дороги, и, невзирая на все старания ямщика, мчат нас по ухабам неведомо куда, пока наконец не застынут как вкопанные у ворот этапной тюрьмы. Другая повозка не выдержала бы этакой бешеной гонки; но для тарантаса подобная встряска — вещь вполне заурядная.

В 200 верстах от Екатеринбурга расположена Марковская, последняя станция Пермской губернии. Мы достигаем ее ввечеру, и счастливы обрести здесь ужин, состоящий из нескольких крутых яиц, похлебки, сваренной из убоины, и бутылки кваса. После этой деревни,

невдалеке от столба, обозначающего одиннадцатую версту, возвышается пограничный столб Тобольской губернии: здесь Азия начинается уже официально, теперь мы в Сибири без всяких оговорок.

[Географические сведения о Западной Сибири. Путешествие по Тобольской губернии до Тюмени]

Наконец, преодолев песчаное поле, понуждающее наших лошадей несколько сбавить ход, прибываем в Тюмень. Сейчас пять часов утра; за тридцать три часа мы проехали 310 верст (331 километр), включая время стоянки на двенадцати станциях. За все заплатили мы в общем до 50 рублей (125 франков).

Наш тарантас, увлекаемый четырьмя лошадьми, вкатывается стремительно на двор гостиницы Соловьева (l'hotel Solovieff). Пока г. Майер колотится без всякого толку в многочисленные двери, стремясь добудиться хозяев, я остаюсь созерцать внешний вид заведения. Первое впечатление самое неутешительное. Это одноэтажная постройка из дерева и кирпича. Побелка не способна упрятать изобразивших фасад глубочайших трещин; греческий портик, притязавший на то, чтобы украсить здание, повалился набок и спасается от окончательного падения только ненадежной опорой полдюжины кривых нелепых колонн. Товарищ мой тем временем наконец обнаруживает слугу: последний спит, весь одетый, на конюшне. Слуга с урюмым видом препровождает нас в переднее помещение. Направясь в отведенные нам комнаты, мы вынуждены перешагнуть пятерых или шестерых спящих, устроившихся прямо на полу.

[Описание гостиничного номера]

Около девяти часов утра, подкрепившись, соответственно русскому обычаю, несколькими стаканами чаю, я почитаю своим долгом осмотреть город. Выйдя из гостиницы, оказываюсь на берегу Туры. Обрыв, очень крутой, в двадцать пять метров высоту, вздымается на рекой, течение которой почти незаметно, так что сразу я не мог понять, в каком направлении она течет. Город Тюмень, основанный еще до начала русского заселения Сибири в 1580 году, ныне с точки зрения промышленной и торговой является важнейшим из городов Западной Сибири. Здесь есть завод паровых машин, возглавляемый английскими инженерами, колоколотейная мастерская, несколько кожевенных и множество других заводов, число которых с каждым годом растет. В окрестностях города изготавливаются ковры, хорошо себя зарекомендовавшие, во множестве телеги, деревянная утварь, чаны, ушаты, ведра, лопаты и лубяная бечева. Кроме того, здесь происходят каждый год весьма оживленные ярмарки.

Тюмень также выделяется среди прочих в области народного просвещения. Наиболее примечательным зданием в городе является гим-

FIG. 1. — Le pont du «Samolét».

**На палубе парохода «Самолет»
во время волжско-камского путешествия**

*Ил. из книги Г. Каню "A travers le Royaume de Tamerlan (Asie Centrale)"
(Paris, 1892)*

назия (realное outchilitche), или практическая школа (ecole des sciences usuelles). Это великолепное заведение было основано в 1879 году городским головой Подаруевым, богатым купцом, который пожертвовал на его строительство сумму в 500 000 франков. За этот поистине царский подарок был он отмечен титулом «наследственного почетного гражданина» с правом передачи его детям, вместе со всеми привилегиями, которые к нему прилагаются. Помимо семи других государственных училищ, окружных и приходских, в городе имеется также прогимназия для девочек на 160 учениц¹⁴.

В общем же Тюмень не представляет для туриста какого-то особенного интереса. Мне показалось, что Екатеринбург в этом отношении много замечательнее. Прогулявшись по главным улицам и посетив большой базар (выбор товаров на нем оказался весьма неплох), я спокойно шел по дороге к отелю, когда внезапно был грубо окликнут торговцем, сидевшим на пороге его магазина. Этот человек явился

¹⁴ То, что в России называется прогимназией, есть начальное образовательное учреждение, имеющее не более четырех классов, в то время как в гимназии их девять. Прогимназии ближе всего соответствуют наши младшие коллежи (petits colleges), а гимназии – лицеи (прим. авт.).

предо мной в сильном гневе, бешено вращая глазами. Я, естественно, не понимал ни слова из его речи, но из жестов его мне стало ясно, что причиной гнева послужил окурок сигары, который я держал во рту. Подойдя ближе и улыбнувшись, я показал ему, что предполагаемый предмет преступления уже погас. Несмотря на явное доказательство моей невиновности, раздражение упомянутого лавочника было настолько сильным, что он поднялся и ушел, хлопнув дверью перед моим носом, и продолжал при этом ругаться. Постоянная опасность пожаров вынуждает принимать в России весьма строгие меры. Еще несколько лет назад на улицах Санкт-Петербурга не разрешалось курить; сегодня этот запрет отменен в столице, но еще сохраняется в провинциальных городах. Вероятно также, что человек этот принадлежал к секте раскольников, которые испытывают священный ужас перед табаком во всех его формах и бегут от любого, кто курит или нюхает его, как от самого дьявола.

[Вечер в клубе приказчиков]

Наконец, после приятнейшего ужина, который выгеснил из моей памяти отвратительный гостиничный завтрак, мы отправляемся обратно в город. Наш ямщик все это время ожидал нас в саду; я использую слово «сад», потому что это делают русские, но, откровенно говоря, в этом месте нет ничего, что напоминало бы сад; ни цветов, ни цветочных клумб, это просто лес, в котором устроено несколько узких аллеек. На улице очень холодно; бедняги эти развели костер и всю ночь греются подле него, не входя в дом, поддерживая себя в полной готовности исполнить распоряжение своих хозяев. Они привычные; будь даже сейчас зима и 30 или 40 градусов морозу, то делали бы так же. В полночь мы возвращаемся в гостиницу, не опасаясь тишины опустевших улиц, поскольку патрули ночных сторожей, производящие равномерный шум своими звонкими деревянными колотушками, держат грабителей на расстоянии, также, как это принято в Китае.

Я лег на свой диван не раздеваясь, закутался с головой в одеяло и преотлично выспался. Нужно было попробовать, а то ведь мне предстоит спать таким образом еще очень долго. Однако не так легко будет привыкнуть ко всему остальному: например, к полному отсутствию элементарных средств гигиены, не говоря уж о туалетных принадлежностях. Не дожدهшься ни зеркала, ни графина питьевой воды. Утром явился паренек, которого и руки и одежда были одинаково черные, принес вчерашнюю жуткую посудину и поставил ее на табуретку, которую приволок с собою; затем, поманив меня, выплеснул мне на руки содержимое медного кувшина емкостью в бутылку; после чего не замедлил утащить с собою свои приспособления. Очевидно, что посудины эти употребляются ими для мытья всех постояльцев и делается это по очереди.

В назначенный час сын г-на Колмогорова приезжает за нами в гостиницу. Сначала мы едем правым берегом Туры, любуясь простором низкой равнины левого берега, затем не без труда минуем очень крутой спуск к наплавному мосту, потом пересекаем приток Туры — речку Тюменку и наконец прибываем в слободу, где проживает наш хозяин. Дом его, как и все соседние, выстроен из дерева и не отличается особой величиной. Мы проходим через большой, вымощенный плахами двор, окруженный со всех сторон забором. При входе в дом более всего поражает множество цветов, кустарников, тропических растений и цветущих кактусов, украшающих помещение. Обстановка отличается исключительной простотой; дереву, хотя и превосходно отделанному и отполированному, везде оставлен его естественный цвет. Ковров почти нет; вместо картин на стенах развешаны хромолитографии; на столах — бронзовые и фарфоровые китайские безделушки вперемешку с подобными изделиями европейского производства, исполненными гораздо хуже. В огромных комнатах расставлены канапе, диваны и большущие сундуки, блистающие металлом.

Хозяин дома ожидает нас в гостиной. Это человек лет пятидесяти пяти, приветливой наружности, высокий и сильный, как большинство сибиряков. Немедленно появляется и жена его, весьма почтенная особа. Несмотря на утренний час, на ней пышное шелковое платье небесно-голубого цвета. После первых приветствий я заявляю о своем желании посетить кожевенный завод Колмогорова, расположенный по соседству. Проводником нашим выступает сын г-на Колмогорова, а переводчиком г-н Майер; благодаря ему я получаю немало интересных сведений о промышленности, составляющей главное занятие тюменцев. С этого предприятия г-на Колмогорова происходят 100 000 из 350 000 кож совокупной продукции всех тюменских заводов. Завод превосходно оборудован, здесь можно видеть множество новейших американских машин. Стоимость сырой кожи составляет 5 руб., дубленая же может стоить от 7,5 до 10. Г-н Колмогоров заработал на этой торговле миллионы; мне сообщают, к примеру, что он бывал в Париже и посетил Всемирную выставку 1878 г.

Воротясь, мы обнаруживаем, что в буфете, возвысившемся на самом видном месте гостиной, дожидаются нашего появления многочисленные *zakouska*. Для начала следует опрокинуть стаканчик водки: после того просыпается аппетит к поглощению крутых яиц, икры всевозможных сортов, сырой семги, порезанной ломтиками, и соленой кильки. Приходится сдерживать себя, ведь этого достаточно, чтобы насытиться на весь оставшийся день. Друг семьи, какой-то длинноротый седой старец с багровым лицом, со всей настойчивостью побуждает меня к поочередной дегустации целой шеренги

графинчиков, выстроенных в буфете. К счастью, пора отправляться в столовую: там оказывается, что все это была только разведка боем, а генеральное сражение ждет еще впереди. Жена и сын г-на Колмогорова вдруг оставляют нас. По здешнему обычаю, когда глава семейства обедает с гостями, домашние не принимают участия в трапезе, но могут разве что лишь прислуживать: это в очередной раз мне напомнило, что мы теперь в Азии.

Миновал полдень: завтрак обратился в обед. Чтобы составить у читателя самое общее представление о трапезе по-сибирски, бесполезно будет обратиться к некоторым подробностям. Первое блюдо выглядело как большие комья (*boulettes*) рубленого мяса; они, не знаю отчего, именуется здесь котлетами (*cotelettes*), хотя не имеют ни вкуса, ни формы. На второе подали суп: душистый бульон, в котором плавали кусочки фаршированного теста (*de petites patisseries farcies*); затем последовала рыба, называемая нельма (это деликатесная разновидность лосося), жареная тетерка и засахаренный салат (*salade au sucre*). В качестве антреме¹⁵ подавались капуста, свекла, огурцы во льду и в сметане, пироги на кислом молоке, а также пироги, начиненные яичными желтками, рисом и дичью, и наконец, в качестве десерта — сладкое желе и превосходные апельсины, которые стоят здесь очень дорого. Из напитков подавались вина крымские и вина шампанские, водки на фруктах и на злаках — коньяк, все, кроме воды.

В завершение пиршества г-н Колмогоров предлагает нам великолепные гаванские сигары, а затем мы отправляемся в его сад, расположенный в версте от усадьбы, в чистом поле, на берегу реки. Этот сад представляет собой просто прямоугольный участок земли, обнесенный забором, весь засаженный липами и березами и с беседкой в центре: это уменьшенная копия клуба, в котором мы были накануне.

Мы гуляем по узким аллеям. Демонстрируя нам свои насаждения, г-н Колмогоров по временам извлекает из глубоких карманов бутылку бордосского вина, наполняет до краев стаканы и угощает нас. Поскольку этот маневр повторяется им довольно часто, а карманы его кажутся неисчерпаемыми, то меня понемногу охватывает беспокойство: избежать очередной порции весьма затруднительно, ведь, по сибирским представлениям, гость, отказывающийся от стаканчика, преподнесенного ему хозяином, поступает крайне невежливо. Еще более смущает меня упомянутый старик, ставший абсолютно несносным: он схватил бутылку коньяку и всеми силами понуждает меня с ним выпить.

¹⁵ Антреме (*entremets*) – часть трапезы после основного блюда, подготовительная по отношению к десерту.

Тем временем мы направляемся к берегу Туры: там затеяна в нашу честь рыбная ловля. Вскоре нельмой и стерлядью наполнен уже целый ушат; рыбаки тащат его в сторожку. Там рыбу немедленно потрошат, и вот трепещущая икра уже намазана на ломти черного хлеба, приправлена щепоточкой соли и стрелками лука и тотчас поедается. На кухне горит огонь: стерлядь режут ломтями, бросают в котел, и вскоре мы принимаемся пировать.

Бульон, приготовленный из этой свежепойманной рыбы, также превосходен. Я решил больше не отказываться, когда мне преподносят очередной стакан, но просто выплескиваю его под стол. Тем временем седобородого обуяла нежность: потрясая уже вторую бутылкою водки, он, в пылу излишне разгоряченного словоизлияния, опрокидывает на меня общую посудину, откуда все черпают сколько нужно. После того как меня оросили кипящей жидкостью, происходящее все менее кажется мне забавным. Между тем наш амфитрион привел еще юных крестьянок. Выстроясь полукругом у входа в избушку, девки поют народные песни, заунывные, неспешные и однообразные, хотя и не лишённые некоторого очарования.

Близится ночь, и время наше истекает. Сжав меня в мощных своих объятиях и накрепко облобызав, г-н Колмогоров насильственно вручает мне во владение пару бутылок вина. Ставший совсем уж невыносимым, седобородый старик цепляется за моего товарища, и вот втроем, в превеликой спешке, следуем мы обратно в гостиницу. Я ведь и предположить не мог, что обед наш продлится до девяти часов вечера, а потому не предпринял заранее никаких приготовлений к отъезду. Г-н Майер, знакомый с сибирскими обычаями, оказался мудрее. У него все готово, так что он может уже немедленно отправляться на пароход. За ним неотступно следует его новый товарищ. Что до меня, то мне еще нужно собрать вещи, уложить чемоданы и привести в порядок записи. Я прибываю на пароход лишь около полуночи. На борту уже довольно народу. В маленьком салоне первого класса, на палубе, я замечаю среди других пассажиров двух новоиспеченных друзей, усевшихся за столом, на котором расставлена целая батарея бутылок. Престарелый наш собутыльник был сильно пьян: когда на заре подали сигнал к отправлению, мы лишь с большим трудом смогли разъяснить ему, что настало время вернуться в город.

День был утомительный и всем для меня непривычный; но я ничуть о том не жалею: ведь мне довелось наблюдать воочию частную жизнь самого богатого и уважаемого тюменского промышленника. Благодаря его поистине раблезианскому гостеприимству, я имею теперь возможность показать читателю эту прелюбопытную сторону сибирской жизни.

10.

[1881, лето] *Виташевский Н. По Владимирке* // Наша страна: ист. сб. (ранее — журнал «Былое»). СПб., 1907. № 1. С. 377–378, 382–384.

Одесит Николай Алексеевич Виташевский (1857–1918) в 1878 г. был арестован и предан суду за участие в противоправительственном кружке и вооруженное сопротивление. Был приговорен к четырем годам каторги. В начале своего сибирского путешествия находился в Мценской тюрьме. В его очерке 1907 г. в общих чертах намечен следующий маршрут движения его партии: сначала поездом — Мценск—Москва—Нижний Новгород; затем на барже по Волге и Каме до Перми; затем снова поездом в Екатеринбург и оттуда на тройках в Тюмень. Именно с Тюмени, по утверждению В. (с. 383 цит. ист.), начинается настоящий этапный путь, настоящая «Владимирка». Обстоятельства того же пути в тот же период описаны В. Бухом (см. ниже), который следовал в одной из соседних партий.

Да, когда партия централистов вместе с присоединенными к ней отдельными лицами и другими партиями шла в Сибирь, то она шла именно «по Владимирке».

Это было в 1881 г. Железная дорога была проведена только до Екатеринбурга. Правда, от этого города до Тюмени нас везли, как политических: на лихих тройках, с жандармами. Но начиная с Тюмени и до самой Кары партия шла хотя и отдельно от уголовных арестантов, но как обыкновенная партия поселенцев и каторжан: до Томска — на барже, от Томска (в тексте «от Тюмени», т.е. явная опечатка — **Ф.К.**) до Иркутска — так называемым «пеше-этапным» порядком, т.е. от этапа до этапа пешком, в кандалах (кроме, конечно, слабых и женщин, для которых и среди уголовных полагаются подводы). От Иркутска до Кары партия шла также обычным порядком...

[Сообщаются личные обстоятельства пути Н. Виташевского]

Да и вообще в описываемое время, т.е. ровно 25 лет назад, так называемый Сибирский тракт был еще в полной неприкосновенности. Полотно дороги поддерживалось в исправности, почтовые станции и этапы содержались аккуратно, почтовые лошади, телеги, сбруя отвечали требованию закона (конечно, все это — в пределах, доступных административному управлению. — *Прим. авт.*), по тракту в ту и другую сторону двигались бесконечные обозы, а за ними — «подрезчики» клади, т.е. грабители, тянулись на восток (редко на запад) вереницы арестантских партий. Жизнь при трактовых селениях отвечала требованиям времени. Всюду существовали «дворники» — содержатели дворов для останковки обозов, все жители селения — поголовно «дружки», т.е. люди, занимающиеся перевозкою пассажиров. Дело в том, что на «дружках» часто было удобнее ехать, чем на почтовых. Во-первых, по тогдашним законам с почтовых станций выдавали лошадей

только тем, кто мог предъявить «подорожную», — бумагу, которая выдавалась из казначейства за особую плату. Во-вторых, на почтовых иногда обходилось дороже. В-третьих, иногда лошади на станциях бывали в разгоне, и приходилось ждать, чего не могло быть, если едешь на «дружках». Во всяком случае, ехать на «дружках» значило: вы нанимаете крестьянина, у которого обыкновенно и экипаж, и сбруя, и кони ничуть не хуже, чем на почтовой станции, и он везет вас на следующий почтовый пункт к своему «дружку», который, в свою очередь, повторяет ту же историю. В избе у «дружка» вы, конечно, также во всякое время можете достать и самовар, и всякой снеди.

И жизнь сибирских городов вполне соответствовала условиям времени. В сфере торгово-промышленных отношений громадную роль играли ярмарки. Горожане презирали расстояние и время: для красноярца и иркутянина ничего не стоило съездить в Москву, хотя это отнимало массу времени и средств. Каждый сибирский городок сам себе довлел и, благодаря своей изолированности от остального мира, даже мира сибирского, являлся вместилищем и торговли, и промышленности, и бедности, и богатства, и благотворительности, и интеллигентности, и научных сил, и — почти неограниченной административной власти. Если можно так выразиться, в культурно-духовно-общественном смысле каждый город вел «натуральное хозяйство». И потому тогда жизнь в Сибири представляла исключительно своеобразный интерес: чувствовал себя, как в отдельном независимом, законченном миреке (sic! — **Ф.К.**)

[Путешествие по Европейской России. Мценск, Москва, Нижний Новгород. История Д. и В.П. Рогачевых. Путешествие на барже. Пение. «Хорошо и привольно жилось нам на барже, — это я прекрасно помню, но должен при этом сознаться, что сама окружающая природа не производила на меня особенно глубокого впечатления. По крайней мере, в моей памяти [не] сохранились картины, открывавшиеся перед нашим взором, когда мы плыли на барже, и не могу воскресить их в себе теперь даже при чтении описаний реки. Но я никак не соглашусь отнести это на счет своей неспособности поддаваться обаянию природы» (с. 382 цит. ист.)]

Так ехали мы, ехали — и очутились в Перми.

Здесь опять пересели мы на поезд, который и доставил нас в Екатеринбург.

От Екатеринбурга нам уже пришлось ехать «серьезнее». Здесь прожили несколько дней (3–4 дня) и успели отдохнуть и подготовиться к путешествию на лошадях.

Наконец, рано утром к тюрьме подскочила масса троек. Мы стали усаживаться. Ямщики едва сдерживали лошадей, и, как только дан был сигнал, они сорвались с места. Было что-то гомерическое в этой бешеной скачке.

Как кажется начальство опасалось, что именно между Екатеринбургом и Тюменью будет сделана попытка к освобождению кое-кого

Тарантас

Ил. из книги Г. Каню "A travers le Royaume de Tamerlan
(Asie Centrale)" (Paris, 1892).

из нас. Вероятно, припоминалась попытка освободить Войнаральского, когда его везли в централку, попытки Мышкина к побегу из централки и другие случаи. По крайней мере, наш Василий Иванович (жандармский офицер, сопровождавший партию Виташевского. — **Ф.К.**), ехавший сзади, всегда привставал в экипаже, чуть заметит что-нибудь по дороге впереди нашего поезда, а при малейшем замедлении движения то и дело покрикивал: «Пашшол!.. па-ашшол!». И ямщики гнали... Но зато и остановки на переездах между станциями очень часто происходили от быстрой езды. Сбруя и тарантасы были прочны; лошади сдавали. И не было, кажется, ни одного переезда, чтобы не приходилось отстегивать выбившуюся из сил, загнанную лошадь. Раз, помню, в моей тройке случилось что-то с коренником, и по этому случаю ему, по общему мнению ямщиков, надо было проколоть хотя бы гвоздем переносицу: но Василий Иванович был против всякой траты времени. Тогда ямщик натянул вожжи от коренника, не давая ему прыти, и мы так доехали до станции на пристяжных.

Бешеная скачка эта продолжалась вплоть до Тюмени. Тут, после неизбежной остановки в тюрьме на 2–3 дня, мы пересели опять на баржу, которая должна была доставить нас в Томск.

В Тюмени находилась в это время так называемая «экспедиция о ссыльных», и настоящий этапный путь, настоящая «Владимирка»,

начинается именно от Тюмени. Участок от Тюмени до Красноярска находится в ведении инспектора, полк[овника] Виноградова. И здесь наша партия очутилась, так сказать, под началом двух начал: жандармского и этапного. Дальше жандармам, с тем же Василием Ивановичем во главе, принадлежало только специальное наблюдение за нами, как за политическими; но как партия ссыльных наша партия была во всех отношениях подчинена этапному начальству.

И вот, полк[овник] Виноградов, «принимая» нашу партию в Тюмени, первым делом обратил внимание на существенное «упущение»: из лишенных прав оказались закованными только непривилегированные поселенцы и те каторжане, кто находился еще в разряде «испытываемых», — в то время как «по закону» все каторжане, как испытываемые, так и исправляющиеся, и все поселенцы должны по этапу «следовать» в ножных кандалах. Натурально, нас, рабов божиих, заковали...

Само по себе это не вызвало с нашей стороны протеста. Но кандалы в совокупности с другими, более мелкими притеснениями возбудили среди нас волнение. И когда мы были уже на барже, и публика наша волновалась, то Мышкин, стоя у самой решетки, с лицом, обращенным к толпившейся на берегу публике, внезапно вскрикнул: «Душат, душат нас!» Впрочем, ни до чего серьезного дело не дошло.

И вот поплыли мы опять. От этого путешествия по Оби и до Томска у меня никаких воспоминаний не сохранилось, — за исключением разве того, что публика упрощенным способом стирала белье; опустит ношенное белье на веревке в воду, оно плывет за баржей, — и через сутки белье превращается в белоснежное. Смутно припоминаю также, что от шнырявших по реке остяков мы не раз покупали рыбу.

11.

[1881, лето] *Бух Н. На Кару* // Каторга и Ссылка. Москва, 1934. Кн. 4 (113). С. 85–86.

Николай Константинович Бух (1853 — после 1934). Народник, член ЦК «Народной воли», арестован 17 января 1880 г., осужден в октябре 1880 г. по процессу «16-ти» и сослан на Карийские рудники. Путь на каторгу Б. проделал в летнюю навигацию 1881 г. обычным маршрутом: сначала нижегородским пароходом в Пермь, а затем поездом до Екатеринбургa. До Тюмени Б. добирался на тех же тройках, что Н. Виташевский.

В тот же день (по прибытии в Екатеринбург. — Ф.К.), если не ошибаюсь, нам подали тройки, запряженные в кибитки, и мы покатили в Тюмень. В каждую из кибиток были посажены один арестант, рядом с ним жандарм и два конвойных солдата с винтовками, сидевшие по обе стороны у наших колен, опираясь ногами на железные ступеньки, ведущие в экипаж. Как скоро обнаружилось, вслед за нами ехали и наши спутники из вышневолоцкой пересыльной тюрьмы. Их

везли в таких же кибитках, но по два человека на экипаж и с меньшим конвоем. Из Екатеринбурга под наблюдением нашего жандармского офицера мы выехали в строгом порядке: впереди — каторжане, на большом расстоянии от них — ссыльные. Но тройки были разной силы, каждый из ямщиков стремился возможно скорее отбыть свой урок, да и любили они похвастать быстротой своих лошадей, посоревноваться друг с другом, а потому установленный порядок был нарушен, и таинственные спутники наши скоро были нами выявлены. На одной из станций, к моему удивлению и восхищению, догнал меня Карпов, с которым в последний раз я виделся в знаменательный момент нашей жизни, когда мы в качестве конвойных провожали Веру Засулич из Эртелева переулка на Невский, в дом Веймара. С ними ехал какой-то молодой человек и два конвойных солдата. Мы вышли из наших кибиток и, в ожидании свежих лошадей и экипажей, разговорились.

[Беседа об осужденных и подвергнутых казни товарищах]

Конвойные не мешали нам переговариваться, не вмешивался в наш разговор и сопровождавший меня жандарм. Среди жандармской команды авторитет их молодого начальника был сильно подорван его нелепыми распоряжениями и его «задавательским» отношением и к ним, и к нам. Начальник этот метался теперь вдоль нашего каравана, как курица за разбежавшимися цыплятами, опасаясь, очевидно, нас растерять. Но сколько он ни кричал и на ямщиков, и на конвой, и на своих жандармов, — порядка ему установить не удалось. Ямщики даже устроили против него словно заговор, — их забавлял его гнев.

Вот и Тюмень, маленький грязный городишка. Нас высадили у какого-то небольшого низенького деревянного здания. Скоро собрались в нем, один за другим проходя мимо нас, 4–5 чиновников чисто гоголевского типа. Это была комиссия по приему арестантов, направляющихся в Сибирь. По одному вводили нас в низенькую тесную комнатку пред лицо этих допотопных царских слуг. Они проверяли нас по статейным спискам и бесстрастно заносили сведения о нас в свои толстые книги.

Пройдя это чистилище, мы, семь каторжан, окруженные конвойной командой, громыхая кандалами, двинулись к речке Туре, к поджидавшей нас там арестантской барже. Эта баржа по внешнему виду и по условиям поездки на ней так близко напоминала наш переезд по Волге-Каме, что эти два путешествия почти полностью слились в моей памяти в одну картину. Резкая разница заключалась лишь в тех ландшафтах, которые теперь разворачивались во время наших прогулок и перед нашим окном.

Гористая и даже холмистая местность встречалась редко. Помню одну печально-пустынную вершину с обгоревшими соснами на ней.

Обычно берега были низкие. Реки были в разливе, берега в ту и другую сторону еле чернели полосой своих лесов. Как-то, при крутом повороте баржи, мы наблюдали дивную картину. Заходящее солнце, погружаясь в бесконечную водную даль, посылало к нам свои прощальные лучи сквозь многочисленные мелкие островки, покрытые зелено-низкорослым кустарником. Из населенных местностей, столь редких в этом крае, нам удалось увидеть Тобольск с его белыми церквями и рядами каменных двухэтажных домов, приятно поразивших нас среди этой пустыни.

12.

[1882, август] *Buel J. W. Russian Nihilism and Exile Life in Siberia: A Graphic and Chronological History of Russia's Bloody Nemesis, and a Description of Exile Life in All Its True and Horrifying Phases, Giving the Result of a Tour through Russia and Siberia made by the author.* Philadelphia, 1891. P. 259–272.

Джеймс Вильям Буэл (James William Buel, 1849–1920). Американский беллетрист, редактор и издатель, автор ряда компиляций и оригинальных путевых описаний, посвященных путешествиям по всему миру. Путешествие Буэла по Сибири относится к 1882 г. 12 августа этого года он отправился из Москвы в Нижний Новгород в компании капитана Спайсера (Spicer) и переводчика по фамилии Смит, затем ехал обычным путем через Казань—Пермь—Екатеринбург. Путешествие от Москвы до Перми заняло у него ровно неделю, из Перми до Екатеринбурга — примерно сутки.

Посетив в Екатеринбурге малахитовые шахты, я приказал моему проводнику нанять экипаж, который бы доставил нас в Тюмень, следующую пункт моего путешествия. Проводник некоторое время отсутствовал, а затем явился и поведал мне, что для получения экипажа необходимо сначала показать местным властям мое особое разрешение (special permit). До сих пор было достаточно моего обычного паспорта, но теперь потребовался этот документ, выданный мне в Санкт-Петербурге. Поскольку документ был составлен по-русски (а в языке этом я был невежественен, как в иероглифах Хеопса), то я и не догадывался, что в нем написано. Мой проводник, умевший говорить, но не умеющий читать по-русски, отдал бумагу чиновнику, и тот рассказал нам, что это подорожная, т.е. правительственный пропуск, разрешающий свободный проезд в Сибирь и обратно, а также содержащий обращенное ко всем станционным зрителям предписание всячески содействовать мне в моем путешествии, предоставляя в мое распоряжение все средства передвижения, какие я пожелаю. Теперь мы хорошо понимали, что нужно делать, и к вечеру наняли тарантас и ямщика для нашего дальнейшего путешествия; тарантас — это низко посаженный, словно фаэтон, четырехколесный

экипаж, покрытый сверху большим кожухом, который можно поднимать и опускать в зависимости от вашего желания.

[Описание повозки. Отправление в путь]

Я ангажировал все это оборудование, рассчитывая, что мы отправимся в Тюмень на следующее утро, но такой план не устраивал ни его владельца, ни возницу, который настаивал на немедленном отправлении или же оплате потерянного им времени. Было почти восемь, но поскольку капитан Спайсер, все еще сопровождавший меня, принял предложение выехать в столь неурочный час безо всяких колебаний, то мы собрались и заняли свои места в экипаже. Наш проводник уселся позади ямщика, а мы со Спайсером поместились внутри, на большом сиденье. Перед отправлением мы договорились, что будем платить за ямщика и багаж по два цента за версту (три цента за милю). Предполагалось, что это было довольно дешево.

Солнце уже опустилось за холмы Урала — только так их и можно называть, — когда, под шелканье кнута, сопровождавшееся выражениями, которые понимают только сибирские лошади, взметая клубы пыли, мы стремительно пронеслись через город и выехали на простор чудесной страны. Я не мог прийти в нормальное расположение духа, ведь все казалось мне таким странным. В моем воображении невольно возникали видения встававших на нашем пути диких татарских орд, ведомых неким современным Чингис-Ханом; каждый незнакомый звук поражал мое ухо, словно лай голодного волка, созывающего свою стаю, чтобы броситься в погоню.

Мы мчались быстрым галопом, ни на мгновение не сбавляя темпа. Никто не попался нам на нашем пути, мы не видели ни одного приятного ландшафта, способного избавить нас от того, что приходило на ум, — повсюду лишь плоская, бесконечная ширь прерии; ни ферм, ни собачьего лая, ни мычания коров, ни свиного визга; голоса природы были столь же немые, как песни мертвых. Так мы ехали более двух часов, и наконец, в дунном свете, хлынувшем на землю сквозь разрыв облаков, мы увидели впереди очертания дома. Это была первая почтовая станция после Екатеринбурга; наш ямщик стремительно въехал во двор и закричал «стой!» своим лошадям. Остановка наша была столь внезапна, что мы с моим компаньоном едва не ударились о сиденье возницы.

Там мы не задержались, лишь сменили лошадей и выпили по стакану чая. В связи с этим я должен отметить, что нигде в мире нет такого чая, как в России или Сибири. Мне довелось пробовать этот чудесный напиток почти во всех частях света, включая Сан-Франциско, где я наслаждался им в китайском ресторане. Однако, по моему мнению, китайский чай хуже, в то время как русские готовят самый лучший чай, какой только можно сыскать в целом мире. Пре-

восходство чая, который готовится в России, отчасти, если не полностью, связано с тем фактом, что чай, перевозимый по морю, теряет большую часть своего аромата и характерного вкуса. Весь чай, потребляемый в России, привозится по суше из китайских провинций.

[Чай в России. Перевозка. Самовары. Чай — национальный напиток, как и водка]

Спустя полчаса мы были приглашены снова занять места в повозке. Наш ямщик весело взмахнул кнутом над головами взволнованных лошадей, и они пустились в такую скачку, что у нас сначала захватило дух.

Была уже почти полночь, но на небе все еще виднелись последние серые отблески дня и яркий свет благородной луны. На широте, где мы путешествовали, в это время года не бывает настоящей ночи. Постоянная тряска, которой я подвергался на протяжении нескольких часов, утомила меня, веки мои слипались, но каждый раз, когда я, заняв весьма скованное положение, начинал дремать, наш возница вдруг наезжал на какую-то преграду. Я летел, с силою врежаясь в своего спутника, а в иное время он врезался в меня — словом, чтобы не вышибить друг другу мозги, нам приходилось бодрствовать.

Эта стремительная, суматошная, дерганая и неудобная езда продолжалась сорок один час. Каждые два часа мы меняли лошадей и наконец достигли Тюмени, расположенной в 205 верстах от Екатеринбурга. Я был избит, измучен, члены мои затекли до такой степени, что я чувствовал себя факиром, который, во искупление некоего воображаемого греха, принял одну позу и сидел в ней, пока его руки и ноги не отказались ему повиноваться. Вот первое, чего я пожелал по приезде, одним списком: ванна, горчичники для моей спины и коленей, холодная вода для питья. Кроме того, я сразу же пожелал узнать, как вернуться обратно в Екатеринбург, не прибегая к способу передвижения, описанному выше.

К счастью, мы прибыли вскоре после полудня, и обед был готов; первым делом мне пришлось заняться мышцами моей спины — я хорошенечко размялся и наконец смог разогнуться; после того я быстро умылся и затем с жадностью набросился на еду — черный хлеб с солью. В этой стране так принято. Столь скудная трапеза, несомненно, объясняется какими-то религиозными обычаями; мне трудно представить себе, что что-то еще может быть причиной таких ограничений в еде. Как бы то ни было, чай с черным хлебом, который перед едой посыпают обыкновенно толстым слоем соли, составляют единственную диету настоящего сибиряка. После уговоров и обещания большой награды мне удалось добыть кусок бифштекса. Это был самый сочный и нежный бифштекс из всех, какие мне доводилось когда-нибудь пробовать. Удивительно, почему же тогда они обычно

довольствуются столь ограниченным рационом? Мое изумление только увеличилось, когда я узнал, что цена этого бифштекса — всего четыре цента за фунт, а рыба стоит еще дешевле. Земледелие в Сибири развито слабо (*there is very little agriculture in Siberia*), основные занятия здесь — горное дело, содержание гостиниц, рыболовство и скотоводство. По всей стране перегоняются огромные стада лошадей и коров. Эта собственность скотовладельцев предназначается в основном на экспорт и почти не имеет местного употребления.

Я был настолько измотан, что сразу же после обеда велел показать мне постель, в которой затем нашли упокоение мои усталые тело и душа. После двухчасового отдыха, пребывая все еще в состоянии весьма измученном, я все же решил не тратить понапрасну драгоценного времени, поднялся, выпил еще стакан чая и отправился в город собирать сведения.

Тюмень расположена на реке Туре, которая посредством Тобола соединяется с Иртышом и Обью. Именно отсюда начинается пароходное сообщение по этим рекам до городов Тобольска, Омска и Томска. Каждую весну город подвергается значительным наводнениям; сломанный лед, скапливаясь под мостом, иногда служит причиной затопления всего города. Население города — 16 000 человек. Промышленность его составляют железоделательные, гончарные, стекольные, текстильные, ковровые и кожевенные фабрики. Тем не менее дома в городе в основном деревянные, и самый облик города тосклив и невзрачен. В одном отношении город этот является самым важным городом Западной Сибири — именно в нем арестанты распределяются по тюремным поселениям и рудникам, находящимся далеко на востоке. В городе есть здание образовательного учреждения, которое обошлось в 100 000 долларов. Это красивейшее здание во всей Сибири. Особенно важно отметить, что это учреждение было возведено человеком, который начинал с нуля, но весьма преуспел в Сибири и преподнес это здание правительству; другой любопытный факт — это здание, также как и усадьба самого благотворителя, обставлено американской мебелью.

В Тюмени я повстречал американского джентльмена, который любезно представил меня городскому голове (*Governor*) и некоторым другим чиновникам. Нам удалось пообщаться достаточно близко. Я объявил им цели моего визита и получил те сведения, в которых нуждался.

Вот что ответил голова на мой вопрос, касающийся происхождения сибирской ссылки:

[Продолжительный экскурс в историю ссылки со времен Бориса Годунова. Устройство сибирской ссылки. Категории ссылных. Число ссылных. Маршрут, которым партии следуют в Сибирь]

Тарангас

Ил. из книги Г. Лансделла "Through Siberia" (Boston, 1882)

Голова поведал мне, что на следующее утро партия из трехсот заключенных должна будет покинуть тюрьму, чтобы отправиться в Читу, место ссылки, расположенное в Забайкалье. На следующий день был сильный дождь, но представление должно было состояться при любой погоде (the elements were not permitted to interfere with the programme). Полсотни конвойных солдат шагали в две шеренги, между ними шли ссыльные, позади — рыдавшие женщины и большое число зевак. За городом солдат ждали лошади, а несчастных заключенных — нелегкое пешее путешествие. Примерно треть из них была закована в тяжелые цепи, обхватывавшие лодыжки и запястья. Глядя на это зрелище, я был растроган почти до слез — каждый этап его был невыразимо печальным.

Я остался в Тюмени еще на один день, чтобы собрать некоторые дополнительные сведения и дожидаться, когда погода улучшится. Капитан Спайсер собирался сначала оставить меня здесь и отправиться на тарангас на север, но затем решил сопровождать меня до Тобольска. В Тобольске он намеревался сесть на иргышский пароход и отправиться к Обской губе, где должно было начаться его путешествие по сибирскому побережью до Камчатки.

13.

[1882, август] *Lansdell H. Russian Central Asia, Including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv.* Boston: Houghton, Mifflin, and C^o, 1885. Vol. I. P. 27–28.

Генри Ланселл (Henry Lansdell, 1841–1919) — англиканский священник, миссионер, путешественник, тюрьмовед, член британского Королевского географического общества, активист Британского и международного Библиейского общества (British and Foreign Bible Society), впервые оказался в Сибири в 1879 г. Задачей экспедиции, которую Л. предпринял как частное лицо при поддержке протестантских обществ и благотворителей, был объезд сибирских тюрем и исправительных учреждений, которые интересовали Л. с религиозной и филантропической точки зрения. Благотворительный проект Л. представлял собой прежде всего кампанию по распространению среди ссыльных и арестантов христианской литературы: за время своего путешествия 1879 г. он распространил по тюрьмам Сибири свыше 50 000 экземпляров христианской литературы. В 1882 г. Л. вернулся в Российскую империю, чтобы организовать распространение христианской литературы в ее среднеазиатских владениях. Для того чтобы отправиться в Азию, предпочтительнее было вовсе необязательно заезжать в Тюмень, поскольку из Москвы он мог бы отправиться по железной дороге до Оренбурга, а затем через Омск и Семипалатинск прямо в Ташкент, но, как он отмечал в своей книге, у него существовали также некоторые «планы относительно [сибирских] ссыльных». Поэтому Л. избрал из пяти возможных вариантов маршрута тот, что был связан с посещением Тюмени (Н. Новгород — Пермь — Тюмень — Семипалатинск). 26 июня Л. покинул Лондон, 11 июля оставил Санкт-Петербург, 29 июля прибыл в Пермь. 30 июля Л. последовал с грузом литературы религиозного содержания в Екатеринбург по Горнозаводской дороге, но был задержан жандармами на станции Чусовая по подозрению в хранении и перевозке прокламаций (р. 20–25). В Тюмени Л. пробыл неделю, с 4 по 10 августа 1882 г., занимаясь вопросами устройства дальнейшего распространения религиозных книг среди сибирских ссыльных, осматривая достопримечательности и общаясь с городскими нобилями (р. 26–33). Из Тюмени Ланселл отправился на небольшом пароходе «Капитан». На Тоболе (видимо, в Иевлевой) Л. пересел на «Сарапулец». В ночь на 16 августа пароход достиг Тары, 17 августа прибыл в Омск.

В этом городе мне было очень приятно возобновить связи, завязавшиеся тремя годами ранее, прежде всего с английским семейством Вардропперов и с мистером Игнатовым, на которого возложена обязанность доставки по воде ссыльных в Омск и солдат в Семипалатинск <...> я с благодарностью оставил изрядное количество книг в Тюмени, найдя, что мои друзья будут вольны сделать с ними все, что будет возможно и законно.

14.

[1882, сентябрь] *Левитов И.С. От Москвы до Томска* // Русская мысль. 1883. Кн. 7. С. 12 (Екатеринбург)–18 (Иевлево) [2 паг.].

Илья Семенович Левитов (1850–1918?) – российский журналист и этнограф. Путешествие Л., предпринятое в целях исследования переселенческого вопроса, началось 22 августа 1882 г. С 23 по 25 августа Л. был в Нижнем Новгороде, затем последовала поездка по Волге и Каме на пароходе «Фабрикант» товарищества Курбатова и Игнатовых. В Пермь Л. прибыл 31 августа, в Екатеринбург – 3 сентября. Путешествие на лошадях по тракту. Тюмень (9 сентября). Описание промышленности (кожевенный завод Колмогорова, судостроительный Жабьинский завод Курбатова и Игнатова, ковровое производство), пристань, посадка переселенцев на пароходы.

От Екатеринбурга до Тюмени (расстояние в 306 верст) нам пришлось тащиться на лошадях.

Почтовый тракт отдан некоему г. Михайлову, живущему в Петербурге. Плата за прогоны взимается по 4 коп. с лошади и версты, меж тем как цена по всей Западной Сибири за версту 1 $\frac{1}{2}$ коп. Монополия эта тем более странная, что г. Михайлов нанимает лошадей для проезжих у крестьян, живущих в этих селах и получающих от него все натурой, вследствие чего последние и находятся у него в неоплаченном долгу. За проходную телегу, т.е. такую, которая доходит прямо до Тюмени, г. Михайлов берет отдельно 12 руб. Телеги эти чрезвычайно неудобны по причине большой тряски.

К переселенцам Рязанской губернии присоединились в Екатеринбурге еще некоторые из Тамбовской и Владимирской губерний и наняли пять одноконных подвод по 40 коп. с пуда. Весу со всеми их пожитками оказалось 135 пудов, так что им пришлось всего заплатить 54 руб., а нанимая особые подводы у возчиков, которые требовали с них по 14 руб., им бы пришлось уплатить 70 руб. Самое интересное — это картина взвешивания. Жаль, что я не записал все остроты.

Только что выехал я с поручиком Айдаровым из Екатеринбурга, как навстречу нам попались пять троек с политическими преступниками, которых везли в Петербург с какой-то железной тачкой из рудников. Они промелькнули так быстро, что разглядеть возможно было только жандармов, сидевших на облучке против преступников.

На станцию Белоярскую (вторая почтовая станция от Екатеринбурга) прибыли мы в час ночи. Здесь встретили мы экипаж прибравшегося обратно в Америку парохода «Роджерс». Экипаж отправился спасти несчастную «Жанетту», но так как пароход «Роджерс» сгорел, то экипаж оставался около семи месяцев между чукчами, добрался до Якутска, откуда и следует теперь чрез Россию домой. В команде экипажа находится только один спасшийся от «Жанетты», он оставался с той партией, которой удалось спастись, а другая погибла. Металлические гробы, назначенные для отправки останков, найденных спустя некоторое время на берегах Лены, на родину, в Америку, находятся уже в Екатеринбурге. Позднее время и плохой

переводчик, которого экипаж возил с собою, не дали возможности поговорить с ним как следует.

Мы выехали со станции очень поздно, при облачном небе, в темную, безлунную ночь, под мелким дождем. Едва успели отъехать какие-нибудь семь верст, как ямщик заснул, завез нас в канаву и чуть-чуть не опрокинул. Схватив его за пояс, я дал ему два пинка, что заставило его осадить лошадей, повернуть назад и одуматься немного, прибавив: «Нет, барин, бить таперича уже нас нельзя. Эй, староста?..»

Из-под навеса хижины, расположенной вблизи села, выглянул мужик, с которым он начал советоваться, что с нами делать. Они порешили, что нас следует везти обратно в деревню и общим сходом решить, как с нами поступить. Делать было нечего, пришлось только лежать в повозке и ждать страшного суда. Привезши нас обратно в деревню Белоярскую, ямщик разбудил старосту, смотрителя и других. В то время как они советовались, что с нами делать, я разузнал, что в селе главное лицо — пристав. Разбудив его, я обратился к нему с просьбой о содействии, показав в то же время свои документы и бумагу, выданную мне от члена археологического общества г. Павлинова, в которой он просит содействия по собиранию материалов для древнерусского искусства. Этого было достаточно, чтобы пристав сделал немедленно все зависящее от него распоряжения. Выскочивший жандарм разогнал сход, вместо старого ямщика нам посадили самого хозяина, собственника лошадей, и вместо двух лошадей, за прогоны которых было заплачено, нам дали до Тюмени по тройке.

Деревни, попадающиеся по дороге до Тюмени, очень большие, тянутся иногда на несколько верст. Постройки по чистоте во многом отличаются от простых крестьянских изб Европейской России. Крестьяне живут гораздо лучше и зажиточнее.

Мы доехали до сибирской границы, или черты, разделяющей Пермскую и Тобольскую губернии, на 69 версте от Тюмени, часам к 9 утра. Скромный памятник из кирпича с гербами двух смежных губерний украшает эту границу. С помощью ямщика мне удалось добраться до него и прочесть некоторые надписи. 9 сентября в 4 часа дня мы приехали в Тюмень.

Тюмень (ворота Сибири) представляет собой важный пункт в торговой, промышленной и заводской деятельности края. Как торговый город, стоящий на Туре, он привлекает, в особенности летом, массу народу — как промышленников, так и рабочих. Город служит вместе с тем местом распределения ссыльных по Сибири. Сюда стекаются со всех концов Европейской России подонки русского общества, около 12 000 человек, откуда они препровождаются по Туре, Тоболу, Иртышу и Оби в Томск. Их везут исключительно на баржах, буксируемых пароходами товарищества Курбатова и Игнатовых.

Пробыв несколько дней в Тюмени, мне удалось осмотреть главный и самый большой по производительности завод Колмогорова, обработка кож которого доходит до полутора миллиона рублей в год. Несмотря на такую производительность, заводчик не находит выгодным обрабатывать сырые произведения машинным способом — вся работа ручная. Масса кожевенных заводов, числом до 100, находящихся в городе и расположенных на Туре, делают пользование водой реки Туры абсолютно вредным для жителей. Мытье такого громадного количества кож остается небезнаказанным для тюменских граждан, так как эпидемические болезни вроде холеры, тифа и многих других кожных болезней — обыкновенные явления в Тюмени, а правительственное распоряжение о сношении заводов и удалении их из города остается пока только на бумаге.

Единственный завод в городе, поставленный на европейскую ногу, это так называемый Жабынский механический завод Курбатова и Игнатовых, где строятся исключительно пароходы, баржи и т.п. Несмотря на препятствия, с которыми приходилось бороться основателю этой фирмы, покойному Колчину, дело, попавшее в руки энергичных и дельных людей, не пропало даром, и фирме этой предстоит в недалеком времени блестящая будущность, не говоря уже о широко развитой ею деятельности в настоящее время. Товарищество пароходства Курбатова и Игнатовых берет за провоз товаров по рекам Западной Сибири почти вдвое дороже против всех остальных пароходоладельцев, но тем не менее торговцы охотно ведут дела с товариществом Курбатова и Игнатовых, так как они считают тогда свои товары как бы застрахованными. Товарищество это было первым пионером по развитию пароходства на реках Западной Сибири, исследовав и очистив от карчей обширный бассейн Оби и все его притоки; оно пользуется большим почетом и доверием в Западной Сибири. Дело это с каждым годом будет расширяться все больше и больше, так как сибирские богатства, состоящие только из сырья и минеральных богатств, нуждаются главным образом в перевозке и удобных путях сообщения. Ни одна из проектированных сибирских железных дорог не может мешать развитию пароходства по рекам Западной Сибири, — напротив, вызовет только усиленную деятельность последних. Проведение ветви железной дороги Екатеринбург—Тюмень в нынешнем году как соединение двух великих бассейнов Волги и Оби даст работу всем пароходоладельцам. Эта ветвь для Сибири важнее Сибирской железной дороги, так как с устройством последней еще неизвестно, какого рода товары в состоянии будут дать ей возможность конкурировать с путем водных бассейнов.

В Тюмени бросается в глаза одно важное кустарное производство — ковровое. Тюменские ковры, которые уже в настоящее время приоб-

рели себе известность по всей Сибири и даже в Европейской России, ждут только энергичных рук для распространения их не только в пределах России, но далеко за ее границы, ибо шерсть, которая массами отправляется из сибирских степей, будучи обработана на месте, даст несомненный барыш предпринимателям. Важный недостаток в коврах — бросающееся сильно в глаза отсутствие рисунка, объясняется это тем, что производство находится в руках у кустарей.

Тюмень, составляя, как мы видели, важный центр, чрез который проходит весь сибирский транзит, равно как арестанты и переселенцы, нуждается в устройстве лазарета и хороших летних барачков для подания первой необходимой помощи заболевшим. Отсутствие медицинской помощи чувствуется в Тюмени на каждом шагу, а в особенности тем бездомным людом, который известен под названием бродяг, рабочих и несчастных переселенцев. Устройство конторы для справок переселенцам принесло бы громадную пользу последним. Правительство должно принять некоторые меры к упорядочению переселенческого движения и с этою целью учредить в Тюмени переселенческую контору с целью оказать переселенцам посильную помощь в снабжении их необходимыми сведениями по отысканию годных для поселения земель, в посредничестве между переселенцами, томской казенною палатой и алтайским горным правлением и в оказании материальных пособий в случае болезни и других несчастий. Цель учреждения конторы должна состоять в выдаче обращающимся в ней справок об участках земли, назначенной под поселения, о ценах ее, качествах почвы, местных хозяйственных условиях и об удобнейших маршрутах для движения переселенцев.

[О переселенческом вопросе в Тюмени]

На пристани шла усиленная деятельность по перевозке клади на готовившийся к отъезду пароход. Женщины и мужчины с различными припасами весело предлагали их отъезжающим пассажирам. Тюмень как портовый город сильно развил класс проституток; они-то главным образом и торгуют на пристанях.

— Эй, Ванюха! — крикнула торговка с чувственными губами здоровенному парню, уходившему домой. — Приходи-ка вечерком по-сигарить.

— Чего вы, черти, собрались сюда! — крикнул голос, точно из подземелья, г. Смагина, управляющего товариществом.

Все служащие встрепенулись, услышав этот знакомый им голос, похожий на раскат грома в степи.

Я прошелся несколько раз по городу, осмотрел все то, что можно было увидеть, и распрощался с некоторыми обывателями, с которыми успел познакомиться за это время.

Общество в Тюмени было тогда сильно взволновано скандалом, происшедшим в клубе. Факт этот характеризует особые нравы честолюбивых тюменцев. Из числа членов клуба был исключен г. Б... за то, что был обруган неким антрепренером из Томска, греком Анастопуло, и так как г. Б... не подал заявления в клуб о нанесенной ему обиде, то представители местной интеллигенции сочли и себя обиженными и исключили г. Б... Этот факт сильно волновал тогда общественное мнение и везде трактовали о нем.

15.

[1883, июль] *Белокопский И.П.* **По тюрьмам и этапам. Очерки тюремной жизни и путевые заметки от Москвы до Красноярска.** Орел, 1887. С. 95–128.

Иван Петрович Белокопский (1855–1931), народник. В книге 1887 г. описывается опыт его ссылки в Восточную Сибирь. Из Москвы ссыльная партия поездом прибыла в Нижний Новгород, где была пересажена на баржу, которую буксировал пароход «Фабрикант» компании Курбатова и Игнатовых (с. 83–84). Описание тюремной баржи (с. 84–88). В Пермь пароход прибыл на шестой день после отправления из Нижнего Новгорода (27 июня, с. 92). Путешествие по Горнозаводской железной дороге (с. 94–96). Екатеринбург (с. 96–98). Из Екатеринбурга партия отправилась 3 июля и путешествовала до Тюмени четыре дня (с. 99, 104). Екатеринбургско-тюменский тракт. Езда на тройках. Маркова. Вступление в Сибирь. Тюмень. Тюменская тюрьма (с. 99–123). Путешествие из Тюмени в Томск на барже, буксируемой пароходом «Косаговский». Тобольск. Сургут. Нарым (с. 124–144).

16.

[1883, август] *Roussy A.* **Recits de voyage d'Albert Roussy en Sibirie.** Noël, 2001. 86 p. Электронный документ. Режим доступа: <http://www.cottier.org>. Последнее обращение 19.10.2009, ныне страница не обслуживается и доступа к файлу нет.

Альбер Русси (Albert Roussy, ?–?), в 1883–1886 гг. учитель в доме иркутского купца. В августе 1883 г., когда Р. отправился в Россию из Женевы, ему было 19 лет. В Нижнем Новгороде Р. был во время ярмарки, затем следовал обычным путем по реке через Казань и Пермь, поездом до Екатеринбурга, тарантасом до Тюмени и далее снова пароходом до Томска.

Дорога ужасная, никакой экипаж, кроме тарантаса, не может по ней проехать, и хотя начальник почтовой станции дал нам для этих 22 верст четыре лошади, мы продвигаемся вперед с большим трудом. В девять часов вечера мы наконец прибываем в Тюмень, в гостиницу Чеховича (Tchekovitch), где для нас были приготовлены две комнаты. Мерзкий дождь, я оконченел. Но вы ошибаетесь, если полагаете, что я имел возможность отдохнуть после этого на хорошей кровати. Моя

кровать — жесткий матрац на деревянной раме. Я также надел пальто, и завернувшись в одеяло, благодаря своей усталости наконец заснул.

Мы преодолели 330 километров за 35 часов, в течение которых, включая и время остановок, мы двигались в среднем со скоростью 10 километров в час. Я доволен первым опытом путешествия на тарантасе. Эта дорога обошлась нам в 20 рублей с каждого. Если вы хотите подробностей, я скажу вам, что каждая лошадь стоила три с половиной копейки за версту, а тарантас обошелся в 9 или 10 рублей. Но мы избавились от этой последней неприятности по причине высокого поста г-на Раевского, который одолжил казенную повозку. Кроме того, согласно обычаю несколько копеек вы должны дать каждому кучеру на чай.

Первое, что я предпринял: на следующий день после завтрака, пока г-н Раевский совершал визиты, я отправился посмотреть город.

Результат моих наблюдений далеко неутешителен для города. Дождь, может быть, еще больше добавил к моему неудовольствию. Улицы грязны, дома отвратительны. Единственное здание в городе — гимназия, постройка которого обошлась не менее чем в 500 000 франков, данных одним богатым кушом, который получил за этот великолепный подарок титул «наследственного почетного гражданина».

Город расположен на берегу реки Туры, воздымающемся над нею на 25 метров. Над городом возвышается пожарная каланча, рядом с ней расположен сарай, где постоянно стоят восемь насосов, запряженных тремя лошадьми; пожарные находятся поблизости от своих машин. Для этого деревянного города (*villes en bois*) таких предосторожностей, кажется, недостаточно.

Вечером, вернувшись в отель, я узнаю от г-на Раевского неприятную новость. Из-за недостатка уровня воды, пароход пойдет не из Тюмени, а из деревни Иевлево, расположенной в 107 верстах отсюда. У нас только десять часов, чтобы приготовить тарантас. Весь следующий день посвящен закупке сахара, сигарет, табака и т.д., поскольку до самого Тобольска не найдешь больше ничего сносного. В 11 часов г-н Раевский приглашает меня позавтракать у М.Ж., учителя рисования в гимназии; беседа происходит на немецком, в час наш хозяин говорит нам: «Auf wiedersehen!», когда мы покидаем Тюмень на нашем тарантасе.

17.

[1884, июнь] *Сорокин Н.В. В горах и долинах русского Тянь-Шаня // Исторический вестник. Т. XXIV. 1886. С. 363–364.*

Николай Васильевич Сорокин (1846–1909), русский ученый-миколог, ординарный профессор Казанского университета. Поездка С. 1884 г. была посвящена исследованию горной флоры Тянь-Шаня. С. выехал из Казани на пароходе «Иван» 1 июня 1884 г., далее двигался поездом до Екатеринбургa и

тарантасом до Тюмени, куда прибыл 7 июня. Из Тюмени С. немедленно отправился на пароходе «Сарапулец» в двенадцатидневное путешествие до Семипалатинска.

Быстро пролетели мы в вагоне пространство до города Екатеринбург и вдоволь налюбовались прелестными видами уральских ущелий. Пересев в тарантас, отправились дальше на Тюмень и 7-го июня, под вечер, миновали тот четырехугольный столб, который стоит на границе Пермской и Тобольской губерний, т.е. между Европой и Азией. Облупленная штукатурка, изломанная железная крыша и безграмотные надписи, покрывающие бока этого одинокого обелиска, далеко неизящны.

На другой день со звоном и грохотом тарантас наш подкатил прямо к пристани Курбатова на реке Тоболе, где стоял пароход «Сарапулец», на котором предстояло совершить длинное плавание до Семипалатинска. Приятно было забраться в чистую и теплую каюту, когда кругом свистел холодный ветер, брызгал мелкий дождь, а солнце ныряло в низких тяжелых облаках.

[Описание плавания]

18.

[1885, конец весны] *Станюкович К.М. В далекие края.* Собр. соч. в 10 томах. Том 1. М.: Правда, 1977. Л. Нельмин (К.М. Станюкович) **В далекие края. Путевые наброски и картинки.** Гл. VIII–XIV // Русская мысль. Москва, 1886. Дек., кн. XII. С. 36; *Станюкович К.М. Полн. собр. соч.* Т. 5. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1907. Ч. IV. С. 411.

Писатель Константин Михайлович Станюкович (1843–1903), приговоренный к административной ссылке в Томск за сокрытие государственного преступника, связи с эмигрантами и публикацию в журнале «Дело», редактором, а затем и издателем которого Станюкович был в 1883–1884 гг., «статей вредного направления», отправился в Сибирь весной 1885 г. «Стандартное» сибирское путешествие, началось в Нижнем Новгороде (ч. IV, с. 411–421). Затем С. проехал на пароходе фирмы Игнатова и Курбатова (ч. V, с. 421–425) до Перми и поездом по Горнозаводской дороге в Екатеринбург (ч. VIII, с. 440–447). Путь по тракту на тарантасе (ч. IX, с. 447–452), граница Сибири и прибытие в Тюмень (ч. X, с. 452–456), путешествие на пароходе «Рейтнер» до Томска. Тобольск. Самарово. Сургут. Нарым. Устье Томи (ч. XII–XIII, с. 456–474).

19.

[1885, весна] *Дейч Л.Г. 16 лет в Сибири.* Женева, 1905. С. 90–93.

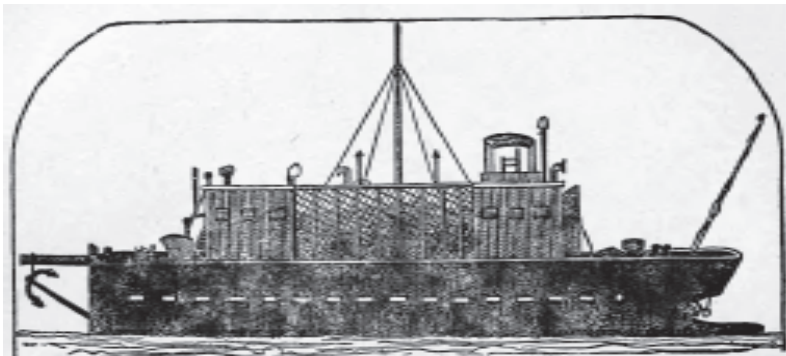
Лев Григорьевич Дейч (1855–1941), один из основателей марксистской организации «Освобождение труда», в 1884 г. был арестован в Германии по

обвинению в уголовном преступлении и осужден на 13 лет и 4 месяца сибирской каторги. Путешествие в Сибирь описано в V главе его книги. В середине мая 1885 г. партия Д. отправилась из Москвы в Нижний Новгород — последовало путешествие на тюремной барже (с. 89–90), на поезде до Екатеринбургa, из Екатеринбургa на тройках в Тюмень, а затем — двухнедельное плавание на барже в Томск.

В Перми мы вновь разместились в двух вагонах, чтобы по железной дороге проехать в Екатеринбург.

Теперь, с проведением сибирской железной дороги, перевозка арестантов совершается очень просто; в описываемое же мною время это был очень длинный и сложный процесс. Переночевав в екатеринбургской тюрьме, мы утром должны были отправиться до первого сибирского города — Тюменя — на тройках. На каждой телеге полагалось поместиться четырем политическим с двумя конвойными солдатами, следовательно, вместе с ямщиком по семи человек. Некоторые из нашей партии нашли такое количество людей слишком большим и стали требовать, чтобы увеличено было число телег. Сопровождавший нас конвойный офицер заявил, что он не может этого сделать. Протестовавшие же доказывали, что будет очень неудобно и утомительно трое суток ехать при таком числе седоков, и наотрез отказывались добровольно садиться в телеги. Время между тем шло, а наша партия не трогалась с места. Большинству из нас этот вопрос о неудобстве езды не казался столь важным, чтобы из-за него стоило вызывать, быть может, крупное столкновение, если бы офицер отдал солдатам приказание усаживать нас насильно.

— Не имеет смысла из-за этого вызывать историю! — стали раздаваться голоса, но невозможно было убедить в этом более пылких. Тог-

Тюремная баржа «Иртыш»

Ил. из книги Г. Лансделла "Through Siberia" (Boston, 1882)

да кому-то пришла мысль сделать пробу, насколько стеснительно разместиться в телегах по шести человек. Явилось несколько охотников, которые нашли, что вполне возможно ехать в требуемом офицером количестве людей. Их примеру последовали другие; протестанты поневоле подчинились большинству, хотя не без выражения своего неудовольствия, и столкновение было таким образом устранено.

Еще когда мы ехали по Волге и Каме, уже определились группы для езды на тройках. При этом кто-то предложил предоставить нашим женщинам право выбора кавалеров. Многие из мужчин охотно приняли это предложение; но нашлось и несколько «противников женского пола», вовсе не желавших ехать в обществе дам. Эти «женоненавистники» состояли преимущественно из наиболее юной молодежи.

За Уралом весна только начиналась тогда; деревья лишь покрывались листвой, и в воздухе чувствовалась особенная легкость. В давно описанной езде на тройках для нас было особенно много привлекательного. Вытянувшись гуськом на большом пространстве, тройки наши быстро мчались вперед. С гиканьем и свистом ямщики погоняли лошадей, заставляя их в гору нестись вскачь. Шутки, смех и песни раздавались с некоторых телег; но далеко не у всех приближавшихся к Сибири было весело на душе.

В один из первых дней езды на тройках, не доезжая до места перепряжки, ехавшие впереди вдруг остановились у какого-то столба. Все стали вылезать из телег. Оказалось, что то был знаменитый столб, на одной стороне которого имеется надпись «Европа», а на другой «Азия». Пятнадцать месяцев прошло тогда со времени моего ареста. «Сколько же еще лет предстоит мне провести в Сибири?» — естественно являлся у меня вопрос, когда я вместе с другими стоял у этого пограничного знака.

В описываемое мною время г. Тюмень был главным пунктом в Сибири, в котором производилось распределение ссыльных: отсюда их отправляли в разные направления — одних на юг, других — на север и восток. Нашей партии также предстояло разделиться в этом городе. Но за исключением нас, четырех каторжан, шедших на Кару, никто из ссыльных остальных категорий не знал не только губернию или область, в какую его пошлют, но ему не было даже известно, отправят ли его на север или юг. Между тем условия жизни в столь противоположных направлениях, конечно, чрезвычайно различны. Естественно поэтому, что большинство нашей партии с нетерпением ожидало прихода в Тюмень, где должна была решиться судьба многих. Кроме того, в Тюмени, как нам было известно, из году в год происходили по разным поводам столкновения между ссыльными и администрацией. Поэтому, не доезжая еще до Тюмени, мы стали обсуждать, как нам вести себя там с на-

чалством. На этапах состоялось у нас несколько собраний, которые, как часто бывает у нас в аналогичных случаях, ни к чему не приводили: собрания происходили без председателя; поэтому все говорили одновременно и, конечно, ни до чего не договаривались.

Уже у ворот тюменской тюрьмы произошла у нас размолвка с администрацией: она пожелала отделить наших женщин, поместив их в особом здании, мы же воспротивились этому, так как такое разделение было неудобно для нас в хозяйственном отношении. В конце концов администрация уступила нам в этом вопросе. Не так просто окончилось другое столкновение.

Вскоре по прибытии в Тюмень мы узнали, что значительную часть административных нашей партии, назначенных на юг, намерены отправить туда этапным порядком. Такой способ отправки сопряжен был с многими неудобствами, а между тем их легко было избежать, если бы ссылаемых на юг отправляли не сухим путем, а по рекам на пароходе. Уже и раньше у каждой партии происходили столкновения с администрацией из-за этапного способа отправки. Наши административные, назначенные на юг, также отказались добровольно подчиниться этому требованию начальства. Вновь состоялись у нас бурные собрания, в результате которых решено было послать телеграмму губернатору с просьбой отправить лиц, назначенных на юг, водным путем.

Когда наступил день ухода этих административных и их поодиночке стали вызывать в партию, мы все решительно воспротивились этому, и начальство вновь уступило нам, но, как вскоре оказалось, лишь на время.

Не знаю, случайно или нарочно, вместо письменного ответа губернатор сам приехал к нам из Тобольска и, насколько могу теперь припомнить, в беседе с нами обещал исполнить общую просьбу нашей партии об отправке южан водным путем. Обнадеженные таким обещанием, мы успокоились и стали собираться в дальнейший путь, так как в один из ближайших дней предстоял отъезд тех из нашей партии, которых отправляли на север Тобольской губ. и в Восточную Сибирь. Таковых было около двадцати человек; кроме административных в их число входили мы, каторжане, и четверо поселенцев: Макар Васильев, П. Дашкевич, Л. Чемоданова и В. Щулепникова.

Между тем после нашего отъезда из Тюмени, как мы потом узнали, когда там остались лишь административные, назначенные на юг, власти объявили им, что их просьба об отправке водным путем не будет исполнена: не желая, очевидно, вызвать крупного столкновения, пока в Тюмени находилась вся наша партия, начальство придумало отложить свой отказ до ухода значительной части ее. Такой прием крайне возмутил оставшихся, и они наотрез отказались под-

чиниться требованию идти по этапу. Тогда солдатам приказано было насильно тащить их из камер и усаживать в телеги. При этом происходили столкновения, к счастью, не имевшие ни для кого тяжелых последствий.

Из Тюмени нам, отправленным на северо-восток, предстояло в описываемое время совершить продолжительное путешествие водным путем; по Туре, на которой стоит Тюмень, приходилось плыть до ее слияния с Тоболом, по последнему — до его впадения в Иртыш, затем по Иртышу до Оби, повернув вверх по течению которой, плыть до впадения в нее Томи, на каковой и находится г. Томск. Нам, таким образом, нужно было сделать более 3000 верст и пробыть на воде около двух недель.

Как и во время путешествия по Волге и Каме, мы вновь разместились в двух каютах арестантской баржи, буксируемой пароходом. Плавание по перечисленным сибирским рекам не представляло особенного интереса. Несмотря на июнь месяц (н.с.), ничто кругом не напоминало наступления весны и местами попадались еще плывшие вниз льдины, а по вечерам бывало даже довольно холодно. Перед нашими глазами расстилалась водная поверхность, нередко скрывавшая берега, что обуславливалось весенним разливом. Кругом все было пустынно и мертво; на громадных пространствах часто не видно было ни малейших признаков человеческого существования. Это отсутствие жизни в связи с все усиливающимся холодом, по мере нашего приближения к северу, временами действовало самым удручающим образом на настроение.

«И здесь где-то в тундрах и тайге живут люди!» — помню, приходило мне в голову, и я с ужасом представлял себе, что лишь много лет спустя, по окончании каторги, я получу право поселиться в подобном, а то и в худшем месте; но я к тому же не буду пользоваться и той жалкой свободой, какой обладает несчастный абориген этих глухих лесов — самоед или остяк.

Несколько раз пароход приставал к берегу для загрузки дров или к двум-трем пристаням, бывшим на всем нашем обширном пути. Тогда на жалких своих яликах подплывали к нашей барже остяки и предлагали нам за бесценок рыбу.

Кроме Тобольска нам на этом огромном пути встретились еще лишь два населенных пункта, носившие названия «городов», — Сургут и Нарым...

Джордж Кеннан (*George Kennan, 1845–1924*), американский журналист. Сочинение Кеннана хорошо известно и, по меньшей мере, пять раз переводилось на русский язык. Современный перевод мест, посвященных путешествию из Екатеринбурга в Тюмень и далее на юг по почтовому тракту, см.: Дж. Кеннан. Сибирь и ссылка: Путевые заметки (1885–1886 гг.) / пер. с англ. И.А. Богданова. СПб., 1999. Т. 1. С. 100–160. Далее указываются лишь сроки начального этапа путешествия К. Нью-Йорк (2 мая 1885 г.) — Лондон (10 мая) — отправление из Санкт-Петербурга в Москву (31 мая) — Нижний Новгород (4 июня) — путешествие из Нижнего в Пермь по реке на пароходе «Александр» бр. Каменских (6–10 июня) — путешествие из Перми в Екатеринбург по Горноуральской дороге (11 июня — 12 июня) — путешествие по тракту на тарантасе в Тюмень (16–18 июня) — пребывание в Тюмени (18–30 июня) — Омск (4 июля).

21.

[1885, осень] [Онуфрович Б.] **В места отдаленные (Воспоминания административного)** // Минувшие годы. 1908. Авг., № 8. С. 290–291.

Болеслав Онуфрович (*Boleslaw Onufrowicz, 1860–1913*), польский народо-волец. В 1884 г. был арестован и сослан на 5 лет в Восточную Сибирь. Из Бутырской тюрьмы О. ехал в арестантском вагоне до Нижнего Новгорода (с. 287) — затем последовало путешествие на барже в Пермь (с. 288–289) — пересадка в телеги и отъезд в Тюмень. Семидневное путешествие в крытых экипажах по 3–4 человека (с. 289–290). Прибытие в Тюмень и распределение по Сибири (с. 291). Девятидневное путешествие на тюремной барже в Томск. Партия О. двигалась по иртышско-обскому пути в последний рейс навигации 1885 г. (с. 292–293).

22.

[1885? июнь] **Воропай И. От р. Оби до Северного океана и обратно, чрез Большеземельскую тундру** // Природа и Охота (Москва). 1899. Кн. IX. С. 153–155.

Игнатий Михайлович Воропай (1829–1908), губернский землемер, проживавший в г. Пермь, журналист, писавший преимущественно для журналов «охотничьей» тематики. В середине 1880-х гг. В. совершил путешествие по Северному Зауралью с целью «найти переход через Урал, удобный для проведения железной дороги» (с. 152 цит. ист.). Впечатления этого путешествия, опубликованные в журнале «Природа и охота» в 1899–1900 гг., переизданы в 2008 г. в Ханты-Мансийске. См.: Воропай И.М. От реки Оби до Северного океана / вступ. ст. Н.А. Повод. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. 226 с. (Югорский репринт). Дата путешествия, указанная В. в тексте, изданном спустя полтора столетия после его совершения, — явный анахронизм (железнодорожное сообщение между Екатеринбургом и Тюменью было официально установлено 5 декабря 1885 г., меж тем как в тексте повествуется о конце весны). Представляет интерес свидетельство автора о возможной

встрече с Г. Лансделлом («англичанин, который развозит Библии на всех языках мира, от лондонского миссионерского братства»). Из книг самого Лансделла мы знаем лишь о двух его визитах в Тюмень, в июне 1879 г. и августе 1882 г.

Путешествие мое относится к 1885 году. Поезд на станцию «Тюмень» в то время проходил часов около 11 утра, а пароход единственной компании «Курбатова и Игнатова» отходил в Томск раз в неделю, по понедельникам, в 3 часа утра; следовательно, малейшее промедление и опоздание к пароходу грозило необходимостью жить в Тюмени целую неделю в ожидании парохода. Такое несчастье чуть не случилось со мной. Приехав в Тюмень в воскресенье, я кроме багажа, сданного в багажный вагон пассажирского поезда, имел до 50 пудов клади в товарном вагоне, прицепленном в числе прочих к нашему поезду, так как он считается товаро-пассажирским. Предъявив в конторе квитанцию и уплатив следующие за провоз деньги, я спросил начальника станции: могу ли я получить багаж сейчас, на что получил ответ, что багаж выдается в 2 часа. Тогда, поручив это дело доверенному, сам я отправился с двумя спутниками на пароходную пристань, чтобы взять билет на проезд до села Самарова.

Пока я навел справки в конторе насчет багажа, расплачивался и доехал до пристани, — на пароходе чуть не все билеты были уже разобраны, оставались только два 1-го класса, во 2-м не было ни одного, и вся палуба буквально была занята. Взявши 4 билета и устроивши места, я стал поджидать своих вещей со станции, которые были привезены только около 4 часов, причем оказалось, что начальнику станции, не знаю по какому поводу, вздумалось показать свою власть и он объявил моему человеку, что вещей не выдадут раньше 12-ти часов завтрашнего дня. Несмотря на усердные просьбы, он отвечал, что по правилам этого сделать нельзя, тогда как мне перед этим сказал, что доставит вещи сегодня же в вагоне на пристань, куда проведена ветка, что и было с кладью других пассажиров, которым он посоветовал получить сейчас и отправить с извозчиками на том основании, что это будет и дешевле, и скорее. К счастью, это неумолимое начальство захотело есть и ушло обедать, тогда помощник его сделал надлежащую надпись на квитанции, и вещи через несколько минут были выданы. Не думаю, чтобы помощник начальника станции выдал вещи, если бы железнодорожные правила это запрещали, и поэтому невыдачу самим г. начальником, кроме самодурства и желания показать власть, другим объяснить нельзя.

На этот раз судьба не переставала преследовать нас и дальше: пароход «Беленченко», который должен был идти из Тюмени, был задержан льдами на реке Оби, и пришлось плыть на небольшом пароходе «Казнаков», где пассажиры помещались совершенно неудобно. К сча-

стию, спутники оказались все народ хороший. В числе их были люди довольно замечательные: например, один англичанин, который развозит Библии на всех языках мира, от лондонского миссионерского братства. Он говорит кое-как на русском языке. Другой путешественник — кроат, который не знал по-русски ни одного слова и тем не менее с легким сердцем ехал на Олекминские золотые промысла в качестве горного инженера, за 2000 рублей серебром в год, и уже добрался благополучно до Тюмени. Какое он имел понятие об Олекме, сидя у себя в Кроации, — неизвестно, но, когда один из наших спутников начал объяснять ему условия местной жизни, он смутился. Оказалось, что там пуд ржаной муки стоит 7 руб. 50 коп., один апельсин 3 руб., лимон тоже, фунт сахара до 65 коп. и т.д. Главная причина такой дороговизны, конечно, — провоз. Положим, что все необходимое содержание дается даром от хозяина, но можно себе вообразить, где и при каких условиях придется жить, когда, купивши муку по 1 руб. с чем-нибудь за пуд, за провоз надо заплатить 6 руб. с лишком.

Тут же пришлось наблюдать силу природы: в числе пассажиров была молодая девушка, родившаяся и выросшая в Тобольске, теперь возвращавшаяся из Варшавы, где она пробыла 4 года в консерватории.

Пароходное движение от Тюмени до Томска

Двадцать лет тому назад мне случилось в первый раз ехать в Сибирь летом. Тогдашние дорожные впечатления оставили такое сильное воспоминание, что теперь, когда пришлось снова пуститься этим же путем, я невольно содрогался, ожидая такое же утомительное, продолжительное и совершенно неудобное путешествие, и потому, встретив другую обстановку, был приятно удивлен.

До конца шестидесятых годов по рекам Западной Сибири ходили пароходы, принадлежащие допотопным сибирским пароходо-ладельцам, частью сошедшим уже в могилу. Главный предмет транзита составляли товар и арестанты; перевозку последних пароходчики обыкновенно брали компанией, сообща. На вольных пассажиров тогдашний пароходо-делец и смотреть не хотел, и если пускал на баржу серенького пассажира, то из милости, за 15–20 р. за конец, например, от Томска до Тюмени, причем обыкновенно

приговаривал: «А табак куришь? Ведь пускать-то вашего брата опасно — товар сожжете. Ну да садись, нечего делать! Шалаш из рогож уж сам себе сделаешь». Если же выискивался пассажир почище, то ему отводилось место на самом пароходе с платою не менее 40 рублей за проезд от Тюмени до Томска. Впрочем, мне известны случаи, когда брали и гораздо более; так, например, из Нарыма (заштатного города Томской губернии) до Тюмени брали и по двести рублей.

Ни товары, ни арестанты, ни пассажиры не перевозились исправно. Обремененный неуклюжей баржей пароход проходил пространство между Тюменью и Томском не менее как в 24 суток. Случалось часто, что такому пароходу дают вести не одну, а несколько барж. Понятно, что он не в состоянии тянуть их одновременно, а потому ведет от пристани до пристани поочередно. Можете себе вообразить, какое приятное путешествие совершает пас-

сажир, двигаясь наподобие маятника, пока наконец не достигнет к концу лета цели своего путешествия. Были примеры, что едущий из Томска в Тюмень, не доезжая туда после продолжительного полуторамесячного плавания в обских водах, так и возвращался в Томск, не достигши Тюмени. Нужно было большое самоотвержение, чтобы отдать себя тогдашнему пароходчику на доставку: во-первых, вы не знаете дня, когда пароход отойдет, во-вторых, вы не уверены, что он прямо пойдет именно туда, куда предназначается, в-третьих, вы должны ожидать очень продолжительного плавания, и в-четвертых, запастись мукой, крупой, солью, маслом и т.п., чтобы спастись от голода какими-нибудь лепешками. Кроме того, что навигационный путь до Томска проходит вообще по безлюдной местности, где на пространстве 300 верст никогда не встретишь ни одной юрты, пароходы останавливались там, где у них заготовлены дрова, не соображаясь, конечно, с надобностями своих немногочисленных пассажиров.

Передвижение арестантов было ужасно; кто имел случай видеть арестантские баржи, наполненные этими несчастными в ко-

личестве от 800–1000 человек, тот не сочтет это выражение преувеличенным; нары в два и три этажа разделялись узким коридором, проходившим вдоль баржи; размещенные, как на полках товар, преступники в невозможной, казалось бы, для живого существа атмосфере, съедаемые всевозможными паразитами, принуждены были совершать месячное плавание. Если содержание при дореформенном судоустройстве под стражей, продолжавшееся часто годы, если произнесенный над виновным строгий приговор должны были потрясти и повлиять разрушительно на здоровье преступника, то, мне кажется, существовавшая тогда система передвижения арестантов в Сибирь, когда арестант мог быть в пути до трех лет, едва ли окончательно не убивала его как физически, так и нравственно*. Громадная смертность в баржах на пути между Тюменью и Томском и продолжительность перевозки обратили на себя внимание высшей администрации. Министерство внутренних дел просило местных пароходладельцев улучшить в чем-либо существовавшую перевозку арестантов (выстроить лучшие баржи, сократить срок доставки), но получило ответ, что перевозка арес-

* По наблюдениям врача А.П. Макушина, в Томске смертность между ссыльными сильнее распространена, чем в среде местного населения.

тантов для них, пароходовладельцев, дело второстепенное, у них главное — товарный фрахт, поэтому они не считают возможным предпринять какие-либо улучшения в деле перевозки арестантов.

Ввиду того, что содержание арестантов на этом пути из рук вон было плохо, правительство принуждено было поискать людей вне пределов Сибири, которые хотя бы с помощью от правительства поставили это дело на иных началах и при другой, лучшей обстановке. Перевозивший арестантов между Нижним Новгородом и Пермью И.С. Колчин и был приглашен для осуществления цели правительства. Колчин в со товариществе с Игнатовыми получил в начале 70-х годов подряд перевозки арестантов от Тюмени до Томска, который и до настоящего времени находится в их руках.

Новые люди ввели и новые порядки: деревянные арестантские баржи заменились железными, устроена была в них вентиляция, а главное — сокращен срок движения пароходов из Тюмени до Томска с 24 дней до 8–10 дней. Пароходы стали отходить по заранее объявленному расписанию и — невиданная вещь в Сибири — в назначенные сроки, даже в назначенные часы. Старые пароходчики предрекали конечную гибель новым, смеялись над новшества-

ми, ими вводимыми. «Это ведь не Россия, а Сибирь, — говорили местные пароходные воротилы. — Посмотрим, долго ли продержится эта компания со своими порядками». А компания держится и до сих пор и заняла первенствующее место.

Правительство, принимая меры к улучшению перевозки арестантов, достигало еще и уменьшения расходов казны по содержанию арестантов в пути: кормовых денег пошло почти в три раза менее, когда срок перевозки уменьшился до 8–10 дней; срок носки арестантской одежды позволил сделать новую экономию, так как арестант, быстро передвигаясь, мог сделать гораздо больший путь в одной и той же одежде. Потребовалось меньше заготовлять всех этих портов, чирков и онуч, поглощавших большие суммы и обогативших не одного сибирского купца. Но чего не имело в виду правительство и что явилось как побочное следствие его начинаний — это улучшение движения по рекам Западной Сибири для вольного пассажира. Новые пароходчики устроили прекрасное (в сравнении с существовавшим) помещение для пассажиров на своих пароходах и перевозили их без обмана в заранее определенные сроки по ценам, несравненно более доступным,

чем у старых паромщиков. Сначала пассажиров было немного, но вот уже около десяти лет как необходимо запастись местами на пароходах Колчина и Игнатовых (теперь Курбатова и Игнатова) заранее, если не желаешь остаться без места, несмотря на то, что пароходы второй год отходят со второй половины лета (с 11 июня) не один раз, а два раза в неделю. Невысокая цена провоза почти всякому местному жителю предоставила возможность побывать в Томске, в Тобольске, в Тюмени; между тем прежде, чтобы побывать, например, на рымцу в Томске, необходимо было издержать по крайней мере 200 рублей, ехать с особо нанятыми людьми в лодке и потратить на это неудобное путешествие три недели. В то время на рымец, побывавший в Тюмени, был так же редок, как и посетивший Иерусалим. Как ни странно это, однако же несомненно, что улучшение перевозки невольных пассажиров — преступников — в Сибирь, по крайней мере на описываемом нами пространстве, имело цивилизационные последствия: приблизило, так сказать, Сибирь к Европе, удешевило и ускорило передвижение вольных людей и товаров.

Садясь теперь в Тюмени на пароход, мы, конечно, забываем или даже вовсе не знаем истории

возникновения и изменения пароходного дела здесь. Да если бы, впрочем, и знали, то вправе предъявить к нему иные требования. Что было приятным нововведением в свое время, двадцать лет тому назад, теперь уже не представляет прелестей удобной новизны, принимается как существующее и даже не могущее не существовать.

Мы признаем совершенно нормальными и библиотеку, о чем, конечно, не мечтали пассажиры старых сибирских пароходов, и порядочный буфет. Но тем не менее есть стороны, требующие перемен и улучшений со стороны пароходовладельцев. И.И. Игнатов, стоящий во главе управления пароходством фирмы Курбатова и Игнатова, известен как человек, всегда готовый затратить средства для удобства публики, доказательством чему служит, например, недавнее обнесение помещения 3-го класса деревянной загородкой в защиту от ветра; но, вероятно, по сложности и разбросанности пароходного дела он не мог досмотреть всего, почему от его внимания ускользнули некоторые недостатки. Впрочем, это, вероятно, зависит от того, что он сам давно не проезжал по всему пути от Тюмени до Томска. Можно, впрочем, надеяться, что, как только до него дойдут нарекания,

он не преминет устранить вызывающие их причины. Прежде всего поражает совместное устройство умывальников и ватерклозетов, которые при значительном скоплении пассажиров, как, например, во втором классе, слишком осязательно показывают свои неудобства. Кроме того, умывальники и ватерклозеты (в особенности опять-таки во втором классе) так несовершенно устроены, что грязь и запах от них постоянно наполняют коридоры и каюты второго класса, и без того лишенного чистого воздуха, так как он находится в корме, и весь кухонный и другие запахи постоянно снабжают его достаточным запасом зловония. Темный вход во второй класс всегда вонюч и неопрятен.

Затем важный недостаток пароходства составляет отсутствие

каких-нибудь приспособлений для причала на промежуточных пристанях. Часто пароход пристает к берегу и высылает команду для срытия его, чтобы можно было носить дрова. Казалось бы, такие неудобства можно было бы легко устранить установкой конторок или чего-нибудь подобного. К числу непростительных упущений пароходной администрации необходимо отнести отсутствие перил на трапах, последствием чего и было утопление в прошлом году матери, оставившей на пароходе грудного ребенка с сумасшедшим отцом. Нелишне было бы класть два трапа — один для носки дров, другой для пассажиров.

Екатеринбургская неделя.
1887. 28 июня, № 25.

Юрий Мандрика

«...среди кипы забытых стихов...»¹

Дедушка Фаддей в Тюмени и Красноярске

Семьдесят две страницы сборника не потревожили мою душу. После поэтов серебряного века, 60-х годов с их Беллой Ахмадулиной и Андреем Вознесенским стихи Федора Филимонова мне скучны примерно так же, как оды М.В. Ломоносова и баллады В.А. Жуковского моему современнику. Несмотря на то что Ф.Ф. Филимонов был из разряда местных стихотворцев и меня как краеведа должен интересовал со страшной силой.

Листая страницы ксерокопий, привезенных из РНБ, я то и дело наткнулся на «горькие» или «лишние слезы», «безумные рыдания» и «горечь пролитой слезы», оказывался «среди моря страданий и слез» и заливал «потоки выплаканных слез» «вином из крови и из слез». Практически через одно стихотворение встречались глаголы «зарыдать», «плакать хочется», встречались призывы «не плачь». Потоков из непонятно чьих глаз хватало, чтобы еще при жизни автора утопить в сентиментальной жидкости тиражи всех переизданий. Хотя автор и сам понимал, что «те слезы смешны».

И тем не менее для убогой литературной карты Тюмени того времени Ф. Филимонов был фактом, заслуживающим внимания. Моя попытка тиснуть небольшую информацию о нем в Большую тюменскую энциклопедию оказалась неудачной. Не исключено, что нашим энциклопедистам, как и всей Советской России, не нравилась гибель поэта: его расстреляли красноармейцы. И магазин Юлии Левитовой на Царской, сестры Федора, как и ее совместное с мужем сельскохозяйственное предприятие на Черной речке, были запретны в свое время для прессы. Вот о маслоделательной деятельности соседа Левитовых Панфилова нам все уши прожужжали.

Приведу сохранившийся в моем архиве текст, предложенный местным энциклопедистам:

¹ Филимонов Ф.Ф. Песни сибиряка: 1880–1890. М.: Типолитограф. Д.А. Бонч-Бруевича, 1890. С. 13.

Филимонов Федор Федорович родился в 1862 году в городе Камышлов Пермской губернии в купеческой семье. Учился в Московском коммерческом училище. За чтение противоправительственной литературы в 1883 г. был сослан на три года под гласный надзор полиции в Ирбит. Вскоре, по ходатайству родителей, ставших к тому времени владельцами винокуренного завода в Черной речке, был переведен по месту их жительства, в Тюмень. Практически с началом ссылки стал сотрудничать с «Восточным обозрением», публиковал свои стихи в «Ирбитском ярмарочном листке» под псевдонимом «Гейне из Ирбита». Чаще подписывался именем «Дедушка Фаддей». Был частным поверенным в Тюмени и Ишиме. С 1887 г. переезжает в г. Красноярск, где издает сатирический журнал «Фонарь».

Автор книг «Песни сибиряка» (1890), «Стихотворения» (СПб., 1898), «За прошлые годы. Песни сибиряка» (СПб., 1913).

Расстрелян большевиками в Красноярске в марте 1920 г.²

С момента написания вышеприведенного текста прошло всего шесть лет. За это время информации о Федоре Филимонове стало значительно больше.

В 1886 г. Санкт-Петербургский цензурный комитет рассматривал рукопись Ф.Ф. Филимонова «На заре». Вот что писал о стихах, подписанных псевдонимом «Гейне из Ирбита», цензор С.И. Коссович: «Помещено 70 стихотворений. Автор сборника в крайне мрачных образах представляет внутреннее состояние России. Весь народ в угнетении. Стоны его работают всюду — на фабриках, в рудниках, на Волге. Интеллигенция — безучастна, баре живут безмятежно на счет народа, а борцы за идею гибнут. Некоторые стихотворения проникнуты отчаянием, иные — надеждою на лучшие времена, на наступление наконец часа отмщения. Таково содержание большинства стихотворений — 44 из 70.

Принимая во внимание крайне предосудительный характер большинства стихотворений сборника, цензор полагал бы необходимым не допускать к напечатанию весь сборник целиком, так как и в остальных 26 стихотворениях кое-что отзывается, хоть глухо и едва уловимо, тот же протест, но в менее зрелой форме»³.

² См.: О Дедушке Фаддее // Лук & Чок. 2009. Апр., № 3. С. 167.

³ РГИА. Ф. 777. Оп. 3: 1886. Д. 108. Л. 3. — См.: Мандрика Ю.Л. Цензура поэтики и поэтика цензуры: коллекция сведений о сибирской частной печати конца XIX — начала XX в. в жанре patchword. Тюмень, 2013. Ч. I: Цензура поэтики и... С. 101–104, 224, 226–229, 247, 260, 261.

«Гейне из Ирбита» был псевдоним весьма неоригинальным. Уже в 60-е гг. в московском издании «Современная летопись» (воскресное приложение к «Московским ведомостям») встречались стихи Гейне из Тамбова (П.П. Вейнберг). Имеется предположение, что «главное отличие всех российских Гейне заключалось в том, что они хотели быть сатириками»⁴.

Но книжка, несмотря на заключение столичного цензора, была все-таки отпечатана типографией «Екатеринбургской недели», в одноименной газете которой сотрудничал и Ф. Филимонов. Но такое увлечение было делом явно опасным для жителя Тюмени. Посмотрите, как реагируют жители Пельменя⁵ на корреспондента иногородней газеты.

Известия из Тюмени на страницах екатеринбургского издания появлялись чаще без подписи. Одна из них — «Пароходное движение от Тюмени до Томска» — помещена в данном номере журнала. Кто скрывается под маской анонима? Разгадать сложно, нет необходимой документальной подсказки.

Талантливый журналист Дядя Листар (псевдоним редактора «Екатеринбургской недели» П.Н. Галина) как-то в очередном фельетоне написал о «т-ских башибузуках» (1887. 1 марта, № 9), в которых тюменцы узнали Ф. Филимонова. И последний потребовал опровержения: «Откуда пошла эта сплетня, положительно не понимаю, но, однако, от этого непонимания мне не легче» (1887. 5 июля, № 26). Как вспоминал позже секретарь редакции П.М. Сивков: «Один за другим отходили от “Екатеринбургской недели”, главным образом из-за слишком резкого характера П.Н. Галина. Он сумел поссориться и порвать связи с Остроумовым, Маминым, Басниным, Филимоновым»⁶. Все названные имена не затерялись на просторах империи.

⁴ Голдин В. Поэзия конца XIX — начала XX столетий в периодических изданиях Урала: статья I [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proza.ru/2014/04/06/1127> (дата обращения: 4 июня 2014).

⁵ Публикация Н.М. Ядринцева «Пельмень» появилась в «Камско-Волжской газете» (1873. № 77). Она была своего рода сатирическим откликом на остроумие редактора иркутской только-только народившейся «Сибири». Ф. Филимонов обыграл в названии стихотворения созвучие города с характером его обывателей, поведение которых чьм-то напоминало первое частное издание восточной окраины России.

⁶ Сивков П.М. Газетное дело на Урале тридцать лет назад: вместо автобиографии // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1928. Вып. IV. С. 227.

Наверное, отсутствие возможности реализовать себя на газетном поприще вынудило ялutorовского мещанина перебраться в г. Красноярск, где и сегодня его имя чтут.

Современный исследователь находят в сборнике, вышедшем на Урале, стихи, написанные в традиции некрасовской сатиры, полные гражданского мужества и горькой иронии⁷.

После отъезда из Тюмени Ф. Филимонов начал искать себя в публицистике. Вести из Ветропыльска (так называл он Красноярск; в советские времена, когда имя его было запрещено, такое переименование города на Енисее приписывали А.П. Чехову. До сих пор никто не сумел выяснить: кто автор Ветропыльска?) поступали регулярно во многие сибирские издания, несмотря на то что журналист зарабатывал на жизнь в качестве временного поверенного. Его издания «Сибирь» и «Фонарь» времен первой русской революции — не в счет.

Талант сатирика раскрылся в полную силу в «Свободной Сибири», которая начала выходить лишь в 1917. Здесь он был и редактором, и издателем. Происходящие вокруг события были настолько сами по себе нелепы, что не смеяться над ними было нельзя.

Запрет на продажу и покупку собственности. Выдача справок-разрешений на передвижение по городу. Депутаты, избранные людьми, давно погибшими на фронтах войны. 3 июля 1917 г. маленький фельетон поэта поместил у себя «Опасное довольство» (№ 51):

«В России не признают закона, и русский “гражданин” может творить все, что придет ему в голову.

И творит.

Он безнаказанно сжигает города, убивает людей, отнимает имущество, делит чужую землю и грозит расправляться с правительством.

Ни в одной стране этого нет.

Граждане самых свободных стран — Франции и Америки — с удивлением, с тревогой и ужасом смотрят на русского свободного “гражданина”».

Или о вопросе, который задают всем при трудоустройстве: «А вы экспроприировали когда-нибудь? Аннексировали? Каторгу где отбывать изволили?». И если такого в вашей жизни пока не случилось, то надо было заходить по тому же вопросу лет через десять.

⁷ См. : История русской литературы: в 4 т. Т. 4: Литература конца XIX — начала XX века (1881–1917) / под ред. Н.И. Пруцкова. Л., 1983. С. 30.

Стихи печатались реже фельетонов, но они, как всякая политическая сатира, и сегодня актуальны. Приведу несколько примеров.

Люди

Спор, безумная месть,
Стоны, тяжелые раны...
Люди забыли, что есть
Солнце, цветы и поляны,
И, захлебнувшись в горячей крови,
Люди забыли о братской любви.

Как человек одинок,
Слыша от близких, от братьев
Слов беспощадных поток
И беспощадных проклятий.
Нет у них творчества,
мысль их бедна,
Люди забыли,
что жизнь лишь одна.

Теперь

Мрак грядущей бездны,
Вопль со всех сторон.
Митинги и съезды,
И ряды знамен.

Шаг — и безобразник,
«Подвиг» молодца,
И какой-то праздник,
Праздник без конца.

Струсившие души,
Жалкая молва,
Глупые кликуши
И... слова, слова...

Партийный изувер

Не видит он кругом ни зги.
С дороги мысли сбились;
Программной плесенью мозги
Его давно покрылись.

И голова тут не при чем.
Программа ж безупречна;
Как нужно думать и о чем,
Она расскажет точно.

Как надо лечь, как надо встать,
Он знает все заранее
И даже будет умирать,
Наверно, по программе.

И развелось же на Руси
Людей такой «науки»!..
О Боже праведный, спаси
Ты нас от этой муки.

В хаосе

Мрачный вид пожарищ,
Страшный злобы вид,
И словцо «товарищ»
По Руси гремит.

В непогоду-вьюгу
Всюду самосуд.
Горло рвет друг другу
Озверевший люд.

И среди пожарищ,
Там, где царь — грабег,
Кто кому «товарищ»,
Сразу не поймешь.

Сны «гражданина»

О, куда б исчезнуть,
О, куда б мне скрыться!
Снится меньшевик мне,
Большевик мне снится.

Где бы мне укрыться;
О, куда б деваться;

Федор Филимонов

Маскарад в Пельмене

(наброски карандашом)

1

Маскарад в разгаре; прямо из буфета
В зал я направляюсь. С шиком разодега
Барышня с мамашей — восседают чинно
И глядят так обе ангельски-невинно.
Я подсел поближе — отвернулась дева,
Вся полна, не знаю, почему-то гнева,
Вся позеленела, грудь тревожно дышит.
Шепчет ей мамаша: «Он в газете пишет,
Ты от *них* подальше: это... это... это...»
Но я не дослушал милого привета
И пошел скитаться, полный грусти, дальше,
И подсел к какой-то старой капитанше.

2

Капитанша — это... Но на эту тему
Напишу я после длинную поэму.
А теперь вот маска подошла и села.
Принимаюсь, други, за благое дело,
Дело то невинно и законно, братья,
Буду-ка усердно масок узнавать я.

3

Лишь куда ни взглянешь — все карикатура.
Вот *лисой* одета тощая фигура.
Эта маска тихо пробиралась к жирным
Гражданам Пельмена, за столом обширным
Восседавшим важно...

.

Лоснились жиром сумрачные лица,
К ним-то подобравшись, говорит *лисица*,
Говорит так тихо, в семинарском вкусе:
«Господа честные (Господи Иисусе),
Дельца нет ли? Я бы, я бы постарался,
Все подвел статьи бы, делом бы занялся

И не взял, ей-богу, я б других дороже
 (Господи Иисусе, справедливый Боже...)».
 А в глазах лисицы засветилась ласка,
 И акафист целый прочитала маска.
 Дальше продолжать я речи те не буду,
 Я узнал в лисице местного... Иуду.

4

Вот еще пред нами толстая фигура...
 (Но у этой маски губа, знать, не дура.)
 Странно так одета: домино, а спину
 Превратил художник в чудную картину.
 Красовался сторож, преспокойно спящий,
 Там изображался магазин горящий,
 Грудюю железо сваленное в массу,
 Касса страхового общества, и, к кассе
 Руки протянувши, *сам* стоял «сын мрака»...

 Но узнать той маски я не мог, однако.

5

Маска № 3... И передо мною
 Франт предстал изящный. Я теперь не скрою,
 Что тогда ужасно, право, удивился,
 Что на франте этом, словно змей извился,
Ремешок изрядный с формою *аркана*.
 Но мне удивляться было слишком рано.
 То ведь не был демон, обитатель ада,
 В маске все узнали *франта-конокрада*,
 Что танцует мило, с тактом и сноровкой,
 Ну и красть лошадок тоже парень ловкий!..

6

Дальше замелькали вереницей маски,
 Весело болтая, мило строя глазки.
 В домино, во фраках, шляпах трехэтажных,
 Все вели беседы о матерях важных.
 Пол-де здесь прескверный, грязно и не мыто,
 О погоде было тоже не забыто.
 Я ж хотел в экстазе преклонить колени.
 «Боже, как все девы развиты в Пельмене,
 Что ни слог, ни фраза или просто нота,
 Как все остроумно, мило и умно-то!

Дай перо Шекспира, дай перо мне Данта,
 Чтоб тебе подробно, со строгостью педанта
 Мог бы описать я речи и движенья,
 Что меня приводят просто в восхищенье,
 Но перо слабеет, не окончив строчку.
 Это значит надо... надо ставить точку.

1884

Гейне из Ирбита

(Екатеринбургская неделя. 1885. 16 янв., № 3. С. 44)

Клятва адвоката

перед своей Тамарой
 (Поэма)

Клянусь я первым днем творенья,
 Клянусь его последним днем.

М.Ю. Лермонтов

Клянуся «сватом», другом, братом,
 Клянусь оравой всех «своих»,
 Клянуся *первым* адвокатом
 И самым плохоньким из них.
 Клянусь речами я моими,
 Что удивлять способны Русь,
 Клянусь судьями мировыми,
 Секретарями их клянусь.

Клянусь о нас хорошим мнением,
 Клянуся тем, кто «братъ умел»,
 Клянусь прошенья составленьем,
 Клянуся массой темных дел.

Клянуся смелостию рисков,
 Клянуся тем, кто ловкий гусь,
 Тьмой апелляций, жалоб, исков,
 Кассаций, отзывов клянусь.

Клянуся массой слез и стонов
 Клиентов бедненьких моих,
 Клянусь статьями всех законов —
 И уголовных, и других.

Клянуся совестью продажной,
 Клянусь девизом «Грабь, не трусь»,
 Адвокатурою присяжной
 И также частною клянусь.

Клянусь клиентом самым нужным,
Клянусь тем, что взял с него,
Клянусь тебе судом окружным,
Клянусь членами его.

Клянусь твоим волшебным взором
И той тоской, что скрыта в нем,
Клянусь битвой с прокурором,
Клянусь собственным враньем.

Клянусь взятым гонораром,
Клянусь массою истцов,
Клянусь судейским я швейцаром
И тьмой подвыпивших писцов.

Клянусь ораторством Плеваки,
Что удивляет нашу Русь,
И знаньем... где зимуют раки
Я, наконец, тебе клянусь!..

Других любить мне нет охоты,
Я охладел ко всем душой...

Т а м а р а

Клянешься... Но скажи мне — кто ты?
Ты ангел или демон мой?

Д е м о н

Я тот, которому настала
Грести блаженная пора,
Я тот, которому внимала
Ты в окружном суде вчера.

Я тот, что действует напором,
Без эфемерного стыда,
Я тот, что в стычке с прокурором
Не устрасится никогда.

Я тот, который деньги любит,
Кого смущает ихний вид,
Кто оправдает и погубит,
И обелит, и очернит.

Имею я немало злата...
Ведь я и есть тот самый *он*,
Которым Лермонтов когда-то
Был так прекрасно вдохновлен.

Давно сказав «прости» Кавказу,
К земле скорее поспешил
И заниматься здесь я сразу
Адвокатурою решил.

И, видишь, ей отдался весь я,
 Я «небеса» сменял на Русь,
 Теперь летаю в *поднебесье*
 Я лишь тогда, когда заврюсь.

Навеки брошу фараонов,
 Забуду свой разгул, как сон,
 Тебе из свода всех законов
 Устрою я высокий трон.

Пусть будет мой портфейль — корона,
 Портфейлем я не дорожу,
 На ноты все статьи закона
 Я для тебя переложу.

Я для тебя закон срифмую...
 10-й том, возьмем хоть... брак
 И, например, статью 8-ю
 Мы будем петь примерно так:
 «Кто от родителей похитит
 И увезет родную дочь...»

.....
 Не заведем мы ад проклятый
 В семейной жизни никогда,
 И применить к нам 45-й
 Статьи никто не сможет. Да!

Мы не расстроим рай содомом
 И будем счастливы вдвоем,
 Руководясь десятым томом,
 Мы превосходно заживем.

Не буду пить совсем я водки,
 Чтоб не поднялся шум и гам,
 Тебе, мой друг, на папильотки
 Прошенья старые отдам.

О, полюби меня, Тамара,
 И оцени мою ты страсть,
 И, коли хочешь, гонора
 Возьми в задаток 3-ю часть.

Возьми все старые прошенья,
 И даже я отдать готов
 Кассационные решения
 Тебе за несколько годов.

Ты для меня дороже мира,
 Дороже неба, ада мне!
 Тебя люблю я, как... кассира,
 Банк обокравшего вполне.

Люблю тебя, как дня сиянье,
 Как сумрак северных ночей,
 Как в крупной краже *оправданье*,
 Как безобразья богачей.

О нет, поверь, я не из трусов,
 Коль хочешь, речь скажу, изволь,
 И предо мною князь Урусов
 С Плевакой вместе — *сущий «ноль»*.

Твоей любви я жду как дара,
 Как богача призывный клик,
 В любви, как в речи, верь, Тамара,
 Я и логичен, и велик.

Тебя я с страстью зацелую,
 Ты там уж что ни говори,
 Статью, однако, сто седьмую
 На всякий случай зазубри!

Одно лишь помни: том десятый
 Способен наш разрушить рай,
 И потому в нем сто девятой
 Статьи, Тамара, не читай.

Э п и л о г

Скажу одно, что чудом граций
 Он не увлечься и не мог,
 А срок подачи апелляций
 Меж тем давно уже истек.

Гейне из Ирбита

(Екатеринбургская неделя. 1886. 19 февр., № 8)

В минуту раздумья

(Посв. памяти П.А. Кузнецова)

Тихо, как в могиле! Сердце жизни просит,
 Грудь от мук тяжелых ноет и болит.
 Веришь страстно в грезы, жизнь те грезы косит,
 На простор ты рвешься — глухо цепь звенит.
 Нет надежд минувших — жизнь их все скосила,
 Жизнь их все разбила, вьюга разнесла.
 И давно убиты вера, мощь и сила,
 И остались муки, муки без числа.
 Сердце очерствело — нет минуты страсти.
 Жизнь кипит как море, — полная борьбы.

Ум — не власть, а только жалкий призрак власти,
 Раб судьбы, покорный прихотям судьбы.
 Тихо, как в могиле. Горе душу гложет,
 Не могу я верить, не могу любить,
 И вопрос один лишь только ум тревожит:
 Жить или не жить?!

Гейне из Ирбита

(Екатеринбургская неделя. 1886. 3 авг., № 30)

Бал

Веселый пир — несутся вальса звуки...
 И веселишься ты с беспечною толпой,
 А я один, испытывая муки,
 С тоской в душе ломаю руки
 И... проклиная жребий свой.
 Да, мне давно чужды минутные забавы.
 Изведав их, одно узнал лишь я,
 Что все друзья, как женщины, лукавы,
 И женщины продажны, как друзья.
 Ведь я давно смеюсь над этою толпою,
 Погрязшею в чаду забав.
 Ты ж веселись и пой: ты молода душою,
 И у тебя на счастье больше прав.
 Я б рассказал тебе не призрачные сказки,
 Я б правду рассказал — все б поняла ты в миг,
 Я б пред тобой сорвал мишурные те маски,
 Что всякий здесь носить привык.
 Ты б поняла слова, записанные кровью.
 (Но нет — меня к себе ты не зови!)
 Я бы сказал тебе, что здесь зовут любовью
 Лжецы, не знавшие любви...
 Я бы сказал тебе, как та толпа лукава,
 Но я молчу, не смея проклинать...

 Ты ж веселись и пой: я не имею права
 Мгновений счастья разбивать...

Гейне из Ирбита

(Екатеринбургская неделя. 1887. 19 апр., № 15)

*«Ты — герой нашей жизненной сцены»****Герои***(Посв. М. А. Т.)*

1

Да, куда ни взгляни, всюду мрак.
Так живется и скучно, и плохо!
И герой нашей жизни — дурак
Или плут и известный пройдоха.
Грабят банки, казну тут и там,
Пусты кассы общественных банков,
И курят подлецам фирмам
Подлецы низших чинов и рангов.

2

Ты, ограбивший бедных сирот,
Ты, забывший и совесть, и Бога,
Получаешь отвсюду почет,
Потому что... в мощне твоей много.
Ты воруешь, и грабишь, и лжешь,
Раздвигая пространство арены...
О, далеко-далеко пойдешь
Ты, герой нашей жизненной сцены!

3

Ты, фразер, лишь пустой болтовней
Сыплешь в нас, словно градом картечи.
Я б пошел и в огонь за тобой.
Слыша эти гуманные речи.
Но... я знаю тебя: ты ведь лжешь
И за грош ты дойдешь до измены...
О, далеко-далеко пойдешь
Ты, герой нашей жизненной сцены!

4

Ты по совести должен судить,
Ты, судья, — воплощенная совесть.
Но к чему много так говорить —
Мне известна давно твоя повесть:

* Печатаются по изданию: Филимонов Ф.Ф. Шутки и пародии: стихотворения. Екатеринбург: Тип. «Екатеринбургской недели», 1886. 75 с.

Деньги есть — оправданье найдешь,
 Денег нет — ждут острожные стены.
 О, далеко-далеко пойдешь
 Ты, герой нашей жизненной сцены!

5

На суде жарко ты говоришь
 Иль поешь перед судьями сладко;
 Может быть, ты кого удивишь,
 Мне ж видна этой речи подкладка:
 Ты клиента дотла оберешь,
 Его свергнешь в острожные стены.
 О, далеко-далеко пойдешь
 Ты, герой нашей жизненной сцены!

6

Ты, имея «почтеннейший» вид,
 Но душою и мерзок, и скверен:
 Вдруг набравши товару в кредит,
 Расплатиться по грошу намерен.
 Кредиторов своих проведешь,
 Не понюхав острожные стены...
 О, далеко-далеко пойдешь
 Ты, герой нашей жизненной сцены!

7

Ты, актер, весь ничтожество сам,
 Без таланта, не знающий дела,
 Лишь на шлейфах почтеннейших дам
 Выезжающий бодро и смело,
 Уваженье и славу найдешь,
 Благодаря там Надины иль Лены...
 О, далеко-далеко пойдешь
 Ты, герой нашей жизненной сцены!

8

Ты, во имя общественных благ
 Записавшись в число филантропов,
 Сам и глуп, и продажен, и наг,
 Обираешь других идиотов.
 Ты из кассы для бедных возьмешь,
 За тебя покраснеют и стены.
 О, далеко-далеко пойдешь
 Ты, герой нашей жизненной сцены!

9

Ты, покинувши свой институт,
На балах уж блистаешь звездой.
И ослы за тобою бегут,
И все тают они пред тобою.
Первый шаг — это мужа найдешь,
Шаг второй — ты дойдешь до измены.
И, наверно, далеко пойдешь,
Героиня общественной сцены!

10

Но героев всех этих не счесть.
Много в них и нахальства, и лести,
Много в них разных гадостей есть,
Но зато... нет и признаков чести.
Им не страшен общественный суд,
Они жаждут простора и шири.
Коль они так далеко пойдут,
То дай Бог им дойти до Сибири!

Мнение ярого обскуранта

Ведь строить школ мужик не просит,
Ему дороже света мрак;
Доходов школа не приносит,
Приносит их казне кабак.

Итак: питейные умножить,
Начать как можно больше пить,
Скорей все школы уничтожить —
Вот средство Русь обогатить.

Провинциальная скука

Дамы, девицы...
(Скучно, хоть тресни!)
Старые птицы,
Старые песни...
Старые слезы...
Сплетни от скуки,
Старые грезы,
Старые муки.
Круглые плечи,
Очи — алмазы,

Глупые речи,
 Старые фразы,
 И вдохновение
 Кануло в Лету...
 Где же стремленье
 К счастью и свету?
 Старые птицы,
 Старые песни,
 Пошлые лица,
 Скучно, хоть тресни!

* * *

В полдневный жар в долине Дагестана
Лермонтов

В полночный час близ городской управы
 С лицом в грязи лежал недвижим я,
 И воспевал я глуповские нравы,
 И далеко неслася песнь моя.

Потом уснул, приснились мне чертоги,
 Обширный зал, молчанье было в нем:
 Там гласные, как греческие боги,
 Лежали все, покоясь мирным сном.

И спали так они бесцельно годы,
 Храпя вовсю, храня беспечный вид.
 И снились им доходы и расходы,
 И снился им громадный... дефицит.

Весна

Я по улицам грязным брожу,
 Лишь порой попадаютя люди,
 И невольно в испуге твержу:
 «С нами крестная сила, о, буди!»
 Грязь и слякоть кругом. Безобразно грязна —
 Вид всей улицы — вид неестественный.
 О весна, золотая весна!
 Я уж чую приход твой торжественный.

* * *

Я бреду. Попадается *чин*.
 Жмет мне руку совсем по-приятельски.

От каких-то чудесных причин
Не глядит обыденно предательски;
Рожа вся непомерно красна,
Нос весь сизый — совсем неестественный.
О весна, золотая весна!
Я уж чую приход твой торжественный.

* * *

А кругом-то, кругом все... навоз и навоз,
От него всюду запах разносится;
Он цветет, как квартального нос,
К обывателям в нос так и просится.
Пробудился весь город давно ото сна,
Только в думе все спят — что им лето!
О весна, золотая весна!
Пробуди царство сонное это!

* * *

От дыханья весны словно пьян,
Пробираюся вон я из города,
Я встречаю порою крестьян,
Отдохнувших от зимнего холода.
В духе все, редкий даже не пьян,
Все довольны (веселие страшно!).
Только нет для *посева семян*,
Ну, да это ведь дело не важное.
Все хохочут, улыбка ясна,
Смех веселый и речь всех свободная...
О весна, золотая весна!
Жаль одно, что ты будешь голодная.

* * *

Да, весна золотая летит.
Видны признаки всем несомненные.
Вслед за ней господин Дифтерит
С *madame* Оспой идут неизменные.
Их с собою весна привела,
Чтобы всем доказать осязательно,
Что не только поля, но и земства дела
Возрастут, расцветут обязательно.
Члены земства проснулись от сна,
Принялись за дела *неестественно*.
О весна, золотая весна!
Я уж чую приход твой торжественный!

* * *

1

Нечистот повсюду горы
 И миазмов всяких рой;
 В думе споры и раздоры,
 В земстве — спячка и застой.
 От еды трещит утроба,
 От вина не слышно ног.
 Это ты — моя трущоба,
 Мой родимый городок.

2

И скучно, и грустно, весь город наш спит,
 Пустынно (нет даже собак),
 Но только не дремлет и гордо стоит
 Страж матушки Руси — кабак.
 Нет в городе школ — но на что нам оне,
 Мы выпьем, заснем, снова пьем.
 Прогресс у нас виден лишь только в вине,
 И больше... и больше ни в чем.

Доро́гой

(наброски из цикла «Земские напевы»)

Ну, ямщик, погоняй лошадей,
 Направляйся же в путь, братец, с Богом.

.
 И вот мчусь я в телеге своей
 По ужаснейшим земским дорогам.
 Небывалая грязь на пути,
 От ухабов гигантских я трушу...
 О Господь, ты мой ум просвети,
 Облегчи мою скорбную душу!
 И шепчу я, предвидя беду,
 Убоясь изломать свои ноги:
 «Вероятно, и в самом аду
 Не так тряски и грязны дороги».
 Вот село. «Школа где?» «Как не так!
 Поступили, как прежде водилось:
 Мы поправили миром кабак,
 Ну а школа... сгнила и свалилась».

.
 Тут припомнилась мне невзначай
 одна песня (слыхал ее где-то)...

Погоняй же, ямщик, погоняй,
Чтобы в городе быть до рассвета.

Снова корь, снова оспа и тиф,
Я отчаянье вижу по лицам.
Добродушное земство схоронит одних,
А других развезет по больницам.
За труды наградит вас сам Бог,
Наградит он энергией, силой,
Вас, вкушающих *земский пирог*,
Просветителей родины милой.

Из сибирских сказок

Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдалась*.

Лермонтов

Скажи-ка, бабушка, недаром
В былое время деньги с жаром
Ведь загребали вы?
Трудна к богатству-то дорога,
Всем сердцем веря в милость Бога,
Наверно, вы трудились много,
Не вся головы?

— Да, были люди в наше время,
Лишь попадись — расколют темя
Огромным кистенем.
Завидная была их доля,
Им домом было чисто поле,
Гуляли все они на воле
И ночью, и днем.

Сегодня святки. Брось гаданье,
Я расскажу тебе преданье
Про «темные пути».
Жил-был у нас мужик невзрачный,
Он завседатой был кабачный,
С свиным-то рылом в ряд калашный
Задумал он пойти.

* Так в книге Ф. Филимонова. — *Прим. изд.*

В делишках темных был он тонок:
 Набрал 12 лошадемок
 И нанялся в извоз;
 Ходил он долго или мало,
 Того подробно я не знала,
 Но много чаю пропадало,
 А раз пропал обоз...

Он утопил в реке Байкале
 Телеги, лошадей.
 Да, были люди в наше время,
 Разбойничье лихое племя,
 Теперь уже другое время,
 Таких уж нет людей.

Его потомство стало хило,
 Положим, если б можно было,
 Сын взять кистень не прочь.
 Да ждет теперь он скоро...
 Завел себе апартаменты
 И грабит, лишь беря проценты,
 Но не в глухую ночь.

Другой тут был, герой известный,
 Один купец солидный, местный,
 Развратник и игрок
 (Он умер тоже небездетным).
 Владел богатством он несметным,
 Обзавелся двором монетным,
 Да все пошло не впрок.

Он жил в былое время славно
 И помогал казне исправно,
 Да становился хил.
 И вот, чтоб скрыть концы все в воду,
 Пять ведер водки дал народу
 Да, соблюдая нашу моду,
 Их всех в избе спалил.

Еще не смолкнули преданья
 Про эти чудные деянья —
 Ты их понять сумей.
 Да, были люди в наше время,

Разбойничье лихое племя,
Теперь уже другое время,
Таких уж нет людей.

В Сибири

Я в аду или нет? Грязь и мрак здесь царят,
Все каморки какие-то тесные,
У старинных столов всюду люди сидят,
И все Гоголя типы известные.
Говорят они здесь почему-то не вслух,
Вид имеют подьяческий, гаденький.
Первый стол — Петр Петрович Петух,
Стол второй — тип Манилова сладенький;
Вот, за гладкостью слога не очень гонясь,
Лишь ощутив карман (там не пусто ли?),
Плюшкин, век над бумагой клонясь,
Пишет, пишет весь век свой без устали.
Да, у всех здесь предательский вид,
Заслужили все славу нелестную,
Держиморда у двери стоит,
Дополняя картину чудесную.
Где-то крик. Правоту возлюбя
И от боли жестоко рыдая,
Обыватель сам порет себя,
Угруждать никого не желая.
· · · · ·
Да, прогресс, — век стремится вперед.
Только мы посылаем проклятия,
Потому что с прогрессом берет
Беспощадней «чернильная» братия.

Юрий Мандрика

В копилку знаний о заезжем энциклопедисте

В тот период, когда выходила серия книг «Тюмень полосатая»¹, автор этих строчек предлагал краеведу Валерию Чупину собрать все свои публикации для отдельного издания. Было не только придумано имя новому детищу, но и отпечатана обложка. Но Чупин не согласился. «Все это безнадежно устарело», — аргументировал свой отказ автор «Лукича»². Оказалось, что даже очерк о И.Я. Слобцове, помещенный в сборнике «Литературные фантомы»³, нужно переделывать кардинально в свете опубликованной переписки с С.И. Гуляевым⁴.

Еще одна попытка нарисовать портрет директора Александровского реального училища на фоне атмосферы выборов городского головы скорее завершилась неудачей. Существовавшая у большинства тюменцев уверенность в том, что опубликованный в конце XIX в. текст⁵ принадлежит Ивану Яковлевичу, была скорее похоронена, нежели факт авторства последнего поставлен под сомнение⁶.

Случайно обнаруженный в ГАРФе⁷ документ вызвал весьма противоречивые мнения у поклонников захавшего на четверть века в

¹ Серию открывала книга Е.М. Ганопольской «Моток стихоплетных кружев» (2009).

² См. перечень публикаций В. Чупина в: Краеведческий журнал «Лукич»: указатель содержания (1998–2003). Тюмень, 2008. С. 40–41.

³ Чупин В.А. Слобцов // Литературные фантомы [И.Я. Слобцов, Е.Л. Милькеев, Е.В. Кузнецов]. Тюмень, 1997. С. 6–12.

⁴ Иван Слобцов. Письма // Тобольские губернские ведомости: сотрудники и авторы. Тюмень, 2004. Т. 2. С. 318–437.

⁵ Слобцов И.Я. Письма из Тюмени претендента на должность городского головы // Литературные фантомы [И.Я. Слобцов, Е.Л. Милькеев, Е.В. Кузнецов]. Тюмень, 1997. С. 13–113.

⁶ Мандрика Ю.Л. Цензура поэтики и поэтика цензуры: Коллекция сведений о сибирской частной печати конца XIX — начала XX в. в жанре patchword. Тюмень, 2013. Ч. I: Цензура поэтики и... С. 247–273.

⁷ ГАРФ. Ф. 102, 3-е д-во. 1887. Д. 213.

Тюмень энциклопедиста «сеять разумное, доброе, вечное». Анонимка, отправленная из сибирского города в департамент полиции вряд ли добавит какие-то новые штрихи к биографии И.Я. Словцова. И вовсе не желание «очернить» имя, которое до сих пор твердо держалось на карте Тюмени, было у публикатора документов.

Подборка из газетных вырезок и архивных бумаг, *во-первых*, помогает лучше понять атмосферу купеческого города, не желавшего сколько-нибудь тратиться на содержание учебного заведения. Поэтому мне отчасти становится понятным поведение Ивана Яковлевича, который запрещал преподавателям Александровского реального училища поднимать на педсовете любые проблемы. А предлагал им заносить свои вопросы в специально заведенный журнал. И отвечал на них там же, лишь письменно, чтобы не породить склоку типа: «Он мне сказал, а я ответил».

Вот что писал о своем начальнике преподаватель, инспектор ТАРУ И. Введенский: «Искренности и прямоты нет в этом человеке; доверия никакого, а вместо этого мнительность и подозрительность во всем и страшное недоброжелательство». И делал вывод: «...действие г. директора я смею считать нелегальным, превышающим власть его как председателя и нарушающим самые основные начала всякого коллегиального учреждения, каковыми являются педагогические советы...»⁸. В анонимке звучит тот же мотив...

Подборка материалов о деятельности педагога поставлена в журнале вслед за стихами Федора Филимонова не случайно. Они также могут помочь понять некоторые нюансы бытования просвещенного человека, жившего в то время в Тюмени. А воздух, которым дышали поэт и гражданин, был в течение нескольких лет (не более трех) общим. Более того, часть поэтической строки Гейне из Ирбита вросла в название подборки газетных публикаций эпохи ««чернильной» братии». А учитывая, что в это время Ф. Филимонов сотрудничал с «Екатеринбургской неделей», то вовсе не исключено, что к сообщениям о манипулировании гражданина ученическими отметками приложил руку и пиит.

Во-вторых, до нынешней публикации архивных документов все, что мы знаем о нашем герое, — было продуктом научных изысканий историков советского и последующего периодов, чаще одних и тех

⁸ Дело об исключении Мошарова // Тобольские губернские ведомости: сотрудники и авторы. Тюмень, 2004. Т. 2. С. 459, 455.

же, за редким исключением. Впервые перед нами появляется мнение представителя власти. И мы можем сравнивать точку зрения на деятельность И.Я. Словцова и его окружения, сформированную нашим поколением, с мнением их современников.

К радости краеведов в публикуемых архивных материалах мы встретим много знакомых имен: Высоцкого и Огибенина, Тимофеевкова и Ядринцева. Многие сведения о них, которые имеются на сегодня, ничтожны. И источник опубликованной информации не всегда достаточно надежный. Поэтому даже незначительные штрихи из документов ГАРФа будут важны особенно для тех, кто когда-то все-таки напишет детальную биографию большинства из перечисленных выше фамилий тюменских жителей.

Отыщем в документах и мнения окружающего люда, предпочитающего скрываться под плащом анонима, а также сотрудника жандармерии о государственных преступниках, каковыми считались революционно настроенные обыватели.

И *в-третьих*. Письмо представителя местной жандармерии, о тонкостях работы которой мы знаем так мало, немного подымает завесу над тайной. Мы увидим, что всякая появившаяся сплетня подвергалась тщательнейшей проверке. Каждый «чих» уже при тех доморощенных технологиях был задокументирован. И трудно сказать, под чьей лупой жилось сложнее в провинциальном небольшом городишке: тюменского обывателя или местного жандарма?

Я думаю, что подоплека настоящей публикации, как и сама последняя, будут небезынтересны даже противникам попытки рассказать нечто очень личностное из жизни заезжего энциклопедиста.

Продукты жизнедеятельности «“чернильной” братии»

Суэта вокруг И.Я. Словоца

Тюмень*. С некоторых пор по городу начали распространяться слухи о различного рода неурядицах, происходящих в стенах Тюменского Александровского реального училища. Едва ли кого может не интересовать дело образования юношества и все то, что связано с этим делом вообще; а потому весьма естественно, что и я не мог не обратить внимания на слухи, ходящие про директора упомянутого выше училища И.Я. С-а, и не пожелать узнать, имеется ли хотя сотая доля правды в дошедших до меня слухах. Понятно, что для более основательной проверки толков о делах реального училища я обратился за разъяснением к некоторым знакомым мне учителям, как лицам, интересы которых близко сопрягаются с интересами училища. Признаюсь откровенно, что, приступая к проверке слухов и толков о г. С-ве, я был далек от мысли, что взводимые на г. С-ва обвинения подтвердятся, и находился в полной уверенности, что слухи окажутся сплетней, распу-

щенной праздными злыми языками, которых в провинции вообще, а у нас в Тюмени в особенности, не занимать стать. Но каково же было мое удивление, когда слухи о действиях г. С-ва оказались фактами. С самого моего приезда в Тюмень, т.е. в течение четырех лет, мне ни разу не доводилось слышать о г. С-ве что-либо компрометирующее его личность как директора, напротив, мне говорили, что заботы г. С-ва в делах заведываемого им училища превышают все возможное. Но вот — факты, избобличающие г. С-ва в поступках, не требующих особых комментариев для того, чтобы судить о них как о поступках, несовместимых с понятием о человеке, занимающем такой видный пост, как пост директора среднего учебного заведения. Одному из учеников Тюменского Александровского реального училища Путницеву, обучающемуся в 4 классе, из некоторых предметов ставят на учительском совете тройку, г. С-в, в силу каких-то соображений, выскабливает сек-

* Давая место настоящей корреспонденции, мы не ручаемся за ее достоверность, оставляя ее всецело на ответственности автора, имеющего данные, подтверждающие изложенные в ней прискорбные факты. **Ред.**

ротно от всех означенный балл и ставит двойку. Преподаватель механики г. П.М. Иванов в присутствии почти всех остальных учителей означенного училища уличает директора г. С-ва в подскобке и исправлении балла, и последний в совершении этого поступка тут же сознался. Затем, для того чтобы избавиться от нелюбимого им учителя, а именно преподавателя коммерческих наук г. Ф.А. Кейзера, г. С-в строит от имени матери одного из учеников (Крапивиной), без ее ведома и согласия, прошение на г. Кейзера, которое и отсылает по начальству, а так как в означенном прошении бедняга учитель бы выставлен человеком безнравственным, то его и постигла горькая участь — отставка. Об этом последнем обстоятельстве подана г. Кейзером жалоба на имя г. по-

печителя учебного округа. Чем объяснить подобные выходки г. С-ва, решать не берусь.

С тяжелым душевным гнетом и крайне неохотно берем в руки перо в тех случаях, когда приходится избобличать кого-либо в делах некрасивого свойства, а тем более обличать человека, стоящего не на последних ступенях в таком святом деле, как дело образования юношества. Грустно, но делать нечего! Судьба училища, с которым связана судьба обучающихся в нем детей, их родителей, и, наконец, судьба такого великого дела, на которое само государство возлагает большую часть своих надежд и упований, заставляют подавить в себе душевную боль и предать гласности поступки человека, поправшего так немилосердно свои святые обязанности.

С. Тарасевич

(Екатеринбургская неделя. 1886. 22 июня, № 24. С. 385)

Тюмень, 25 июня 1886 года. «С тяжелым душевным гнетом и крайне неохотно берем в руки перо в тех случаях, когда приходится избобличать кого-либо в делах некрасивого свойства», — так пишет автор корреспонденции из гор. Тюмени в № 24 «Екатеринбургской недели» и так же начинаем свое письмо по поводу означенной корреспонденции мы, преподаватели Тюменского реального училища.

«Судьба училища, с которым связана судьба обучающихся в нем детей, их родителей, и, наконец, судьба такого великого дела,

на которое само государство возлагает большую часть своих надежд и упований», заставившие автора корреспонденции взяться за перо, вынуждают и нас, скрепя сердце, с документами в руках, ответить фактами на сообщения г. С. Тарасевича, писанные им, если верить ему, со слов преподавателя механики П.М. Иванова и «некоторых других».

Дело представляется так: «одному из учеников Тюменского Александровского реального училища Путинцеву, обучающемуся в 4 классе», не «из некоторых предметов», а из русского языка

на испытании 25 мая 1885 г. было поставлено за успехи *два*, что и занесено *прописью* (без поправок и помарок) в экзаменационный список за подписью гг. Панова, Силецкого и Багаева. В заседании же педагогического совета 11–12 июня 1885 года при переноске в общую балловую книгу вместо балла *два* Путинцеву *ошибочно* выставлено *три*, вследствие чего оказалось возможным перевести его, Путинцева, в следующий, пятый, класс. Однако по указанию *преподавателя русского языка* А.Я. Силецкого эта ошибка *тут же*, в совете, была замечена, в силу чего балл *три* переправлен на *два* (в совете же), и первая резолюция (на полях балловой книги) «переводится в V класс» зачеркнута и заменена другою: «оставлен в том же классе по постановлению педагогического совета».

При этом достоин особого внимания тот факт, что как первая, так и вторая резолюции на счет Путинцева (а равно относительно других учеников) писаны рукой преподават[еля] механики П.М. Иванова, который тогда ничего не заявлял о какой-либо несправедливости или подделке. Точно так же под протоколом заседания совета 11–12 июня, где без помарок и поправок значит[ельно], что в числе других учеников оставлен в том же классе Путинцев Иван, имеется подпись «Петр Иванов» без всяких оговорок.

Для характеристики исправности Путинцева как ученика, который, можно думать, судя по

словам г. Тарасевича, подвергся придирам, возмутившим будто бы П.М. Иванова, приводим факт, свидетельствующий, что Путинцев и в нынешнем году едва ли был достоин перевода в следующий класс. Доказательством тому могут служить слова заслуженного преподавателя Ф.И. Пикеля, который, окончив экзамен в VI классе, в присутствии директора и инспектора заявил, что следовало бы рекомендовать Путинцеву выйти из училища, так как он по прошествии и двухлетнего пребывания в IV кл. не в состоянии ответить на 1-й бил. программы.

Затем что касается второго сообщения Тарасевича, будто для того, чтобы избавиться от нелюбимого учителя, преподавателя коммерческих наук г. Ф.А. Кейзера, г. С-в (т.е. Ив. Яков. Словцов, директор Тюменского реального училища) строчит от имени матери одного из учеников (Крапивинной), без ее ведома и согласия, прошение на г. Кейзера, которое и отсылает по начальству, можем сказать, что в делах училища имеется заявление г-жи Крапивинной, написанное и подписанное по ее безграмотству рукой ее сына, где действительно «бедняга учитель выставлен человеком» не то что безнравственным, однако таким, каким не подобает быть не только учителю, но и простому смертному. Об этом Ив. Яков. Словцов по обязанности директора не мог, конечно, не довести до сведения «начальства», тем более что мальчик Крапивин

почти немедленно вслед за этим был взят из училища по болезни, в происхождении которой, б.м., немалую роль играл заявленный г-жою Крапивиной факт обхождения г-на Кейзера с ее сыном.

Сказанного, вероятно, достаточно не только для восстановления истины, но и для того, чтобы судить, насколько опрятен и заслуживает доверия источник, из которого г. С. Тарасевич почерп-

нул сведения, «с душевной болью» преданные им гласности.

Преод. русск. языка

А. Силецкий

Лепехин

Ф. Багаев

Ю. Гейгель

А. Петров

Заслуженный преподават.

Ф. Пикель

И. об. инспектора Н. Панов

(Екатеринбургская неделя. 1886. 29 июня, № 25. С. 402–403)

Опровержение

Печатается на основании п. 44 приложения к ст. 4 (примеч.), т. XIV Св. Зак. Уст. Ценз. (по продолжению 1876 г.) по требованию г-на попечителя Западно-Сибирского учебного округа.

В № 24 газеты «Екатеринбургская неделя» за нынешний год напечатана корреспонденция из города Тюмени, подписанная г-ном Тарасевичем и приписывающая директору Александровского Тюменского реального училища статскому советнику И.Я. Словцову некоторые неблагоприятные дей-

ствия, позорящие честь самого училища.

Вследствие сего управление Западно-Сибирского учебного округа покорнейше просит редакцию «Екатеринбургской недели» напечатать в ближайшем номере газеты, что на основании имеющих в управлении учебного округа официальных данных сообщенные в упомянутой корреспонденции факты и приписываемые директору Словцову действия не имеют никакого основания.

(Екатеринбургская неделя. 1886. 27 июля, № 29. С. 465)

O tempora, o mores!

***Анонимка обывателей г. Тюмени,
адресованная в департамент полиции¹,
и комментарий к ней официального лица***

Ваше высокопревосходительство!

Приступая к изложению возмущающих нас, тюменцев, фактов, надеемся, что вы, проверив их на деле, пожелаете освободить наш город на радость отцов от зла, поселившегося между нами и столь пагубно действующего на воспитание наших ребят.

Кто не знает ту нашу преданность, которой мы отличаемся со времени дедов и прадедов к Престолу Его Императорского Величества и Августейшему Семейству. Сердце надрывается, когда подумаешь, что дети наши, воспитывающиеся в столь смутное время, ввиду окружающих их обстоятельств сделаются жертвами злодеев-извергов, ссылаемых из России в нашу злополучную Сибирь.

Многие из сих злодеев, находясь среди нас, находят себе последователей из не вполне окрепших характером юношей и заставляют сих последних служить себе орудием к развращению наших детей, подрывая в них свя-

тые чувства, любовь к родителям, почитание старших и пр., а в будущем создадут Желябовых и Рысаковых.

Мы, родители, занятые постоянно делом, не можем следить за нравственным воспитанием детей. В помощь нам, родителям, даны школы, где дети под руководством наставников должны воспитываться в истинной вере и в долге чести. Родитель, вверяя школе детей своих, надеется видеть их в будущем полезными гражданами; оно и так, но только с прискорбием оповещаем — не в нашем Тюменском реальном училище, где школа является рассадником невежества и ведет к растлевающим началам юношества. Директор Словцов не оправдывает доверия правительства. Наглядна стала нам его восьмилетняя служба при училище: пьянство по портерным; скандалы в публичных домах; непочтение своих наставников и возмутительные речи — вот результат воспитания нашего училища, которо-

¹ ГАРФ. Ф. 102: ДП, 3 д-во. Оп. 83: 1887. Д. 213: О собрании сведений по содержанию письма за подписью обывателей гор. Тюмени. Дело начато 31 марта 1887 и завершено 4 июня того же года. Публикуется практически без купюр.

му в пособие от нас, общественныхников, ежегодно поступает 10 000 руб. Поведение директора озадачило нас всех поголовно. Это срам помещать учеников на хлебниками к лицам неблагонадежным и даже к таким, которые находились и находятся под надзором: ученик 7 кл. Евг. Серебренников, находящийся ныне в лесной академии, за пьянство был помещен на квартиру к воспитателю Шестакову, где продолжал все-таки пьянствовать, и, связавшись с чужою женой, скрывался по ночам, и наконец был найден Шестаковым ночью в каком-то вертепе с нею, о чем им и доложено г. директору, который скрыл этот скандал от совета учителей, и Серебренников кончил учебу при отличном поведении, между тем как скандал этот был при начале экзаменов. И странно, что г. директор, узнав о скандале, тотчас перевел ученика Серебренникова на квартиру к Вениамину Саломатину, сосланного за мошенничество из России и подпавшего под надзор полиции и жандармской власти по обвинению в укрывательстве бежавшей из г. Ялуторовска политической преступницы Любатович. С перемещением Серебренникова квартира Саломатина открыта для учеников, и до сих пор там же жил и ученик Плотников, исключенный из Томского реального училища за образование тайного литературного кружка. Что же касается укрывательства Саломатиным Любатович, то Саломатин хотя и

подпал под подозрение, но нам всем известно, что Любатович была им спрятана в чулан, а дальнейшему побегу содействовали ссыльный Шаховской, Князев, Тимофеев и содержатель типографии Высоцкий, известный агитатор, друг и приятель директора Словцова.

Действия г. Словцова поражали и поражают нас и до сих пор. Какая дружба может быть между ссыльными Саломатиным и Шаховским и известными всем социалистами Высоцким, Князевым, Емельяновым, Ядренцовым и др. — и представителем нашего училища Словцовым?? Чего смотрит инспектор Панов? Неужели план действий Словцова сделал его соучастником пагубного воспитания детей?

Все мы видим, что квартиру Саломатина посещает политический ссыльный, бывший в каторге, впоследствии сосланный в Якутск и возвращенный на родину в Сургут, а в настоящее время проживающий в Тюмени на службе в конторе пароходства Курбатова Иван Папин. Квартира Саломатина всегда служила и служит притоном социалистов.

В продолжении восьми лет уже третий инспектор. Двое первых, Введенский и Пикель, отказались от службы со Словцовым. Пикель, не скрываясь, рассказывал, что отказ его произошел вследствие вредного влияния Словцова на учеников, из боязни сделаться ответчиком в воспитании будущих социалистов. Пикель

противился помещению мальчиков в квартирах Шипицыной, Боровикова, Саломатина и др. как лиц неблагонадежных, но по настоянию Словцова воспитанники все-таки жили у них. Евгений Серебренников соблазнил чужую жену, а его погладили по головке. Да как иначе поступить, когда учителя подают подобные примеры. Учитель химии Ф.Г. Багаев, явившийся в Тюмень с юга России, где долго пробыл по окончании технологического училища, и слышущий темною личностью по своим поступкам и влиянию на учеников. Он сошелся и жил совместно со ссыльною, из Херсонской губернии, в Томске и помещался на квартире у приятеля своего Клерикова. Небесполезно было бы проследить, кто сия особа, выдававшая себя за разводку. По слухам, она не кто иная, как пропагандистка. Бывший исправник Красин, судившийся в настоящее время за взяточничество, как будто и не его дело, что в гор. делается: самые темные лица могли приезжать и уезжать, возмущая нас, граждан, своим дурным влиянием и распространением книг и прокламаций, лишь бы служили для него источником наполнения его карманов. На глазах учеников сия ссыльная разводка посещала Словцова в здании училища и часто бывала в химической лаборатории, устроенной в подвальном этаже. Странно то, что Словцов усиленно покровительствует воспитанникам, поступающим на химическое отделе-

ние. Вербуя их поступать на такое, обещает им блестящую будущность. Вышеупомянутая разводка в июне 1886 г. уехала в Россию и была провожаема Словцовым, Силецким, Багаевым и другими учителями на станции железной дороги. Вот пример нашим детям!!!

Спросите капитана Облова, где харчевался Ф.Г. Багаев. Тот вам скажет, что по лицам, посещавшим Багаева под видом мастеровых, Багаев не кто иной, как агитатор среди юношества, а также, вероятно, из деятельных членов сибирского социального комитета, главный центр которого едва ли не в Томске. Из лиц, агитирующих между неразвитым людом в г. Тюмени, заслуживает внимания сапожник Кох, который распространяет противозаконные идеи под маской помешанного по кабакам и харчевням. Он есть не что иное, как орудие Ф. Багаева, Огибенина, Высоцкого и др.

Огибенин по вечерам занимался вместе с учениками, а также и один под руководством Ф. Багаева, и находился лаборантом до тех пор, пока не возникло негодование близких к училищу граждан, знавших Огибенина как агитатора. Вследствие такого ропота Словцов якобы устранил его, но на самом деле чуть ли не упрочил его положение при тюменском обществе социалистов. После этого Огибенин держал экзамен на уездного учителя в Екатеринбургe, а вероятнее, что кто-нибудь за него. Возвратясь в Тюмень, по

ходатайству Словцова он определен учителем уездного училища, в котором и другие учителя не безгрешны, напр., Ухолов.

И в то же время Огибенин допущен Словцовым заниматься вместе с учениками и Ф. Багаевым в училищной библиотеке и лаборатории.

Огибенин — агитатор в полном значении этого слова. В 1885 он был в переписке с одною из женщин-агитаторшей, проживавшей среди рабочих на Белимбаевском заводе. Письма адресовались на имя В.В. Улаказова. В 1881 Словцов укрывал, а затем и способствовал дальнейшему следованию ее в Восточную Сибирь, вероятно, по рекомендации своего друга и приятеля издателя «Восточного обозрения» Ядренцова. На вопрос, кто сия особа, Словцов упорно скрывал ее фамилию, выдавая ее за художницу, поручив ей исправить статую Петра Великого и др. Вид ее: брюнетка, волоса в скобу, в очках. Укрывавшийся одно время в Тюмени политический Никитин репетировал учеников училища по немецкому и арифметике с ведома Словцова, а товарищ Никитина Белицкий принят Словцовым учителем танцев и гимнастики. По словам Словцова, Белицкий кончил курс Одесского реального училища.

Ученик 5 кл. Досекин довольно открыто пропагандировал против власти, а в особенности против Особы Государя, надсмехаясь в классе на уроке рисования над

статуей Александра 2-го, так что ученики смущались нахальством своего товарища, и как ученики говорят, что об этом было доложено Словцову, но он не обратил внимания, и только по вторичном сообщении ему о том же он, Словцов, уговорил Досекина послать телеграмму отцу о согласии отца на выход его из училища, на какую телеграмму отец прислал разрешение. И странно то, что Словцов при отправке Досекина в Тобольск сказал ему: «Прощай, Вася, я тебя понимаю! В чем будешь нуждаться, пиши ко мне», — и, дав ему трубку и кружку табаку на дорогу, простился с ним очень нежно. Из Тобольска Досекин очутился в Екатеринбурге с целью поступить в реальное училище, но его не приняли. Об этом он сообщил Словцову и получил ответ с предложением опять ехать в Тюмень, чтоб поступить обратно в училище. Досекин действительно приехал, но поступить не мог благодаря некоторым учителям, которые хорошо знали его направление. Тогда он поступил рабочим на механический завод Игнатова и Комп., где пробыл недолго, и в то же время жил у Боровикова бесплатно, так как отец отказался помогать как непутному сыну (отец В. Досекина — жандармский офицер, ныне в г. Ишиме). В то же время В. Досекин проживал с учениками училища и репетировал их, что было хорошо Словцову известно, потому что он сам ему доставлял эти занятия.

Товарищи Досекина передают и посейчас, что он по поступлении своем в Тюменское училище энергично проводил между учениками социалистическое учение, так что к концу своей бытности он успел образовать в 5 кл. довольно значительный кружок с вредным направлением, чему, конечно, много способствовал сам Словцов своим явным покровительством.

Учен[ик] Волянский попался в чтении и распространении преступных книг и в заманивании в члены какого-то тайного общества, в котором кроме других учеников и лиц живое участие принимал сапожник из ссыльных Кох, поляк. Инспектор Пикель, раскрыв этот кружок чрез сына учителя Гейгеля, ученика 4 кл., сделал обыск и нашел все доказательства показаний ученика. Дело это передано Пикелем, со всеми доказательствами, жандармскому начальнику, а ученик Волянский, по докладу Пикелем совету, был немедленно исключен. Словцов, возвратясь из отпуска и узнав об этом деле, доложил главному инспектору в извращенном виде и успел, таким образом, потушить обнаружившееся вредное направление учеников училища, добившись прав для поступления Волянского обратно в училище.

Как тут не возмущаться при виде таких деятелей, какими мы окружены и по бедности терпим. Многие состоятельные граждане не помещают детей своих под начало Словцова, отправляя их в другие города, а нам бедным что

делать? Часто возмущается отцовское сердце тем, что посылаешь детей в училищную церковь молиться, а они во время обедни занимаются в химической лаборатории или в физическом кабинете с разрешения Словцова, а в торжественные дни, когда мы считаем обязанностью вознести Всевышнему молитву за здоровье Августейшей Семьи, наши ребята пьянствуют где-нибудь в поле или по портерным, и по сообщениям об этом Словцову воспитателем Шестаковым оставляется безнаказанным: так, например, ученики старших классов Щепеткин, Боженков, Унжаков и многие другие в день принятия Св. Причастия устроили развратное пьянство у чиновника Никифорова, и по сообщениям об этом воспитателем Соколовым Словцову было оставлено без последствий. Воспитанник Колчин 6 кл. во время вечерней молитвы на квартире учителя Кейзера, по словам учеников, живших вместе с Колчиным, при молитве Царю Небесный и Спаси Господи Колчин не встал; учитель Кейзер, по словам воспитателя Шестакова, записал Колчина в журнал и требовал наказания. Словцов посоветовал Колчину выйти из училища, что последний и сделал, надеясь, по обещанию Словцова, обратно быть принятым, что действительно и произошло. Он был принят чрез год в высший класс и кончил курс при отличном поведении, несмотря, что в последнем классе продолжал пьянствовать и дерзить Шестакову и другим.

Сообщая все вышеизложенное Вашему Высокопревосходительству на благоусмотрение, просим поспешить разоблачением всех действий Словцова и его сообщников, направленных к погибели наших ребят. Исключительное положение Тюмени с 30 000 населением и находящих на довольно значительном расстоянии от гг. Тобольска, Томска и Омска — устранен от правильного надзора за действиями лиц, имеющих по своему положению возможность распространять вредные идеи и образовать притон самым темным лицам и политическим ссыльным, которые тайно съезжаются из Ялуторовска, Кургана, Туринска и др. и пользуются средствами из сбора концертов, устраиваемых в пользу бедных учеников, что можно усмотреть из отчетов Словцова.

Если всмотреться в действия многих лиц, а в особенности Словцова и Ф.Г. Багаева и недавно скончавшихся Высоцкого и Саломатина, приходишь к тому заключению, что Сибирь служит гнездом, где рождаются социалисты не по дням, а по часам. Исправники бездействуют, озабочиваясь лишь легкою наживой, обирая живого и мертвого, а на лиц, разрушающих семейные и государственные основы, не обращают внимания, как бы не их дело.

Приступая к заключению, мы должны сказать, что терпение наше лопнуло, а потому мы и прибегаем к Вам: спасите наших ребят, устраните вредных наставников или

закрывайте наше тюменское училище. Пусть наши дети будут грамотны и воспитываются на медные гроши, как мы, отцы, но только бы не видеть их на виселице! Что видят наши дети? Священник-законоучитель Лепехин уже восьмой год при училище, может ли иметь нравственное влияние на ребят, если сам таскается и живет почти открыто с женою письмоводителя училища Соловьева? Доктор училища Катаев живет открыто с украденною им женою от директора Омской учительской семинарии Воденикова. Учитель Ф.Г. Багаев, как изложено выше, жил с какой-то социалисткой, а жена Словцова доступна чуть ли не всякому. Вот вертеп, в котором должны воспитываться наши дети.

Мы не думаем, чтобы жандармская власть в Тюмени смотрела снисходительно на Словцова и его друзей. Нет, этого быть не может, но почему бездействует — мы не знаем. Все, что мы сообщаем, — это лишь капля в море с теми безобразиями, которые у нас творятся. Спросите Пикеля, Введенского, Шестакова, Юргенсона (находящегося в настоящее время в Петербурге) и других учителей. Если перед нами, гражданами, они явно боролись против постоянного стремления Словцова лишить их доброго влияния на детей, то, вероятно, они и не откажутся в подтверждении вышеизложенного нами.

Сообщение наше без подписей может лишаться доверия, но Ваше Высокопревосходительство

поймете, что нам как обывателям города, занятым своею торговлею, неудобно пока выступить обличителями без призыва к тому, но если придется нам давать негласные показания, то будьте уверены, что никто из нас не откажется подтвердить не только изложен-

ное в настоящей записке, но и раскрыть массу новых улик вредных действий Словцова и его темных сообщников, которыми наполнены школы не только Тюмени, но и других городков и местечек.

*Обыватели г. Тюмени,
январь 1887 г.*

Секретно

Получена 21 мая

**Начальнику Тобольского
губернского жандармского управления**

Вследствие предписания Вашего Высокоблагородия от 25 минувшего апреля за № 216 доношу, что по содержанию всего изложенного в препровожденном при этом же предписании безымянном письме якобы «от обывателя гор. Тюмени» я проверял лично, насколько представилось возможным, и чрез подведомственных мне унтер-офицеров в гор. Тюмени, причем оказалось, что приписанные неизвестным автором означенного письма действиям г. директора Александровского Тюменского реального училища Словцова унижающие его качества не нашли себе основательно подтверждающих данных по следующим обстоятельствам:

1) Ученики названного училища помещаются у родителей своих, родственников или у лиц, служащих по Министерству народного просвещения (штатного смотрителя уездного училища Сафонова, преподавателя реального училища Селецкого и учительницы Тюменской женской прогимназии Юхновой), или у лиц, известных училищному педагогическому совету своею нравственностью (священника Арефьева, диакона Парышева), или у лиц, благонадежное поведение которых удостоверено местным полицейским управлением (купца Баранова, жены умершего отставного чиновника, содержавшего типографию Высоцкого, мещанки Ольги Шитовой, дворянки Смоленской, мещанки Пелагеи Шумновой).

До означенного же распоряжения департамента полиции квартиры учеников были у лиц, подававших об этом прошения в училище, где таковые предварительно обсуждались в педагогическом совете, который тогда только разрешал этим лицам иметь ученические квартиры, когда не усматривал в поведении их, просителей, законных причин к отказу, независимо сего, за проживающими на таковых квартирах учениками установлен надзор от училища посредством посещения таковых квартир одним из помощников классных учителей, на которого возлагается таковая обязанность. Ввиду чего ука-

занные в письме бывшие квартиры ученика Плотникова у Вениамина Саломатина, по ремеслу бриллианщика и золотых дел мастера, умершего 12 сентября 1885 года, не оставались без надзора со стороны училища, и таким путем не могло бы не обнаружиться что-либо предосудительное в поведении за квартированием упомянутых учеников Плотникова и Серебренникова в доме названного Саломатина, как равно и в отношении квартирования учеников у Шипицыной Боровикова и других.

2) Указанные в письме Иван Андреевич Введенский и Франц Иосифович Пикель состояли до 1882 года: первый — и.д. инспектора реального училища в Тюмени, а второй — инспектором гимназии в Тобольске. В 1882 году по распоряжению главного инспектора училищ они переведены один вместо другого, из них Франц Иосифович Пикель состоял и.д. инспектора реального училища до конца 1884/5 года (учебного), постоянно хворал, получал неоднократно пособия для излечения болезней, ездил в Киргизскую степь, на Кавказ, в Привислянскй край, а затем он по прошению освобожден от обязанностей инспектора, оставшись преподавателем в том же реальном училище, и я не слышал, чтобы он рассказывал кому-либо о вредном направлении учеников директором Словцовым, а Введенский за какое-то скандальное происшествие между ним и бывшим губернским страпчим Радловым в общественном собрании в гор. Тобольске 1885 года был уволен или переведен куда-то из Тобольской гимназии.

3) Упомянутый в письме ученик Евгений Серебренников окончил курс дополнительного класса реального училища в 1885 году. В течение пребывания его в училище он в нетрезвом виде замечаем не был, жил он на квартире у помощника классных наставников Шестакова, от которого заявлений в журнал или педагогическому совету училища о нетрезвости Серебренникова не было, самый важный проступок его, записанный в штрафной журнал, был 4 февраля 1885 года и заключается в том, что он дозволил себе явиться в числе замаскированных в приказчиий клуб. Об этом было дознано самим директором Словцовым, явившимся в сопровождении инспектора училища Пикеля утром 5 февраля в квартиру этого ученика, где отыскал у него маску, послужившую к уличению и признанию в сем проступке, за этот проступок педагогическим советом училища 11 февраля того же 1885 г. постановлено: оценить поведение Серебренникова баллом 3. В мае месяца 1885 года во время выпускных экзаменов директор училища Словцов, узнав по слуху, что Серебренников вошел в связь с женою Тарасевича, служившего в паровой конторе Курбатова и Игнатова в Тюмени, просил бывшего тюменского исправника Красина дознать об этом секретными справками. Исправник Красин сообщил директору Словцову, что дознанием никаких доказательств

любовной связи Серебренникова с женою Тарасевича не открыто и считает таковую сплетней. Сам же Серебренников объяснил директору Словцову, что он действительно встречал в квартире Шестакова жену Тарасевича, но связи с ней не имел, и что раз Тарасевич прибил свою жену, и она, как знакомая Шестакова, где жил Серебренников, явилась туда и просила Шестакова указать ей дом, где бы могла она найти убежище от побоев мужа. С другой стороны, Шестаков в разговоре на днях с подведомственным мне вахмистром Остарковым высказал ему, что во время квартирования у него бывшего ученика Евгения Серебренникова сей последний действительно находился в любовных отношениях со знакомой ему, Шестакову, женою служившего в паровой конторе Курбатова и Игнатова Тарасевича, выбывшего из Тюмени в 1885 году в Казань, что для сей цели Серебренников имел свидание в квартире проживающей в Тюмени в собственном доме вдовы крестьянина Авдотьи Липчинской, которая обстоятельство это подтвердила, объяснив при разговоре с нею Остаркову, что Серебренников более двух месяцев заходил к ней в квартиру, куда являлась и жена Тарасевича, Вера Тарасевич, и тут они имели наедине в отдельной комнате любовную связь, причем хотя они и угощались вином, но не напивались до опьянения. После этого Серебренников был перемещен из квартиры Шестакова в дом упомянутого Саломатина, вдова которого объяснила вахмистру Остаркову, что за время квартирования в их доме Серебренникова вместе с другими учениками он поведения был хорошего и ни в каких предосудительных поступках не замечался. Названный же выше Шестаков вышел из училища по прошению в сентябре 1886 года для поступления на более выгодное место — в контору пароходства Курбатова и Игнатова; в настоящее время состоит регентом при церкви св. Илии Пророка, где находится церковным старостою тот же купец Игнатов, от которого он, Шестаков, получает жалованье; перед выходом из училища Шестаков заявил претензию и неудовольствие на грубое будто бы с ним обращение и.д. инспектора Панова, но при разбирательстве дела претензия признана неосновательною.

4) Означенные в письме учителя реального училища: а) Николай Иванович Соколов был помощником классных наставников и учителем рисования. В 1883 году за замеченное директором училища Словцовым непосещение Соколовым церковных служб вместе с учениками в качестве помощника классных наставников, а также ученических квартир, от должности помощника классных наставников был устранен. В том же 1883 году по врачебному исследованию оказалось, что в квартире Соколова обнаружился у его детей сифилис, вследствие чего ему воспрещено было главным инспектором училищ содержать ученическую квартиру. Кроме того, он был замечен в

предосудительном рисовании карикатур на реальное училище, которые сообщались им служащим в оном. В августе 1886 года Соколов переведен в Омскую классическую гимназию, а затем в Сибирский кадетский корпус; б) Кейзер — за замеченное за ним нетрезвое и сварливое поведение, в каковом состоянии он 17 ноября 1885 года, являсь домой на свету, разбудил находившихся у него на квартире учеников Ерофеева и Крапивина и выгнал последнего на улицу, вследствие сообщения об этом директором училища Словцовым попечителю учебного округа Западной Сибири Кейзер уволен из училища (в настоящее время находится в Омске); в) Юргенсон Александр Федорович в 1883/4 учебном году переведен был главным инспектором училищ в Томскую классическую гимназию. Из имеющихся в реальном училище сведений известно, что Юргенсон иногда дерзко обращался с учениками и за оскорбление действием ученика Шарова получил выговор от главного инспектора училищ.

5) Относительно прописанного в письме участия учеников Щепеткина, Боженова и Унжакова в кутеже, происходившем будто бы у чиновника Никифорова, в делах училища есть две записи от 15 апреля 1882 г.: первая — учителя рисования Соколова следующего содержания: «Стороною пришлось мне узнать, что в Великий четверг после Св. таин наши ученики VI класса Боженов, Глазков, Щепкин и проч. произвели изрядный кутеж с пляскою в квартире чиновника Никифорова, где, как говорят, они давно уже изволят собираться для таковых целей. Говорят также и о том, что об этом сообщено инспектору своевременно, но последнее, конечно, видимая ложь, так как не далее как 5 апреля был совет и о таких важных проступках и помину не было, нелишним бы кажется проверить слух». Вторая — производившего по делу этому исследование и.д. инспектора реального училища Пикеля: «О сказанных проступках в квартире помощника бухгалтера казначейства Никифорова я узнал в свое время путем посещения квартир учеников, причем выяснилось, что Никифоров не устраивал, да на 500 руб. годового содержания и не в состоянии устраивать пирушек, т.е. выпивок, и все угощение ограничилось чаем, и время проходило в учении танцам. Откуда видно, что посещение ученических квартир дает возможность узнать о жизни питомцев вне заведения. Поэтому я недоумеваю, что помощник классных наставников (которому было поручено таковое посещение квартир) так поздно и то стороною узнал, по слухам, об упомянутых пирушках. Почему помощник классных наставников не посещал квартир? По мере выяснений обстоятельств сборищ этих учеников в квартире Никифорова докладывал директору, который, как я знаю, наказал виновных и принял меры к прекращению зла, а мне поручил усилить надзор за квартирами». Из упомянутых учеников VI класса Бо-

женов по постановлению педагогического совета 3 мая 1885 года не был допущен к выпускному экзамену: «по неудовлетворительности его познаний и небрежному отношению к ученическим обязанностям», так как Боженков уже оставался 2 года в V классе реального училища, то на два года оставаться в VI классе не имел права по циркулярному распоряжению министра народного просвещения, поэтому и уволен из училища. Унжаков, сын умершего чиновника, 3 мая 1883 года по прошению опекунов этого ученика был уволен в отпуск в Томск и затем по прибытии в Тюмень хотя и был допущен к экзамену, но на таковой не явился, а поступил на службу писцом в Тюменский приказ о ссыльных.

6) Указанный в письме ученик реального училища Василий Досекин, сын бывшего помощника начальника Тобольского губернского жандармского управления в Ишимском округе ротмистра Досекина, поступил в училище по просьбе родителей в августе 1881 года и обучался в нем по 18-е апреля 1883 года. По прошению отца от 8 апреля того же 1883 года он взят из реального училища для перемещения в учебное заведение, ближе отстоящее от места жительства его отца, который тогда состоял помощником начальника Оренбургского губернского жандармского управления в Троицком и Челябинском уездах. За время бытности Досекина в реальном училище он был замечен, с внесением в штрафной журнал, в лености, неуместных рассуждениях с преподавателями, опаздывании на уроки и курении табаку, но в таком важном проступке, какой взведен на него в безымянном письме, что он надсмехался в классе на уроке рисования над бюстом в бозе почившего Императора Александра II и пропагандировал против власти, он не был замечен. Если бы подобные случаи имели место в классе, то преподаватели, как рисования, так и других предметов, обязательно должны были бы заявить устно или письменно директору училища, а если бы последний ничего не предпринял, то в педагогическом совете училища, а однако же никем из преподавателей или учеников о подобных случаях не было заявляемо. Выданное Досекину за четыре класса реального училища свидетельство (18 апреля 1883 года) подписали директор Словцов, инспектор Пикель, преподаватель рисования Соколов, преподаватели Юргенсон, Ефимов и законоучитель священник Лепехин. Ввиду чего я не думаю, чтобы члены совета и тот же учитель рисования Соколов решились бы подписать означенное свидетельство, если бы он, Досекин, действительно был виновен в упомянутых весьма важных проступках.

Затем 16-го апреля 1884 года в педагогическом совете Александровского реального училища было заслушано прошение Василия Досекина о разрешении ему держать испытание за шесть классов училища. В протоколе того же 16-го апреля членами совета записано

следующее: «По прочтении проступков Досекина, записанных в штрафной журнал (за время учения его в сем училище), совет не признал вправе отказать ему в экзамене». Но на испытание Досекин не явился, а поступил в это время служащим в механическое заведение пароходовладельцев Курбатова и Игнатова, откуда он выбыл в гор. Тобольск в 1884 году и жил там у зятя своего, директора ветеринарной школы Лыткина с тою, как слышно, целью, чтобы приготовиться к поступлению в какое-либо учебное заведение, но был ли он когда в Екатеринбурге, чтоб поступить там в реальное училище, неизвестно. По прибытии же отца его, ротмистра Досекина, по переводу в 1884 году из гор. Троицка в гор. Ишим на должность помощника начальника Тобольского губернского жандармского управления он, сын его Василий, жил у него в гор. Ишиме до самой смерти ротмистра Досекина, последовавшей 13-го сентября 1886 года, а затем, как известно, Василий Досекин остался на жительстве в том же городе Ишиме, где поступил для письменных занятий к состоящему там какому-то чиновнику по крестьянским делам.

7) Приведенный в письме поступок ученика Колчина, проживавшего на квартире у преподавателя Кейзера, заключавшийся в том, как видно из записанного преподавателями в штрафном журнале, что вечером 17-го сентября 1885 г. во время вечерней молитвы учеников, проживающих также у Кейзера, Колчин не встал, а продолжал читать какую-то книгу, а на предложение г. Кейзера встать ответил: «Я не встану», записан в штрафной журнал, и за проступок этот ему был сделан строгий выговор. Этот ученик Колчин поступил в IV класс Александровского Тюменского реального училища из Томского реального училища в августе 1882 года; в следующие годы он переходил в V и VI классы, при выпуске его из VI класса училища педагогический совет аттестовал его так: посещал уроки аккуратно, опаздывал редко, приготовлял уроки аккуратно, но не вполне тщательно, поведение 5 баллов.

8) Упомянутый в письме ученик Плотников поступил в VII класс здешнего реального училища в августе 1885 года из Томского реального училища, по окончании в оном курса VI класса. Плотников отношением директора Томского реального училища от 14 марта 1884 года за № 92 аттестован поведения отличного, причем в примечании сообщено, что он в последние два года в раздраженном состоянии дозволил себе два раза заявить в тамошнем училище в несколько грубой форме свои претензии. Во время состояния своего в училище с ним были припадки меланхолии, выражавшиеся частыми плачами, и по освидетельствовании его врачами, городским Гасиловым и местной военной командой Катаевым, признавшими его в ненормальном психическом состоянии, был помещен, по телеграмме отца

его из Томска, в городскую больницу в Тюмени около 19 числа февраля 1886 года, а затем, по свидетельству 31 марта врача Гасилова, Плотников был выписан из больницы и стал посещать классы, но при экзамене 1886 года испытания не выдержал, а потому был уволен из училища и выбыл в Томск. Затем Плотников поступил в Красноуфимское реальное училище, как сообщено об этом директором того училища от 1-го октября 1886 года за № 124.

9) Указанный в письме Никитин Евгений репетитором в здешнем реальном училище немецкого языка и арифметики не состоял. Он бывший ссыльнополитический и находился в гор. Таре под надзором полиции; по приезде в Тюмень в сентябре или октябре месяца 1883 года он проживал в заречной части гор. Тюмени, большею частью в доме мещанина Ивана Рогожникова, занимался частным подготовлением учеников по предметам заданных им уроков в квартирах их родителей, а именно: названного Рогожникова сыновей Анемподиста и Федора; мещан: Константина Боровикова — Николая, Ермолая Певзнера — воспитанника Бориса Белина; отставного фельдфебеля Василия Молодкина — сына Алексея (ныне умерший) — и подготовлял на поступление в Московское коммерческое училище детей купцов: Петра Трусова — сына Александра, где он в настоящее время и находится; Михаила Патрушева — Федора, который ныне уволен из Московского коммерческого училища и живет у своих родителей; причем как поименованными лицами, так и кем-либо другим он ни в чем с предосудительной стороны не был замечен. Выбыл он из гор. Тюмени 15 июня 1884 года в гор. Томск, пред отъездом своим из Тюмени он говорил упомянутому Боровикову, что побывает в Тобольске, где будет ходатайствовать у господина губернатора о разрешении ему поступить в Томский университет, а в настоящее время, по словам того же Боровикова, Никитин находится в гор. Томске, где занимается частными уроками с учениками и получает за это большие деньги. Но по какому виду он проживал у мещанина Рогожникова — неизвестно полиции, так как ни сам Никитин, ни Рогожников и никто из упомянутых лиц, у коих он учил детей, о таком проживании его не заявляли местной полиции; 2) Белицкий Александр в феврале 1884 года, проездом из Астрахани в Иркутск, обратился к директору реального училища Слобцову с заявлением об открытии им танцевального класса, куда просил отпустить для обучения танцеванию учеников. Г. Слобцов, находя неудобным разрешить собрание ученикам для такого обучения их вне училища, пригласил Белицкого давать в училище, после обеденного времени, для желающих учеников уроки танцев, а утром вне занятия — гимнастики. Таким образом Белицкий занимался февраль, март и апрель месяцы 1884 года; из имеющегося при делах реального учили-

ша свидетельства, выданного Астраханским городским полицейским управлением, 1884 года за № 9821, видно, что он, Белицкий, крестьянский сын гор. Астрахани, судился по размену фальшивого кредитного билета, но ни в каких других поступках и в политической неблагонадежности замечен не был, поведения хорошего.

10) Концертов в пользу учеников реального училища в 1883 году было два — с одного выручено 105 руб., а с другого 94 руб., деньги сданы в казначейство под квитанции за № 3600 и 4671. В 1884 году с концертов 18 и 20 марта собрано 32 руб. 50 коп., и деньги сданы в казначейство под квитанцию за № 2034, в том же году с музыкального вечера в сентябре месяце собрано 135 руб. и сдано в казначейство под квитанцию за № 3895, и в ноябре месяце с концерта собрано 90 рублей и сдано в казначейство под квитанцию за № 5029. В 1885 году с музыкальных вечеров в апреле месяце собрано 66 руб., в марте 49 руб. и в декабре со спектакля 200 руб., и сданы под квитанции за № 931, 1448 и 4773. В 1886 и в текущем годах до настоящего времени любительских спектаклей и музыкальных вечеров не было устраиваемо. Сбор денег как со спектаклей, так и с музыкальных вечеров производился под контролем полиции, куда любители, участвовавшие в устройстве оных, представляли отчет и корешки проданных билетов. Количество денег на пособие бедным ученикам определяется педагогическим советом: для взноса за них денег за право учения или на содержание; мелкие пособия, как, например, покупка фуражки, пояса, ранца и т.д., определяются по указанию классных наставников, и расход оных ведется в денежных книгах училища.

11) В отношении указанной, но не названной в письме какой-то будто бы ссыльной из Херсонской губернии в Томск, проживавшей в гор. Тюмени в доме Клерикова, то о ней по частным справкам известно, что она Мария Марциловна Гриневич, прибыла в Тюмень в октябре или ноябре месяцах 1884 года, а выбыла из оного в феврале 1885 года в гор. Одессу; она имела при себе паспорт, выданный ей с.-петербургским обер-полицмейстером в 1884 или 1885 годах с согласия ее мужа (звание которого неизвестно); действительно, за время проживания ее на квартире в доме упомянутого отставного чиновника Ивана Ивановича Клерикова (служившего в Томском губернском суде, ныне занимающегося по частным делам адвокатурой и состоящего членом городской думы и агентом Российского страхового от огня общества) находилась в интимных отношениях с учителем Тюменского реального училища Федором Григорьевичем Багаевым, так как квартира эта была нанята им, Багаевым, для себя, но жил в ней совместно с Гриневич, как это знали и знакомые его, а именно: означенный Клериков, жена его, начальница Тюменской женской прогимназии Мария Реймундовна Клерикова, а также, ве-

роятно, и те учителя реального училища, которые бывали у Багаева, о чем, быть может, и неизвестно было и директору реального училища Словцову, но чтобы она посещала этого директора и бывала бы в аналитической лаборатории училища, как об этом значится в письме, то никаких подтверждающих в том данных не получилось. Сам Багаев в политической неблагонадежности заподозреваем не был, и никаких сведений в этом отношении против него не заявлялось, а указанный в письме отставной капитан Облов, который будто бы видел каких-то посещавших Багаева лиц под видом мастеровых, оказался умершим 11 октября 1886 года.

12) О приведенном в письме случае исправления по поручению директора Словцова бюста Петра Великого какою-то подозрительной личностью, выдававшей себя художницей, я узнал под благовидным предлогом от господина Словцова, что он в каникулярное время 1881 года искал мастера, который бы мог исправить сломавшиеся в училище гипсовые орнаменты; к нему явилась и предложила исправить эти орнаменты женщина-брюнетка, но без очков и с длинными, как ему помнится, волосами, причем назвала себя проезжею из Иркутска в Россию Евдокией Адамовой Трояновской, которая в неделю или несколько более исправила гипсы и куда-то уехала из Тюмени; личность эту ранее он никогда не видал и затем ничего о ней не слышал.

13) Приписанные в письме занятия учеников во время церковных обеден в праздничные дни не подтвердились какими-либо данными; в эти неприсутственные дни никаких учебных занятий учеников в реальном училище не бывает.

14) Упомянутый в письме Огибенин Тарас в 1882 году был привлечен к дознанию по обвинению его и других арестантом Андреем Яковлевым Первухиным в принадлежности к партии социалистов в Тюмени, но дело это господином министром юстиции по соглашению с господином министром внутренних дел производством прекращено и установленный за ним надзор полиции снят, и с того времени никаких данных в политической неблагонадежности его не обнаружено. Огибенин, как видно из документов Тюменского уездного училища, по удостоверению директора Екатеринбургской гимназии от 1 июля 1884 года за № 367 о выдержании Огибениным экзамена на звание учителя уездного училища и выданного в том свидетельстве попечителя Оренбургского учебного округа от 11 июня 1885 года за № 2413, и по удостоверению тюменского окружного исправника от 22 мая 1884 года за № 10395 о хорошем поведении и политической благонадежности, определен 4 июля 1885 года учителем в Тюменское уездное училище и преподает в оном начальным учебным предметам в 1-м параллельном классе. По лично данному

мне отзыву г. штатным смотрителем названного училища Сафоном, он за Огибениным ничего предосудительного не замечал, что к делу преподавания он относится весьма усердно, что Огибенин из староверов, крещен 12 сентября 1880 года 17 лет от роду по собственному желанию священником Никольской церкви Стефаном Поповым в Василье-Шайтанском заводе Верхотурского уезда Пермской губернии, а также что Огибенин женат на сельской учительнице Екатеринбургского уезда и имеет дочь, которые живут совместно с ним. Огибенин, как я лично узнал от директора реального училища Словоцова, просил его в мае месяце 1884 года о разрешении заниматься ему в лаборатории училища аналитической химией, на что г. Словоцов ввиду того что Огибенин имеет быть учителем и к тому же в то время химического отделения дополнительного класса не было еще открыто, а лаборатория оставалась пустою, то он и дал ему разрешение на означенное занятие в лаборатории, но каждый раз под неперменным руководством преподавателя химии Багаева, и таким образом Огибенин занимался примерно с месяц и затем до четырех раз в рождественские каникулы 1885 года — определением железа в рудах; а в библиотеке училища он никогда не занимался.

15) Указанный в письме случай увольнения ученика II класса реального училища Станислава Волянского в августе 1882 года, по поводу обнаружившейся политической неблагонадежности его (о чем представлено донесение начальнику Тобольского губернского жандармского управления бывшим помощником его подполковником (ныне полковник) Гарновским от 5 сентября 1882 года за № 375), произошел действительно вне бытности в то время директора училища Словоцова в Тюмени по случаю нахождения его в отпуску, но затем Волянский обратно в названное училище не был принимаем.

16) В отношении указания в письме на то, что будто бы квартира упомянутого Саломатина (умершего в 1885 году) всегда служила и служит притоном каких-то социалистов, то таковой притон, если бы действительно существовал, неминуемо был бы обнаружен, так как дом этот находится неподалеку от Тюменского окружного полицейского управления и вход в него открыт на виду для всех с улицы, при этом в этом же доме квартирует окружной доктор Черемшанский. При расспросах вдовы упомянутого Саломатина Елены Саломатиной, около 60 лет, подведомственным мне вахмистром Остарковым касательно указанного в том же письме посещения их квартиры состоящим под гласным надзором полиции ссыльным государственным преступником Иваном Папиным, равно как и о знакомстве его с ними, объяснила, что она такого Папина и не знает, а помнит только служившего в Тюмени акцизным надзирателем Михаила Папина, но слыхала, что у него есть какой-то ссыльный брат, но личности она его

не видала; что учеников на квартире она, по старости лет, не держит. Означенный Папин состоит служащим в паровой компании Курбатова и Игнатова на набережной реки Туры пристани; в 1886 году он женился на бывшей учительнице Тюменской женской прогимназии Марии Шамовской. За время нахождения Папина с 29 ноября 1885 года в Тюмени ничего вредного или предосудительного в политическом отношении не обнаружено, а по имеющимся в делах моей канцелярии спискам от тюменского окружного исправника о поднадзорных лицах в гор. Тюмени по обвинению в государственных преступлениях поведения Папин аттестован хорошего.

17) Прописанное в письме укрывательство упомянутым Саломатиным бежавшей из гор. Ялуторовска в июле месяце 1878 года ссыльной государственной преступницы Ольги Любатович и что она была им, Саломатиным, спрятана в чулане, а дальнейшему побегу содействовали ссыльный Шаховский, Князев, Тимофеенков и содержатель типографии Высоцкий, то, как видно из дел моей канцелярии, о побеге означенной преступницы Любатович было произведено по распоряжению г. тобольского губернатора в том же 1878 году формальное следствие предварительно помощником ялуторовского исправника Костырко, а потом советником Тобольского губернского правления и впоследствии советником же губернского суда г. Имсен, и таковое следствие господином начальником губернии было препровождено к г. начальнику С.-Петербургского губернского жандармского управления (неизвестно, в какое время), а затем по предписанию бывшего начальника Тобольского губернского жандармского управления полковника фон Плотто от 2 декабря 1881 года за № 843 вследствие отзыва к нему г. начальника С.-Петербургского губернского жандармского управления от 11 ноября 1881 года за № 1542, в котором сообщено, что при вверенном ему управлении производится дознание о задержанной и обвиняемой в государственных преступлениях Ольги Любатович, бежавшей в июле месяце 1878 года из гор. Ялуторовска, где она находилась на поселении по приговору суда по процессу 56 лиц в Петербурге 1877 года, было произведено об этом же побеге Ольги Любатович бывшим помощником того же начальника Тобольского губернского жандармского управления в Тюменском округе подполковником Гарновским дознание в порядке закона 19 мая 1871 года, причем по собранному при этом дознании сведениям, основанным на слухах, Любатович проезжала через гор. Тюмень в июле месяце 1878 года и отправилась в Екатеринбург с тобольским мещанином Семеном Сонцевым и с ним заезжала к Саломатину для покупки очков. На это опрошенный Сонцев показал, что он 26 июля 1878 года действительно выезжал в Европейскую Россию с попутчицею, проезжавшей из гор. Ялуторовска и прожи-

вавшей в бывшей гостинице Соловьева (в гор. Тюмени). Предъявленную ему при этом фотографическую карточку Ольги Любатович он не признал, сказав, что она на его спутницу совершенно не похожа. Саломатин в предъявленной ему той же карточке Любатович не признал таковую за знакомую ему личность. Затем оконченное производством дознание это подполковником Гарновским было представлено г. начальнику С.-Петербургского губернского жандармского управления от 17 марта 1882 года за № 102. Таким образом, как при этом дознании, так и впоследствии не представилось никаких данных, которые положительно бы указывали на прописанное в письме участие упомянутых еще лиц: ссыльного Шаховского (умершего в 1886 году в гор. Казани), купцов Князева и Тимофеевкова и держателя типографии отставного камергерского асессора Константина Высоцкого (умершего 10 октября 1886 года) — в том, чтобы они в чем-либо могли содействовать дальнейшему побегу Ольги Любатович.

После смерти упомянутого Высоцкого осталась жена его Людмила Высоцкая, 45 лет, в болезненном состоянии, сын Николай, находящийся в Екатеринбургском реальном училище, дочь Людмила, которая и заведует оставшейся по смерти отца типографией и литографией по разрешению г. тобольского губернатора от 9 марта сего года за № 162. Она ни в чем с предосудительной стороны в политическом отношении замечена не была.

18) Упомянутый в письме сапожник, из ссыльных, Франц Кох в 1882 году был привлечен вместе с другими лицами к дознанию, произведенному подполковником Гарновским (ныне полковник), поговору арестантом Андреем Первухиным, обвиняемым в убийстве семейства крестьянина Туринского округа Сучкина, в принадлежности к партии социалистов в Тюмени, но дело это господином министром юстиции по соглашению с господином министром внутренних дел производством прекращено, с отменой принятой против него меры пресечения, заключавшейся в установленном за ним полицейском надзоре. Затем никаких прямых указаний или заявлений не было предъявляемо в отношении завинения его в государственном преступлении, и справками этого не обнаружено, но если Кох, как приписывается ему в письме, распространял бы противозаконные идеи по кабакам и харчевням, то таковые действия его не могли бы не обнаружиться чрез личное кем-либо из сведущих лиц заявление об этом местному начальству; так, например: в Тюмени были обнаружены мною в декабре 1883 года, по заявлению проживавшего в Тюмени бывшего рижского мещанина, а впоследствии курляндского крестьянина Карла Гринупша, при обыске у ссыльного Карла Норберга революционные издания, именно № 6 газеты «Народная воля» от 15

октября 1881 года, «Программа Сибирского демократического союза» — без означения времени сего издания (о чем донесено мною 3 декабря 1883 года за № 287), а произведенное дознание препровождено г. тобольскому губернскому прокурору 15 декабря того же 1883 года за № 314. Названный в письме социалистом упомянутый выше купец Иван Князев ничем себя не завинил в таком преступлении, а означенных тут же под фамилиями Емельянова и Ядренцова в Тюмени не обнаружено.

19) Приведенное в письме указание на то, что будто бы ссыльно-политические лица тайно съезжаются в Тюмень из Ялуторовска, Кургана и Туринска, очевидно вымышленное, так как по установленному за ними полицейскому надзору самовольная отлучка такового поднадзорного с места причисления считается побегом, что вызвало бы со стороны подлежащих властей и должностных лиц к принятию немедленных мер к разысканию виновного.

20) Сделанные в письме оговоры: священника Иоанна Лепехина — в том, что будто бы он таскается и живет почти открыто с женою письмоводителя реального училища Соловьева, и жены директора реального училища Словцова Елизаветы Степановны Словцовой — в том, что будто бы она доступна чуть не всякому, не заслуживают уважения, так как названный священник пользуется всеобщим к нему расположением и уважением за свои вполне бескорыстные духовно-церковные исполнения за время состояния его приходским священником при церкви Успения Пресвятой Богородицы в Тюмени более десяти лет, и только недавно, в конце марта текущего года, он оставил этот приход по случаю перевода его на открывшееся место священника при церкви Александровского Тюменского реального училища, где с самого открытия этого училища состоит законоучителем, и на таковой должности он заслужил прекрасные о себе отзывы как со стороны преподавателей, так и учащихся. Кроме того, он обладает красноречием и выдающимися способностями проповедника слова Божия и духовных поучений, произносимых им в церкви; он семейный, и я ни от кого о нем с предосудительной стороны не слышал. Точно также в отношении г-жи Словцовой таких вышеприведенных порочащих ее честь проявлений с ее стороны не замечалось; она участвовала иногда в любительских музыкальных вечерах, на которых весьма хорошо играла на рояле музыкальные сочинения разных композиторов; с декабря месяца 1885 года она проживает в гор. Екатеринбурге по случаю воспитания сына ее в тамошней гимназии.

21) В отношении же указанного в письме сожителства доктора местного военного лазарета г. Катаева с женою господина Водяникова Елизаветою Александровною, то таковое верно, но действительно ли он украл ее, как сказано в письме, этого неизвестно, живет же он с

нею более шести лет, жизнь ведет скромную; он имеет обширную практику по своей профессии как доктор, к тому же искусный акушер; она же редко у кого бывает, и говорят, что она чахоточная.

Ввиду изложенного и соображаясь со слухами в гор. Тюмени, я прихожу к такому убеждению, что настоящее при сем представляемое безымянное письмо составлено таким автором или кружком лиц, которые руководствовались собственными, личными, какими-то невысказанными неудовольствиями на г. директора здешнего реального училища Словцова; причем могли быть и такие обыватели города, которым просто не по нраву ежегодный взнос из городских доходов 10 000 р. на реальное училище, тем более что ожидание на увеличение городского дохода с проведением железной дороги от Екатеринбургга до Тюмени не оправдалось, и городской доход посредством этой дороги несколько пока не прибавился; то поэтому в среде жителей могут быть и такие лица, которые в интересах сбережения городских сумм желали бы даже закрытия реального училища, чтоб избавиться от означенного ежегодного расхода на это училище.

Ротмистр Исполатов

Николай Коньков

Выговский «раскольщик», современник М.В. Ломоносова

Он — полярный мореход, входивший в окружение М.В. Ломоносова (историки называли его знакомым, близким приятелем и даже другом ученого), один из первых в плеяде исследователей Груманта, его «Сказки» о посещении студеного архипелага до настоящего времени не утратили своего значения. Славный сын Севера более известен под именем Амоса Кондратьевича Корнилова. Сведения о нем скудны и отрывочны, в его биографии имеются многочисленные «белые пятна», которые так и не удалось устранить. Начнем с того, что мы до сих пор не знаем дату его рождения. Правда, в одном синодике без указания года названы месяц и число рождения полярного морехода — «июня месяца 15 дня»¹.

Другая загадка связана с местом его рождения. Вероятно, родился Амос Корнилов в Олонецком крае. Так, в ряде документов 1743 и 1745 гг., прикладывая руку в качестве свидетеля, он называл себя «олончанин». В рапорте от 20 августа 1764 г. главного командира Архангельского порта Петра Чаплина по вопросу о медицинском осмотре кормщиков, рекомендованных М.В. Ломоносовым в полярную экспедицию, также есть указание на олонецкое происхождение знаменитого помора: «прибывших ныне к ним с Груманта с западной стороны на промышленничьем олончанина Амоса Корнилова судне»².

¹ Сводный старообрядческий синодик по четырем рукописям XVIII–XIX вв. СПб., 1883. С. 31. — Вне всякого сомнения, что, прежде чем отправиться в качестве кормщика на Грумант, он должен был потрудиться в судовождении к рыбовецким становицам на Мурманском берегу и выказать организаторские способности и знания в морском деле. Учитывая все это, можно предположить, что в 1734–1737 гг., когда Амос Корнилов стал промышленлять на Груманте, ему было, по всей вероятности, 25–30 лет. Значит, родился Амос Корнилов в начале XVIII в., между 1705–1710 гг.

² Перевалов В.А. Ломоносов и Арктика. Москва; Ленинград, 1949. С. 480; Визе В.Ю. Русские полярные мореходы из промышленных и служивых людей XVII–XIX вв.: биограф. словарь. Москва; Ленинград, 1948. С. 32–35.

Во время проведения подушной переписи он записан в двойном окладе. Такую повинность несли старообрядцы («старолюбцы»).

Возможно, какое-то время он находился в крупнейшем на Севере центре старообрядчества — Выговской пустыни. Отсюда в качестве представителя киновии он отправился в Архангельск. «Реестр имен лжеучителей раскольнических» Выгорецкой обители называет его среди монастырских служащих: «Еще приказчики имеются в разных местах купечества их, а именно: у Архангельского города — Амос Корнилов». В губернском центре, надо полагать, он поселился в качестве представителя Выговского монастыря довольно рано. Как свидетельствовала губернская канцелярия, «оной Амос из давних лет у города Архангельского безвыездно своим двором и жительство имеет». Место расположения его двора в сохранившихся документах не указано, хотя засвидетельствовано наличие в доме собрания редких книг и коллекции икон: «старопечатные и рукописные многие книги, иконы и отливные кресты по их раскольническому суеверию, противные и предосудительные святой восточной церкви, писанные»³.

Таким образом, Амос Корнилов читал дониконовские богословские и богослужебные книги, поучения Аввакума и его последователей.

В Архангельске «выговский старолюбец» организовал дело, стал заниматься рыбными и звериными промыслами в Белом море и Ледовитом океане. Сохранившиеся источники дают возможность судить о характере и объеме промысловых занятий Амоса Корнилова. В 1764 г. он рассказывал, что имеет он ныне на «Шпицбергене и в Новой Земле морские моржовые и прочие звериные промыслы. А перед сим за 23 года ходил он от города Архангельского и из Мезени кормщиком, за шкипера на прежних старинных и новоманерных судах, из которых прежние шиты были еловыми прутьями»⁴.

Таким образом, на рубеже 30–40-х гг. XVIII в. Амос Корнилов управлял судном, но для этого нужно было иметь многолетнюю практику судовождения.

³ Государственный архив Архангельской области (далее — ГААРО). Ф. 1. Оп. 1, т. 2. Д. 3543. Л. 1–2, 5.

⁴ Первалов В.А. Ломоносов и Арктика. Москва; Ленинград, 1949. С. 243. — Русские становища располагались на островах Эдж, Баренца, Принца Карла, Медвежьем, на Северо-Восточной Земле, и особенно много их было на западных и северных берегах Западного Шпицбергена (Пасецкий В.М. Разгадки тайна ждет: история Первой международной полярной экспедиции. Ленинград, 1983. С. 105.

Писатель С.Н. Марков относил начало «грумантских плаваний олончанина» к 1737 г.⁵ Однако источники позволяют внести некоторые уточнения. 23 марта 1734 г. императрица Анна Иоанновна повелевала «посланным от помянутых выгорецких раскольников промышленникам в ловле всяких морских зверей и рыб и других животных различных родов, и миловидных куриозных вещей, также и лесовых всяких зверей живых, и во отправлении оных ко двору Ея Императорского Величества запрещения и помешательства и остановки никому не чинить»⁶.

С этого времени, надо полагать, выговские суда стали отправляться на морские берега Ледовитого океана. Основные маршруты: Новая земля и Шпицберген (Грумант). Имеются свидетельства о посещении выгорецкими промышленниками Березовского воеводства (т.е. Оби и Тазовской губы)⁷.

В апреле 1748 г. по требованию Архангельской коммерц-конторы Амос Корнилов показывал, что «на Груланде, он, Корнилов, бывал сам в 737, в 738 и в 739 годах для собственных своих моржовых промыслов и тамо де в тех годах зимовал», еще раньше, в 1734 г., он и его «товарищи были ограблены на Груманте каперами, которые оказались галанской нации»⁸.

Приведенные свидетельства позволяют заключить, что не позднее 1734 г. выговские «скитники» стали посылать свои промысловые суда к Груманту. Сначала, видимо, эпизодически, а с 1737 г. промысловые экспедиции стали постоянными, регулярными.

Таким образом, Амос Корнилов стоял у истоков выговских морских промыслов. Он не только наставник и организатор, но и непосредственный участник промысловых экспедиций на Грумант.

В 1748 г. Амос Корнилов свидетельствовал: «А от 1739 года и поныне повсягодно для оных промыслов посылаются от него, Корни-

⁵ Марков С.Н. Вечные следы: книга о землепроходцах и мореходах. Москва, 1982. С. 251.

⁶ ГААрхО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 2. Д. 3543. Л. 3 об.

⁷ Визе В.Ю. Русские полярные мореходы из промышленных и служилых людей XVII–XIX вв.: биограф. словарь. Москва; Ленинград, 1948. С. 32–35; Первалов В.А. Ломоносов и Арктика. Москва; Ленинград, 1949. С. 480; Марков С.Н. Вечные следы: книга о землепроходцах и мореходах. Москва, 1982. С. 251.

⁸ Огородников С.Ф. Русские на Шпицбергене в 1747–1748 гг. // Русская старина. 1889. № 6. С. 704.

лова, по одному судну с промышленниками, из которых де тамо и зимуют повсягодно, а в прошлых де 1746 и 1747 годах на оной Груланд, или Шпицберген, ездили посланные от него, Корнилова, для промысла моржовых зверей промышленники: в 1746 г. Двинского уезда из поморских волостей, а в 1747 г. от города Архангельскому на новоманерных судах: на щерботе и на гугоре, из которых де посланные в 1746 г. на щерботе промышленники обратно вывезли к городу Архангельскому в 1747 г. оных моржовых зверей кожи, сало и зубы, а других де никаких вещей в вывоз с Груланда не было, а посланные де в 1747 г. на гугоре промышленники и ныне зимуют тамо, которым де надлежит быть обратно в нынешнем 1748 г. в августе или сентябре месяце»⁹.

В 1749 г. Амос Корнилов отправился на Грумант по поручению сальной компании графа П.И. Шувалова. Во время плавания он подошел к острову Малый Берун (Эдж) и обнаружил там поморов, зимовавших шестой год. Это были мезенец Алексей Химков и три его товарища, оставшиеся на острове по трагической случайности. На судне Амоса Корнилова отважные мореплаватели прибыли в Архангельск. Это событие нашло отражение в художественной литературе (Бадигин К.С. Путь на Грумант. Москва, 1953)¹⁰.

В 1764 г. Амос Корнилов в числе четырех промышленников был вызван в Морскую комиссию в связи с подготовкой экспедиции В.Я. Чичагова. Тогда он и дал показания о том, что бывал на Новой Земле и 15 раз ходил на Шпицберген (Грумант) и «неоднократно зимовал там». Ежегодно на промысел отправлялись в мае.

М.В. Ломоносов отмечал, что на Грумант российские промысловики «хотя и много позже приходят ...Николина дня» (т.е. 9 мая по ст. ст.). Возвращались в конце сентября—начале октября («однако остаются иногда до Воздвиженьева дня», т.е. до 14 сентября). Из этого свидетельства не всегда делался верный вывод. Так, некоторые авторы считали, что продолжительность грумантских промыслов составляла три-четыре месяца. Однако это не соответствовало действи-

⁹ Огородников С.Ф. Русские на Шпицбергене в 1747–1748 гг. // Русская старина. 1889. № 6. С. 704–705.

¹⁰ См.: Ле-Руа. Приключения четырех российских матросов, к острову Шпицбергену бурей принесенных. Москва, 1955; Харитонов А. Архангельские промышленники на Груманте (Шпицбергене) // Отечественные записки. 1849. Т. 66: № 10. Огородников С.Ф. Русские на Шпицбергене в 1747–1748 гг. // Русская старина. 1889. № 6. С. 703–706.

тельности. Грумантский промысел предполагал зимовку. Амос Корнилов внес следующее уточнение: «Отъезд в июне и в июле, а приезд через год в августе и в сентябре месяце». Значит, русские промышленники находились на Груманте 10–12 месяцев. Это значительно больше, чем сроки пребывания в этом районе иностранных промышленников, которые «туда на летние промыслы ездят ...на кораблях для китоловного промысла, а тамо не зимуют». Русские промышленники были «круглогодичными» жителями архипелага, не случайно их называли «годовщиками». На Груманте они познали туманы — «бич полярных стран», снежные заносы в разгар лета, полярные сияния в зимнюю безоблачную погоду — одно из самых красивых и захватывающих явлений природы. Им были знакомы грумантские ветры и выюги, слякоть и сырость. Они наблюдали за сменой времен года, а также полярной ночи и полярного дня: «От 15 августа до 10 октября солнце ночью невидимо станет. А хотя зори и видимы, но и то только до 4 ноября. А от 4 ноября до 15 января днем и во всю ночь темнота. А с 15 января по 14 февраля зори таки видимы. А с 14 февраля солнце покажется и с марта с последних чисел заката не имеет по 15 августа». «Во время де того зимования, — сказывал Амос Корнилов, — промышленники имеют жительство на берегу в избах, а оныя избы, також и дрова, отсюда в тамошнее место возят на своих судах».

Находясь на Груманте, российские промышленники, по словам выговского приказчика, добывали песцов, оленей, белых медведей, ловили преимущественно треску, собирали «пух гагачий», охотились на диких гусей, куропаток. Других промысловых занятий на архипелаге «никаких он, Корнилов, не знает и от других ни от кого о том не слышал».

Продукция, полученная в результате промысла, поступала в казну и частично на продажу. Например, в 1741 г. Амос Корнилов продал иностранным купцам Крестьяну (Христиану) Бахману и Юрию Сперлингу 260 песцов «белых рослых», 100 песцов серых и пять белых медведей. В том же году, согласно записи в торговой книге, он отпустил «от города Архангельского к Москве по выписи на имя бывшего общежительства Ефрема Лошкина товару, осталога от прошлых лет привозного с моря своего промысла, 20 зверей морских». А в ноябре 1766 г. отправил в Петербург в два приема 220 серковых кож¹¹.

¹¹ ГААрхО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2970. Л. 17 об., 27 об., 44 об.

Во время своих пребываний на Груманте и Новой Земле Амос Корнилов вел наблюдения за природными явлениями, движением льдов и, возможно, вел какие-то записи. Позднее он рассказывал М.В. Ломоносову: «В бытность его на Шпицбергене оных льдов самая толстота им, Корниловым, вымеривалась лотом. И оказывалось по глубине на дно, когда тот лед на мель принесет и остановится, до 50 сажен, да сверх воды еще толщины до 10 сажен и более, шириною же та льдина примером более 30 саженей, а длина от 50 сажен и более». Ломоносов включил в свой труд «Краткое описание путешествий по северным морям» «данные Амосовых наблюдений» об особенностях полярных сияний и о состоянии льдов в районе Груманта.

«Амос Корнилов, архангелогородский мореходец, который на оном острове был для промыслов пятнадцать раз, неоднократно там зимовал, — писал ученый, — и в бытность его здесь в Санкт-Петербурге мною о тамошних свойствах обстоятельно спрашивал, с утверждением сказывал о помянутом электрическом явлении: 1) что там северные сияния бывают без дуги; видны одни только сполохи, 2) в западные ветры оные сполохи идут от запада над головою и по всему небу, 3) во время северных ветров показываются они на полудни, а в южные ветры являются в севере, 4) что во время восточного, восточно-южного и восточно-северного дыхания онога сияния не бывает. По онога же Корнилова сказкам, западное море от реченного острова по большей части безлюдно бывает, восточное льдинами наполнено»¹².

Все эти сведения, по нашему мнению, М.В. Ломоносову были сообщены выговским мореходом ранней весной 1762 г. 25 февраля Амос Корнилов выехал в Санкт-Петербург «к высочайшему Его Императорского Величества двору с казенными лесными и морскими живыми зверьми»¹³ и прибыл в столицу, по-видимому, в конце марта — начале апреля. Тогда он, надо полагать, навестил ученого и ответил на его вопросы, в том числе о движении льдов и полярных сияниях.

Историками С.Ф. Огородниковым и В.А. Переваловым были обнаружены «Сказки» (отчеты) Амоса Корнилова о своих поездках на Грумант. Эти документы представляют несомненный интерес, так

¹² Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Москва; Ленинград, 1952. Т. 6. С. 461.

¹³ ГААрхО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6002. Л. 13.

как, по существу, являются первыми известными историкам отечественными описаниями полярного архипелага. В них дана характеристика растительности Груманта. В частности, самыми распространенными растениями, по мнению выговского промышленника, являлись мхи и лишайники. Амос Корнилов отмечал, что на архипелаге «никакого лесу не растет, и трава простая, без цветов, вырастает не более вершка; которою олени питаются». Интересные сведения промышленник привел о ложечной траве, жители Шпицбергена называли ее «салатой». Она произрастала во многих местах архипелага, особенно у птичьих базаров. Листья ее круглые, «величиной с нынешний медный грошевик», использовали полярники в качестве важного противочинготного средства. Салату употребляли на протяжении всего промыслового сезона. «В летнее де время свежую салату парят в печи и варят на огне в воде и в квасу, и как упрет, то оною воду и квас пьют теплое, а и свежую по нужде, кто пожелает, есть можно, а в зиму запасают квашенную наподобие капусты сеченой, и секут так, как капусту, и варят вместо щей с мясом и рыбою и постное, и употребляют так, как щи»¹⁴. Можно полагать, что многим русским полярникам, зимовавшим на Шпицбергене, это растение спасало жизнь.

В «Сказках» Амоса Корнилова находим данные о животном мире архипелага. «На том же Шпицбергене-острове ловлены им были олени, песцы черные и белые, медведи белые ж, а черных медведей нет. Имеются и птицы — дикие гуси, чайки наподобие утки, гагарки, нартыши, чистики, куропатки, чайки, из коих он с товарищами на пищу ловили».

Наиболее полно описал Амос Корнилов хозяйственную деятельность и быт российских промышленников в тяжелых арктических условиях.

В «Сказке» 1749 г. Амос Корнилов сообщил, что в летнее время («а тамо не зимуют») промышленляли «иностранцы, а из российских промысловиков, кроме выговских “скитников”, а напредь сего ездили на больших мореходных судах мезенцы, токмо де от великих тамошних льдов, за поглублением судов их и бывших на тех судах людей, ныне уже не ездят».

Значит, какое-то время настоящим владельцем промыслов Шпицбергена был представитель Выговской обители, архангелогородский

¹⁴ Огородников С.Ф. Русские на Шпицбергене в 1747–1748 гг. // Русская старина. 1889. № 6. С. 706.

житель Амос Корнилов. На русской, западной, стороне Груманта было его становище. Здесь находилась просторная, срубленная из плавника и бревен, привезенных с материка «из Архангельска», промысловая изба. Под руководством Амоса Корнилова воспитывались кадры полярных мореходов. Назовем мезенца Федора Рычкова и олончанина Аверкия Филипова, которые были назначены кормщиками в арктическую экспедицию В.Я. Чичагова в 1765–1766 г.

О посещении Груманта Амосом Корниловым после 1764 г. сведений нет, биографы утверждают, что в это время он был в преклонном возрасте. Возможно, все это верно, но прожил отважный мореплаватель еще свыше 10 лет. Согласно «Сводному старообрядческому синодику» и «Выгорецкому летописцу», он умер в 1780 г. Там сказано: «Того же [17288–1780] году прежде маня 14 [дня] Амос Корнилов преставился»¹⁵.

В заключение обратим внимание на еще одно «белое пятно» в биографии славного члена «поморской киновии».

Дело в том (к сожалению, это приходится признать), что мы до сих пор не знаем его фамилии. Традиционное двучленное наименование «Амос Корнилов» — есть не что иное, как имя и отчество, то есть имя его родителя: «Амос Корнилов сын».

В фондах Государственного архива Архангельской области сохранилось несколько дел о промысловой деятельности выговских «пустынножителей». В них упоминается в одних случаях Амос Корнилов, в других — Амос Валютин. Отсюда можно предположить, что это одно и то же лицо. Правильность такой версии подтверждает датированный 1767 г. «Наряд по указу обер-егермейстерской канцелярии о сыску раскольника Амоса Валютина и о приеме от него 30 серковных кож и о присылке оных в Санкт-Петербург».

В нем между прочим сказано: «Олонецкого уезду Выгорецкого жительства записной раскольник Амос Корнилов сын Валютин»¹⁶. Таким образом, можно считать, что удалось выяснить в ходе поиска фамилию этого замечательного помора XVIII в., и тем самым открываются новые возможности для дальнейших исследований.

¹⁵ См.: Братское слово. 1888. Т. 1: № 9. С. 800; Сводный старообрядческий синодик по четырем рукописям XVIII–XIX вв. СПб., 1883. С. 31.

¹⁶ ГААрхО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7595. Л. 1, 8–8 об. Также см.: Ф. 1. Оп. 1. Д. 7338. Л. 20. — В популярной и художественной литературе Амосу Корнилову придано без ссылки на источник отчество «Кондратьевич», что надо признать ошибкой.

Приложения

***Из показания мезенского промышленника
Ивана Мелехова. 4 марта 1762 г.***

...в прошлом 1759 году в июне месяце отпущено было от него, Мелехова, судно с работными людьми для сальных и звериных моржовых промыслов на Грумант. И в этом году в июле месяце, не дошед до оною Груманта, оное судно, обще с отпущенными от города Архангельского в том же году на оной сальной звериной и моржовой промысел ...из Архангельской промысловой конторы Данилова раскольнического скита от раскольника Амоса Корнилова, двумя судами во льдах застряло. А бывших на тех судах как его, Мелехова, тако ж и показанного раскольника Амоса Корнилова работных людей в малых корбасах занесло бурей в Датцкую землю в Финмаркен на пустой остров. А оттоль в том же 1759 году в сентябре месяце, а которого подлинно числа, сказать он, Мелехов, не упомнит, оные занесенные бурей в Датцкую землю в Финмаркен реченного острова остальных 11 человек россиян, которые с голоду и стужи почти мертвы находились и которых по большей части, как в бот, так и из оною носить принуждены были мы, видя жалостное их состояние, да и то, что многие из оных никакой пищи более употреблять уже не могли, но онаю обратно с кровью выхаркивали, приложили об них особливое попечение и лекарствами купно с другим за ними хорошим присмотром привели до того, что они по прошествии четырнадцати дней паки по-прежнему выздоровели. После по объявлению их, что 11 человек из них одному ж купцу именем Ивану Мелехову, живущему в Мезени, неподалеку от Архангельского города, а протчие четыре человека Омосу Корнилову, находящемуся в Архангельском городе, принадлежат, которые оба суть купцы знатные, дали мы ...наше собственное судно, на котором мы для себя дрова возим, и снабдили их потребным провиантом на весь путь до самого их отечества, на противу того они обещали на пустой остров работные его люди 11 человек обще с показанными Данилова раскольнического скита раскольника Амоса Корнилова работниками ж его 4 человеками на судне, данном им от тамшних жителей, к ним, Мелехову и Омосу Корнилову, оттоль обратно в Мезень возвратились.

(ГААрхО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6002. Л. 19–19 об.)

*Из письма гаммерфестского
пастора Клауса Христиана Килштруна. 1762 г.*

...в августе месяце 1759 года разбило при берегу одного острова здесь в Финмаркене, называемого Камень, которой лежит полмили в море ...и на котором никто не живет, ниже туда ездит, кроме одного человека, именем Андреас Петенссена, которой однажды в год приезжает туда сено косить. Сей человек помянутых 15 россиян нашел в достойном жалости состоянии, ибо они начинали уже живота своего лишаться, из которых, однако, он четырех человек, кои еще в силе были и могли помалу идти, перевез с собою шесть миль чрез море сюда в Гаммерфест. А как мы нижеподписавшиеся, а именно я, Клаус Христиан Килштрун, пастор Гаммерфестского прихода, и я, Петербук, купец, торгующий в Гаммерфесте ж, услышали об обстоятельстве помянутых несчастливых людей, которые, будучи нам приятели и соседи здешнего государства, привели нас в жалость, то послали мы на нашем коште бот для привезения... на другой год наше судно назад привезть...

(ГААрхО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6002. Л. 5–6)

Юрий Мандрика

О пристрастии к местной истории

*Вместо послесловия к публикации наследия
Н.Л. Конькова*

Пять очерков историка покойного тоболяка Николая Конькова должны дать читателю представление о пристрастиях краеведа. Его интересовали люди. Он пытался составлять их биографии...

В свое время в журнале «Лукич» был опубликован очерк Н.Л. Конькова об основателе Тобольского губернского музея Иване Николаевиче Юшкове (2003. Окт., № 2. С. 54–95; Дек., № 3. С. 75–101). Мастерство поисковика позволило нарисовать портрет бывшего редактора «Неоф. ч. Тоб. губ. ведомостей» во всех его ипостасях. Для этого были привлечены множество архивных материалов, выписки из газет. Публикацией в качестве приложения большого количества документов Н.Л. Коньков лишь подчеркнул неслучайный интерес к жизни своего земляка, так много сделавшего для создания духовной атмосферы Тобольской губернии.

Появившиеся в данном номере материалы из наследия покойного выглядят несколько скромнее. Не исключено, что автор не успел их завершить. Так, в биографии бывшего председателя Тобольского губернского правления А.И. Дмитриева-Мамонова (достаточно известная фигура, но вот имя историка сибирской печати не попало ни в «Тобольский биографический словарь», ни в «Большую Тюменскую энциклопедию») отсутствует даже упоминание о его журналистской деятельности.

В октябре 1903 г. Александр Ипполитович совместно с бывшим иркутским городским головой В.П. Сукачевым решили получить разрешение на издание в Петербурге научно-литературной еженедельной газеты «Сибирское обозрение» без предварительной цензуры. Но, по данным департамента полиции, бывший вице-губернатор А.И. Дмитриев-Мамонов — «лицо с ограниченными денежными средствами», а значит, скорее всего, будет «подставным» редактором. Это и было одной из причин для отказа в праве на издание «Сибирского обозрения».

Но сибирскому администратору, бывшему вторым лицом в двух сибирских губерниях и одной области (а беден! необычно для нашего времени, когда служба государю становится все чаще своего рода бизнесом), довелось все-таки отведать журналистского хлеба. В те-

чение семи лет, с 1907 по 1914, А.И. Дмитриев-Мамонов был редактором торгово-промышленной газеты «Хлеб» (Петроград).

Отсутствие такой информации в публикуемом очерке говорит, скорее всего, о том, что наследие Николая Леонидовича — всего лишь наброски, которые еще предстояло уточнить, расширить, довести текст до логического совершенства. Поверьте мне, автор страдал акрибией в той степени, которая необходима ученому. Но при подготовке к печати материалов из наследия Н.Л. Конькова, попавших в журнал совершенно случайно, то и дело возникали какие-то неловкости...

При жизни Николай Леонидович не был востребован. Несмотря на две изданные в местном издательстве книжки (без соавторов) («Тобольские воеводы XVI — начала XVIII века» и «Имеет хождение в Сибири: из истории нумизматики и денежного обращения в Сибири»; обе в 2001 г.), он не мелькал во всяческих якобы научных сборниках.

В свое время Н.Л. Коньков передал автору этих строк оригинал-макет книги о динамике метрической системы в Сибири. Папка долго перекладывалась с места на место, пока не затерялась совсем. Актуальность рукопись утратила еще до поступления в издательство: уже была издана на эту тему книга томича В.В. Шевцова. Говорят, что Николай Леонидович читал студентам спецкурс по метрической системе. Но появлялись ли его материалы в виде отдельного издания? Выяснить не удалось. Неудивительно. Мы чаще всего вспоминаем об ушедших от нас только тогда, когда умирает последний знавший его современник: такова методология истории. Надеюсь, что ученики учеников Н.Л. Конькова сумеют составить библиографию работ учителя своих родителей...

Каждый раз приезжая в Тобольск, я обязательно видел Н.Л. Конькова в местном архиве. Всегда с кипой дел. Иногда Николай Леонидович выбегал из читального зала, мчался «под гору», где у него в корпусе пединститута шли учебные занятия со студентами. Через некоторое время он снова усаживался за свой стол и вел себя так, словно жил в тишине архива вечно.

Изредка мы ходили в кафе, которое в то время существовало напротив городской администрации (может, оно и сейчас там; просто давно не бывал в граде Тоболеске), брали чашечку водочки и обсуждали планы, их перспективность. Мне тогда казалось, что лучше, чем он, никто не знает материалы местного архива.

Помню, как-то мне довелось прочесть в Томских губернских ведомостях воспоминания об иркутском периоде П.А. Словцова. Автор публикации утверждал, что в то время будущий писатель и историк «носил» другую фамилию — Голодников. Коньков не поленился проверить появившуюся информацию о бывшем тоболяке и быстро оп-

роверг вдруг возникшую версию архивными документами... При этом не спорил, не доказывал. А лишь мирно ответил на мой вопрос...

После кафе я всегда шел провожать Николая Леонидовича домой. Дорога была короткая: он жил рядом. Говорили о его учебной нагрузке в пединституте. Иногда она была, с его слов, невыносимой. И, как утверждал Николай Леонидович, первые две пары он еще мог говорить без конспекта. А дальше лекцию он читал исключительно по шпаргалкам. И я понимал, что все мы стареем. Медленно, но это происходит с нами. Возле его дома мы останавливались. Он никогда не приглашал к себе в гости, а я не напрашивался. Говорили, что его однокомнатная квартира давно превращена в склад редких книг, в котором и жил он вместе со своей личной жизнью, избавляясь от одиночества. Правда ли это? Об этом могут сказать только наследники...

Да, те самые, которые лихо проворонили его рукописи. И для журнала я получал их уже из Ханты-Мансийска, от ученицы Н. Конькова Насти Хариной (большое ей спасибо за это!). Татьяна Юрьевна Коклягина, директор Тобольского архива, рассказывала, что их учреждение запланировало создание личного фонда Николая Конькова, но дело что-то не заладилось. А услышав о путешествующих рукописях покойного, вовсе удивилась.

Татьяна Юрьевна! Все идет по накатанному сценарию. Вспомним хотя бы историю с наследием Светланы Соловьевой. Или поэта Володи Белова, которого после его смерти стало очень модно любить и издавать. А еще считать его ближайшим другом, учеником. И выдирать из других рук рукописи поэта для своего архива, куда постороннему чаще нет доступа. Новое веяние: частная собственность на чужую жизнь, этакий далеко не эквивалентный аналог памяти.

Мне как редактору даже посмотреть на черновики не позволили. Пришлось довериться публикатору. Хотя от неточностей, на которые то и дело приходилось наткаться в электронных файлах, возникала неловкость. Я совершенно точно знаю: Николай Леонидович не мог забыть фамилию тобольского вице-губернатора, не мог ошибиться в ссылке на книгу, не умел неточно цитировать. Более того, в одном месте пришлось самолично вписать в биографию А.И. Дмитриева-Мамонова, что последний перед отъездом в столицу был семипалатинским вице-губернатором...

Несмотря на все «но», по предложенным к публикации материалам из наследия покойного решение было принято однозначное!

Помянем доброго человека за его пристрастие к местной истории, за любовь к краю, в котором прожил более тридцати лет. А у его рукописей, надеюсь, все-таки когда-то найдется соавтор...

Ольга Трофимова

Документы из Тюменской воеводской канцелярии

В архивном деле № 4993 фонда И-47 сохранилась официальная переписка Тюменской воеводской канцелярии (во главе которой стоял «надворный советник и тюменский воевода»¹ Михайло Лодыгин) с Сибирской губернской канцелярией (во главе с Алексеем Сухоревым) за январь—июнь 1746 г. Читая указы из Тобольска, рапорты о действительном их исполнении, промемории из Тюменской воеводской канцелярии в магистрат, Троицкий монастырь, а также сопутствующие справки, реестры и расписки о получении документов, мы можем узнать много любопытного о жизни России, Тюмени и тюменцев.

Например, о том, что в начале 1746 г., в царствование императрицы Елисаветы Петровны, в соответствии с Именным Ея Императорского Величества указом от 22 июня 1745 г., по которому «велено от сего времени чин надворных советников в ранг подполковничей установать», пожалованный в надворные советники «Михайло Семенов сын Лодыгин в городе Тюмени воеводою» «в ранг подполковничей почтен быть имеет» (л. 51, 52).

7 января в Тюменской воеводской канцелярии получен указ, в котором сообщалось:

«... приехавшие для поздравления Ея Императорскому Величеству возшествием на Всероссийской Престол из Зенгор от владелца Гилдин Череня посланцы лама Даши с товарыщи [которые ныне вскорее из Москвы обратно к их владелцу отпустятся] в Коллегии иностранных дел имянем владелца своего просили об отпуске с ними для их владелца птиц ловчих кречетов, но здесь ныне оных не имеетца; а по имеющимся в Коллегии иностранных дел из Сибирской губернской канцелярии доношениям, что такие кречеты и белья ястребы

¹ Документы публикуются в современной графике. При этом сохранена орфография источника. Исключение составляют финальный «ъ» и надстрочные знаки.

наперед сего лавливались в Сибири около города Тюмени, и может быть, что и ныне тамо такие кречеты есть. Того ради иметь в Тюмени или в другие города, где оные кречеты сыскатся могут, немедленно послать указы и велеть тамо для помянутого Зенгорского владельца несколько оных кречетов, и, ежели возможно, то хотя и десяти изловить и до приезде означенных посланцов в Тобольск в готовности содержать, а когда оные посланцы в Тобольск прибудут, то оных кречетов им, посланцам, и отдать для отвозу ко владельцу их, к которому при том с ними лист отправить...» (л. 58).

Получив бумагу из Сибирской губернской канцелярии, воевода Лодыгин велит призвать в Тюменскую воеводскую канцелярию кречетных помытчиков Дмитрия Барашкова с товарищами, прочесть им указ, взять с них «за руками подписки»:

«... ему, Барашкову, и протчим кречатым помытчиком кречетов ловить всякими способы сколько возможно, а как изловлены будут, то объявить в Тюменской воеводской канцелярии, а по исполнении в Сибирскую губернскую канцелярию репортовать...» (л. 60, 60 об.).

30 января воевода Лодыгин, получив указ из Сибирской губернской канцелярии, приказал в Тюмени в торговом ряду с барабанным боем публиковать указом неоднократно «о сыску утеклеца из Верх-Иртышских крепостей артиллерии от капитана Половинкина ис команды его ... Казанского гарнизона артиллерии фузелера Максима Свешникова и ... Аренбургского драгунского полку беглого гранодера Алексея Беклемишева, которой приметами: росту болшого, лицом смугл, глаза серые, волосом рус, от роду ему тритцать три года, родиною Сибирской губернии города Тюмени ис крестьян» (л. 213).

Получив указ «...о ношении купечеству и других чинов людем, кроме духовных и пашенных крестьян, немецкого платья, и о бритии бород и усов, и о ношении ж расколником расколничьего указного платья...», 31 января 1746 г. для его исполнения воевода приказывает: «...правлящему полицеместерскую должность прапорщику Решетникову ...велеть ему, ежели в городе Тюмени явятца грацкие или уездные купецкие люди не в указном платье и в бородах, также и других чинов, кроме пашенных крестьян, оных ловить, и приводить в Тюменскую воеводскую канцелярию, и объявлять при доношениях; и кто имянно пойман будет, и для взыскания по силе многократных указов штрафа в Тюменской магистрат отослан будет, о том в Сибирскую губернскую канцелярию репортовать» (л. 69, 69 об.).

Внимательно изучив присланный из Тобольска указ, воевода Лодыгин усомнился в некоторых его деталях и вступился за тюменских разночинцев:

«...по усмотрению Тюменской воевоцкой канцелярии в выше-объявленном указе означенная речь, что штрафы взыскивать с разночинцов, написано по чищенному, и в прежних указах о разночинцах точно не показано, чтоб им бороды брить и платье носить немецкое; да оныя ж разночинцы обретаютца на пашне так, как и крестьяне, и всякие подати платят, как и протчия пашенныя крестьяне, со излишеством. Того ради, не представя об оном в Сибирскую губернскую канцелярию, с разночинцов, являющихся в неуказном платье и в бородах, взыскивать штрафов Тюменская воевоцкая канцелярия сумнительна...» (л. 72, 72 об.).

О том, как строго исполнялся этот указ, свидетельствуют документы, в том числе следующая расписка сына, взявшего на поруки провинившегося отца:

«1746-го году марта 2 дня приведенной в Тюменскую воевоцкую канцелярию правящим полицместерскую должность прапорщиком Решетниковым тюменской посацкой человек Иван Семенов сын Кривошеин в неуказном русском платье, а имянно в шубе черкесской, и полушубок черкесской, рубашка керженская косоворотая, борода и ус не бриты, отдан на росписку вместо порушной записи сыну ево родному, Тюменского магистрату ратману Егору Кривошеину в том, чтоб, когда потребен будет для отсылки в Тюменской магистрат, представить в Тюменскую воеводскую канцелярию без всяких отговорок» (л. 73).

Через три дня, 5 марта, Иван Кривошеин, а также нарушивший тот же указ Федор Окшуков «...через канцелярского розсыльщика Алексея Белозерова в Тюменской магистрат приняты», что удостоверил писчик Алексей Констентинов (л. 79).

11 февраля 1746 г. Алексей Стукалов сменил Ивана Протасова в должности бурмистра Тюменской таможни, ларешным вместо Григорья Пеньевского стал Ларион Бузолин, а целовальниками и тюменскими посадскими — Иван Чмутин, Василий Русаков, Степан Жерновников, Василий Ананьин, Тимофей Ванютин, Иван Байдаков, Иван Клобуков, Иван Нарынкин, Иван Калмаков, Иван Накулаев, Сава Карасов, Иван Легостаев, Матвей Дружинин, Андрей Бушуев и Никифор Поспелов (л. 176, 177).

21 апреля 1746 г. в Тюмени был получен указ, благодаря которому мы можем узнать число дворов в селах и деревнях Тюменского уезда. Поводом для «инвентаризации» послужили события на далекой от Тюмени польско-российской границе:

«... генваря 18 дня по указу Ея Императорскаго Величества Государственная Военная коллегия приказали во все губернии послать указы: велеть в Военную коллегию прислать для рассмотрения полков верные исправные ведомости, особливо ж как возможно наискоряя ис тех, кои с Польшею граничат, какие где к которым границам города состоят и в каком один от другога, тако ж и от границы, расстоянии; а между теми городами и от границы внутрь России по пятидесят верст какие села и деревни и по коликому числу дворов, и какие где места, показать имянно...» (л. 709).

Рапортуя в Тобольск о получении данного указа от 8 апреля с исходящим № 4225, получившего в Тюмени входящий № 177, в Тюменской воеводской канцелярии называют его указом «о сочинении и присылке ведомости о разстоянии места от места» (л. 711). К черновику «репорта о действительном исполнении по присланному указу» подшиты подписки, аналогичные следующей:

«1746 году июня 14 дня Тюменского уезду села Созоновского десятник Иван Мансуров в Тюменской воеводской канцелярии по силе присланного указа из Сибирской губернской канцелярии: имеетца де во оном Созоновском селе разных чинов на число житья пятьдесят дворов, в чем и подписуетца; а оное село стоит при Туре реке при пахотных и сенокосных местах². К сей подписке вместо десятника Ивана Мансурова прошением ево Василей Петровской подписалса» (л. 730).

Обобщив сведения о числе дворов в селах и деревнях Тюменского уезда, получаем следующее:

деревни: Антипина — 44 двора, Багандинская — 40, Борковская — 17, Бурмакина — 18, Вилижанина — 12, Гилева — 77, Гусельникова — 40, Друганова — 54, Еланская — 15, Зырянская (уличный десятник Алексей Романов) — 50, Зырянская (уличный десятник Афонасей Черных) — 60, Искинская — 19, Колугина — 26, Кулакова (уличный десятник Матвей Мальцов) — 33, Кулакова (уличный десятник Иван Киселев) — 57, Мысовская — 15, Овчинникова — 12, Онохина — 47,

² Далее другим почерком.

Перевалова — 80, Пискулина — 12, Рябова — 18, Салаирская — 27, Скородумская — 34, Суботина — 15, Сунгурова — 48, Червишева — 70, Шадрина — 16, Шешукова — 15, Юшкова — 25, Яровская — 52 двора;

села: Каменское — 120 дворов, Липчинское — 30, Мальковское — 50, Тугулымское — 70, Успенское — 88 дворов.

«При пахотных местах», по оценкам информантов — уличных десятников, стоят деревни Кулакова, Субботина, Яровская, Пискулина; «при пахотных и сенокосных местах» — деревни Гусельникова, Салаирская, Червишева, село Каменское; «при пахотных и луговых местах» — деревни Шешукова, Антипина, Мысовская, Кулакова, Вилижанина, Друганова; «при пахотных и боровых местах» — село Липчинское; «при пахотных и дубровных» — деревни Бурмакина, Юшкова, Еланская, Гилева, Перевалова, Скородумская, Рябова, Сунгурова, Искинская, Зырянская, село Успенское; «при пахотных, луговых и боровых местах» — села Тугулымское и Мальковское, деревни Борковская, Багандинская, Колугина; «при пахотных, луговых и дубровных местах» — деревни Зырянская, Онохина, Овчинникова; «при луговых и боровых» — деревня Шадрина (л. 730–737).

Для получения географических, исторических, археологических, этнографических и лингвистических сведений крупный государственный деятель, один из образованнейших людей своего времени В.Н. Татищев (1686–1750) разработал две анкеты: анкета 1734 г. под названием «Предложение с вопросами» содержала 82 вопроса, в анкету 1737 г. «Предложение о сочинении русской истории и географии Российской» вошло 198 вопросов. Тюменский вариант анкеты и ответы на неё, датированные 1746 г., сохранились в Государственном архиве Тюменской области. В предисловии к анкете 1737 г. говорится:

«...Другое обстоятельство в географии и ландкартах есть весьма нужно и полезно, ибо оное, зачав от наивысшего в государстве правления до последних военных и земских управителей, ведати принадлежит, — и к военным, как главному государственному правлению, так Военной коллегии, а потом генералам до последнего офицера, где кто случится, надобно знать: какие где крепости, какие неприятелю к приходу где способности, довольства или неудобства быть могут, где удобнее неприятеля удержать или победить, а в несчастии как себя спасти, надлежит обстоятельно ведать. В земском же правлении нуж-

дны по ее императорского величества Правительствующему Сенату, потом коллегиям, губернаторам и прочим земским управителям о состоянии подчиненных им земель и жителей, о их довольстве и скудости обстоятельно знать, и потому правильным рассуждением о пользе государственной, о умножении доходов, о приведении земель и торгов в лутчее состояние, а отвращении всякого вреда прилежать».

Открывается архивное дело³ уникальным документом — это «Ведомость, учиненная на вопросные пункты геодезии прапорщика Павлуцкого по силе присланного указа из Сибирской губернской канцелярии, о состоянии города Тюмени и о прочем», датированная 27 августа 1746 г.⁴ Это черновой отпуск. Сам документ отправили по инстанциям в столицу. По материалам подобных ведомостей и должно было быть создано коллективное описание страны. В течение XVIII в. было составлено несколько десятков историко-географических описаний регионов России, из них в том же XVIII в. было опубликовано только 16, в основном губерний Центральной России. Топографические описания сибирских губерний (Тобольской и Иркутской) вышли в свет спустя два столетия⁵, в конце XX века.

Инспектор гимназии академии наук Л. Бакмейстер, которому Императорской академией наук было поручено издать первую часть «Топографических известий, служащих для полного географического описания Российской империи» (по материалам анкет 1760–1761 гг.), писал о составителях топографических описаний, преимущественно канцелярских служителях, в предисловии к изданию:

«...они, находясь в тех местах, о которых идет вопрос, могут осведомиться о всем том, чего сами еще не знают. Правда: они могут обмануться; они могут иногда обмануты быть другими; их посыльные писцы и переписчики сделают может быть несколько погрешностей от нерадения: но пусть кто посмотрит на вопросы, тот увидит, что они суть такого свойства, что не можно в ответах на оные сделать

³ ГАТюмО. Ф. И-47. Д. 4993.

⁴ ГАТюмО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 4993. Л. 3–47. См. также: Трофимова О.В., Коновалова Е.Н. Топографические описания Западной Сибири XVIII века / предисл. А.А. Бурькина. Тюмень: ТюмГНГУ, 2013. С. 112–165. Книга издана тиражом 65 экз.

⁵ Описание Тобольского наместничества (1789–1790) / сост. А.Д. Колесников; предисл. А.П. Окладникова. Новосибирск, 1982. 319 с.; Описание Иркутского наместничества. 1792 / сост.: О.Н. Вилков и др.; отв. ред. Р.С. Василевский. Новосибирск, 1988. 254 с.

многих погрешностей, из которых при том некоторую часть можно переписать и простить тому обстоятельству, что сии суть упражнения необычайныя для канцелярий»⁶.

Если обратиться к тюменской ведомости, то ее составителями были русские и татарские выборные, канцеляристы, представители купечества, монастырские служители, в разной степени владевшие основами письменной речи.

Татищевская анкета, содержащая 198 вопросов, состоит из трех разделов: первый — общий для всех губерний и народов; вопросы второго относятся к четырем «с половиной» губерниям — тем, где живут идолопоклоннические народы: Архангелогородской, Казанской, Астраханской, Сибирской и частично Нижегородской губерниям; «а третьей токмо для одних татар магометанского закона».

Содержание анкеты свидетельствует о высоком уровне российской науки XVIII века, поскольку за разработкой анкет скрывается значительный объем уже накопленных знаний о различии регионов в ландшафте, климате, составе населения и его занятиях, конфессиональной принадлежности, материальной и духовной культуре и т.д. Уже первый вопрос анкеты свидетельствует об этом⁷:

«Како древния звания тех мест напред сего было? Например, Киевская именуется дондесь Малая Русь, Московская и Смоленская, [з]а едино Белая Русь, Новогороцкая Великая Русь, Архангелогороцкая именовалась Поморская, Воронежская — в тех местех жили ски-ты, Белгородская — обитали половцы, Нижегородская, по дагатке, — жилище прежних печенегов, Риж[с]кия и Ревельская именовались варяги, Казанская — болгары, Астраханская, Нагайския именованы были тако ж, потом была и Золотая орда. Тако ж и правинциям многим древния имяна находятся, яко где ныне Олонец, тут жили бярмы, или пярмы. Ингрия именовалась Воты. Переславская земля именовалась Залеская. Чернигов и по При[п]jeti именовалось Древлане, потом Черная Русь, а потом поляки. Часть их владения именууют Полесье. Воеводство Новогредцкое в Литве и, может, вся Литва называлась Тлутаракины, и протчая; но сверх сего всякого любопытного и в ысториях известного вопрощается, ежели что во известии имеет, чтоб для пользы отечества потщился со изъяснением объявить...».

⁶ Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. Тома первого часть первая. СПб., 1771. С. 3–5.

Сопоставляя текст рукописи, хранящейся в тюменском архиве, с документами, уже опубликованными по другим источникам⁷, констатируем, конечно, и ошибки, и опiski — как со стороны тюменских писцов, так и со стороны канцеляриста Сергея Неклюдова — подписанный им список вопросов, который был отправлен в свое время иркутскому вице-губернатору Бибикову.

Зафиксировано около 400 разночтений. Среди них, например, второй пункт 16-го вопроса (публикация 1950 г.): «...2) скотов некоторых визжание или с поля рано домой идут, птицы на гнезда или густые леса и под кровли рано садятся, а некоторые над водою играют...». Канцеляристы Тюменской воеводской канцелярии записали этот текст следующим образом (разночтения выделены):

«...2) скотов некоторых визжание или с поль рано домой идут, а *поутру* долго и не с охотою в поле идут; птицы на гнезда или в *пустыя* леса и под кровли рано садятся, а некоторыя над водою играют...».

Или 19-й вопрос (публикация 1950 г.): «В некоторые времена и как велико наводнение и упадение воды бывает, и как далеко в реках оное примечается, особливо по состоянию месеца и по четвертям года». В тюменской ведомости записан следующим образом: «В *которое* время и как велика в *море* наводнения и упадения воды бывает, и как далеко в реках оное примечается, особливо по состоянию месеца и по четвертям года».

Таким образом, благодаря тому, что тюменские канцеляристы ответственно делали свое дело, переписывая вопросы столичной анкеты, у нас сегодня, почти через 300 лет, имеется достаточно объективный источник для восстановления «белых пятен» в истории не только Сибири, но и российской науки в целом.

⁷ Ср.: Татищев В.Н. Предложение о сочинении истории и географии российской // Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 77–95.

Юрий Мандрика

Неохрущевским бульдозером по культуре

О черновых набросках на листах бумаги для ВХИ

Ассоциации, нить которых вынесена в заголовок, возникают уже после просмотра первого тома словаря-указателя, изданного под монументальным заголовком «Изобразительное искусство Сибири XVI — начала XXI века». Сложно сказать, кому принадлежит идея книги, по подзаголовку которой виден абрис того самого технического приспособления, столкавшего все в большую кучу: «Словарь-указатель художников, искусствоведов, специалистов по музейному делу, исследователей, художников-педагогов, коллекционеров, меценатов, общественных и государственных деятелей». При таком разнообразии профиля героев даже у автора-составителя В.Ф. Чиркова возникает панический страх перед своим «бесподобным» дитем: «неизбежны неточности, недостатки, пропуски имен, письменных и иных источников» (с. 19).

Можно, конечно, предположить, что мысль о столь необычном справочнике пришла в голо-

ву издателю, у которого, несомненно, существуют прямо-таки наполеоновские комплексы перед размером, объемом и цветом. При знакомстве с репертуаром изданных благотворительным фондом «Возрождение Тобольска» книг, замечаешь, что большинство из них самые большие по параметрам, необычайно толстые и иногда настолько раскрашенные по тексту в палитре радуги, что впору обращаться к Роскомнадзору с просьбой проконтролировать выполнение санитарных требований к продукции, предназначенной массовому читателю. И, разумеется, отпечатаны где-то рядом с Францией.

Парадигма атрибутируемых имен настолько широка, что в словарь-указатель мог попасть всяк желающий. Вспоминается не одно издание подобного типа, входным билетом в которое был рубль, помогающий представителю такого творческого предприятия, как энциклопедия, купить даже «мерседес»...

Приведу пример. «Бойко, Борис Станиславович (21.10.1964, Новокузнецк, учился в Омском политехническом институте)». Вот и вся словарная статья. Какое право имеет названный человек попасть в словарь-указатель? Читателю, во всяком случае, непонятно.

Или: Баснин Тимофей Максимович, Баснин Николай Тимофеевич и Баснина Меланья Дмитриевна? Двое последних имеют лишь написанные с них портреты, хранящиеся в художественных музеях. Но это еще не причина создавать непрофильный актив для потребителя продукции. Правда, их предок Максим Баснин был меценатом. Но в чем заключалась его деятельность в данном направлении — большая тайна автора-составителя. Список Басниных на этом не заканчивается. Нет лишь словарной статьи о сыне иркутского городского головы Н.В. Баснине, передавшего коллекцию гравюр в ГИМ (с. 121).

Увы, такие имена, беспричинно, с точки зрения читателя, попавшие в словарь-указатель, есть. К ним можно было бы добавить меднолитейщиков М.М. Михайлова и А.И. Москвина; мореплавателя В.И. Беринга, в состав экспедиции которого входили три художника; генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравь-

ева-Амурского, направившего учиться за казенный счет портретиста в Академию художеств. По данной логике — дабы не было смешения жанров! — мы должны встретить в словаре-указателе фамилии поваров, которые не дали умереть художникам от голода, и т.д. Чтобы не утяжелять текст перечислениями из двух томов, ограничимся упомянутыми.

Но вернемся к меценатам. Я, наверное, как всегда, тороплюсь. Необходимо было вначале выяснить, кого мы считаем меценатом? Не Савву ли Мамонтова, укравшего только на строительстве Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги свыше 6 млн. руб. государственных денег и замаливавшего свои грехи перед потомками вложениями «в развитие театрального, музыкального... изобразительного и прикладного искусства в России» (с. 779)?

И соединимы ли эти две ипостаси в одном справочнике: искусство живописи и искусство разворовывания казенных денег?

А потом есть еще один нюанс в деятельности меценатов, смысл которого я вообще не понимаю.

В бытность «СофтДизайна» названное издательство выпустило в свет серию «Невидимые времена», состоящую из 10 томов. По 3 тыс. экз. каждого наимено-

вания. Смелость издателя никак не была просчитана. Местной книгой ни один тюменский магазин и не собирался торговать, выхода на столичный рынок издательство не имело. Хранить даже такие тиражи значительно затратней, чем выбросить в макулатуру. Издательство, несмотря на уплату НДС в бюджет, вынужденно передавало книги местных дореволюционных авторов в сельские районы, в школы, которые не могли заплатить за имевшийся у нас товар. А была ли нужда у них в такой книге? Учебным учреждениям нужны были меценаты с деньгами (теперь их стыдливо называют спонсорами; мол, отдай деньги и забудь!), а не с товаром...

В южные районы Тюменской области ушло около двух третей всех тиражей серии. Я был распорядителем кредитов. Повернулся ли у меня когда-либо язык назвать себя меценатом? А выставить в таком качестве издательство? И что является при этом решающим обстоятельством: скромность говорящего о себе или логика поступка?

Пусть попробует каждый из нас ответить на этот вопрос.

В статье «Елфимов Аркадий Григорьевич» ее герой определен как меценат. Но по ходу нарратива понимаешь, что книги выпускаются и передаются безвозмезд-

но все-таки фондом «Возрождение Тобольска». А когда вместо названия столь уважаемого учреждения мы начинаем упоминать лишь имя его председателя, в голову приходит мысль, что фонд не только частный, а принадлежит одному физическому лицу. Посудите сами: «А.Г. Елфимов собрал коллекцию из 800 произведений искусства и передал ее в ТГИАЗМ... В 2006 фонд передал коллекцию из 57 рукописей и старопечатных книг XVI–XX вв. Тюменскому государственному университету» (с. 431). Дискурс предполагает, что А.Г. Елфимов и фонд — слова-синонимы.

Но в приведенном тексте есть незначительные неточности, вернее, неуточненности. Старопечатные книги в ТюмГУ действительно были переданы, но последнее действие было оплачено третьей стороной, которая предпочла не афишировать свое меценатство. Выявляя ложь (автор этой статьи получал в свое время письменный ответ от ректора ТюмГУ проф. Г.Ф. Куцева, который объяснялся по поводу денежной составляющей покупки; при желании письмо можно отыскать и представить на суд общественности), ставишь под сомнение всю остальную информацию. Более того, мне уже приходилось писать о фанфаронстве фонда «Возрождение То-

больска», надувающего щеки в одном из своих отчетов о количестве книжных даров в библиотеки территории. Правда, откуда те издания берутся, было неизвестно: в обнародованном балансе отсутствовала строка затрат на издание тех самых уникальных книг (см.: Не ездите в Сочи. На халяву... // Лук & Чок. 2009. Окт., вып. 4. С. 165–167). Они же должны откуда-то взяться? Неужели снова из третьих рук?

Так кто здесь меценат, и есть ли он на самом деле? Или это стандартный мыльный пузырь для доверчивых и дураков?..

Отступление от текста, которое началось сразу после упоминания о деятельности поваров, — это, как говорят, к слову...

Давайте попробуем разобраться с основным корпусом имен, т.е. тех, кто заслужил право не только называться художником, но и попасть в пятивековой слой сибирской культуры.

Согласно «Пояснениям, как пользоваться словарем» «в составлении словаря приняты следующие критерии» (с. 20)... Не знаю, сдавал ли иностранец, сформулировавший вышеприведенными фразами принципы отбора кандидатов в вечность, экзамен на знание русского языка? Или только имеет вид на жительство в РФ?

Оказывается, художником, по В.Ф. Чиркову, ты можешь считаться при наличии «работ в государственных музеях (собраниях) всех уровней подчинения, крупных частных и корпоративных коллекциях; членства в творческой общественной организации...». Так ли это?

В двухтомном словаре-указателе не обнаружил Александра Кухтерина. Я равнодушен к этому человеку, способствовавшему становлению не только издательства «СофтДизайн», но и его премника. Из более чем четырехсот изданных книг не менее двух третей иллюстрировано Александром. Т.е. представьте себе функционирующую мегавыставку, на которую каждый день приходит хотя бы один посетитель.

Большая золотая медаль «Сибирской ярмарки» за трехтомное издание работ П.А. Городцова «Были и небылицы Тавдинского края». Черно-белая графика художника могла бы украсить любую книгу сказок.

Еще один пик творчества А.С. Кухтерина: премия им. М.А. Кастрена за издание Марии Вагатовой (на русском и хантыйском языках; книга-перевертыш). Креатив художника совместил в графике мотивы хантыйских сказок с фантазмагорическими ситуациями повседневности.

Пожалуй, своей вершины Александр достиг в иллюстрировании хантыйского эпоса в «Сказках и куклах нерым-ях», когда орнаментальный декор — в четыре краски — становится функциональным и создает вместе с текстом одно ассоциативное поле, в котором должен жить читатель...

Более того, тюменской «Книгой года» за одно из изданий А. Кухтерин был признан лучшим художником. Конечно, он не может конкурировать с издателем А.Г. Елфимовым по количеству отмеченных книг на указанном конкурсе, но и не является, как директор фонда, бессменным членом жюри «Книги года».

Бездна работ... Но художник долго предпочитал себя позиционировать как керамист. В этом качестве он сумел предложить местному музею некоторые свои работы. Т.е. г. Чирков согласно обязательствам, принятым перед своим читателем, обязан был включить А.С. Кухтерина в словарь-указатель. Почему же этого не произошло?

Неужели из-за отсутствия членства? Но ведь принадлежность к тому или иному творческому союзу — это лишь показатель возможности идеологического управления художником. И не более. Удивительно, что так остро стоит вопрос о цензуре имени...

Я не могу не рассказать о большом грехе, который я принял на душу в туманной молодости.

Деятельность «СофтДизайна» только начиналась. Как считает журналист Татьяна Оносова, радиийщикам удалось раскрутить издательство настолько, что о нем заговорили не только в Тюмени. Практически с первых дней существования «СофтДизайна» Саша много работал. Сроки были весьма сжаты, проявлению фантазии иногда способствовал лишь допинг — дешевое красное вино. Варианты, которые не устраивали редактора или заказчика, быстро переделывались... Трудяга, да еще и чертовски талантлив.

И вот в один из буденных дней в издательство заглянула женщина: походатайствовать, как она сказала, «о своем талантливом, но житейски неустроенном муже».

Ответ мой был категоричным. Даже, скорее, сильно прямолинейным. У нас, мол, все накатано. Художник издательства — из разряда местных чудаковатых достопримечательностей, но — гений. А тот, кого рекомендуют, — пока кот в мешке...

Женщина ушла ни с чем. Позже выяснилось, что она какая-то ответственная шишка в секции керамистов Союза художников РФ. Потом мы всегда мирно об-

суждали с ней различные проблемы, а не только здоровались при встрече... Но А. Кухтерину трижды отказали в приеме в Союз.

Были моменты в его жизни, когда трехкомнатная квартира помещала три семьи, три поколения. И Сашка на своей шестиметровой кухне держал гончарный круг. Но даже в такой ситуации местное отделение Союза художников в мастерской отказало. И не потому, что не было свободных помещений...

Рассказывают, что, когда художники все-таки предложили Александру Сергеевичу стать их членом, он уже имел ясное представление о месте творческого союза в нашей жизни. И предпочел другие, необременительные в творческом отношении компании.

Свое право на составление списка имен в словарь-указатель В.Ф. Чирков отстаивает последним абзацем из уже цитированного явно иностранного происхождения «Пояснения, как пользоваться словарем»: «В словаре отражены те сведения, которые подтверждены источниками».

А вот о способе отбора последних — ни слова.

У тюменского искусствоведа Зинаиды Черниевой лет семь назад в Тюмени вышла книга. Я не помню ее названия, но одна из глав была посвящена творчеству

художника А.С. Кухтерина. Т.е., достоверность вроде бы есть, а вот сама книга не удостоена составителем внимания. Как и З. Черниева, имя которой также не попало в словарь-указатель. Подобная участь постигла и покойного кандидата филологических наук В.А. Рогачева, так много писавшего о культурной жизни Тюмени. Значит, сито все-таки существовало...

Названные имена — не единственные, о ком забыли уже при жизни. Есть среди них и члены творческих союзов. Но не будем щекотать нервы читателю.

Просто снова вспомним статью о меценате Аркадии Елфимове, которая лишь подтвердит вышесказанное. В число фотографов, имеющих право на всесибирское имя, не попали ни Павел Анущенко, ни Валерий Дыбастарший, ни Сергей Киселев, ни покойный Володя Турбин. Нет в словаре-указателе даже Анатолия Пашука, фотографии которого печатали в альбомах где-то там, как в те еще времена называли, «за бугром».

Этакая энциклопедия о себе любимом и своем окружении. Для себя любимого чего только не придумаешь, чтобы выглядеть достойно в интерьере соцветия, случившегося на протяжении последних пяти веков. Тут не до

звезд, на фоне которых можно быстро потускнеть.

Пять лет назад я предпринял попытку издать опыт словаря тюменских фамилий, встречающихся в письменных источниках. Вышло пять книг, содержащих в себе около 35 тыс. персоналий.

У составителя Юрия Зотина была «смешная» цель: из всех краеведческих изданий не только выбрать имена тюменцев, но и показать подходы разных авторов к интерпретации жизненного пути каждого из упоминаемых людей. При этом врач Ю.С. Зотин не гнушался работать в местном архиве, просматривать дела различных ведомств. Он хотел, чтобы каждый интересующийся историей города мог получить сведения о любом его жителе.

Как рукопись, так и издание не вызвали особых откликов прессы, но «Юркин кондуит» краеведы используют при атрибутировании имен тюменцев. Издательство продало через розничную сеть (один магазин в городе) не более 60 экз. (издано 200 экз.; кн. 5 отпечатана тиражом в 150 экз.). Но на сегодня рукопись настолько стремительно разрастается за счет поступления имен в коллекцию Ю.С. Зотина, что ее будущее видится лишь в электронном виде.

Рукопись «Изобразительно-го искусства Сибири XVI — на-

чала XXI века» была сделана по тому же принципу, какого придерживался Юрий Сергеевич: что попало под руку. При этом не всегда сведения корректировались архивными данными.

Пример. Шелудков Денис Петрович. Словарь-указатель утверждает, что художник родился в Тобольске в 1807 г. Архивные документы свидетельствуют, что Д.П. Шелудков на два года старше (согласно формулярному списку, в 1848 г. ему исполнилось 43). Далее говорится, что в 1839 г. Императорской Санкт-Петербургской академией художеств Д.П. Шелудков возведен в ранг свободного некласного художника. С 1846 г. он учитель рисования, черчения и чистописания в Тобольской гимназии (ГАТоб. Ф. 152. Оп. 30. Д. 86. Л. 36 об.—37). С изданием словаря-указателя был упущен момент расширить наше знание об одном из художников-земляков XIX в.

Все примеры, которые я привожу в статье, касаются тоболотюменской территории. Судя по словарю-указателю В.Ф. Чиркова, сегодня она оказалось неинтересной сибирякам (см. деление на федеральные округа). И вот здесь бы проявить свои патристические чувства издателю. Но для этого необходимо или самому все просматривать, или дер-

жать редактора, который, как архитектор, делал бы привязку всех изданий к территории, на которой располагается фонд.

Возьмем, к примеру, словарную статью о самодеятельном художнике и писателе Антоне Сорокине, вокруг которого кишит всякого рода мифотворчество. Целая страница информации, но она меня не устраивает. В ней нет никаких данных о связи художника с тюменской газетой «Свободное слово». А. Сорокин на протяжении 1917–1918 гг. опубликовал на ее страницах около пятидесяти не известных до сих пор исследователям рассказов и несколько рисунков. На отдельную книгу, пусть и не увесистую, хватит.

Неизвестный факт? Не уверен. В томике произведений А.С. Сорокина, вышедшем в библиотеке альманаха «Тобольск и вся Сибирь», помещены три миниатюры, перепечатанные из журнала «Лукич» (2002. Дек., № 4. С. 120–128). В предисловии к журнальным републикациям автора шла речь и о периодическом издании, и о 24 рассказах Антона Сорокина, обнаруженных в нем. Отдельные экземпляры «Свободного слова» хранятся в библиотеке ТГИАМЗ, но в этом году мне удалось найти более полный комплект тюменского издания в

Химках (РГБ). Количественная разница обнаруженных ныне рассказов впечатляет.

И хотя фонд «Возрождение Тобольска» размещается практически наискосок от библиотеки ТГИАМЗ, никто не решился перед изданием томика А.С. Сорокина полистать газетку. А уж омичам и в голову не пришло съездить в командировку, освежить биографию классика новыми данными. Ни составитель, ни автор послесловия ни словом не обмолвились о вышеприведенном факте в творчестве земляка, несмотря на наличие прочных литературных связей такого рода между Омском и Тюменью.

Вот тебе и «Тобольск и вся Сибирь». В этом названии я вижу скорее кальку со своей сатирической рубрики «Я и великие». Только в названии альманаха все произошло наоборот. Почти весь интеллектуальный потенциал «Тобольска и всей Сибири» принадлежит последней. Поскольку и сам бывший стольный град теперь перемещен то ли на Урал, то ли подчинен кому-то за Уралом, там, в сторону Москвы. И эта метаморфоза благодаря усилиям благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», как мне кажется, напроць превратила Тобольск в колонию Сибири, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Метрополия всегда хотела денег, а не каких-то шкурок зверьков в эпоху зеленых (извините за двухсмысленность).

Или еще одна персоналия. Владимир Эттель. В уже упоминаемом номере «Лукича» шла речь о рисунках графика в «Свободном слове». Повторный его просмотр преподнес сюрприз. Более полусотни шаржей известных тюменских деятелей. Наверное, их имена еще можно расшифровать. Но в статье словаря-указателя нет ни слова о младшем офицере Вл. Эттеле, проходившем службу в Тюмени, куда он был командирован из Омска для составления книги «Врусском плену». Она даже была издана. Не исключено, что это случилось в г. Омске. Во всяком случае, есть ее библиографическое описание в «Свободном слове» (1917. 25 дек., № 181).

В книге содержится описание условий труда немецких военнопленных. Для этих целей использовано 59 фотографий, «из них некоторые положительно прекрасны» (Лукич. 2002. Дек., № 4. С. 128–129).

Если предположить, что издание подобной тематики могло привести к дипломатическому конфликту, то книгу, несомненно, изъяли из оборота. Во всяком случае, поиск ее по спецхранам страны результатов пока не при-

нес. А появившись такая информация в словаре-указателе, она ведь могла стимулировать работу краеведов в этом направлении. Недосказанность в биографии В. Эттеля — результат недостаточного контроля за имеющейся краеведческой информацией в издательстве.

Не нравятся мне и сведения о Ф.Ф.Филимонове, который в конце своей жизни перебрался в Тюмень. Это случилось гораздо раньше.

Не буду повторяться, желающий найдет в данном номере журнала не только рассказ о творчестве поэта, отдавшего несколько лет городу, в котором издается «Большое городище», но и расставит новые фишки в его биографии. Ссылки на электронный ресурс после словарной статьи о Дедушке Фаддее, как и на протяжении всего словаря-указателя, лишь подчеркивают непрофессионализм издателя. По новому стандарту мы должны бы указывать дату обращения к источнику. Информация в интернете весьма динамична.

И даже в устоявшуюся биографию художника М.С. Знаменского я бы внес дополнения. Среди искусствоведов до сих пор нет единого мнения о том, почему в «Искре» существовало несколько однофамильцев с разными инициалами. Некоторые считают, что

это своего рода псевдонимы Михаила Степановича. На самом деле все не так (см.: Лук & Чок. 2009. Апр., вып. 3. С. 80–81).

Карикатуристов Знаменских было действительно двое. Но рисунки тоболяка появились в «Искре» лишь в 1868 г. Более того, они все воспроизведены в «Тобольских губернских ведомостях. Редакторском корпусе» (Тюмень, 2004). Как и переиздан комикс «Моя поездка на Кумыс: клубные сонные грезы» (Тюмень, 1997). Правда, об этом читатель не узнает из словаря-указателя. На что он указывает? Наверное, только на издания фонда «Возрождение Тобольска», для которых, кстати, вообще характерна научная недобросовестность. Так было с переизданием Аркадием Елфимовым Е.Л. Милькеева. Автор предисловия ни словом не обмолвился об уже существующих тюменских «Литературных фантомах», в которых помещена громадная подборка стихотворений Евгения Лукича с талантливым предисловием Натальи Рогачевой. Да и вообще, стремление соврать, чтобы сорвать пальму первенства, присуще с первого номера и «Тобольску со всей Сибирью».

Возня в споре, у кого больше, толще, кто может претендовать на роль первого любовника в издательском бизнесе, ничтожна уже

потому, что рынок местной книги отсутствует.

Но вернемся к словарной статье о М.С. Знаменском. Здесь помещено сообщение о якобы существующей версии Е.В. Варенцовой о тобольском художнике, который к тому же был еще и фотографом. Мне приходилось помогать в решении этой проблемы научному сотруднику Государственного литературного музея. Предположение Евгении Варенцовой могло подтвердиться, если бы удалось обнаружить нужное приложение к «Неоф. ч. Тоб. губ. вед.». Но ни в одной из библиотек, в которых довелось мне побывать, этого листочка не оказалось. Поэтому ссылка на архивные документы РГАЛИ — еще одно надувание щек издателя по поводу своей научной значимости на краеведческой ниве. Да и упоминать о переиздании альбома «От Тобольска до Обдорска» я бы постеснялся. Даже при жизни М.С. Знаменский не был единомышленником К.М. Голлодникова.. Втиснуть двоих покойников в одну коробочку, к тому же подарочную, по-моему, святотатство..

Вообще, краеведческая нива уже несколько лет как перестала существовать. На ее месте образовалась проторенная дорога, по которой прошелся не один раз неохрущевский бульдозер, сметая на

своем пути все сделанное ранее. И все это благодаря лишь желанию быть первым и единственным. Так поступают истинные мужчины!

Словарная статья о тюменском заслуженном художнике РФ А.В. Седове также не прошла через сито цензуры издателя. Поэтому имеет купюры. Словарь-указатель замалчивает, что моим издательством был выдан в свет альбом Анатолия Владимировича (1999). Даже не знаю, как трактовать действия того, кто последним просматривал словарь-указатель. Но о нем моя покойная мама сказала бы: «Старается, аж усирается!»

Успокойся, мама! Он же не на меня это делает. Меня там в помине нет. Это он на свою продукцию срет!.. И весьма качественно.

Меня не только там нет! Помню, два библиографа дали мне на просмотр подготовленный к печати указатель домашней библиотеки Аркадия Елфимова. Оказалось, что дома у последнего нет ни одной книги, вышедшей в моем издательстве. Ну прямо-таки Жорж Сименон, не читавший никаких детективов, кроме своих. Талантище! Это я о Жорже Симоноене

Помню, когда издавалась серия «Невидимые времена», Елфимов сам приезжал в «СофтДизайн» и скупал все новенькое...

Словарь-указатель, кроме мышинной возни, достаточно надоевшей мне (но я публичный человек и отношусь к этому, как к халявной рекламе: может еще и при жизни не забудут пенсионера, который давно не у дел), вряд ли что еще привнесет в культуру тюменского краеведения. Мои знания ни об одном из тобольско-тюменских персонажей с подачи словаря-указателя не изменились. Все опубликованное в «Изобразительном искусстве Сибири XVI — начала XXI века» — не более чем синхронный срез того, что все мы знали двадцать лет назад... И это лишний раз доказывает, что в рукописи омича издатель видел лишь товар, который может привлечь в его тобольское предприятие инвестиции из других регионов. «Тобольск и вся Сибирь!» — такой финансово-емкий бренд, под маской которого и произошло отюменивание и отоболячивание рукописи.

Хотя, судя по сделанным явно наспех словарным статьям о тюменцах, большинство из них — всего лишь черновые наброски на бумаге для ВХИ. (Кстати, как-то одн амбициозный искусствовед, делая мне замечание о выходных сведениях, спросил, что обозначают те три буквы. Пришлось открыть издательскую тайну профессионалу: для высо-

кохудожественных изданий.) К высокохудожественным в словаре-указателе можно отнести разве что фигуры умолчания да процесс надувания щек.

И еще об одной фигуре умолчания. Она касается наших современников, героев отдельных статей. Так, в словарной статье о Наталье Сезевой пропущена имеющаяся информация, что нынешний доктор искусствоведения попала как-то на плагиате. Судя по ситуации в российской науке, этим сегодня никого не удивишь. И, скорее всего, это правда, т.к. Наталья Ивановна не посмела публично опровергнуть появившееся об этом факте сообщение в печати.

И еще.

Две с половиной страницы об издателе Аркадии Елфимове я бы дополнил существенным фактом, который явно изменил его жизненный путь, заставив встать на путь защиты памятников местной культуры.

В бытность его председателем Тобольского горисполкома сгорело здание театра, сделанное из дерева, как говорили, без единого гвоздя. Об этом несколько индизательно говорится и в указателе-справочнике: «Много внимания в своей работе уделял реставрации исторических памятников и благоустройству города». Я со-

всем стал тупой (наверное, старею) и никак не могу понять: что, пожар стоял в плане реставрационных работ?

Не надо удивляться такому вопросу. Просто в голову приходит аналогичный случай. На углу Царской и Подаруевской стоял дом П.А. Брюханова с удивительным внутренним двориком. Этот комплекс подготовили к реставрации, подставив оголенные стены всем непогодам. А затем тюменцы (большое спасибо от них почетному гражданину города Г.Ф. Куцеву за это!) на том месте получили новодел, внешне чем-то похожий на дом П.А. Брюханова, только без уютного дворика, но с тем же подвалом, в котором по-прежнему с завидной регулярностью благополучно тонут книги библиотечно-информационного центра.

И в более новейшей истории Тюмени известны подобные истории. Неужели во все времена в России была возможна только такая технология реставрации памятников культуры?

Помню, как срочно создавали фонд, в названии которого что-то было связано вроде с возрождением. Вот только чего собирались возрождать, уже забыл. А смотреть подшивки за те годы — времени жалко. Его и так немного в моей жизни осталось.

И скорее помню, а не сублимировалось, что мы все перечислили в тот фонд однодневную зарплату для восстановления чуда, единственного не только в Сибири... Понимаю, что лихие 90-е с их проблемами виноваты, что не случилось чуда. Иначе мы бы сегодня непременно видели плоды деятельности того фонда, который благодаря народным деньгам все-таки попытался возратить тоболякам деревянное творение...

И напоследок.

Когда-то один очень влиятельный чиновник из областной администрации убеждал, что существовал план мероприятий по прекращению мышины возни между мной и Елфимовым. Надеюсь, что это был не крысиный яд. А чтобы до этого не доходило, Аркадий Григорьевич, я предлагаю насовсем забыть о существовании друг друга. В благодарность за это я готов выдвинуть «Изобразительное искусство Сибири XVI — начала XXI века» на «Книгу года».

Я жуткий брюзга, и в своей жизни из потока местной литературы только один раз заметил достойное «Книги года» издание. Оно называлось «Душанежоба». Но есть подозрение, что в жюри

конкурса меня также не очень любят. Поэтому как они отнесутся к этому предложению, я не знаю.

Но вы им скажите (вы все-таки член жюри!), что я признал двухтомник очень полезным. Именно благодаря информации в нем я обнаружил ошибку в своей книге. Одного иркутского журналиста обозвал Паршиным¹, а он на самом деле Першиным оказался.

Но это еще не все. По вечерам я загружаю в рюкзак не кирпичи, как было раньше, а вот те самые два тома, которым страшно благодарен за Першина, и делаю с таким интеллектуальным грузом марш-бросок на 10 км. С диабетом так борюсь. И, знаете, помогает. Сахар по утрам в норме... Скоро своим методом буду делиться со специалистами. Думаю, что двухтомник в новом качестве будет востребован.

Вот только вы, Александр Григорьевич, почему-то все тяжелые книжки делаете то в чемодане, то в коробке. А с ними далеко не попрешься, неудобно такие книги под мышкой для нагрузки носить. Попробуйте в рюкзачке. И, пожалуйста, не так, по-ремезовски, дорого! Вы все-таки благотворительный фонд...

¹ Мандрика Ю.Л. Цензура поэтики и поэтика цензуры: коллекция сведений о сибирской частной печати конца XIX — начала XX в. в жанре patchword. Тюмень, 2013. Ч. I: Цензура поэтики и... С. 77–79.

Содержание

Слово редактора	2
-----------------------	---

Архивная пыль

О tempora, о mores! Анонимка обывателей г. Тюмени, адресованная в департамент полиции, и комментарий к ней официального лица	224
<i>О.В. Трофимова.</i> Документы из Тюменской воеводской канцелярии	257

Вернисаж «БГ»

<i>Л.В. Кайгородова.</i> Фотомиры Павла Анущенко	125
--	-----

Возвращение имени

<i>Н.М. Моторина.</i> «Призрачно все...», или Размышления о жизни и судьбе потомка шведских эмигрантов	24
Вступление	24
В Тобольске	27
В Ялуторовске	29
<i>Ю.Л. Мандрика.</i> «...среди кипы забытых стихов...»: Дедушка Фаддей в Тюмени и Красноярске	195
Друзья: Гавриил Батеньков ...	32
Потомки Геденштрома	33
Земля Санникова	36

Клеветы

<i>Ю.Л. Мандрика.</i> Неохрущевским бульдозером по культуре: о черновых набросках на листах бумаги для ВХИ	265
---	-----

Наследие

Николай Леонидович Коньков	6
<i>Н.Л. Коньков.</i> У истоков сибирского документального кино: Иосиф Савельевич (Иосель Шевелевич) Шустер	7
<i>Н.Л. Коньков.</i> Александр Львович Жилин	14
<i>Н.Л. Коньков.</i> Иван Иванович Варлаков	101
<i>Н.Л. Коньков.</i> Александр Ипполитович Дмитриев-Мамонов	108
<i>Н.Л. Коньков.</i> Выговский «раскольщик», современник М.В. Ломоносова	244

Обзорение

<i>Ю.Л. Мандрика.</i> Мандриков комплекс? Или всего лишь синдром...: опыт самопародирования	73
<i>Ю.Л. Мандрика.</i> В копилку знаний о заезде энциклопедисте	217

Очень старая газета

Пароходное движение от Тюмени до Томска (Екатеринбургская неделя. 1887. 28 июня, № 25)	190
Продукты жизнедеятельности «чернильной» братии». Суэта вокруг <i>И.Я. Словцова / сост. Ю.Л. Мандрика</i>	220

Ранние мемуары

Ю.Л. Мандрика. О пристрастии к местной истории: вместо послесловия к публикации наследия Н.Л. Конькова	254
--	-----

Сообщения

Ю.С. Зотин. Очерки медицины Тюмени XVIII–XIX веков.	66
Л.В. Боярский. Рукописные издания Организации тюменских учащихся (1907 г.)	92
В.А. Ефремов. Когда возник Заводоуковск и некоторые населенные места вокруг него	121

Читалка «БГ»

Ф.С. Корандей. Прибытие в Сибирь. 1880-е годы в путевых описаниях	132
Опыт антологии. Ч. 1: 1880–1885 гг. / сост. Ф.С. Корандей	
1. [1880, май] <i>Флоринский В.М.</i> Заметки и воспоминания, 1865–1880	136
2. [1880, июнь] <i>Алквист А.</i> Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки	140
3. [1880, июль] <i>Короленко В.Г.</i> История моего современника	141
4. [1880, июнь-июль] <i>Анненская А.Н.</i> Из прошлых лет: Воспоминания о Н.Ф. Анненском	142
5. [1880, июль] <i>Sommier S.</i> Un'Estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Sirieni, Tatari, Kirghisi e Baskiri	145
6. [1880, сентябрь] <i>Зарубин И.</i> Вокруг Азии. Через Сибирь	148
7. [1880, сентябрь] <i>Bonvalot G.</i> En Asie Centrale. De Moscou en Vactriane	149
8. [1880, сентябрь] <i>Capus G.</i> A travers le Royaume de Tamerlan (Asie Centrale). Voyage dans la Sibirie Occidentale, le Turkestan, la Boukharie, aux bords de l'Amou-Daria, a Khiva et dans L'Oust-Ourt.	151
9. [1881, май] <i>Cotteau E.</i> De Paris au Japon a travers la Siberie. Voyage execute du 6 mai au 7 aout 1881	156
10. [1881, лето] <i>Вуташевский Н.</i> По Владимирке	165
11. [1881, лето] <i>Бух Н.</i> На Кару	168
12. [1882, август] <i>Buel J.W.</i> Russian Nihilism and Exile Life in Siberia: A Graphic and Chronological History of Russia's Bloody Nemesis, and a Description of Exile Life in All Its True and Horrifying Phases, Giving the Result of a Tour through Russia and Siberia made by the author	170
13. [1882, август] <i>Lansdell H.</i> Russian Central Asia, Including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv.	175
14. [1882, сентябрь] <i>Левитов И.С.</i> От Москвы до Томска	175
15. [1883, июль] <i>Белоконский И.П.</i> По тюрьмам и этапам. Очерки тюремной жизни и путевые заметки от Москвы до Красноярска	180

16. [1883, август] <i>Roussy A. Recits de voyage d'Albert Roussy en Sibirie.</i>	180
17. [1884, июнь] <i>Сорокин Н.В.</i> В горах и долинах русского Тянь-Шаня	181
18. [1885, конец весны] <i>Станюкович К.М.</i> В далекие края	182
19. [1885, весна] <i>Дейч Л.Г.</i> 16 лет в Сибири.	182
20. [1885, июнь] <i>Kenan G.</i> Siberia and the Exile System	186
21. [1885, осень] [<i>Онуфрович Б.</i>] В места отдаленные (Воспоминания административного)	187
22. [1885? июнь] <i>Воропай И.</i> От р. Оби до Северного океана и обратно, чрез Большеземельскую тундру	187
<i>Ф.Ф. Филимонов.</i> Маскарад в Пельмене	201
Маскарад в Пельмене (наброски карандашом)	201
Клятва адвоката перед своей Тамарой (поэма)	203
В минуту раздумья (Посв. памяти П.А. Кузнецова)	206
Бал	207
«Ты — герой нашей жизненной сцены»	
Герои (Посв. М. А. Т.)	208
Мнение яркого обскуранта	210
Провинциальная скука	210
«...В полночный час близ городской управы...»	211
Весна	211
«Нечистот повсюду горы и миазмов всяких рой...»	213
Дорогой (наброски из цикла «Земские напевы»)	213
Из сибирских сказок	214
В Сибири	216

Эпистолярный

Письма М.М. Геденштрома (1808–1842). <i>Публикация и комментарии Н.М. Моториной</i>	43
1. Объяснение Матиаса фон Геденштрома	43
2. Князю А.Б. Куракину	47
3. Записка	50
4. Рапорт министру внутренних дел А.Б. Куракину	51
5. Елене Геденштром	52
6. Г. <...> Нейману в Либаву	52
7. Неизвестному адресату	54
8. М.М. Сперанскому	55
9. Петру Ивановичу [?]	59
10. А.Н. Голицыну	59
11. А.Х. Бенкендорфу	62
12. С.П. Шевыреву	65